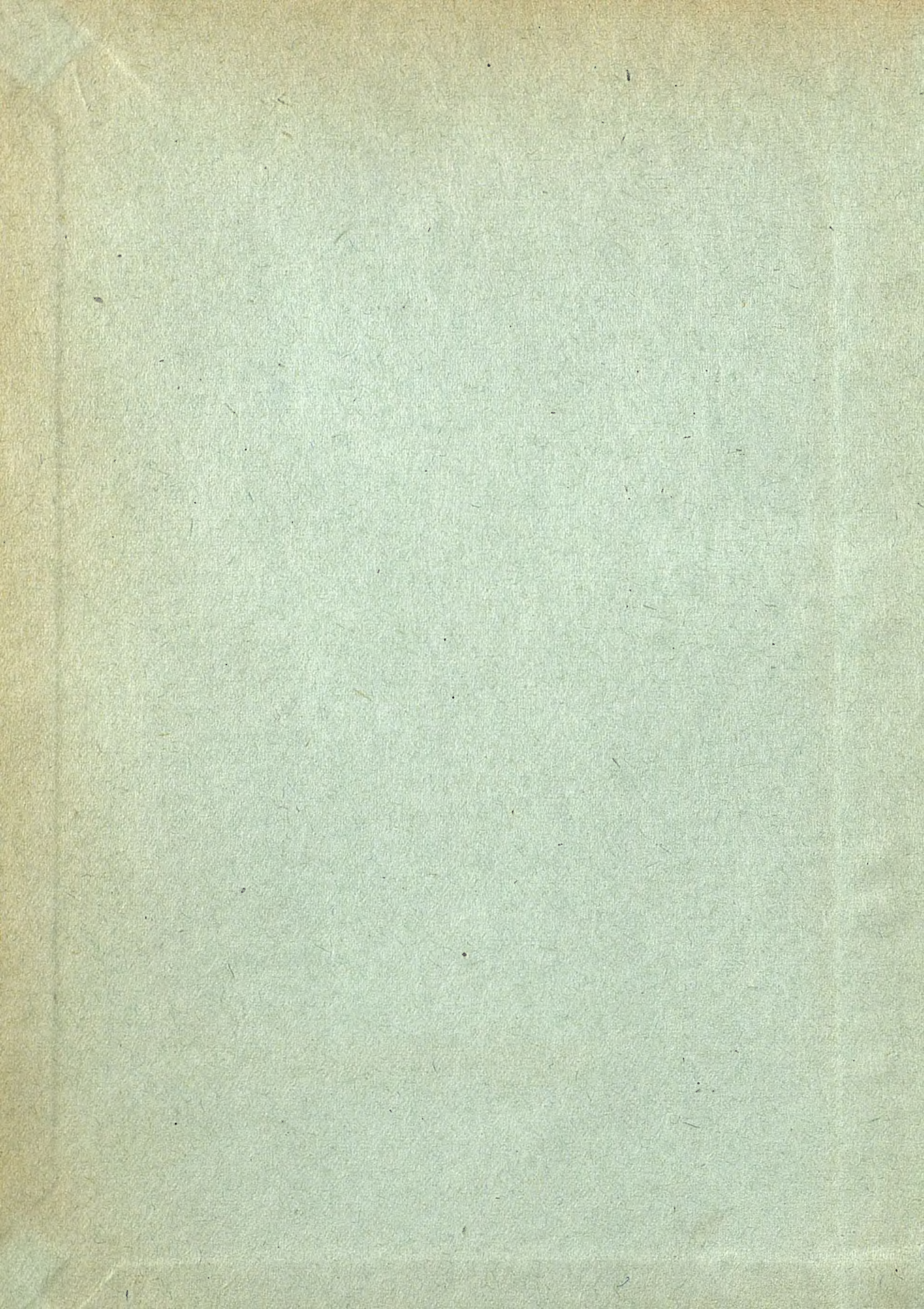
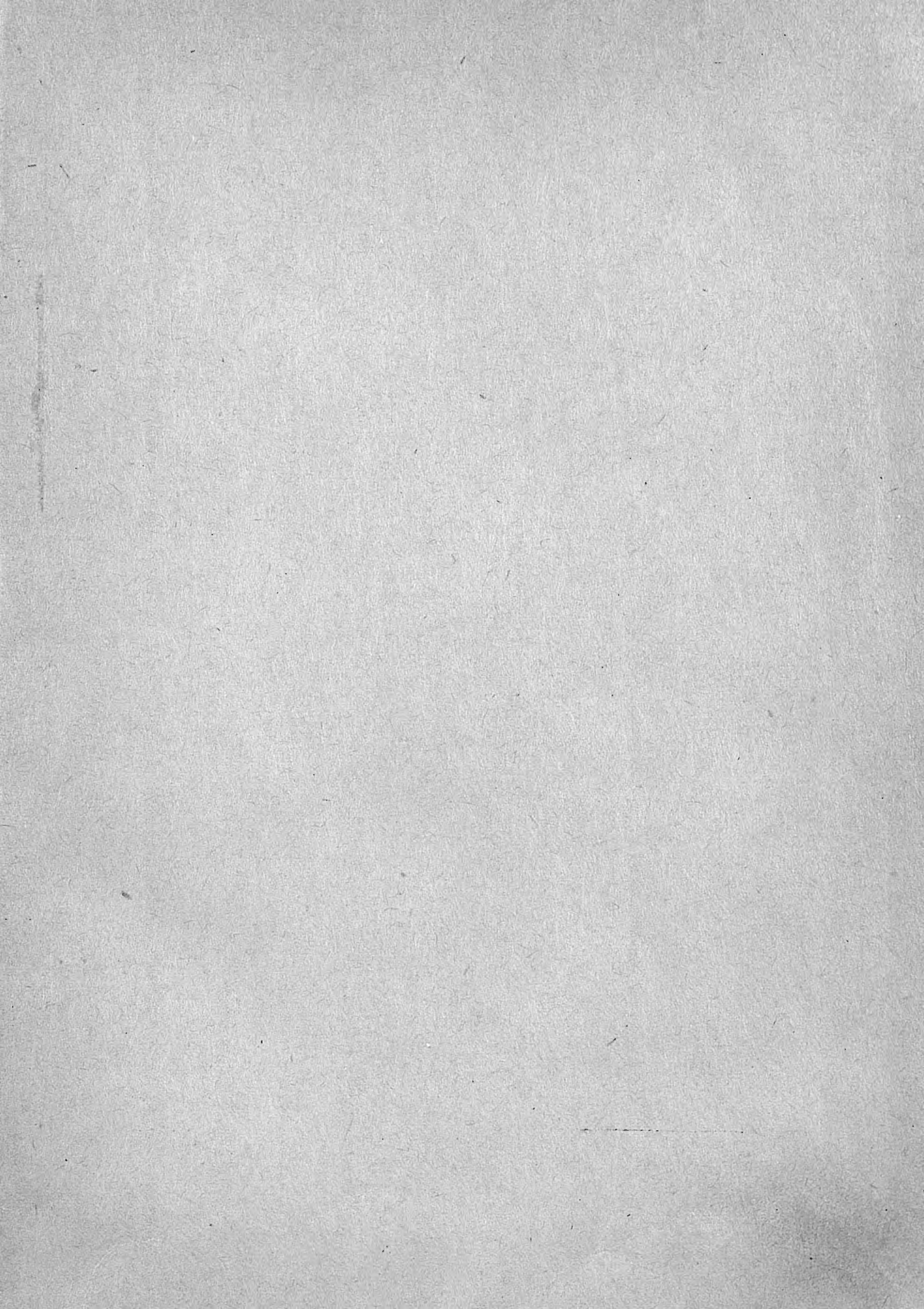
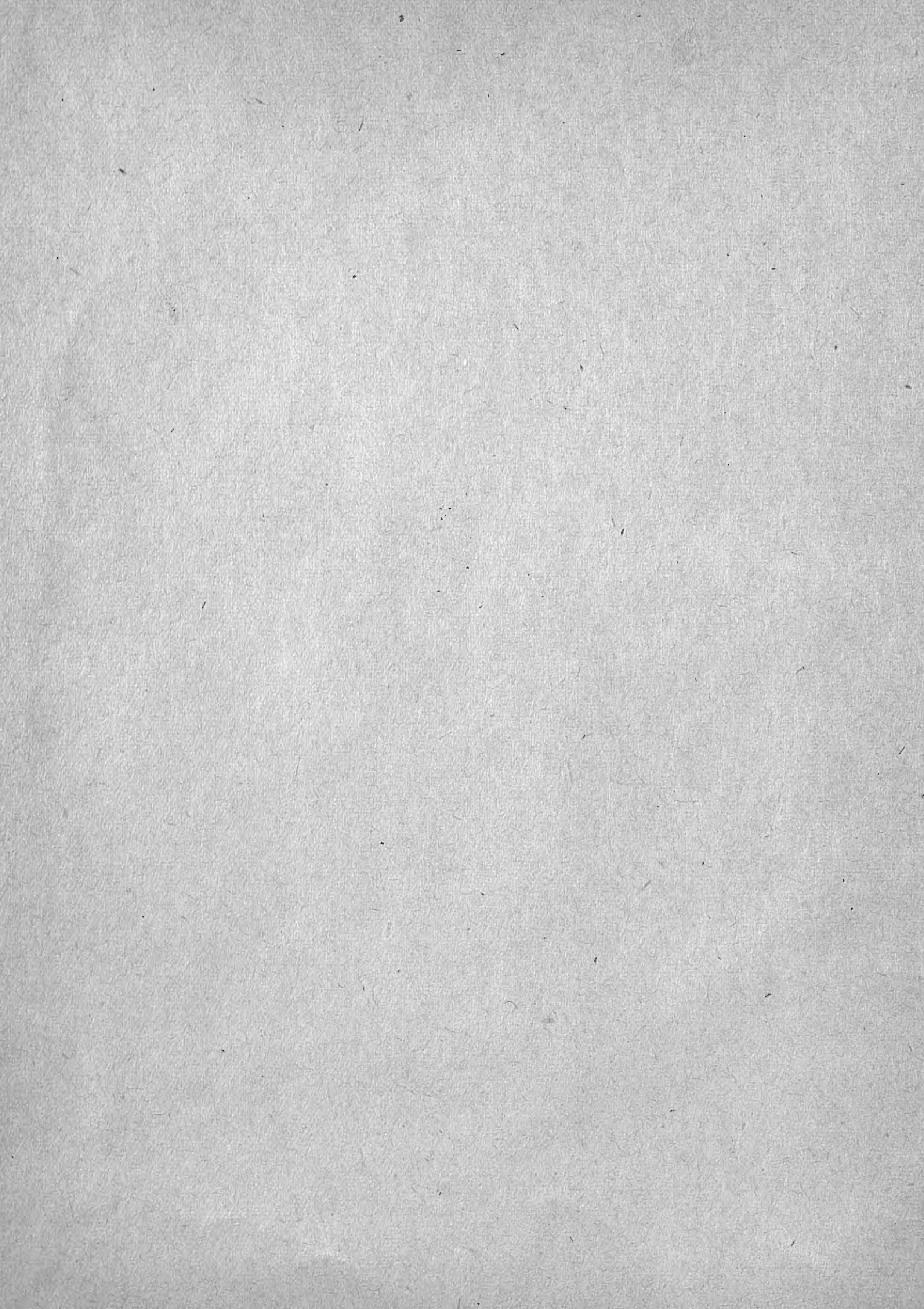

ДБ
430
К 17
"Калужская
губерния
в 1905 г."
Калуга, 1925.

Литературная подкомиссия Губкомиссии по празднованию 20-летия революции 1905 года и Калужский Истпартотдел.

Калужская губерния в 1905 году.

Сборник статей, воспоминаний и материалов под редакцией
С. Б. ХЕРСОНСКОГО и Б. И. ТИХОМИРОВА.

Калуга—1925 г.

Калуга. ГУБЛИТ № 2055, 1925 г. Тир. 2000 экз.

1-я Государств. типо-литография ГСНХ.

Экономические предпосылки развития массового революционного движения до революции 1905 года в Калужской губернии.

Задолго до первой русской революции, Калужская губерния особенностями своего экономического развития предопределила ту роль, которую она сыграла в общем революционнном потоке 1905—1907 годов. В годы революции она являлась одной из капиталистически отсталых областей центральной России, представляя собой губернию крестьянскую по своему типу (90,29% крестьяне), но с развитым отходом, так что только 54,20% населения было непосредственно занято в сельском хозяйстве. В промышленности числилось занятых до 19,18% населения. Численность городского населения была ничтожной—8,41% и являлась более низкой, чем в среднем по всему государству.

Экономическая отсталость Калужской губернии находит себе об'яснение в тех условиях исторической жизни, которые создались для нее во второй половине XIX века и которые об'ясняют нам, почему страна широко развитого торгового капитала, какой наша губерния была в XVIII столетии, обратилась в страну слабо развитого промышленного капитализма.

Эта диалектика местного исторического процесса коренится в особенностях капитализма вообще и была названа в качестве таковой у т. Ленина «законом неравномерного развития капитализма» [1]).

Торговый капитал стал развиваться в Калужском крае с конца XVI века, когда здесь стал создаваться хлебный

[1]) ЛЕНИН и ЗИНОВЬЕВ.—„Против течения", стр. 130, толкование этого закона см. в статье СТАЛИНА—„Октябрь и теория перманентной революции"—в сборнике „За ленинизм", М., 1925 г., стр. 323-324.

рынок, куда приезжали агенты московских фирм и цены на котором правительство не раз пыталось регулировать своими указами (1660 г.). Одновременно местный край вовлекается в транзитную торговлю между Москвой, Литвой и Крымом, куда он поставляет деревянную посуду, овчины, войлоки и шерстяные плащи, выделывавшиеся в Калуге и в Козельске, конопляное масло, пеньку, мед и пр.

Создаются крупные капиталы, и калужская буржуазия играет уже в начале XVII века крупную роль в событиях смуты. В XVIII века мы находим здесь развитую торговлю, шедшую по трем основным путям: по Оке, по Московскому тракту и по Гжатскому большаку, соединявшему Украину с Волжскими верховыми пристанями и дальше с Балтийским морем. Мы находим богатую торговлю в городских рядах, на базарах в деревне, транзитную торговлю хлебом, пенькой, скотом, солью, маслом, полотном, лесом; обширную ярмарочную торговлю на ряду с распространяющимися повсеместно коробейниками, и, наконец, крупную заграничную торговлю, шедшую отчасти через Петербургский порт, но главным образом сухопутьем через Польшу с Германией.

Местная промышленность, развивающаяся еще с XVII века вначале в виде Малоярославецких железных заводов Марселиса и Акемы, возникших на месте железных промыслов монастырских крестьян, на заре XVIII столетия получает толчок благодаря дубинке Петра I, загоняющего торговый капитал в сферу промышленного предпринимательства. Все развитие калужской промышленности в XVIII веке носит какой то зигзагообразный характер, под влиянием непосредственного вмешательства дворянского государства в дела предпринимателей (экспроприация купеческих заводов гр. Шуваловым, упразднение заводов под предлогом истощения лесов) и причин общероссийского экономического порядка (перепроизводство железа и пр.). Несмотря на крепостнические путы, создаются крупные мануфактуры на ряду с широким распространением домашней системы капиталистического производства. Таковы хотя бы мануфактуры полотняные и писчебумажные, принадлежавшие Гончарову в нынешнем Медынском уезде,

где работало в конце XVIII века более $2^1/_2$ тысяч рабочих и, кроме того, вся округа жила работой на фабрику. Денежное хозяйство проникает в XVIII веке и в толщу деревенских отношений, разлагая крестьянство, выделяя кулаков и заставляя помещиков-производителей хлеба и пеньки либо интенсифицировать свое барщинное хозяйство („месячина", например, в имении Карра в Горяинове), либо переводить крестьян на оброк (оброчных числилось в это время 58% всего калужского крестьянства). Калужская губерния начинает считаться „промышленной", из которой добрая половина мужского населения уходит на заработки. Местная промышленность в конце XVIII и начале XIX века достигает апогея в своем развитии. Особенно это приходится сказать о полотняном производстве, изделия которого идут в Англию и Америку.

Один писатель начала XIX века назвал Калужскую губернию, на ряду с соседними, «одной огромной мануфактурой, исполинским Манчестером». Но в 30—40 годах наступает кризис:—падают полотняно-парусные мануфактуры, в связи с ростом новых бумагопрядильных фабрик, ликвидируются дворянские вотчинные фабрики и вообще падают те производства, где господствовал почти исключительно крепостной труд. Калужская буржуазия подымает вопрос о применении вольнонаемного труда, основного условия для развития промышленного капитала. С другой стороны, этот же вопрос ставится и перед крупным и средним помещиком, экспортером хлеба за границу, и лишь обилие так наз. „малодушных" помещиков обусловливает то запоздание, которое проявило местное дворянство в крепостной реформе 1861 г. Но здесь их также подхлестывала и стихия народного недовольства, которое особенно резкие формы принимало как раз на местных фабриках и заводах. Достаточно указать годы, начиная с XVIII столетия, этих рабоче-крестьянских движений, чтобы понять всю глубину развивавшейся классовой борьбы: в 1713 году на заводах Меллера в Малоярославецком уезде и в Вышегородской волости, в 1740 г.—на мануфактуре Гончарова; в 1741 г.—в Ромодановской волости, приписанной к железным заводам Демидова; 1752 г.—организованные восстания на гончаровских и демидовских

предприятиях; в 1757 г.—на Дугненском заводе и в Лихвинском уезде; в 1776 г. во время пугачевщины—всеобщее брожение в крае; в 1796 г.—повсеместное брожение и восстание в ряде селений и фабрик, в частности, в Медынском уезде; в 1809 г.—на Брынском заводе Демидова; в 1814 г.—у Гончарова; в 1821 г.—у Церевитиновых; в 1843 г.—у Губина в Малоярославецком уезде. [1]).

Реформа 1861 года, проведенная под давлением экономической необходимости, требований промышленного капитала, боязни аграрных и рабочих волнений, обеспечила интересы помещиков, в особенности крупных и средних, заинтересованных в получении ренты. Однако реформа не дала результатов в смысле быстрого развития промышленного капитала в губернии. Наоборот, губерния с сильно развитым торговым капиталом становится во второй половине XIX века губернией отсталой, со слабо развитым промышленным капиталом. Таков был противоречивый ход развития калужского капитализма.

Причиной экономического заторможения Калужской губ. является прежде всего изменение торговых путей, отвлекшее от губернии ее торговые капиталы, и создавшее неблагоприятные условия сбыта товаров. Географическое перемещение торгово-промышленных центров составляет одну из своеобразных черт развития России в эту эпоху. Проведение в 60—70 г. трех железнодорожных магистралей Московско-Курской, Риго-Орловской и Сызрано-Вяземской сыграло крупную роль в этом процессе заторможения экономического роста Калужской губ. Дело в том, что Московско-Курская железная дорога лишила Калужский край гужевых подвозов от Орла к столице, сплава хлеба с верхнеокских пристаней и тем самым лишила Калугу Орловского хлеба [2]).

---

[1]) О волнениях в Калужской губ. см. полное собрание Законов, V т., № 2668; дело о волнениях крестьян Демидова и Гончарова фабричн. людей в Калуж. губ. (Чтен ОИД Росс., 1863 г., II, стр. 17-44), Семевский, Волнения крепостного крестьянства при Екатерине II, (Р. Стар. 1877, февр., стр., 203-210) Трефильев, Очерки из истории крепостного права в России, Хар., 1904 г.; Пульхеров. О причинах упадка Брынск. и Есенков. зав. (Изв. КУАК, 1895 г., вып. 4). Туган-Барановский. русской фабрики, стр. 112-113 и др.

[2]) Лященко—Очерки аграрной эволюции России, стр. 151, изд. 3.

Риго-Орловская ж.-д. дала новое направление хлебному транспорту, минуя старый Гжатский большак, с этих пор приходящий в полный упадок. Следующие цифры, относящиеся к г. Белеву, от которого и тянулся этот путь через Калужскую губ., с его нескончаемыми обозами, достаточно об'ясняют нам падение транспорта во второй пол. XIX века. В 1867 году оборот белевского торга превышал 6 мил. руб., в 1872 г. он упал до $3^1/_2$ мил. руб. и падал еще ниже. Причиной упадка жители считали проведение железной дороги и обмеление Оки. В результате „богатейшие семьи купцов, торговавших некогда на миллионы, теперь почти вымерли“ [1]).

Такой же результат мы наблюдаем и на Окской торговле Калуги, на пристани которой в 1862 г. грузили 464 тыс. пудов, разгружалось 2.332 т. п., а в 1880 г. грузилось 192 т. п. и разгружалось 651 т. п. Уменьшение Калужских грузов зависело не только от уменьшения судоходства, вследствие мелеющей Оки, но и потому, что часть их взяла на себя Сызрано-Вяземская жел. дорога [2]).

В первые пореформенные годы Калужские помещики и купцы надеялись на поднятие экономической мощи губернии. В их среде дебатируются вопросы железно-дорожного строительства, горячка которого охватила и местное земство. Проэктировались две линии, одна из Москвы к Черному морю через Серпухов, Калугу, Белев и Орел, другая из Калуги к Балтийскому морю через Юхнов и Дорогобуж. Кроме того предполагалось устройство третьей магистрали, с Волги на Лихвин и Калугу. Если бы эти проэкты, исходившие из представления бывшей роли Калуги, как передаточного центра между южной и северной торговлей, нашли бы себе применение на практике, то Калуга действительно могла бы, капиталистически окрепнуть и расцвести. Но уже в 1868 г. выяснилось, что железные дороги могут пройти мимо Калуги. Тогда Калужское Губернское земство 7 июля 1868 г. заключило договор об устройстве линии от Калуги до Серпухова в одну сторону и от Калуги до Брянска

[1]) Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов в России, вып. X. Спб., 1889 г., стр. 2754 и 2756.

[2]) Памятная книжка Калужской губ. на 1881 г., стр. 174 и 208.

в другую, до соединения с Риго-Орловской ж. д., с 5% правительственной гарантией и с принятием земством на себя 10% гарантии правительства и ходатайства об утверждении концессии. Протесты некоторых уездных земств (Медынского и Мосальского), оставшихся в стороне от проектируемой линии, не помешали Губ. земскому собранию подтвердить договор, но это же не помешало правительству в свою очередь не согласиться с земством. Дело в том, что уже в это время правительство намечало централизацию железных дорог в своих руках; поэтому в министерстве финансов Калужским уполномоченным Дестрему и Тимофееву заявили, что комитет министров сделал постановление о приостановке выдачи разрешений на железнодорожные концессии с гарантией от земства, впредь до разрешения вопроса о земских гарантиях. К 1870 г. выяснилось, что проэкт—Серпухов-Калуга-Брянск должен быть оставлен, так как кн. Друцкий-Соколинский получил разрешение на изыскание пути от Скопина через Калугу на Смоленск. Характерна та борьба, которая разыгралась вокруг проведения этой железной дороги. В то время, как Смоленские помещики отстаивают необходимость линии на самый Смоленск, тульские предлагают вести линию на Вязьму. Это дает возможность создать прямой путь с востока на западные крепости и использовать местный каменный уголь. Но, главное, этот путь обеспечит удобный провоз Тульского хлеба в Ригу и Либаву. Калужская буржуазия и помещики указывали на первенствующую роль своей губернии, которая-де-доставит новой дороге 11 миллионов пудов груза, из них до 2 миллионов пудов одного хлеба и 1 миллион пудов железа. Им казалось также, что местный каменный уголь может претендовать на конкуренцию с английским, ибо «копи Великобритании истощаются» и что главной задачей новой магистрали является не что иное, как «поколебать англо-индийскую торговлю».

Но грандиозные замыслы Калужских Маниловых и Собакевичей быстро лопнули и лишь усиленные их ходатайства в министерстве дали возможность Калуге иметь на своей окраине железнодорожную станцию. 23-го апреля 1872 года обществу Скопинской жел. дороги была дана концессия на продолжение линии на Вязьму. Главными концессионе-

рами был иностранный капитал в лице еврея А. Е. Горвица и некоторые помещики аристократы, вроде кн. Д. Д. Оболенского и др., которые и произвели для себя очень выгодную аферу, оценив стоимость земляных работ и стальных рельс значительно дороже господствовавших в то время цен. Сызрано-Вяземская дорога не оправдала и самых скромных надежд; отвлекая грузы от Калужской пристани, она не смогла служить импульсом для развития торгово-промышленной деятельности края, так как: 1) самое направление ее не соответствовало исторически сложившимся условиям Калужского рынка и, 2) линия прошла, задев лишь Полотняный Завод и Говардово, но оставив все уездные города вне сферы своего непосредственного влияния. Уже в начале 80 годов стало ясно, что „дорога непосредственно призвала к деятельности лишь небольшой район, который по своему положению не может доставить большого количества грузов“. Она обратила станцию Мятлевскую в важный хлебный рынок, куда в 80 г. ежегодно доставлялось до 580 тысяч пудов из Ельца, Ефремова и пр., благодаря удобному положению этой станции между Юхновом и Медынью, на Московско-Варшавском шоссе, но зато Калуга обратилась во второстепенный пункт хлебной торговли. Лишь в области лесной торговли Калуга сохранила место центра, перенеся его с пристани, что была на устье Угры, близ дер. Плетеневки на жел. дорожную станцию [1]).

Последующие периоды железнодорожного строительства не оказались также особенно счастливыми для Калужской губернии. 1 сентября 1899 г. была открыта для движения новая дорога Брянская, выстроенная при содействии французского капитала и пересекшая нашу губернию через Малоярославец - Тихонову пустынь - Воротынск - Сухиничи.

---

[1]) О значении Сызрано-Вяз. ж. д. см. статью в „Памятн. книжке Калужской губ. на 1885 г.—И. Я. Мирославского—„Ряжско-Вяземская ж. д.;“ Кал. Губ. Вед. № 27—83, за 1877 г.; ст. кн. Д. Д. Оболенского „Из воспоминаний“ в Русском Архиве, 1895 г. кн. 4, стр. 509—II; статьи Разломалина в газ. „Коммуна“ за 1924 г. и статью „Жел. дороги“ в сборнике „Очерки Калужской губ.“ изд, губ. Краеведческого об-ва, Кал. 1925 г., в 1. А. А. Головачев. История железнодорожного дела в России, Спб. 1881 г., ст. 359—364.

Не говоря уже о том, что эта линия явилась слишком поздно, чтобы определить собой ряд экономических явлений в годы 1905 и ему предшествующие, она характеризуется опять таки тем, что миновала Калугу, лишив ее таким образом непосредственной связи с Москвой и югом. Наряду с этим дорога прошла мимо и ряда уездных городов. Лишь Сухиничи—бывшее экономическое село—стали быстро расти, нисколько не потеряв своего старого значения, как складочного центра транзитной торговли. К тому же Сухиничи стали станцией и еще третьей железной дороги Данково—Смоленской ветки Рязано-Уральской ж. д., открытой 1-го января 1900 г. Эта линия захватила из уездных городов один Козельск, а из крупных селений—Спас-Деменск. Проходя по лесистой окраине губернии, она по своему направлению составляет аналогию Сызрано-Вяземской ж. д. и до революции 1905 г. своей деятельности не развернула.

В целом приходится констатировать, что Калужская губерния оказалась во второй половине XX века в невыгодных условиях железнодорожного транспорта, а в связи с этим находился целый ряд неблагоприятных условий для развития и торгового и промышленного капитализма. Промышленный капитал России создал плохой насос для выкачки хлеба из Калужской губернии — для Калужского торгового капиталиста — купца и помещика. Накануне 1905 года местные помещики жаловались, что подвоз хлеба „часто и на продолжительное время прерывается“. В 1902 году „при хороших требованиях на прессованное сено и при цене поставки по железной дороги копейки по 1½ с пуда, оказалось невозможным доставить оное на станцию жел. дор. по 12 коп. с пуда“ [1]). Затруднительность сбыта—отражалось неблагоприятно и на развитии Калужской промышленности.

Но проведение железных дорог, хотя и неудачных в смысле охвата местных центров—явилось все же могучим фактором, изменившим коренным образом весь строй экономики губернии. Прежде всего они подорвали благополучие

---

[1]) Труды местных комитетов о нуждах с.-хоз. промышленности, в. XIV Калужск. губ., стр. 80.

целого ряда Калужских торговых центров, изменили торговые пути, отрицательно повлияли на ярмарочную торговлю. Это видно уже из сравнения продажных оборотов самой крупной ярмарки в крае—Петровской в г. Мещовске, которые в 1875 году еще равнялись 292 тысячам руб., а в 1879 году уже только 74 тысячам руб. Правда, число ярмарок с 1860 года возросло с 120 до 141, но зато они измельчали, так что современный их обозреватель писал: „уменьшение оборотов ярмарки находится в связи с общим упадком ярмарочной торговли, вследствие изменившегося способа торговли, при посредстве железных дорог“ [1]).

Но значит ли отсюда, что Калужская губ. в 80 г. переживала полный экономический упадок. Нет. Это мнение было бы неверным. Развитие капитализма в губернии продолжалось все время, но приняло здесь более медленный характер, чем в соседних центральных губерниях. Однако успехи промышленного капитализма в крае—были велики. Первый же год пореформенного периода дал в Калуге открытие Общественного банка известных купцов М. и П. Малютиных, с основным капиталом в 100 тысяч рублей. Цель его была формулирована в первом параграфе устава: „дабы производством ссуд и других операций содействовать развитию в сем городе торговли, промышленности и ремесл“. Рост баланса этого банка был таков [2]):

1862—63 г.	165	тыс. руб.
1872—79 г.	1948	„ „
1882—83 г.	3699	„ „
1892—93 г.	2567	„ „
1902—03 г.	2331	„ „

С 1861 г. до 1881 г. было открыто 12 банков: в Боровске, Жиздре, Перемышле, Мосальске, Малоярославце, Козельске, Сухиничах, Мещовске, Медыни, Серпейске и в Калуге — Общество Взаимного Кредита. Общий оборот банков в 1880 г. достиг 33.947 тысяч рублей. В период 1862—80 г. ими было

[1]) Памятная книжка Калужской губ. 1881 г., стр. 232.

[2]) Ф. Кадобнов. Калужский Общественный братьев М. и П. Малютиных банк к 50-лет. его существования, Кал. 1912 г.

выдано ссуд под недвижимость—5162 тысячи рублей, под %% бумаги и вещи—16,564 тысячи руб., под учет векселей—57,973 тысячи рублей и опротестовано векселей на 781 тысячу руб. [1]).

С момента бурного роста промышленного капитализма в 90 г. в России—мы наблюдаем его отражение и в нашей губернии. Если здесь остановиться на развитии банковской системы, то перед нами встает следующая картина: к 1900 г. было 86 государственных сберегательных касс, с 50,535 ч. вкладчиков, с общей суммой в размере 13.743,5 тыс. руб. Учреждений мелкого кредита было на 1-е января 1902 г. ссудо-сберегательных товариществ и касс—3, в них 404 члена, ссуд было выдано на 76 тысяч руб.; кредитных товариществ одно; сберегательных и вспомогательных касс—26, ссуд выдано на 117 тысяч руб.; сельских банков—2, ссуд выдано 4 т. руб., мирских ссудных капиталов—14, ссуд выдано—27 тысяч руб. Всего учреждений мелкого кредита считалось таким образом 46, а общий размер ссуд равнялся 229.085 руб.

Главный узел капиталистических противоречий второй половины XIX—начала XX века в России был завязан крестьянской реформой 1861 года. „Это—первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии. Это—помещичья „чистка земель“ для капитализма“ [2]). В год реформы в Калужской губернии было 114,964 д. оброчных (42%), 60.413 д. на смешанной повинности (22%) и 100636 д. барщинных крестьян. В сущности говоря, преобладающим типом эксплоатации Калужских крестьян была, пожалуй, именно смешанная повинность, дававшая возможность барину использовать труд крепостных на своей пашне и вместе с тем выкачить из него деньги. Более или менее чистый оброк практиковался лишь у некоторых богатых помещиков, вроде кн. Юсупова в его Мосальских и Юхновских вотчинах. Средняя норма оброка по губернии выражалась в 26 руб. с тягла, т. е. была очень

---

[1]) Памятная книжка Калужской губернии на 1881 г., стр. 240 и сл

[2]) В. И. ЛЕНИН. Сборн. соч., т. IX. Аграрная программа с.-дем, в первую русскую революцию, стр. 490—92.

высокой, что зависело от развития отхожих промыслов в губернии, выгодных для помещика.

Коренной вопрос реформы состоял по мнению проводивших ее дворян в том, „чтобы крестьяне сделались собственниками земли, а помещики получили справедливое вознаграждение“. В этом случае Калужские помещики в большинстве солидаризировались с мнением известного Кавелина, что освобождая крестьян с землей, „мы заранее навсегда избавимся от голодного пролетариата и неразрывно с ним связанных мечтательных теорий имущественного равенства, от непримиримой зависти и ненависти к высшим классам и от последнего результата — социальной революции“ [1]).

Боязнь аграрных волнений была настолько велика, что предложение Мосальского крепостника Потулова о выкупе личности крепостных, как рабочей силы, составляющей „часть ценности дворянского имущества“, было отвергнуто комитетом по крестьянским делам лишь „для сохранения нравственного своего значения“. Фактически выкуп за личность крепостного был внесен в общую сумму выкупных платежей. За среднюю норму надела было взято $2^1/_4$ дес. на одну ревизскую душу; стоимость надела определялась либеральным меньшинством комитета в 120 р., а большинством в 150 руб. [2]). Общие условия реформы всем известны. В каждой полосе губернии были определены высший и низший размеры надела, при чем во всяком случае помещик имел право удержать за собой треть земли. В Мещовском уезде, например, максимальный надел равнялся 3 дес. 300 саж. минимальный—1 дес. 200 саж.; в соседнем менее плодородном Мосальском—от 4 дес. до 1 дес. 800 саж. В основу был взят „существующий“ надел, в принципе узаконявший малоземелье. Излишек земель подлежал отрезке; например, в с. Новом и д. Осмолове, Мосальского уезда, у графа

---

[1]) М. Н. Покровский —Очерки по истории революц. движения в России XIX—XX века, стр. 52.

[2]) Об условиях проведения реформы в Кал. губ. см. Корнилов.—Крестьянская реформа в Калужской г. при В. А. Арцимовиче (сб. „Арцимович“. Спб. 1904 г.) и Игнатович.—Помещ. крестьяне накан. освобождения. М., 1910 г.

С. М. Воронцова было 1900 дес. земли. В пользовании крестьян (215 ревизских душ) находилось 1394 дес. Следуя установленным нормам, от них были отрезаны земли, до реформы находящиеся в их пользовании. Но для нашей губернии этот случай не являлся типичным. Наоборот, в целом крестьяне Калужской губ. вышли из реформы с увеличенным размером надела, с 2, 5 дес. до 3, 8 дес. Как вполне верно замечает пр. Лященко: «это и было более всего выгодным для помещичьего класса. При бездоходности земли и хозяйства на ней нашелся иной, чем в черноземных губерниях, но не менее выгодный способ ликвидации крепостного права: продажа земли по повышенной оценке крестьянами, выкупные платежи не по стоимости земли, а по ценности оброчных повинностей“ [1]). По местным статистическим данным наделов до 1 дес. было 2,9%, от 1 до 2 дес.—3%, от 2 до 3 дес. — 16,8%, от 3 до 4 дес. — 65,9%, от 4 до 5 дес. — 9,7%, от 5 до 6 дес.—1,1%; более 6 дес. 0,6% [2]).

Однако земли крестьянам были даны самые худшие и неблагоприятные для развития хозяйства. Лучшие угодья остались за помещиками, подчас лишившими крестьян водопоя, леса, сенокоса. Один Калужский помещик писал губернатору: „удивительные вещи творят некоторые помещики, нарезают чрезполосные никуда негодящиеся участки. Иным селениям сенокосных участков вовсе не нарезают. Крестьяне негодуют, плачут, а посредники говорят: «у помещиков будете арендовать пожни». Аренда все бы еще ничего, да я встретился с одним помещиком соседнего уезда, который мне говорил, что арендную плату он заложит с крестьян десятирную и пусть кормят скот, чем хотят». [3]). Переживанием старой барщинной системы явилась отработочная система, свойственная нашей пореформенной экономике вплоть до первой русской революции. В ней уже выпадают старые звенья в виде натуральной оплаты труда и вплетаются новые, в виде найма рабочих, обрабатывающих землю инвентарем владельца,—здесь уже мы находим переход к капиталистической системе сельского хозяйства.

[1]) Лященко.—Очерки аграрной эволюции России, стр. 134—135.

[2]) Памятная книжка Калужской губ. на 1881 г., стр. 28.

[3]) А. Слезкинский. Э. В. Лерхе, (Русск. Стар., 1898 г., авг., стр. 344).

Переформенная Калужская губерния была отнесена тов. Лениным к числу губерний с преобладанием смешанной системы, т. е. к числу таких, где уже чувствовались достаточно явственно элементы капиталистического хозяйства, хотя и на фоне обработок [1]). Отработка в помещичьем хозяйстве производил либо крестьянин-хозяин, имеющий лошадь и инвентарь, либо сельский пролетарий.

Однако чем больше шол процесс разложения крестьянства на два полюса батраков и кулаков, тем все меньше становился контингент хозяев-середняков, занимавшихся обработками. Бедняк же стал наниматься в других местах и на других началах—по вольному найму. Ряд корреспондентов из различных уездов Калужской губ. в 90 г. XIX в. отражали недовольство помещиков и кулаков этим обстоятельством [2]).

При свете этих соображений становится понятным издание закона 12-го июня 1882 г. о найме на сельско-хоз. работы, боровшегося с „нравственной недоброкачественностью“ сельского батрака. В целом, надежды калужских помещиков на постоянные дешевые рабочие руки не оправдались. В этом случае весьма характерна записка 1902 года Боровского помещика Недоходовского о влиянии сельских рабочих на упадок частновладельческих хозяйств в Калужской губ., поданная в местный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В ней он писал: „многие склонны думать, что вольнонаемный труд не оправдал возлагавшихся на него надежд. Да, нельзя отвергать, что ему в значительной степени частновладельческое хозяйство обязано своим упадком. Им почти всецело вызваны несправедливые огульные обвинения помещиков в неумении вести хозяйство“. Оказывается, что виной всему этому явилось отсутствие „дисциплины труда“. „Реформа застала помещичье хозяйство на полном ходу. Требовалась только разумная движущая рабочая сила... Требование это вначале удовлетворялось путем найма, б. ч. своих же бывших крепостных, путем отработок за разные угодья задельною платою, а отчасти и испольною отработкою. Эта слабая сторона дела сказалась очень скоро на т. н. обработках за

[1]) Ленин—Развитие капитализма в России. Сочин., т. III).

[2]) Статистический обзор Калужской губ. за 1897 г., 1898 г. стр. 37.

угодья: работы исполнялись дурно, недобросовестно, особенно пахота и косьба хлебов; возникали споры, но кончались для хозяев ничем, кроме обострения отношений. Но по началу, когда традиции крепостного права были еще свежи в памяти, когда дисциплина труда была еще не забыта, знание и уменье находились на лицо, дело, можно сказать, шло удовлетворительно. Но павшая откупная система и заменившая ее свободная продажа питей произвели страшный переворот в жизни русского народа. Последняя явилась как бы местью народа за, может быть, раннюю или недостаточно обоснованную свободу". С тех пор крестьянин, по мнению Недоходовского... стал смотреть на „хозяйское добро же как на наживу",... «на сцену выступила дикая месть, поджоги, конокрадство и пр»...—«Вот какую и долгую и тяжелую школу прошло частновладельческое хозяйство. И могло ли оно безоруженное устоять перед напором таких диких орд, какими оказались в большинстве случаев наши сельские рабочие и при таких условиях общественной жизни, каковы у нас теперь. Конечно нет... „Недоходовский недоволен положением 12-го июня 1886 г.; оно «ничего не внесло нового в сельскохозяйственное дело. Главные из его правил о найме по договорным листам были не обязательны, а процесс судебной ответственности слишком медлителен, неопределен и безрезультатен. Контингент рабочих к этому уже времени состоял из лиц, совершенно не помнивших порядков дисциплины и контроля крепостного права. Рабочие всегда избегали письменных обязательств, а когда узнали про значение договорных листов, то наотрез отказались брать их". Сам Недоходовский предлагал с одной стороны ввести особые договорные книжки, без которых рабочий не мог бы никуда наняться, и где была бы подтверждена их «нравственная доброкачественность», с другой —ввести особые приемы для создания „доброкачественных кадров сельских рабочих», вроде сельско-хозяйственных работных домов, пенсионных касс, духовных чтений и пр. Аналогичные предложения, с мечтой о прекрасных днях крепостного права, мы находим и в других докладах Козельского помещика М. Б. Сабо, требующего пересмотра закона о найме рабочих, Жиздринского помещика М. И. Лаврова,

считающего причинами упадка помещичьего хозяйства „недобросовестное отношение к чужой собственности" и «неупорядочность» найма на сельские работы, благодаря чему в самое горячее время именья остаются без нужных рук. В Медынском комитете о нуждах с.-х. по промышленности его председатель князь И. И. Мещерский писал, что «какое же улучшение или ведение хозяйства возможно, когда работать некому». Бывало, размечтался князь, отпускали солдат на частные работы, может быть и теперь «правительство согласится оказать такую существенную поддержку землевладению». Особенно поэтому неприятен был для помещика отход крестьян на заработки в города и в др. губернии, лишавший его дешевых рабочих рук [1]). Но эта одна сторона развития помещичьего хозяйства, так сказать суб'ективная, изложенная ими самими. Об'ективная сторона лежала в условиях зависимости Калужского местного хозяйства от причин общего порядка, таких, как падение хлебных цен с 70 годов и сел.-хоз. кризис. В 1871-75 г.г. рожь стоила 78 коп. за пуд, в 1896 г.—54 коп. В Калужской губ., где 50% пашни было занято под рожью, и 26% под овсом, рожь являлась главным хлебом и для крестьян и для помещиков. Ясно, что доходы помещика в эти годы падали; многие из них спешили расстаться с землей, перейдя на городскую службу, тем более, что цены на землю стояли высокие и был к услугам с 1889 г. Дворянский Земельный банк. Действительно за этот период оскудение калужского дворянства начало сказываться очень быстро. В 1877 г. дворянам принадлежало 71,6% всей частновладельческой земли губернии, а через десять лет уже 54,5%. Уменьшение дворянской земли к 1905 г. было очень значительным: в 1877 г. им принадлежало 756 тысяч дес., в год революции только 420 тысяч дес. Параллельно распродаже помещичьей земли шло увеличение сдачи ее в аренду. Уже в 1887 г. из 588 тысяч дес., принадлежавших дворянам, в аренду сдавалось почти пятая часть—105 тысяч десятин. [2]).

[1]) Труды местных комитетов о нуждах с.-х. промышленности, т. XIV. Калужской губ., стр. 24-29; стр. 67-68; 130 и др.

[2]) См. статистика Р. Империи. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г., XV. Калужск. губ., Спб., 1895 г.

Помещики по своему подходили к результатам падения хлебных цен. Один из них—Салов в своем докладе в Губернском комитете о нуждах сельско-хоз. промышленности так выразился: «благодаря значительности колебаний хлебных цен, задерживаемся в своем развитии и при нашей общей безденежности отдаем себя в полное распоряжение хлебных торговцев». Эти стремления приписать высокие хлебные цены, их колебания вине торговой бужуазии характерно тем, что указывает ту грань, которой отделялись интересы помещика-буржуа от купца - буржуа, хотя их сущность в пору перед революцией 1905 года была одна — оба они являлись представителями торгового капитала.

Отлично сознавал калужский помещик и ту отрицательную для себя роль заграничных немецких пошлин на русский хлеб, которые начали устанавливаться с 1880 г.— „ни от одного государства наши соседи не ограждают развития своего рационального хозяйства такими ввозными пошлинами, как от нас“. Но эта была причина, не зависевшая от воли русского помещика, поэтому о ней упоминалось так, между прочим [1]). Решительнее он выступал там, где его интересы расходились с интересами промышленного капитала; в ряде комитетов 1902 года было выставлено требование о полном снятии пошлин на ввозимые к нам сел.-хоз. машины и удобрительные туки. [2]).

Много протестов вынесли калужские помещики против железподорожных тарифов по перевозке сельских продуктов: „хлебные тарифы, дифференциально исчисляемые сообразно расстоянию провоза, давая возможность дешево передвигать зерно из окраины России к портам и к пограничным хлебным рынкам, удешевляют ценность зерна, через что центральные губернии, и Калужская в особенности, где почва глинистая и мало плодородная, не могут по производству зерна конкурировать с окраинами, а вследствие

---

[1]) В 1903 г. в Германию и друг. соседние страны из Калужск. губ. было вывезено груза ок. 500 т. пуд., из него половина—хлеба всякого рода. См. Дядиченко. Статистико-эконом. исследов. грузовых дорог Кал. губ., Кал., 1918 г., стр. 115—116.

[2]) Труды местных комитетов о нуждах с.-х. промышленности, XIV, стр. 20, 44 и др.

этого зерновое хозяйство и является для центральных губерний, и Калужской в частности, убыточным". Жаловались помещики также на высокие тарифы по перевозке молочных и лесных продуктов. Однако сами же они признавались, что „железно-дорожный тариф так установлен, что подвозимый из черноземных губерний хлеб, хотя и понижает и местные цены на хлеб в нашем уезде и ему подобных, но не настолько, насколько могли бы понизиться цены на хлеб без регулирующего тарифа". В числе причин мелкого порядка указывались отсутствие расквартированных в губернии войск, лишивших помещика выгодного местного сбыта, а также отсутствие крупных фабрично-заводских центров. В целом упадок помещичьего хозяйства в к. XIX—н. XX в. осознавался вполне. Если еще в 1860 г. из общего числа имений—2486 было заложено и перезаложено 1581, подвергнуто опеке за неплатежь процентов—1101, описи 78, публичной продаже—11, то к 1905 г. положение стало катастрофическим: [1]) редкое имение было не заложено. „Кредит на оборотные средства помещикам и кредит способствующий большей интенсивности хозяйства—вот единственный исход для правительства, стоящего на страже государственной экономии..... Задолженность помещиков не должна смущать правительство тем положением, что задолженное имение не может уже оправдывать дальнейшего кредита... Ссуды, выдаваемые по оценкам банков в размере 50—60% стоимости имений, при существующих ценах на земли составляют не более 10% их стоимости, а потому и расширение кредита для помещичьего хозяйства не представляет расхода правительству.... Стоит только произвести девальвацию ценностей земли и денег, и земельная задолженность не только удовлетворится, но даже удешевит стоимость денег, хотя бы даже при золотой валюте". Вместе с тем автор этого проэкта Ергольский, председатель уездной Козельской Управы, советует дать оборотные средства крестьянину на покупку помещичьей земли по „действительно существующим ценам, а не по ценам существовавшим в давно прошедшее время". [2])

---

[1]) Памятная книжка Калужской губ. на 1861 г. стр. 328.

[2]) Труды местных комитетов, стр. 17, 96, 132—3 и др.

В общем картину калужского помещичьего хозяйстве очень образно изобразил Недоходовский, описав обилие крепостного поместья, он восклицал: „Что же мы видим теперь? Бедную отчизну во всех отношениях. То и дело попадаются огромные пространства невозделанных полей, заросших и продолжающих зарастать бурьяном и чахлым кустарником; задичавшие кочкарные луга; раз'единенные оврагами дороги; прорванные прудовые плотины; уничтоженные водоемы; стертые с лица земли вековые парки, сады и огороды; загубленные древонасаждения; поросшие бурьяном и крапивой места владельческих усадьб, а где они еще уцелели, то жалко на них и смотреть". [1])

И это, несмотря на постепенный рост хлебных цен, начавшийся с 1897 г. Если цены 1893 г.—97 г.принять за 100, то в 1898 г.—122, в 1905 г.—165. Рост хлебных цен не уменьшал противоречия между помещиком и крестьнином, а лишь придал ему новою форму борьбы непривелигированного производителя и поставщика хлеба с привилегированными. [2]) На самом деле, благодаря наличию лучших земель у помещиков, у них урожайность была всегда выше, чем на крестьянских полях. Например, в период 1881—90 г. г. рожь давала валовой сбор с 1 десятины—45 мер ржи на помещичьей земле, и 38 мер—на крестьянской, овес на помещичьей земле давал 64 меры, на крестьянской—58 мер. В 1892—97 г., когда средний урожай на помещичьей земле упал до 38 мер с десятины, на крестьянской тоже упал в соответствующем отношении. [3]) Теперь эта разница в землях стала фактором, революционизирующим крестьянство. Отсюда ясно, что классовая борьба в деревне, по линии противоречия между помещиками и крестьянами, приняла резкие формы, вплоть до массового выступления крестьянства в 1905—7 г. г. Упадок же помещичьего хозяйства обусловил собой и политическое оформление калужских помещиков в партию крепостников, черной сотни, правопорядка и октябристов. Лишь те помещики, которые имели сильные

---

[1]) Труды местных к-тов, XIV, стр. 25.

[2]) М. Н. Покровский—Русская история в сжатом очерке, ч. III, стр. 22—23.

[3]) Статистический обзор Калужской губ. за 1897 г., Кал. 1898 г.

хозяйства, смогшие поставить их на капиталистическую ногу, примкнули в будущих событиях к буржуазным партиям. Таких было не очень много, так как 8/10 помещичьей земли принадлежали землевладельцам, имевшим менее 100 дес. Наиболее крупные поместья были распространены в Тарусском и Жиздринском уездах, а капиталистически поставленные хозяйства были у всех на виду. Таковы имения: „Нижние-Прыски“—Кашкина, „Рысня“ Домогатского, „Муромцево“—Ермоловой и др.

Земли надельной у крестьян в 1905 году было 1.391 тысяч дес. или 52,7% пространства губернии. Малоземелье ощущалось уже очень сильно. В 1900 г. средний надел на душу упал до 2,1 дес. В 1905 г. у бывших государственных крестьян надел на двор равнялся 10,6 дес, у бывших удельных—8,2 д. и у бывших помещичьих крестьян, обнимавших 82,4% всех дворов или 77,1% всей надельной земли, надел равнялся 7,6% дес. на двор. В среднем на крестьянский двор приходилось по 8,1 дес. [1]).

Малоземелье составляло корень крестьянского вопроса. Именно, так на поставленный вопрос в Козельском комитете о нуждах с./х. промышленности отвечали приглашенные на совещание крестьяне—волостные старшины. И лишь, когда Председатель комитета заявил, что это не главная причина, так как сколько земли не дай, но при плохой обработке крестьянской земли—урожайность будет понижаться, крестьяне отвечали, что причиной этих явлений—служат частые семейные переделы. [2]) Неискренность подобного заявления очевидна. Недостаток земли восполнялся с одной стороны арендой, с другой—покупкой помещичьей земли. Если в 1877 г. крестьянам принадлежало только 10,2% частовладельческой земля, то в 1887 г.—уже 21,4%. Всего крестьянами было приобретено по 1905 г. свыше 328 тысяч дес. или 24% всей надельной земли. [3]) Понятно, за счет какого слоя шло увеличение их земли. Не бедняк, а кулак ее покупал. Жалобы на кулака, скупщика помещичьей землицы, мы находим в ряде дворянских докладов

[1]) Кашкаров.—Географический очерк Калужской губ., таблица.

[2]) Труды местных комитетов, XIV, стр. 106.

[3]) Обнинский „О народном представительстве“. Кал. 1905 г.

на эту тему; раскрестьянивание крестьянства, начавшееся давно, в 90 г. стало явлением, бьющим всем в глаза. О размерах разложения дает понятие таблица, приводимая тов. В. И. Лениным в его „Развитие капитализма в России“, составленная на основании цифр статистического обзора губернии за 1896 год. В ней мы находим сведения только о 8.626 дворах или 1/20 доли крестьянских дворов Калужской губ., тем не менее свидетельствующие о концентрации купчей и арендованной земли кулацким крестьянством. Количество батраков росло с еще большей быстротой; по одним данным, в 1894 г. в Калужской губ. процент безлошадных дворов равнялся 17,7% общего количества. Царившее малоземелье при низкой технике хозяйства вызывало с каждым годом возраставший отход крестьянства за пределы губернии. [1]) О величине его могут дать понять следующие цифры: (в тысячах человек).

1880 г. — 151 1901 г. — 193 1903 г. — 218.
1896 г. — 160 1902 г. — 198.

Рост отхода выразился за 22 года в 69,3%. По отношению к росту населения отход рос быстрее. В 1880 году в отходе считалось 14% всего населения, в 1903—16,9%. В некоторых уездах рост был особенно интенсивен. В Лихвинском уезде с 1889 по 1897 г. отход увеличился на 57%; в Козельском уезде с 1885 г. по 95 г.—на 60%. В 1900 г. из него уходило 22% всего населения или 76% мужского рабочего населения деревни. Другие статистические исследования дают аналогичные цифры. По Моллесону в 1899 г. на 1000 человек уходило 166, а в 1905 г.—206 человек. Так быстро выростала огромная резервная армия труда [2]). Характерной чертой местного отхода являлось то, что основной

[1]) Асеев—Безлошадные в крестьянском хозяйстве в средней России. (Р. Мысль 1900 г., август).

[2]) Об отходе см. статистические обзоры Кал. губ. за разные годы. Отчеты Жандармского Управл. за 1904 и 1905 г; Труды местных к-тов, XIV, Калужской губ. Моллесон. Краткий очерк отхожих промысл. Кал. губ. в 1903 г. в санитарном отношении (Труды оцен.-стат. отделения Кал. Губ. Зем. Управл. т. IV, 1907 г).

поток рабочих шел в столицы и на Украину, лишая местные поместья дешевой силы, и частично на калужские заводские центры. Этим была обусловлена дешевизна рабочих рук на фабриках Калужской губ., хотя основная причина ее—связь калужского пролетария с землей, и относительная дороговизна рабочих рук на земледельческих работах, заставлявшая, при низких ценах на хлеб, местных помещиков всячески бранить фабрики, куда ринулись рабочие, „окончательно порывая связь с деревней, ее строем, святою простотою и скромными, но здоровыми требованиями". Здесь противоречия между торговым капиталом и промышленным были очень глубоки. В решении спора между ними не могли помочь торговому капиталу, политически организованному в абсолютизм, и те методы вне-экономического принуждения, которые проводились через институт земских начальников, через круговую поруку и пр. Крестьянская община, как определил тов. Ленин, явилась не антагонистом, а наоборот, самой глубокой и прочной основой капитализма. Правительство же определяло общину с точки зрения необходимости ее для существующего строя, для его поддержания. Как известно в правительственных сферах взгляд на общину, как надежную основу самодержавия, стал колебаться в 90 г. Идеолог промышленного капитала гр. Витте на себе испытал эту эволюцию во взглядах на общину[1]). Интересны поэтому те споры среди калужских помещиков, которые разыгрались накануне первой революции по вопросу о роли общины. Жиздринский помещик Н. Дмоховский заявлял, что община „не подает никаких признаков разрушения . . . Крестьянская община—это единственная в России крепкая организация, исполненная живой силой, неудержимо стремится к расширению своего землевладения скупкою земель частных владельцев и эти земли немедленно обращает в общее пользование, при чем все равно, будет ли покупатель сельское общество, товарищество или единичный крестьянин". В противовес этому мнению выступил предводитель Козельского дворянства Сабо. Он заявил, что необходим переход от общины к подворному фермовому типу, так как

[1]) Чернышов—Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет, П. 1918, изд. Вольн.-Эк. Общ. стр. 246—267.

общинный строй парализует возможность совершенствования в деле крестьянского хозяйства. Интересная полемика об общине была на заседании Мещовского комитета о нуждах сельско-хоз. промышленности, где некто Разуваев отстаивал общинный строй, который „предохраняет государство от многочисленного класса безземельных“. Против выступил Н. И. Куборский, заявивший, что общинные порядки „связывают домохозяина по рукам и ногам и, следовательно, являются мощным тормазом в деле прогресса в земледелии“.[1]) Подоплека обоих взглядов ясна, как кристалл: первый боялся социальной революции, второй—стремился к „ломки старых поземельных отношений в пользу горстки зажиточных хозяев ценою быстрого разорения массы“, готовился к „столыпинской чистке земель“ для капитализма[2]). Если мы к малоземелью и мерам вне-экономического принуждения присоединим тяжесть налогов и выкупных платежей, то поймем, что поводов для волнения крестьян было много. Однако аграрных волнений, кроме периода крестьянской реформы, мы не встречаем; об‘яснение этому лежит в том огромном поглощении отходящей из губернии армии рабочих, которое находилось в зависимости от быстрого роста капитализма в России. Замечались только столкновения, главным образом, связанные с ростом арендных цен в 1883—87 г.г. и в 1898—1902 г. г. Так в 1885 г. в с. Георгиевском между крестьянами и арендатором помещицы Голохвастовой произошло столкновение из за спорного луга. Крестьяне отняли силой сено, скошенное рабочими арендатора, за что были преданы суду[3]). В 1895 г. начался спор о земле в селе Богородицком, Перемышльского уезда, между крестьянами и помещиком Цыплаковым, в 1899 г. возникло брожение крестьян деревни Росва, благодаря лугу, экспроприированному помещиком; в 1902 г. произошли недоразумения в Милятине, Мосальского уезда, в дер. Варушицах, Лихвинского уезда и другие. Все они докатились до 1905 г., когда недовольство крестьян приняло характер обостренной борьбы.

---

[1]) Труды местн. комитетов, XIV, стр. 55, 100, 249.

[2]) Ленин т. IX; стр. 490—1.

[3]) Мартов.—Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России 1923 г. стр. 108.

Из анализа отношений помещичьего и крестьянского хозяйства ясно, насколько расходились интересы этих двух групп и вместе с тем обнаружилось и двойное положение крестьянства. В своем предисловии 1907 года ко 2-му изданию „Развития капитализма в России“ т. Ленин писал: „С одной стороны, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне об‘ясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционного крестьянства, как массы. С другой стороны, и в ходе революции и в характере разных политических партий и во многих идейно-политических течений обнаруживалось внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелко-буржуазность антогонизм хозяйственных и пролетарских тенденций внутри ее“ [1]). К моменту революции 1905 года кулацкий слой калужской деревни успел достаточно и политически оформиться. Насколько велико было устремление его к завладению делами местного самоуправления, видно из того обстоятельства, что в 1886 году в калужских управах было 30,5% крестьян, на 41,6% дворян и 27,9% разночинцев. Положение подобного рода было для дворян, конечно, недопустимым, и земское положение 1890 г. как известно, изменило порядок выборов, в пользу дворянства, так что в 1903 году крестьян в калужских земских управах было только 5,8%, разночинцев 11,4%. а остальные места принадлежали дворянам. Характерно, что земское положение 1890 г. лишило избирательных прав крестьянские товарищества, представлявшие собой кулацкие организации; они владели в Калужской губ. в 1905 г.—30,5 тысяч десятин. [2]) В дальнейшем ходе событий кулацкий слой деревни отправил в первую Государственную думу своих представителей-кадетов—К. В. Лагутина, бывшего приказчика, и А. И. Сурнова, московского приказчика и учетчика церковных сумм в приходе. Характерно, что до революции кулак тоже вопил

---

[1]) Ленин.—Развитие капитализма в России, стр. 9, (Собр. сочин. том III).

[2]) Б. Веселовский.—История земства. Спб. 1911 г. т. III, стр. 311, 677,

против помещичьей земли, требуя ее раздела, но в процессе развивающейся классовой борьбы в деревне убедился, что ему ближе к помещику, чем к сельско-хозяйственному пролетарию. Как известно, в 1905 году аграрное движение было направлено не только против помещиков, но и против кулаков. Так в ноябре 1905 года был разгромлен дом одного кулака в д. Варушицах, Лихвинского уезда, благодаря молодежи, вернувшейся с юга с заработков. Крестьяне этой деревни 80 лет вели спор о земле, экспроприированной у них соседним помещиком: крестьяне были разорены тем более, что песчаная почва не давала возможности собирать хороших урожаев. Муку покупали с сентября, своего же хлеба хватало лишь на 1 месяц. Леса нет, так что хворост таскали за несколько верст. При малоземелье обращались к аренде, платя помощице Козминской от 9—12 руб. за десятину. Бедняки же попадали в сети местным кулакам. Аналогичные явления обостренной борьбы в среде крестьянства произошли и в других местах, например, в с. Мокром, Жиздринского уезда, где громили дом и лавку торговца Т. Кузьмина в селе [1]) Любуни и др. Понятно, почему кулацкие представители совершают эволюцию от кадетов к черной сотне: во вторую Государственную думу идет от калужских кулаков крестьянин д. Решетной— И. В. Сорокин, который кричал после того, как его выбрали „иду защищать веру православную“.[2]) Эволюция подобного рода характерна для всей русской буржуазии в целом, кулак же, как известно, стал основой реакции в деревне.

Уже в силу своих противоречивых тенденций, крестьянское движение, стоящее одиноко, не смогло бы вылиться в массовое революционное движение. Даже в XVIII веке, в годы Пугачевщины активнейшую роль в этом крестьянском бушующем море играли „работные люди“; тоже мы наблюдали и в Калужской губ. Тем более первенствующую роль в движениях XIX века, стал играть рабочий класс. Во второй половине XIX века, когда промышленный капитал проник во все поры русской жизни, окреп и вырос

---

[1]) Дела Жандармского Управления, Д. № 131, т. I, за 1905 год л. 114—115, 156—157.

[2]) Ст. „О выборах“, в газете „Угра“, № 2 от 20 марта 1907 г.

русский пролетариат. Условия его экономической жизни и борьбы за социализм в Калужской губ. вполне соответствуют той структуре местного промышленного капитала, которая сложилась в пореформенный период и которая со многими изменениями, конечно, сохранилась и в годы революции.

С конца 60 годов до начала 80 годов, несмотря на промышленную депрессию во многих областях России мы видим постепенный рост калужской промышленности. Несмотря на несовершенство местной статистики, все же эта тенденция определяется с несомненностью: [1])

1869 г.—410	фабрик и заводов	—12.172	раб.—на сумму произв.	4335767 р.
1879 г.—788	„ „	—15.572	„ „ „	11583659 „
1880 г. - 815	„ „	—17.341	„ „ „	11976456 „
1883 г.—826	„ „	—15.296	„ „ „	9404502 „

С начала 80-х годов мы наблюдаем быстрое падение производства, продолжающееся до второй половины 90 годов. В 1896 г. было 356 фабрик и заводов с 15.479 раб. и производством на 8.410.222 руб. С этих пор начался усиленный процесс концентрации производства, выражающейся в уменьшении числа промышленных заведений наряду с увеличением суммы производства. В 1901 году было только 339 фабрик и заводов с количеством 18.446 рабочих, с суммой производства в 12.892.013 руб.

Таким образом, если в среднем на одно предприятие приходилось в 1880 г.—21,3 чел. рабочих, то в 1896 г.—43,5. ч., а в 1901 г.—54,6 ч.

Своеобразно, что несмотря на свой преобладающий мелкий характер производства, калужская промышленность, если взглянуть на нее с точки зрения строения, была передовой. Еще в 1896 г. число рабочих калужской промышленности, занятых на предприятиях, насчитывающих свыше 1000 руб., а такими были фабрики Гозардово и Людиновский завод, составляло 23,4% общего количества местного пролетариата. На 6 других предприятиях крупного характера,

[1]) Цифры взяты из соответств. статистических отчетов по Калужской губ. за нужные годы.

Об обычных ошибках земской статистики см. у т. Ленина.

имевших по 400 рабочих и более,—работало 3462 ч., т. е. около 22,3% общего количества. В начале 1900 годов эта концентрация еще усилилась. Но здесь, чтобы не впасть в ошибку и не переоценить действительное строение Калужской промышленности, необходимо помнить, что там, где заграницей работало пятьсот человек, у нас зачастую работала тысяча, т. е. необходимо иметь в виду степень машинизации производства.

Мелочность производства, которой в целом характеризуется калужская промышленность, создавала разобщенность рабочих. В Боровском уезде, например, было в 1890 г. 14 ткацких и платочно-набивных предприятий, из них лишь две—более крупного значения—Ермолинская мануфактура Исаева с 230 рабочими и Русиновская—Александровых с 525 раб. Остальные фабрики имели от 12 до 70 чел. рабочих. А между тем Боровский уезд был так сказать сосредоточением здешней ткацкой промышленности. Еще больший характер разобщенности рабочих имел Медынский район. Здесь было 11 спичечных фабрик, из них наибольшая Ведерниковой с 184 мужч., 138 женщ. и 5 детского возраста рабочими; другие были много меньше. Фабрика Лапшина имела всего 41 раб., из них 60% падало на женщин и детей. Еще мелочнее производство было на рогожных фабриках Спас-Деменского уезда—здесь сама администрация писала о разобщенности и разбросанности рабочих. Совершенно мелочной характер, подчас не капиталистической фабрики, а домашней системы капиталистического производства, носили кожевенные, меховые, щетинные и пр. предприятия в Калуге. Подобного рода мелочность производства должна была иметь отрицательное значение в смысле роста классового самосознания калужских рабочих. Другой особенностью развития калужской промышленности являетея как раз особенность ее географического размещения, находившегося в зависимости от природных факторов: воды, как пути сообщения и двигателя, леса, железной руды, глины, каменного угля и пр. В общем она осела на старых, насиженных еще с XVIII века местах. Два округа естественно наметились на карте нашей губернии. Один—Мальцевский, Жиздринского уезда с прилегающими частями

Лихвинского, Козельского и полосами Калужского, Тарусского уездов, богатыми железными рудами и каменным углем,—бывший район распространения брынских, песоченских, дугненских железных заводов Демидова. Другой округ охватывал Медынские и Боровские места, где издавна население занималось тканьем полотен, работой на фабрике, где по традиции выросли писчебумажные предприятия Гончарова и Говарда и ряд ткацких заведений. Остальные части губернии оказались лишенными более или менее значительной промышленности, и, следовательно, оставшимися вне сферы непосредственного революционного движения рабочего класса.

Третьей характерной чертой пореформенной промышленности нашей губернии была принадлежность большинства предприятий купцам. Ликвидация дворянских фабрик началась давно. Если в 1839 г. из 15 суконных фабрик 11 принадлежали дворянам, то в 1861 г. их совсем не было, а вместо них появились две купеческие, построенные на вольнонаемном труде и машинном производстве [1]). В этом же году в местных помещичьих имениях числилось только 4 бумагопрядильни с 260 рабочими [2]). Лишь в винокуренном производстве попрежнему главную роль играли дворяне, причем здесь в целях устранения конкурентов, они прибегали и к экономическим и к вне-экономическим способам воздействия. В 1881 г. несколькими помещиками во главе с членом Жиздринского по крестьянским делам присутствия И. И. Шепелевым и председателем Уездной Земской Управы В. М. Лесли был устроен на Тихвинском хуторе винокуренный завод. В народе он прослыл под именем „земского“. Продавцов вина выработки других заводов они старались образумить тем, что свое вино продовали на 10 коп. дешевле, а самих покупателей—крестьян зазывали насильно, так как де завод принадлежит властям. [3]). В 90 годах XIX века мы замечаем устремление наиболее передовых помещиков на промышленное предпринимательство. Это устремление порой ограничивалось одними неудачными проэктами, как

[1]) Памятная книжка Калужск. губ. на 1861 г. стр. 163—162.

[2]) Архив истории труда в России, кн. 3. П. 1922, стр. 148.

[3]) Дело 1882 г. № 2 по секретн. столу Калужского губернатора.

это было с ген. Полуэктовым, который переселил целую деревню Зеленино, Лихвинского уезда от ручья, где был найден каменный уголь, эксплоатировать который он зазывал французский капитал, но в большинстве оно все же дало реальные результаты, выдвинув из среды помещиков слой помещиков и промышленных буржуа одновременно. В революции 1905 года как раз из этого слоя формировались основные кадры калужской кадетской партии. Лидер ее—В. П. Обнинский, бывший с 1904 г. председателем Губ. Земской Управы, заявил, что в Калужской губ. „народное хозяйство резко изменило свой первобытный строй на капитализм“ [1]), не подозревая, что переход на капиталистические рельсы начался очень давно, но почувствовался калужской буржуазией из дворян лишь в связи с концентрацией капитала в начале XX столетия и оформлением вышеназванного слоя. Противоречие между экономическим ростом буржуазии и старой политической формой, не дававшей ей простора, явилось тем противоречием, которое обусловило собой либеральное движение, земскую кампанию, проводившуюся в Калуге по аналогии с другими городами теми же „революционерами в белых перчатках“, которые писали в адресе царю: „все лучшие люди, облеченные доверием Вашего Величества и доверием общества, сплотятся организованными союзами и учреждениями (потом эти слова выкинули,—испугавшись их решительности) вокруг великого престола, защищать его от врагов твердого правопорядка“ [2]).

Понятно, почему это либеральное движение не оказало влияния на массы; жандармский отчет так формировал взаимоотношение между ними: „крестьянская среда, фабрично-заводские рабочие и низшие городские классы остаются в массе почти совершенно в стороне от возникшего политического движения и едва ли будет рискованным расчитывать, что до тех пор, пока сказанное движение не изменит своего направления и не станет преследовать уже исключительно социалистические и аграрные задачи, эта часть населения останется чуждой ему и впредь“. Для нас интересна

[1]) В. Обнинский. О народном представительстве. Доклад Калужск. Губ. Зем. собраний К. 1905 г. стр. 3.

[2]) Д. № 144/3 –1905 г. Кал. Жандармского архива.

оборотная сторона местного капиталистического производства, т. е. иными словами—система эксплоатации труда рабочего класса.

Период 60—80 г. характеризуется падением реальной заработной платы на калужских предприятиях. Несмотря на рост дороговизны, являющейся результатом развития капитализма и городской жизни, номинальная зарплата повышалась за этот период очень медленно, определенно отставая от роста дороговизны, а кое-где вообще не изменилась. А между тем цена ржи повысилась. Прежняя заработная плата осталась на шляпной фабрике Шарутина, на ткацкой ф-ке Алимовой, на бумаготкацкой ф-ке Панова, на Мышегском заводе. На этом последнем мастеровые вырабатывали от 12 до 25 руб. в м-ц, чернорабочие от 8 до 12 р., и мальчики от 1 руб. до 5 руб. Следовательно, если в 1860 г. средний чернорабочий мог получить в месяц 10 руб. и купить на них 22 пуда ржи, то в 1883 г. он смог купить лишь 10 пудов. Зарплата реально падала, несмотря на наблюдавшиеся в эти годы под‘ем цен на чугунные изделия завода (в 1861 г. пуд чугуна стоил 60—80 коп., в 1880 г.—1 руб.—1 р. 60 к.).

Осталась неизменной с 1861 г. и зарплата на Песоченском чугунноплавильном заводе, только за отливку больших котлов стали платить дороже. На другом чугунно-литейном заводе—Черепетском, арендовавшимся купцом Загариным, максимальный годовой заработок мужчины увеличился с 175 руб. до 200 руб., женщин с 55 руб, до 68 руб., мальчиков с 35 до 50 руб., т.е. в сущности изменился крайне ничтожно. Такую же картину наблюдаем на Ханинском и Богдановском чугунных заводах. Лучше дело обстояло с номинальной зарплатой на Мальцевских заводах, где она повысилась до 50%, но там то как раз и был узел революционной активности рабочего класса в Калужской губ., доказывающий этим, что на других предприятиях, более мелкого характера, где царила еще более безудержная эксплоатация, рабочие не смогли организоваться в стачечные выступления, за очень редкими исключениями. Также на 50% увеличилась зарплата рабочих на кожевенном заводе Таруского купца Макаренкова, отчасти на писче-

бумажных фабриках. Здесь поденная плата с 1861 г. по 1870 г. была 10-30 к., с 1871—79 г. от 20-40 коп., а в начале 80 годов достигла 70 коп., следовательно, линия зарплаты повышалась. [1]).

Как обстояло дело с зарплатой в последующие 90—1900 годы. Туган-Барановский полагал, что с конца 80 г. началось повышение ее [2]), но это едва ли справедливо, в особенности для Калужской губ. Здесь зарплата была очень низкой. В 1904 г. средне-годовое содержание Калужского рабочего равнялось по данным фабричной Инспекции 158,10 рублям, т. е. в среднем было таким, каким было в 80 год. у металлистов; следовательно, рост номинальной заработной платы был не более 12-20% за два десятилетия, т.е. фактически она падала. [3]). По сравнению с общерусской средней нормой зарплаты, равной в 1903 г.—200. 33 руб. Калужская была очень низкой. [4]). Низкий уровень заработной платы сопровождался еще рядом мероприятий, направленных к ее еще большему снижению. Это прежде всего система штрафов: в 1904 г. на каждые 100 руб. зарплаты Калужского рабочего приходилось 11 руб. штрафа; средняя сумма штрафа на одного рабочего равнялась 17,4 руб., т.е. более 9% его содержания. Вторым методом выжимания сока из рабочего была обязательная фабричная лавочка, отпускавшая товар недоброкачественный, с постоянными издевками над рабочими.

В 1904 г. заработная плата 6.888 рабочих на Калужских предприятиях была 1.089,010 руб.; часть ее была уплачена рабочим через обязательную для них покупку в фабричных лавочках продуктов—313.039 руб., часть уплачена за продукты, взятые рабочими в потребительских лавках—4495 руб., некоторые рабочие были на хозяйских харчах—4417 руб. Таким образом, наличными деньгами рабочие получали 767.058 р. [5]) В 80 годах зарплата выда-

---

[1]) Памятная книжка Калужской губ. на 1881 г. стр. 163—165.

[2]) Туган-Барановский.—Русская фабрика, стр. 337.

[3]) Свод отчетов фабричн. инспектор. за 1904 г., Спб. 1907 г. стр. 175.

[4]) М. Н. Покровский. Русская история в сжатом очерке, ч. III, стр. 38.

[5]) Свод отчетов инспекторов фабричных за 1904 г., Спб. 1907 г., стр. 175.

валась также продукцией местной фабрики. В 1887 г. начальник Жандармского управления писал к губернатору: «мне стало известным, что на спичечной фабрике Волкова, находящейся вблизи Медыни, рабочие сильно притесняются фабрикантом и помимо желания получают вместо причитающейся платы спички ящиками стоимостью в 2 р. и принуждены их продавать по 1 р. 60 к., причем теряют 40 к., на ящик, и затем в счет той же платы фабрикант, не удовлетворяя деньгами, вынуждает брать из своей лавки товар по очень высокой цене, так, например, за 1 ф. чая, стоящего 1 руб. 20 коп., берут 1 р. 80 коп., за пуд муки 80 к., тогда как она в Медыни продается по 60 коп. и т. д., возвышает на все жизненные продукты цену». Так как этот эпизод был в пору иллюзий царского правительства о возможности регулирования взаимоотношений предпринимателей и рабочих, то понятно, что губернатор дал поручение исправнику устранить слишком бьющее в глаза ограбление рабочих, начинавших заметно волноваться. [1]) Вообще злоупотребления в деле выплаты заработной платы были очень распространенными. В 1904 г. было подано 222 жалобы в фабричную инспекцию, из них 36 падает на нарушение условий найма по снабжению харчами, 47 на невыдачу и задержку зарплаты, 86 на неправильное исчисление и понижение зарплаты; характерно, что из общего числа жалоб— 200 были признаны основательными даже самой фабричной инспекцией. [2]).

Обращаясь к системе применения детского и женского труда, необходимо сказать, что она в некоторых уездах получила свое распространение еще в пору вотчинной мануфактуры, напр. в Боровском, Мосальском и др. В 80 г. на местных предприятиях числилось 715 работниц и 85 подростков до 15 лет; на самом деле их было больше: так на одной Песоченской фаянсовой фабрике Мальцева работало 70 мальчиков от 12 до 15 лет и 75 девочек от 12 до 14 лет. Работали дети по 8 часов в сутки, а получали по 12 коп. В том же уезде на маленьком заводе Азарова $^{2}/_{3}$ работы выполнялось детьми. На парусно-полотняной фабрике Еро-

[1]) Д. № 55 за 1887 г. Калужского губернатора по полиц. секрет. столу.

[2]) Свод отчетов фабричных инспекторов, стр. 87.

хина работало 10 малолетних; на Говардовской фабрике из 674 чернорабочих было 320 женщин и 50 детей; на Полотняном заводе вместе с 146 мужчинами работало 60 женщин. На фабрике Батурина в с. Красном, Калужского уезда, работало 157 мужчин, 90 женщин и 50 детей. На огромной Брынской суконной фабрике, арендованной купцом Ляпиным, в 1883 г. было 280 работниц и 830 рабочих; кроме того здесь находил себе сильное применение детский труд: мальчиков и девочек в возрасте от 10 до 17 лет насчитывалось 213. [1]). Широкое применение женского и детского труда мы находим и в более позднее время: в 1893 г. Калужской губ. считалось 3485 работниц. [2]). В середине 90 г. на Спас-Деменских рогожных предприятиях работало и осенью и зимой на $^2/_3$ женщин и дети от 14 до 17 летнего возраста по официальным данным, от 8 лет по неофициальным. Работа заканчивались к пасхе, и члены одной семьи, 4-5 чел., составлявшие „стан", возвращались по деревням. Характерно, что „станы" были изолированы друг от друга, отдельно уговаривались с хозяином, отдельно столовались. К концу 1903 г. в губернии числилось среди фабричных рабочих 93 малолетних мальчиков и 646 подростков мужч., 57 малолетних девочек и 662 подростков женщин. Из общего количества взрослых рабочих — (7068) — 2708 ч. составляли женщин, т.е. 38,3%. Процент отношения работниц к рабочим без различия в возрасте был несколько ниже — 30,5%. Малолетние и подростки составляли менее 15% общей массы взрослых рабочих. [3]). Из этих данных видно, что Калужская промышленность перед началом 1905 г. питалась одинаковым контингентом рабочих, что в 80—90 годах. Несколько больше перемен произошло за это время в отношении рабочего дня. В 80 г. он колебался от минимума 10 часов до максимума 16 час. Минимум встретился нам на некоторых фабриках Боровского уезда, максимум на ткацкой фабрике Попова в Грибовке, Тарусского уезда. Большей длительности рабочий день не достигал, если не считать еще принципа

---

[1]) Памятная книжка Калужской губ. на 1881 г. стр. 81—158.

[2]) О. Чаадаева. Развитие соц.-дем. движения в Калуге (по 1905 г.) в сб. „из парт. прошлого", Калуга, 1923 г. стр. 3.

[3]) Свод отчетов фабричных инспекторов, за 1904 г. стр. 38.

летней работы, „от зари до зари". Двенадцатичасовой рабочий день господствовал на писчебумажных фабриках Говарда и Гончарова, на Брынской фабрике, на Мальцевских предприятиях, словом там, где производство носило более крупный и машинный характер. Тринадцатичасовой день был на кожевенном заводе Титова в г. Мосальске; четырнадцати-часовой день, как средняя норма, мог в 80 г. считаться наиболее распространенным в Калужской промышленности: его мы видим на ткацких, рогожных, меховых и пр. предприятиях. Пятнадцатичасовой день был в обычае на Боровском воскобойном заводе. Фабричное законодательство, вызванное революционным движением российского пролетариата, положило известные грани в отношении длительности рабочего дня. [1]). По закону 3-го июня 1897 г. рабочий день был определен в 11½ часов. Его мы и наблюдаем в большинстве фабрик Калужской губ. начала XX века. Так 11½ час. работали в 1900—4 годах, рабочие двух ткацких фабрик, с общим количеством 240 - 247 раб. дней в году (в 1900 г.) и 124 - 240 раб. дней в году (1904 г. [2]). Правда, в Калужской губернии, раньше других был установлен восьмичасовой рабочий день в Полотняном заводе на фабрике Гончарова, который под влиянием социалистических идей и под нажимом рабочих ввел отчисления из прибылей предприятия на культурные нужды рабочих и пр. Вскоре, под воздействием этого примера Говардовские рабочие добились и у себя 8 часового дня. Надо сказать, что положение рабочих у Гончарова и Говарда было вообще лучше, чем на других фабриках губернии. Здесь заработок взрослого рабочего колебался от 180 - 480 руб. в год.; женщин от 108 - до 156 руб.; детей от 60 до 96 руб. в год. Престарелым рабочим полагалась пенсия от 50 р. до 300 р. в год. Треть Говардовских рабочих имела бесплатное помещение от фабрики; остальные жили в собственных домах. [3]).

---

[1]) Свод отчетов фабричных инспекторов 1904 г., стр. 20, 155.

[2]) Статистика бумагопрядильн. и ткацкого производства за 1900—10 г. Спб., изд. Мин. Пр. и Торг., стр. 36—37.

[3]) Разломалин. Первые шаги партийной организации в Калуге „из парт. прошлого", в. I. Кал. 1921 г., стр. 45 и 57.

Авраамов. Троицко-Кондровские ф-ки (Пам. книжка Кал. г. на 1905 г.).

Хотя зачатую и здесь наблюдался усиленный гнет рабочих и ряд злоупотреблений администрации, все же относительное благополучие—было налицо. Этим об'ясняется, почему такой крупнейший центр Калужской промышленности не был затронут достаточно глубоко революционным движением.

Наконец, необходимо остановиться еще на строении самой промышленности, так как оно несомненно влияло на положение пролетариата. Возможность иметь дешевые рабочие руки, засвидетельствованная в пословице Мальцева „моя копейка дороже рубля, заработанного на стороне" была чревата тем, что фабриканты, за редкими исключениями, не особенно стремились к установке усовершенствованных машин.

В 1904 году в Калужской губернии считалось 185 паровых котлов.

Санитарные условия на некоторых предприятиях были таковы, что при учреждении фабричной инспекции часть их была закрыта—таковы рогожные заведения, дальше других сохранившие нравы крепостной эпохи. В 1904 году на местных заводах были зарегистрированы 214 случаев, из них два смертных. [1]).

В общем картина фабрично-заводских нравов нам станет ясна, если мы остановимся на сравнении двух эпизодов, стоящих на гранях изучаемой нами эпохи: первый эпизод был в 1861—2 году, второй в 1905 году.

На Дугненском чугунно-литейном заводе, Калужского уезда, работало в годы реформы (1861 г.) 179 чел. литейщиков, 4 горновых, 6 кузнецов, 30 молотобойцев, 6 столяров, 13 слесарей, 6 мастеров. Всего с 6 малолетними—231 чел. Литейщики работали и по праздникам. Расценка зарплаты была установлена еще в 1839 г. и с тех пор оставалась без изменения: 12—20 коп. в сутки, и рабочих, конечно, не удовлетворяла. Должность засыпщиков была так тяжела, а оплачивалась так низко, что управляющий заводом был вынужден нанимать рабочих со стороны за более высокую плату. Рабочие жили в обычных крестьянских избах,

---

[1]) Свод отчетов фабричных инспекторов 1904 г. стр. 20, 155.

в каждой избе по 4 чел. женатых с семействами по 11-15 душ. Несмотря на то, что некоторые вещи увеличились в размерах, плата за их выработку осталась прежней. Система штрафов и неправильной браковки процветала. Несмотря на то, что этот брак поступал в продажу, он принимался от рабочих бесплатно. При расчетах никогда не выплачивали дроби копеек. Когда с 20-го апреля 1861 г. испортилась домна, заработок на заводе прекратился, рабочие голодали, но денег авансом им не давали, а если и стали затем давать, то под проценты, по 25 коп. с рубля, якобы „на храм". При заводе имелась больница, устроенная в 1852 г., однако в нее редкий рискнул бы пойти, такой там царил лютый холод и беспорядок. Старые рабочие, перешедшие 60 летний возраст, не будучи в состоянии отливать, несмотря на свои просьбы о более легкой работе,—увольнялись, жили на попечении детей и голодали. Вдовам и сиротам полагалась месячина, но они ее никогда не получали. Были на заводе две сестры мастерового Семена Иванова, повредившие себе руки на заводской работе, однако помощи от администрации они не получили никакой, а брат, имевший семью в 14 человек, кормить их не мог. Отношение администрации не ограничивалось только выжиманием пота на чрезмерной работе, но сопровождалось также произволом с обычным рукоприкладством и бранью. Не раз управляющий бил рабочих, драл за бороды; одного рабочего сдал в солдаты, у другого избил беременную жену. За жалобы преследования усиливались, непокорных усмиряли, переводя на более тяжелую и хуже оплачиваемую работу. Были еще работы, в табели не означенные, вроде ломки и кладки доменных печей, за которые раньше платили 75 руб., а теперь 22 руб. Правильность подобной картины засвидетельствована членом Губернского Присутствия бывшим декабристом Свистуновым, который в своем донесении от 16 мая 1861 г. признал жалобы рабочих справедливыми и заслуживающими удовлетворения. Горное Правление весьма подозрительно отнеслось к умалению прав заводчика, находя, что действия Свистунова „легко могут вовлечь крестьян в недоразумение и быть причиной вредных последствий". Постановление мирового посредника Полторацкого об отмене

литейных работ по воскресениям было отменено мировым с‘ездом, а сенатор Капгер, ревизировавший тогда губернию, заметил, что „мастеровые работают вообще нерадиво“. [1])

В этом эпизоде для нас интересно то, что вся картина эта заводского быта эпохи крестьянской реформы в сущности говоря не очень значительно изменилась и в начале XX века. Например, из дела о волнении рабочих Ермолинской мануфактуры Исаева 1905 г., мы видим, что рабочие жаловались на обыски их при выходе из фабрики, на задержку зарплаты, на гнилые товары фабричной лавочки, на неточную запись по заборной книжке. Но что едва ли можно было ожидать—так это принудительное использование вольнонаемных рабочих на барщине, и при том еще купеческой. Исаев брал летом ткачих и мастеровых на уборку овса, сена и льна, по 1 человеку от станка. Если рабочие возражали, что у них напрасно пропадает рабочий день, им отвечали: „можешь уволиться“. Поневоле рабочие, в большинстве своем местные крестьяне, шли на уборку полей заводчика, получая от него угощение—по чашке водки. [2]) Из этого случая „исаевской барщины“ можно заключить, что одной из главнейших причин подобных явлений была сохранившаяся до первой революции связь калужского рабочего с землей. Надо сказать, что 46% заводского населения России получило совершенно нищенские наделы, меньше 1 дес. на душу или ничего вовсе не получило. Бывшие посессионные калужские рабочие подверглись той же участи. При Песоченском заводе, Перемышльского уезда, было 309 душ, несших заводскую работу; из них 82 души наделов не получили, считаясь дворовыми людьми, а остальные получили 71 дес. выгонной земли. Рабочие Черепетского чугунноплавильного завода Билибиных в количестве 212 душ полевого надела не получили, кроме 46 % дес. усадеб. На соседнем Богдановском заводе 33 души горнозаводских крестьян получили в надел только 6 дес. 175 кв. с. Несмотря на обезземеленье поссесионных рабочих, они стремились к овладению землей, и пролетаризации всячески противились. Рабочие на калужских предприятиях набирались главным образом из местных жителей.

[1]) Д. № 21—1861 г. Губернского по крестьянским делам Присутствия.

[2]) Д. № 151. за 1905 г., л. 109—112. Жандармского Управления.

В 80 годах вся тысяча человек, работавшая на Брынской фабрике, за исключением одного мастера иностранца, состояла из окрестных крестьян. На Гончаровской фабрике работало только 10 чел. пришлых. На фабрике Александрова в Русинове работало 18 пришлых—из Коломенского и Рузского уездов; жили они на хозяйских харчах, а остальная масса—русиновские крестьяне работали сдельно и жили у себя дома. Лишь на одном Людиновском заводе был значительный пришлый элемент—1128 человек; его появление об'ясняется необходимостью иметь квалифицированных рабочих [1]). Вообще же принцип набора рабочих обусловливается дешевизной их рук с одной стороны, и покорностью—с другой. Управляющий Троицко-Дашковской бумаго-картонной фабрикой Шпильманс в 90 годах имел обычай не брать к себе на работу рабочих из Московского района, как зараженных революционной болезнью.

В тесной связи местного рабочего с землей заключается основная причина его пассивности. Инспектор 2-го Горного Округа Замосковных Горных заводов писал в 1896 году по поводу беспокойства правительства о возможных рабочих волнениях во время коронации: „большая часть горных заводов Калужской губ. расположена в стороне от улучшенных путей сообщения и где потому не бывает большого передвижения рабочих, и промышленные предприятия обходятся местными рабочими силами. В этой то рабочей среде до сих пор, благодаря бога, настолько беспредельна преданность престолу, что о каких либо волнениях политического характера не может быть и речи“. [2])

Обезземеленье Калужских фабрично-заводских рабочих оказалось для них более побудительной причиной к волнению чем различного рода способы эксплоатации их труда. Почти все волнения, известные нам до середины 90 годов, связаны именно с этим земельным вопросом. Уже в 1861 г. разразилась забастовка Дугненских рабочих, которые выставили требование освобождения их от праздничных работ, якобы для хождения в церковь, хотя истинным смыслом их недовольства были земельная теснота и высокое обложение казен-

---

[1]) Памятная книжка Калужской губ. 1181 г. стр. 144, 146 и др.

[2]) Д. № 58 Секретной канцелярии Калужск. Губернатора за 1896 г.

ными податями. Им было дано земли на 426 душ только 80 дес. В своем прошении они указывали, что „нас нельзя равнять с крестьянами хлебопашцами, и мы кроме работ на заводе не имеем никаких других промыслов, и если еще по каким либо причинам завод остановится, то мы не только не в состоянии чего либо платить, но должны будем еще прибегнуть за пособием“. Управляющий, понимая, что хождение в церковь есть один предлог, обещал освободить рабочих на время церковной службы, но конфликт продолжался. Рабочие требовали свободного дня, и наделения землей, и на работу не вышли, за исключением 2 человек. Дело кончилось вмешательством полиции. Под теми же лозунгами прошла забастовка 1861 г. на Богдановском заводе Мергасовой. Здесь засыпщики, завальщики, молотобойцы и литейщики, уроженцы деревень Аргунова, Исакова, Босяевой и Русанова отказались от выполнения работы в прежнем размере. Забастовка была, повидимому, неудачной благодаря пришлым рабочим с закрытого Ханинского завода и из села Богданино. [1])

Мысль о земле глубоко сидела в душе Калужского рабочего еще не разорвавшего с нею связь, да и не желавшего ее терять. Поэтому эта потаенная мысль всегда прорывалась при начинавшихся волнениях. В марте 1876 г. управляющий Мышегским чугунно-плавильным заводом Огаревой-Хрущовой ввел ярлыки и выработал новые правила. Рабочие согласились на введение ярлыков, но на новые условия нет. Тогда управляющий запер завод, а на расследование выехал начальник жандармов. После переговоров рабочие согласились было на новые условия с некоторыми изменениями, но затем внезапно заявили, что-де-они их не подпишут, если не получат усадебной оседлости, о которой они ходатайствовали еще в 1862 г. Началась забастовка. Рабочие решили штрафовать каждого штрейхбрекера на 5 р. и защищать тех, кого будет увольнять управляющий, помогая ему и его семье. Вскоре за уполномоченными рабочих, вернувшимися из Калуги, приехал сам губернатор, заявивший, что администрация завода прощает рабочим прогул,

---

[1]) Д. № 21 и 75 Губернского по крестьянским делам Присутствия за 1861 год.

но под условием немедленного начатия работы. Иначе будут угрожающие последствия, Вместе с тем губернатор указал управляющему на его „неусмотрительность“ и на необходимость отсрочить введение новых правил и условий до 1-го августа. Завод опять задымил. Вскоре от владелицы его пришло согласие на некоторые уступки, после введения новых условий. Дело закончилось молебном в заводской церкви, причем пели певчие из числа мастеровых. Однако, вопрос о земле на Мышегском заводе подымался еще не раз, пока рабочие не приобрели в 1879 г. земельных наделов: 234 дес. при с. Павлове, пустошах Дерябиной и Злодеевской, причем часть из них подверглась переселению. [1])

Наиболее продолжительную борьбу за наделение землей вели рабочие Мальцевских заводов. Внешне мальцевское дело, обнимавшее производство в 238 тысяч дес., имевшее с 1877 г. свою узкоколейную жел. дорогу на 204 версты длиной, свое шоссе на 130 верст, свои шлюзы и плотины, дававшие возможность судоходства от Сукремля до Брянска по Болве, создавало впечатление грандиозного цветущего предприятия. На территории этого Мальцевского округа работало 15 крупных чугунно-литейных, механических и стеклянных заводов, 12 других заводов и фабрик, 2 чугунно-литейных завода, арендованных у других владельцев. На этих предприятиях, раскинутых в Жиздринском уезде и в Орловской губ., было занято 35.000 рабочих. Сюда надо присоединить 43 мельницы, 13 лесопилок, 12 кирпичных заводов, 26 угольных печей, 13 хуторов, 33 постоялых дворов, тоже принадлежавших Мальцеву. В 1886 г. все это предприятие было оценено в 15,760 тысяч рублей. Здесь раньше других мест Калужской губ. стала применяться машинизация производства; для устройства домен приезжал пр. Дорн, для устройства первой железопрокатной машины—пр. Лафтиан Белль; механическое дело направлял известный Жокар. Здесь в 1841 г. появились первые русские рельсы; здесь впервые введено пудлингование на дровах, сделаны первые паровые машины, ветровой паровой двигатель, первый Днепровский пароход. Организация сбыта

[1]) Балабанов—Очерки по истории рабочего класса в России ч. II, стр. 176—7 и Памятная книжка Калужской губерни за 1881 г., стр. 143.

была поставлена путем организации складов, отчасти заграницей (в Персии и Румынии), посредством комми-вояжоров и пр. Весь этот поражающий воображение расцвет Мальцевских заводов сочетал в себе две основные черты: европейский механический способ производства и беспощадную эксплоатацию рабочих с нравами эпохи первоначального капиталистического накопления. Мальцев был настоящий промышленный феодал: по его „государству“ ходили деньги—мальцевские квитки стоимостью от 50 коп. до 5 руб., принимавшиеся даже в уплату акциза по номиналу. Сам одетый в серый казакин, он требовал его и от всех конторских служащих. Рабочие должны были носить обыкновенное крестьянское платье, а их жены и дочери—сарафаны. Когда после реформы, проникновение городского костюма стало повсеместным, барин любил говорить: «пропадет моя милая простота». Он мечтал выстроить себе памятник еще заживо на средства рабочих, и тех немногих, кто решился отказываться от подписки, жестоко карал. Во время реформы он имел столкновение с губернатором Арцимовичем из-за нескольких рабочих, арестованных им за чтение положения о крестьянах. В 1863 г. рабочие в Людинове получили в надел на 2221 душу — 1295 дес., в Сукремле на 662 души—405 дес., в Песочне на 1587 душ—1490 дес. Следовательно, надел на душу был много меньше 1 дес., притом земля была дана недоброкачественная. Это обезземелье—оно об‘ективно заключало в себе положительные черты, способствуя полной пролетаризации рабочего люда, но суб‘ективно для самих рабочих—было тяжелой невзгодой [1]). Уже в 1865 г. вспыхивает волнение на Людиновском заводе, инициаторами которого официальные данные считают писаря Ивана Тимашурина, высланного с завода вместе с мировым посредником Бибиковым, бывшего волостного

---

[1]) Балабанов. С. И. Мальцев (Памятная книжка Калужской губ. на 1904 г); М. Межецкий. Воспоминания о С. И. Мальцеве (Ист. Вестник, 1897, ноябрь); Памятная книжка Калужской губ. на 1881 г.; Корнилов Крестьян. реформа в Калужск. губ. при В. А. Арцимовиче (сб. „Арцимович“, Спб., 1904 г.); дело № 48 за 1861 г. Калужск. губ. по крестьянским делам присутствия. „К истории рабоч. класса в России“, сообщ. А. А.Сергеев („Красн. архив“, 1922 г., т. II, стр. 189, 195).

старшину Вьюшина и рабочего Французова. „Между заводским населением происходили рассуждения о том, что Россия должна быть разделена на отдельные области с самостоятельным народным управлением, с отдачею дворянских земель во владение крестьянам и что все богатые помещики должны быть лишены жизни“. С тех пор скрытое стремление к земле постоянно жило среди мальцевских рабочих, временами прорываясь наружу в острых конфликтах. Во время железнодорожной горячки 60—70 г. Мальцев взялся изготовлять из русского материала подвижной ж. д. состав; в новое дело было вложено б. 2 м. р., но контракт правительством восстановлен не был, так как оно обратилось к заграничным заказам. В 1875 г. было организовано промышленное товарищество со складочным капиталом в 6 м. р., куда и передал свое имущество, оцененное в 10 м. руб. и сам Мальцев. Пайщики товарищества составлялись из разных слоев: здесь и князь Урусов, бар. Рейхель, здесь и попы Красовский, Высоцкий и пр. 15 лиц владело 22858 паями. Директором распорядителем был избран Мальцев. Однако дела явно пошатнулись. Были запрещены Мальцевские деньги, потребовавшие 600 тысяч руб. на их выкуп, от постройки паровозов получился убыток, так как цена за паровоз упала с 30 тысяч руб. до 20 тысяч руб.

В 1881 г. разразился кризис, продолжавшийся до 1888 г., находившийся в связи с международным кризисом. Мальцев в письме к губернатору от 12 ноября 1882 г. так охарактеризовал положение своих заводов: „постепенное развитие продолжилось бы и теперь, если б правительство не заманило меня патриотической мыслью необходимости в России делать паровозы в то, именно, время, когда все железные дороги снабжались исключительно иностранными паровозами. Тогда правительство обещало постоянные заказы тому заводу, который начнет эту трудную работу,—я первый приступил к ней и когда было истрачено на устройство этого дела больше 150.000 рублей, выработано 50 паровозов и несмотря, что они признаны совершенно годными, правительство, по случаю перемены министра путей сообщения, решившегося продавать все казенные дороги в частные руки, остановило все заказы. Таким образом был растроен правильный

ход заводов, до того времени никогда не нуждавшихся в помощи“....... Мальцев в том же „фрондерском“ тоне, характеризующим активность передовой русской буржуазии в эти годы, рассказывал дальше, как гибнет производство сельско-хоз. машин, благодаря конкуренции заграничных ввозимых в Россию беспошлинно. „Товарищество решило было терпеливо выносить убытки, дошедшие в прошлом году до 250 тысяч руб., ожидая разумного правительства более потому, что не находило других работ для заводского населения. Теперь же, когда к этому тяжкому положению неожиданно присоединилось еще новое, никогда не бывалое стеснение в деньгах, от повсеместного прекращения местными банками учета векселей по случаю истории Скопинского банка, товарищество не в состоянии продолжать поддержку заводов“. То, что изображал Мальцев, как благодеяние населению, было очевидной боязнью за свою прибыль. Губернатор в письме к министру финансов гр. Д. А. Толстому от 22 ноября 1888 г. заметил, что жители Жиздринского уезда не только не будут платить подати, но это „едва ли не вызовет, с их стороны, волнения, в связи со слухами о добавочных наделах“.

Рабочие решили вновь добиваться наделов. Толчком послужил описанный кризис, выбросивший безработных на произвол судьбы. Людиновцы выбрали трех представителей Г. Сафонова, заменившего собой старшину, который отказался от хлопот, О. Фролова и Н. Миронова, и отправили их с просьбой об увеличении наделов к царю. Кроме того в этом прошении, написанным безработным слесарем Дм. Тимашуриным, рабочие просили об установлении права за ними пользоваться выгоном, известного обеспечения при случаях увольнения, и вообще уменьшения зависимости в выплате зарплаты от заводоуправления. Ходатайство успеха не имело: им ответили, что их просьба может быть удовлетворена лишь по добровольному соглашению с предпринимателем.

Кризис длился долго. В 1883 г. все имущество товарищества было оценено в 18,9 миллионов рублей при наличии 7,5 миллионов руб. долга. Через два года долг возрос до 9,3 миллионов руб. Полученные из Тульского банка под залог половина имущества 3 миллион. руб. дела не попра-

вили, а лишь еще более подорвали кредит, так как использованы были едва-ли рационально. Начавшиеся разногласия в правлении вынудили Мальцева уехать за границу, а кризис дошел до того, что заводы были переданы казне, как главному кредитору, 28-го августа 1885 г. Созданное казенное Управление дело не поправило, а за счет выплаты частных долгов увеличило вдвое казенный долг и разбазарило товарную наличность. На заводах снова началось волнение. Под его влиянием комитет министров принял 5-го июня постановление об обеспечении рабочих путем нарезки наделов и выдачи уволенным в течение одного года по 1 руб. 66 коп. в месяц взрослым и по 83 коп. детям. Но рабочие не были удовлетворены ничтожной подачкой. 105 чел. песоченцев обратились с просьбой об увеличении выдаваемого им пособия. Получив отказ, они стали говорить: «насильно захватим хлеб у местных торговцев; пусть посадят в острог и нас и детей и жен наших, все таки хотя хлеб будет». Для успокоения рабочих были приняты обычные меры: усилена полиция, присланы 2 роты солдат, высланы политически неблагонадежные, прислан для наблюдений чиновник особых поручений Генерозов. Но эти меры не смогли успокоить рабочую массу, из которой более 1000 чел. были выкинутыми из производства, а другие ждали увольнения. Рабочих также волновали волокита о прибавочных наделах, и задержка в нормальной выдаче им дров и хлеба. Вокруг этой хлебной раздачи грели руки откупщики: сам Генерозов нашел на мельнице более 400 п. затхлой сырой и проросшей ржи, предназначенной для размола и выдачи безработным. В ночь на 3-е апреля были расклеены в Людинове 3 одинаковых прокламации, подписанные «людиновским мастеровым». В виду несомненного интереса этой прокламации, я частично привожу ее: „Товарищи мастеровые, нас грабят самым ужасным образом и мы молчим. Нас сажают почти всех на пенсию, а в это время Коновалов с приближенными пьют шампанское, радуясь нашему забитому спокойствию, смеются над тем, что успели довести народ до такого состояния, что за каждую новую подлость их еще больше благодарят сами обиженные. В наших семьях раздается плач детей и матерей, ожидающих совершенного

разорения, а у них раздаются пьяные крики веселья. До каких пор нам еще терпеть. Сегодня уволили 800 чел., через месяц уволят еще и т. д., пока разорят всех. Они говорят, что действуют по высочайшему повелению,—не верьте им».

Дальше воззвание стремится доказать, что виной всему не правительство и не царь, а плохой директор, который за несколько месяцев не платит жалования, отнимает деньги следуемые по закону за 15 дней при расчете, увольняет рабочих, а сам набирает новых счетоводов с тысячными окладами. «Ведь правительством даются деньги на содержание мастеровых, а не на шампанское и на кутеж с девками». Несмотря на некоторые иллюзии о правительстве, прокламация достаточно выявляет активность передового слоя рабочих: «Опомнимся, друзья, не допустим снять с себя последней рубашки. Нам угрожают полицией, но что она может сделать. Разорить нас, но мы и так уже разорены; запереть, но нас и так посадили дома, как бы в остроге, да еще и хуже: и арестанты получают по 10 коп. в день, а нам и этого не дают..... Помните только одно, что соединившись вместе, мы сила, а с каждым порознь могут сделать все что угодно, а потому сплотимся вместе, будем стоять крепко друг за друга и действовать общими силами. Они должны будут уступить нам, принять всех на завод, а если не уступят, мы заставим силой сделать эту уступку».

13-го апреля к приставу явились 12 чел. мастеров, заявивших, что рабочие к воззванию не причастны и ему не сочувствуют, но что не хорошо делает директор, принимая на завод—не людиновцев. В этом лойяльном заявлении все же явно сквозит недовольство даже привелегированных рабочих администрацией, которую считали причиной кризиса, зная, что накладные расходы на изделия завода доходят до 250%. 20-го апреля была найдена новая прокламация, начинающаяся словами: «до каких пор будем мы еще бездействовать». Параллельно росту рабочего движения, шла подготовка к подавлению его. В Брянском уезде стоял Дорогобужский полк, готовый, по просьбе Калужского губернатора, к усмерению восстания. Надо сказать, что рабочие были раздроблены: одни остались на работе, их тревожило будущее; другие получили в конце концов расчет

за 4 месяца и пособие за $1^1/_2$ м-ца вперед. Право пособия было дано мастеровым, уволенным после 1-го августа 1887 г., поэтому даже среди уволенных одни находились в худшем положении, чем другие. Это раздробление интересов массы было выгодным для правительства и учитывалось им. Однако положение считалось настолько серьезным, что в августе 1888 г. В. Плеве командировал чиновника в Людиново для наблюдения за движением и отстранил от должности наиболее продажных и пьяных полицейских. 16-го августа 1888 г. создалось Конкурсное управление, которое закрыло мелкие заводы, сократило производство на крупных. Масса местных рабочих—5 тысяч человек нашла заработок на южнорусских заводах, которые стали там расти в это время. Движение нашло внешний выход, и затихло, хотя правительство знало, что Людиново еще очаг революционной борьбы; Александр III на докладе Калужского губернатора, на том месте, где говорилось, что «участь рабочих будет далеко не обеспечена», велел отметить: „обратить внимание на это“, в смысле усиления полицейского надзора. [1]).

Движение 80-х годов на Людиновском заводе уже характерно некоторыми новыми чертами: здесь наряду с земельными требованиями, вырастают требования экономического порядка, касающиеся улучшения жизни рабочего на фабрике. Этот экономический характер стачек становится преобладающим в 90 г. XIX в. и переносится таким же в революцию 1905 года, когда к экономическим требованиям присоединяются требования политические. Правда, на некоторых заводах, более отсталых технически, связь рабочего с землей оказалась более долговечной; так в июне 1893 г. на Серенском заводе Криворотовых мы встречаемся с забастовкой рабочих в связи с неудовлетворением их просьбы о наделении землей, но этот тип движения уже не является преобладающим. Рабочее движение становится и в Калужской губ. более резко выдержанным, чем прежде. В 1896 г.

[1]). Дела секретной канцелярии Калужского губернатора за 1882 г. № 77; № 58; за 1888 г., № 18, № 6, за 1889 г., № 1. „К истории раб. класса в России“, сообщ. А. А. Сергеев. („Красн. архив, 1922 г., т. II, стр. 189, 195—197).

происходит типичная забастовка на почве экономических требований рабочих ткацкой фабрики Панова, Тарусского уезда.

На ней работало всего 20 мужчин и 25 женщин из местных жителей. Рабочие были недовольны долгими задержками зарплаты, плохим положением фабрики, вынуждавшим необходимость подолгу и часто останавливать машины. Иногда рабочим случалось заработать за месяц всего 2 - 3 руб. Благодаря плохому техническому оборудованию, произошол взрыв парового котла, разрушившего машинное отделение. Некоторые тяжелые машины находились во втором деревянном этаже, так что во время работы все здание тряслось и рабочие боялись несчастья. Забастовка была вызвана задержкой зарплаты и злоупотреблениями фабричной лавочки. 14 июня им было выдано от 25 коп. до 1 руб. и приказано работать, но рабочие отказались, за исключением 5 чел. Несмотря на голод (питались тюрей и водой, а иные нищенствовали), рабочие стойко держались до тех пор, пока 1 июля им не выплатили полностью зарплату.

Такой же экономический характер носили «вспышки недовольства, даже в острой форме», на Людиновском и Песоченском заводах в 1896 г., которые за два года перед этим движением перешли в руки Московского Акционерного общества Мальцевских заводов, находившегося в распоряжении франко-германского капитала. Вызвано было это движение безработицей и увольнением горнозаводских рабочих в сельское состояние. В 1895 г. была стачка рабочих Мышегского завода, недовольных условиями найма.

Окончилась она восстановлением «порядка» со стороны исправника. Аналогичный случай неудачной стачки произошел тогда же и на Дугненском заводе, где главной причиной недовольства был произвол администрации. Впрочем произвола было достаточно и на Мышегском заводе, где два мастера били постоянно рабочих палками [1]. В 1896 г. отмечается неполная забастовка на Троицко-Дашковской бумаго-картонной фабрики; она произошла благодаря сни-

[1]) Дело секретной канцелярии Калужского губернатора за 1895 г. без № со списком фабрик и заводов Калужск. губ. и № 58.

жения зарплаты на ¼ и окончилась удачно, возвращением к старому уровню зарплаты. [1]). Во всех этих случаях забастовок интересно отметить два факта: сосредоточие революционной активности среди рабочих-металлистов и ткачей и близость места распространения этого движения к Серпуховскому уезду, Московской губ., где рабочее движение достаточно было организовано. Что же касается крупнейшего центра Медынского и Боровского фабричного района,— Говардовских и Гончаровских предприятий, то здесь движение не проявило себя в достаточной мере. Причиной слабого развития рабочего движения в этом центре, как уже было отмечено, было сравнительно благополучное положение местного рабочего. После 1861 г. в России наблюдался сильный спрос на бумагу; он вполне оправдывал те расходы, которые были сделаны компанией В. О. Говарда на механизацию производства. Сумма производства все время росла: в 1883-4 г. она равнялась 1.529 тысяч. руб., в 1893-4 г.— 1.757 тысяч. руб., в 1903 г.—2.864 тысяч. руб.

Недовольство рабочих не проявлялось поэтому в острой форме. Лишь в 1886 г., когда под влиянием временного кризиса производилось сокращение рабочих, один из них Иван Стрипачилин, Кондровский уроженец, покушался на жизнь директора фабрики С. А. Тимоховича, якобы, выстрелив в него из пистолета вечером, хотя факт оставался недоказанным.

В начале XX века происходили волнения на Говардовских и Гончаровских предприятиях. Один из Полотняно-Заводских революционных деятелей вспоминает: „В апреле 1903 г. здесь были крупные забастовки рабочих всей фабрики в целях повышения зарплаты... Впрочем забастовки после уступок Д. Д. Гончарова вскоре прекратились и арестованные были выпущены. Были забастовки также и на фабриках Говарда". В феврале 1905 года на Говардовских фабриках мы видим известное брожение среди рабочих,

---

[1]) Из партийного прошлого, сборн. 2, ст. Чаадаевой, стр. 4. Между прочим здесь ошибка: Троицко-Дашковская фабрика не в Перемышльском, а в Тарусском уезде.

но все же здесь нет той упорной и длительной борьбы, какую мы наблюдали хотя бы на Людиновском заводе. [1])

Крупное место в развернувшихся событиях 1905 года в самой Калуге сыграли железнодорожники Сызрано-Вяземской ж. д. К сожалению, об условиях их труда нам почти ничего неизвестно, если не считать тех требований, которые были выставлены ими в февральской забастовке 1905 г., и о которых будет говорить другая статья. По железной дороге разбрасывались прокламации в эшалоны солдат, отправлявшихся с запада в Сибирь для участия в русско-японской войне. У некоторых железнодорожников местных революционеров—существовала связь с рабочими кружками Медынского района и отчасти с Тулой.

Всего на транспортной работе числилось занятым 1,87% всего населения губернии.

Летом 1897 г. была стачка строительных рабочих на Калужском участке строявшейся Киево-Воронежской ж. д., имевшая связь, повидимому, и с явлением недовольства на Сызрано-Вяземской ж. д. [2]).

С 1899 г. в России начался промышленный кризис, явившийся частью кризиса мирового... Ясно, что кризис усугублял классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией. В калужской промышленности кризис дал себя знать сокращением числа заводов и суммы производства.

1901 г.	— 339 фаб. и зав.	— 18446 раб.	— 12892 тыс. руб.	(сумма производств).
1902 г.	— 331 „ „	— 17336 „	— 13467 тыс. руб.	— „ „
1903 г	— 117 „ „	— 11500 „	— 9500 тыс руб.	— „ „
1904 г.	— 101 „ „	— 9242 „	—	— „ „
1905 г.	— 95 „ „	— 8337 „	— 8700 тыс. руб.	— „ „

В 1902 году прекратил свою деятельность Петровский зеркальный завод, Тарусского уезда, принадлежащий Московско-стекло-промышленному обществу, и чугунно-плавильный и литейный завод Булгаковой в Козельском уезде.

[1]) Авраамов. Троицко-Кондровские фабрики (памятная книжка Калужской губ. на 1905 г.). Секрет. дело Калужского губернатора 1886 г. № 51. Д. Разломалин.—Первые шаги партийной организации в Калуге, стр. 57, (сб. „Из парт. прошлого“, Калуга в. I)

[2]) Вязка секретного дела Калужск. губ. за 1888-94 г., дело без №.

За этот год увеличение суммы производства дали бумаго-ткацкие, фаянсовые, маслобойные и мукомольные предприятия; уменьшение дали горные, чугунно-литейные, зеркальные, лесопильные, рогожные и гончарные предприятия. Общая сумма производства в 1902 году возросла за счет дороговизны продуктов промышленности.

В конце 1903 года и начале 1904 г. число предприятий сократилось почти втрое, а сумма производства только на 30%. Признаки кризиса, наступившего особенно остро в 1904 году, заключались в стеснении кредитных операций, затруднении товарного движения по железным дорогам, уменьшении спроса на ряд фабричных изделий, благодаря русско-японской войне и начавшейся революции. [1])

Таким образом, экономическая обстановка вполне об'ясняет нам выступление Калужского пролетариата на активную борьбу с царизмом и буржуазией и степень его активности и политической сознательности. Рост цен на продукты первой необходимости вызывает падение реальной зарплаты и усиление задолженности рабочих, 86% которых числилось должниками к концу 1904 года. Уже в 1904 г. по данным Варзара в Калужской губ. была одна однодневная забастовка в одном предприятии с 36 рабочими; в 1905 году под наблюдением фабричной инспекции находилось 101 заведение с 9242 раб., из них бастовали 5 заведений с 2393 рабочими, т. е. 25,9% всего рабочего населения Калужского края участвовало в забастовках. [2])
Хотя эти официальные данные, повидимому, далеки от действительности и во всяком случае не точны, все же охват революционного движения в Калужской губ. вполне отвечает нашим представлением о ней: бастует основное ядро металлистов, горняков, и отчасти ткачей в нескольких крупных предприятиях.

Очень важным вопросом массового революционного движения является выявление степени влияния разного рода

---

[1]) Цифры взяты из памятной книжки Калужской губ. и жандармских отчетов по Калужск. губ. и данных фабричн. инспекции.

[2]) Варзар В. Е. Стат. сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за 1895—1904 г. г. Спб. 1905 г., табл. 3 и Варзар. Статистика стачек рабочих на фабр. и заводах за 1905 г. СПБ 1908 г. стр. 104.

революционных организаций и личностей на его развитие. В 60—80 годах о каком либо влиянии говорить не приходится: Калуга считалась хорошим местом ссылки, и здесь жили и декабристы из местных помещиков (Оболенский, Свистунов, Батенков) и кавказские горцы, и поляки, и латыш Каспар Беезбардис, обвинявшийся в агитации среди крестьян своего края. В сущности это все не революционный элемент. Важнее, когда в свои деревни возвращались рабочие, участвовавшие в крупных городских движениях: в 1879 г. в деревню прибыли ссыльные рабочие-участники забастовок на Новобумагопрядильне и Измайловской мануфактуре. В 1881 г. ряд крестьян был поселен на своей родине за участие в Киевских и Одесских беспорядках.

Первые следы революционной пропаганды в крае относятся к 1866 г., когда на Людиновском заводе было отмечено влияние народнической пропаганды. „Впоследствии оказалось, что мастеровые были подстрекаемы к неповиновению преступником Ишутиным, который, став во главе революционного кружка, возбуждал их к экономическому перевороту и старался устроить для них завод на началах коммунизма“. Как известно Ишутин стоя во главе организации „Ад“ и был двоюродным братом Каракозова. В 1874 г. народники-лавристы пытались создать кружки среди пильщиков Калужской губ. и опять на заводах Мальцева, в Жиздринск. у. Народническая пропаганда отмечалась в известном процессе 193, [1])—причем в Калужской губ. ее вели А. Головин и С. Ф. Ковалик. Но лишь социал-демократическая партия и прежде всего большевики повели в этом отношении систематическую работу, степень влияния этой пропаганды и агитации росли вместе с революционизированием рабочего класса, осознанием его, как класса „для себя“. Весьма показательна в этом отношении таблица привлечений по политическим делам в Калужской губ.:

---

[1]) Пажитнов. Полож. рабоч. класса в России ч. 2, стр. 277. „Процесс 193-х“. Изд. Саблина. М. 1906 г. стр. 68.

„К истории рабочего класса в России, сообщ. А. А. Сергеев (Красн. Архив, 1922 г., т. II, стр., 196—197).

Годы:	Дознаний:	Арестов:	Обвиненных:
1901	5	—	5
1902	7	5	7
1903	24	24	63
1904	39	39	68
1905	68	68	108

Появляется тип рабочего революционера и социал-демократа. Возникают соц.-демокр. кружки на Полотняном-Заводе, Мышегском заводе и др. На Людиновском заводе в 1901 г. обнаруживается кружок В. Кокаревой, а через два года—подпольная соц.-дем. работа ряда местных и южных рабочих [1]).

Так росла политическая активность трудящихся масс Калужской губ. во второй половине XIX в. и в первые пять лет XX столетия.

Резюмируя все изложенное в данной статье, можно сказать:

1) Во второй половине XIX века Калужская губ. являлась губернией, капиталистически-более отсталой, чем соседние центральные губернии; причиной заторможенного развития промышленного капитализма в крае явилось перемещение главных торгово-промышленных центров за пределы Калужской губ., вследствии изменившихся путей сообщения;

2) Предпосылкой развития промышленного капитализма в крае и его проникновения в область земледелия, явилась крестьянская реформа 1861 г., при проведении которой оказались заложены противоречия всей пореформенной экономики и революции 1905 г.

3) Калужское помещичье хозяйство накануне революции свидетельствовало о глубоком его кризисе и постепенной ликвидации.

Причиной упадка помещичьего хозяйства были сельско-хоз. кризис и низкие хлебные цены, господствовавшие на мировом рынке вплоть до 1897 г., а также заградительные пошлины на русский хлеб за границей.

---

[1]) Д. Жандармск. упр. № 97—1903 г., № 142—1905 г. Сб. „Из прошлого". Революц. борьба рабочих Брянск. г. в 1, Бр. 1924 г.

Помещики видели главную причину упадка своего хозяйства в дороговизне рабочих рук и его „недоброкачественности“, т. е. находились в самом резком антагонизме с сел.-хоз. пролетариатом. Кроме того Калужские помещики были недовольны высокой пошлиной на ввозимые из-за границы сельско хоз. машины, тарифом жел. дорог, конкуренцией торговцев и кулаков в хлебной торговле, т. е. находились в известном антагонизме, также и с промышленной буржуазией и сельской торговой буржуазией.

4) Калужское крестьянское хозяйство испытывало в 1905 году малоземелье в очень сильной степени, в результате чего росла резервная армия с./х. пролетариата, уходившего на заработок в промышленные центры. Разложение крестьянства достигло высокой степени. Кулацкий слой скупал помещичью землю, создавал товарищества, проникал в земские учреждения. Беднота также стала осознавать свои классовые задачи и вела пока неоформленную борьбу против кулачества. Начавшийся с конца 90 г. рост хлебных цен наряду с ростом арендной платы заставлял Калужское крестьянство сильным образом реагировать на помещичьи привилегии в области производства хлеба, и желать разделения помещичьей земли. Отсюда ясно вытекала и политическая роль крестьянства, как союзника пролетариата в буржуазной революции.

5) Несмотря на разобщенность, Калужский пролетариат все же проявил себя активно в событиях 1905 года. Годы 60—80 были чреваты падением реальной зарплаты, которая лишь слегка повысилась к революции 1905 года и была в общем очень низкой. Развитие Калужской промышленности шло по пути концентрации производства, причем своеобразие ее зависело от наличия нескольких гигантских предприятий в общем ряду мелких, полукустарных производств. Пореформенная промышленность Калужской губ. характеризовалась двумя чертами: 1) буржуазно-купеческим характером этой промышленности и 2) связью рабочего с землей, которая явилась основным тормазом пролетаризации рабочего класса в Калужской губ. Почти все стачки 60—80 г. г. носят характер борьбы рабочих за наделение землей. Лишь 90 годы, явившиеся годами размаха

промышленной жизни, создали в Калужской губ. новый тип стачек за достижение экономических интересов рабочих.

6) Кризис, испытывавшийся Калужской промышленностью с конца 90 г. до начала революции 1905 г., заставивший свертывать ряд производств, революционизировал калужских рабочих, причем на подмогу росту рабочей сознательности явилось социал-демократическое учение, первыми проводниками которого среди рабочих явились большевистские ссыльные и сами рабочие.

7) В целом, экономические отношения, перед революцией 1905 г. в Калужской губ. определили развитие классовой борьбы на последующий период, когда образовались местные партийные организации, а рабочее и крестьянское движение достигло крупного размера. Изучение массового движения рабочих и крестьян до революции 1905 г. самым убедительным образом подтверждает и на примере Калужской губ. правильность ленинской линии и оценки движущих сил русской революции.

Б. Тихомиров.

Крестьянское движение в Калужской губернии в 1905 году[1]).

I.

Узел крестьянского движения.

Узел крестьянского движения был крепко завязан еще в 1861 году при проведении освобождения крестьян от крепостной зависимости, когда крестьянские наделы путем отрезков сократились в общем на 20% и крестьяне лишились значительной части той земли, которой они пользовались при крепостном праве. «Великая реформа» оставила во многих местах крестьянское население без лесов, без выгонов, водопоев и т. п., а потому потравы, порубки и т. п. помещичьих угодий не прекращались никогда. А между тем на уменьшившееся количество мужицкой земли, помимо прежних податей, легли еще выкупные, земские, сельские и многие другие платежи, которых не было при крепостном праве. И положение деревни постепенно ухудшалось, ибо, благодаря приросту населения, земельные наделы постепенно измельчали, дойдя в нашей губернии до 2,1 дес. на душу в 1900 году. Деревня истощалась, разорялась, нищала, и это делало ее возбужденной, неспокойной...

Понятно, что волна революционного движения, докатившись из города до деревни, всколыхнула ее и заставила ее также, как и рабочих вести борьбу прежде всего на „экономической" почве. „Мы теперь проснулись, нам теперь бог милости прислал, почему и начали рубить лес",—говорили крестьяне дер. Гулевой, Лихвинского уезда.

---

[1]) Предлагаемая статья первоначально была напечатана в газете „Коммуна" за 1924 г. №№ 252, 257, 260 и 262. В настоящем виде она значительно дополнена новыми материалами. Д. М.

Движение в нашей губернии началось весной, но до ноября были только единичные и случайные выступления. Деревня еще не раскачалась. Зато в ноябре движение широким потоком разлилось по всей губернии и захлестнуло почти все уезды.

В ноябре и декабре уже встречаются и формы политического движения. Брожение, которое охватило тогда всю Россию, не могло не отразиться в деревне края, где значительная часть населения, отходя на заработки, приходила в общение с крупными промышленными и культурными центрами страны.

II.

Волнения в Росве и Дальней Борщевке.

В Росве, Перемышльского уезда, у крестьян с владельцами поместья (Лавровой, Урусовым) были давние споры из-за земли, которые проходили все судебные учреждения. Так в 1897 году крестьяне захватили владельческий участок, но суд, тянувшийся два года и закончившийся в 1899 году в Судебной палате, не признал его за ними. А затем начался спор из-за урочище Прудки, которое раньше было под прудом. Крестьяне претендовали на 5 десятин, которые прежде были под водой и по их сторону р. Росвянки, на берегу которой стоит деревня. И это дело ходило по судам, пока в декабре 1904 года Судебная палата не отклонила крестьянских прав на землю. Когда крестьянам было сообщено, что они проиграли дело, они, не имея на руках указа палаты, не поверили. Между тем, 7-го марта 1905 года явился становой взыскивать с крестьян 80 руб., в которые Урусова оценила арендную плату за Прудки. Крестьяне отказались платить до „окончательного“ рассмотрения дела Судебной палатой. Пристав, однако, хотел приступить к продаже их имущества, но крестьяне оказали ему сильное сопротивление. На подкрепление становому прибыли предводитель дворянства, исправник и земский начальник, которые, однако, ничем помочь ему не могли. Особенно энергично отстаивали свои интересы Г. А. Егоров, Н. Д. Прокошин и С. Найденов... Когда же становой все же хотел присту-

пить к продаже крестьянского имущества и начать с Прокошина, то последний закричал: „не допущу! Будем бить кольями!“ Общество его поддержало и один за другим не пускало пристава во дворы. Не пустил его к себе и староста. Возбуждение крестьян все возрастало, и приставу пришлось поспешно убираться. А вслед ему мужчины, женщины и дети, всей деревней, кричали: „ура!“ бросали в спину мерзлым навозом и снегом и торжествующе гремели в заслонки.

В ином роде разыгралась история 3-го июля в Дальней Борщевке Калужского уезда, где было имение стат. сов. Ершова.

Крестьяне были здесь малоземельны; у них была чересполосица с владениями помещика, запустившего землю под лес и оставившего под нею только 50 дес., которые крестьяне брали исполу; управляющий имением, латыш Зорин, брал с них за потравку и не пускал их скота по барской земле на водопой к реке. Крестьяне были злы на Зорина, но нужда заставила их заарендовать у него луг. К Петрову дню пришли многие из них с заработков и рассказывали об аграрных беспорядках в тех местах, где они были, и о безнаказанности за это крестьян гр. Шереметева. Барщевцы были в повышенном настроении, и нужен был предлог, чтобы разыгралась история.

Крестьяне 3 июля пошли косить заарендованный луг. Здесь они увидели, что часть его оказалась потравлена, как выяснилось, сторожем имения, на 15 руб., который обещал деньги уплатить. Но крестьяне потребовали немедленного удовлетворения от Зорина. Но тот отказался и стал „ругать крестьян матерно и обнажил револьвер“, грозя перебить всех. Часа через два мужики пошли к усадьбе Зорина и „стали просить сбавить цену или отдать деньги назад, а луг отдать другому обществу, но Зорин сам не показался, а дал два выстрела из окон“. „За это мы сделали забастовку“, сказали крестьяне в своем приговоре. Они разрушили ограду усадьбы, перебили много стекол в окнах, разломали рамы, двое дверей, исковеркали мебель, похитили 871 руб. денег и вытащили движимого имущества Зорина на 282 руб., большую часть которого сожгли на дворе,

а часть расхитили. Делали попытку поджечь и дом. Зорин сначала с семейством прятался, а потом бежал к соседнему уряднику.

После разгрома усадьбы крестьяне собрали сход, на котором, по инициативе старосты, сотского и десятского составили упомянутый приговор о „забастовке", который им написал в форме круга их же сельчанин, учитель Балобановской школы, Лихвинского уезда, М. Н. Кальянов. Подписи к приговору также шли в форме круга, так что нельзя было узнать, кто первый подписался. На другой день около 10 часов вечера крестьяне снова отправились было в усадьбу с кольями, впереди женщины и дети, с криком „ура". Но в усадьбу прибыли уже становой, исправник, земский начальник, и были вызваны саперы из Любуцкого лагеря. Исправник начал было уговаривать крестьян разойтись, но на него посыпались угрозы и полетели каменья. Крестьяне стали было напирать на начальство и полицию, которым пришлось бы плохо. Но в это время подоспели бегом саперы, которые и начали оттеснять крестьян в деревню и загонять их по домам. Но вдруг в селе загорелся овин и раздался набат, и часть крестьян выбежала на пожар. Они держались вызывающе, мешали тушить огонь и грозили саперам приходом крестьян из соседних деревень. „Посмотрим, как теперь вы с нами справитесь",—кричали они и звали солдат переходить на свою сторону „вы крестьяне и должны быть за нас".

Но все оказалось тщетным, и ночью были арестованы 11 чел. старостою, сотским и десятским, а на следующий день и Кальянов.

III.

Мирные требования крестьян к землевладельцам в ноябре и декабре.

Требования об облегчении условий аренды, бесплатной выдаче дров и о продаже земли были пред'явлены в Богдановской вол., Лихвинского уезда, крестьянами с-ца Богданова, с. Русанова, дер. Беляевой и Леохиной. В ноябре и декабре крестьяне этих деревень собирались на сходы, сначала по отдельным деревням, потом на общий. На сходах участво-

вали все домохозяева и на них были выработаны указанные требования. Для переговоров с помещиками были выбраны особые выборные. Помещики отказались продать землю, но арендную плату сбавили на 10,12 и 16%, а некоторым крестьянам (д. Беляева) бесплатно выдали на зиму дрова. Насилий никаких не было, и все движение носило характер мирных переговоров.

Не вышли из мирных границ и требования крестьян д. Новолоки, Сергиевсвой волости, Калужского уезда, которые они пред'явили 9-го ноября помещикам Дурново, Корсакову и Никифорову. Они искали прежде всего 37 дес. земли бывших своих помещиков Захаровых, за которые они платили все повинности со дня освобождения, но которых они не находили в своих владениях. Они считали, что эти земли находились в чрезполосной пустоши Квасово, принадлежавшей Дурново. Крестьяне требовали измерения земель и в том случае, если в Квасовой окажется земли больше, чем они предполагали, они соглашались лишек купить. От Корсакова они требовали продажи им пуст. Богдановки, а от Никифорова продажи всей его земли. В случае несогласия владельцев на продажу, им угрожали погромом, а Никифоровскую дачу снести к Оке. В конце концов крестьяне согласились дождаться землемера для отыскания земли Захаровых, не чиня насилий. Уполномоченных их все же вызвали к губернатору.

Не осложнилось дело погромом и в сельце Кстищах, Козельского уезда, где крестьяне пред'явили 22-го ноября владельцу имения Бурнашева приговор, присланный им для подписи от их сельчан рабочих Путиловского завода, с требованием продать им имение и дать ответ не позже 25-го числа.

В случае несогласия на продажу имения крестьяне говорили, что приступят к дележу хлеба и земли.

В том же Козельском уезде в селе Красном 15 крестьян 28-го ноября явились к генер. Нестерову поздравить с праздником и, получив 6 рублей на водку, стали требовать, чтобы он подписал им 75 дес. земли. В случае отказа они угрожали разломать усадьбу. Прибывший урядник заставили их разойтись.

IV.

Ломка помещичьей изгороди и пр.

Ломка помещичьей изгороди, порча оград, буйство встречались не часто и могут быть расматриваемы, как выражения пренебрежения и проявления неприязни к помещику, как таковому, независимо от личности, это один из протестов приниженной личности крестьянина к барину.

Такой случай был 21-го ноября в Лихвинском уезде, когда 5 новобранцев и два крестьянина из с. Ржавца и д. Ястребовой вечером пришли в именье Тимашева-Беринг и стали ломать изгородь усадьбы, разбили на 14 сажень каменную решатчатую ограду, поломали плетень. Затем ворвались в людскую-кухню, стали плясать, при этом разбили окно. Кроме того, сшибли входную дверь во двор, камнями бросали в дом управляющего и разбили несколько стекол в конюшне. 27-го ноября в с. Красном, Козельского уезда, несколько крестьян поломало изгородь и плетень в саду у землевладельца Степанова.

А 16-го ноября крестьяне с. Попелева того же уезда разобрали и разбросали изгородь в именьи наследников князя Вяземского, которая огораживала пруд. Крестьяне говорили, что вода и им нужна на случай пожара и водопоя скота. Здесь крестьяне были определенно недовольны грубым обращением управляющего и его самоуправными действиями. Последний очень перепугался и уехал в Москву, перевезя семейство в соседнее именье.

V.

Самовольная рубка помещичьего леса.

Эта форма крестьянского движения являлась наиболее распространенной в нашей губернии. Отсутствие собственного леса и подсобных хлебопашеству угодий в наделе крестьян, чересполосица с землею помещиков, притязания крестьян на тот или другой участок, кончившийся неудачей в суде, и в редких случаях озорство (в пьяном виде) были ближайшими причинами возникновения порубок в той

или другой местности. В большинстве случаев в движении участвовали, если не все, то большая часть крестьян.

В одних уездах порубки совершались стихийно, т. е. без предварительного обсуждения на сходах, в других местах лес рубили организованным путем, обсудив вопрос на сходке и вынеся соответствующее постановление. А в одном случае, когда порубщиков ловили, и хотели переписать, они подняли красный флаг из шарфа и что-то запели, чем обескуражили и совершенно парализовали энергию администрации.

Движение на леса помещиков началось.

В Мосальском уезде 7-го ноября 7 человек крестьян д. Белой, Мосурской вол., заранее сговорившись и выпив для храбрости, побили стекла у двух односельчан, отказавшихся примкнуть к ним, и пошли в лесную дачу землевладельца В. М. Ипатова, где срубили 39 деревьев. Через пять дней они пришли к Ипатову и просили его не начинать дела.

12-го ноября началась порубка крестьянами дер. Юриной, той же Мосурской волости, у М. И. Владимирова. Рубили лес всем обществом, заявив прибывшему на место действий становому, что они делают просеку для отделения своего леса от Владимирского, хотя они этим лесом никогда не пользовались. Срублено было 112 деревьев и крестьяне отказались прекратить рубку.

28-го ноября крестьяне д. Ясиной, Пятницкой волости, произвели порубку леса у землевладельца М. Гр. Гусарова в его лесу при той же деревне. Когда сторож хотел их задержать, то они погнались, бросая топорами. Дело кончилось жертвой. Сторож выстрелил из ружья и ранил одного из порубщиков.

В декабре, с 3-го числа, стали рубить лес крестьяне д. Пузиковой в даче Климонтовской, у Н. И. Булычева, когда было повалено 218 деревьев. Этот лес, в количестве 35 дес., был спорный. По словам управляющего Булычева, он был куплен последним лет 15 назад у Климонтова, но крестьяне считали его своим, не имея, однако на него документов. Вторичная порубка произошла с 18 на 19-е декабря, когда было срублено 35 деревьев.

Через два дня после этого прибыл в Климонтовскую становой и потребовал старосту и десятского из Пузиковой на место порубки. Вслед за властями стали сбегаться крестьяне, которых набралось до 50 чел. Они были возбуждены, бросались на пристава с кулаками, выламывали колья и кричали: «а, приехал сюда грабить. У нас нет теперь начальства. Бей станового. Рви его на куски». Стражники едва спасли пристава от побоев и, он отделался только портупеей на шпаге, которую у него оторвали. Те же Пузиковские крестьяне в половине декабря в количестве 10 чел. рубили лес у землевладельца И. К Матвеева. Этот лес крестьяне считали своим, так как между крестьянскими владениями и Матвеева не было границы и крестьяне еще в 1903 году подавали в Окружный суд прошение о возобновлении спорных границ. 20 декабря вечером было срублено 300 корней, причем порубщики грозили убить того, кто подойдет к ним. Вырублено было около 2 дес. Ряд крестьян все же был арестован, причем десятский Д. Ефимов заперся с тремя взрослыми сыновьями в доме и кричали, что не отопрутся и угрожали зарубить топором, если будут ломать двери. Дверь все же была отбита и один из Ефимовых был взят с топором в руках.

В Лихвинском уезде набеги на леса помещиков начались в 10-х числах того же ноября, когда крестьяне селения Покровского, Акиншиной и Ширяевой, Нелюбовской волости, одни за другими ездили в лес кн. Барятинской.

12-го ноября 27 чел. крестьяне с. Покровского рубили крупный лес в даче „Кошачьи лапки“, занимающей около 4 дес. Они повалили около $^1/_2$ десятины. Крестьяне считали лес своим. Вслед за ними 16 ноября Акиншинцы в числе 37 человек вырубили в даче „Поганец“ около десятины, заявляя, что часть Поганца около 2 дес. досталась им при наделе от князя Чернышева. Исправник уговорил прекратить на время рубку.

У той же владелицы, крестьяне дер. Лютимки, Васильевской вол., 11-го декабря всем обществом порубили в Александровском хуторе на 2 дес. до 2 тысяч деревьев на 700 р. А в половине декабря крестьяне дер. Горки и Слободки, Песковатской вол., свели около 7 дес. лесу на хуторе „Доб-

рый колодезь“ у П. П. Елагина и в даче Боровня, в которой было 40 десятин лесу. Крестьяне неоднократно судились за Боровню. В 1905 г. они подали новый иск и не хотели допускать до его окончания использовать дачу. Когда Елагин разрешил крестьянам с. Жеремина порубить сухостой и крестьянам д. Свиной забирать ивовый прут, то крестьяне д. Горок и Слободки приехали и свалили деревья с саней Жеременских крестьян и стали рубить лес себе. Они составили приговор о рубке и явились обществом в лес. Отметив 300 саж. в длину и 10 саж. на пай, всего на 30 паев, а в пае по 20 душ муж. п., они бросили жребий и приступили к рубке, несмотря на увещания станового пристава.

Когда 23 декабря пом. исправника убеждал крестьян прекратить порубку, угрожая в случае сопротивления применить силу, то крестьяне заявили, что они будут отстреливаться и посчитаются с Елагиным. Они грозили отобрать в его имении сено (Кипеть), разрушить его усадьбу и в случае стрельбы в них открыть огонь по Елагину. Порубку прекратил командированный для борьбы с аграрным движением Вице-губернатор с казаками. Было арестовано 15 чел., которые были преданы суду, а некоторые высланы в Вологодскую губ.

Особенно жестокому разгрому подвергся лес Черемисиновой при сельце Алексеевском. Это было беспризорное имение, в котором было до 500 дес. лесу, здесь царила полная бесхозяйственность, хотя при имении был об‘ездчик, который из крестьянских порубок сделал доходную статью, взимая, пока не был 10 декабря уволен из именья, от 10 к. до 1 рубля за порубку, или кто сколько заплатит. Лес валили с 26 ноября по 16-е декабря крестьяне целыми обществами селений: Юрова, Князь-Михаилова, Доброходки, Гридневой, Витовки, Митинки, Алексеевки, Новоселок., Шильниковой, Истоминой, Никитского, Плешковой. Кроме того частично рубили крестьяне дер. Волков, Точны, Ракитки, Мосоловой, Кочетовки, а затем делали наезды крестьяне соседних пограничных уездов Перемышльского и Калужского. Повалено было 20 тысяч корней, из которых найдено было у крестьян 1400 деревьев. Увезенный лес был разбросан по оврагам и вершинам и занесен снегом. Черемисинова в от-

чаянии телеграфировала Витте Портсмутскому—„Полное разграбление моего лесного имущества крестьянами, состоящего из 500 дес. леса, заложенного в дворянском банке. Несмотря на неотступные личные просьбы мои губернатору и прокурору о принятии решительных мер продолжается с 26 ноября до сего времени беспрепятственно. Умоляю о помощи“. Эта телеграмма была получена губернатором 15 декабря от Витте и 16 полиция уже действовала. Она застигла на месте до 300 порубщиков.

Дер. Гулева, Грязновской вол., добралась до леса в урочище Виньково, владельцев Ханинского завода Киселевых. Крестьяне срубили и увезли до 500 корней. Когда приехал вызванный Киселевыми становой, крестьяне заявили ему: „Зачем приехал? Уезжай! Здесь делать нечего. Мы теперь проснулись, нам бог послал милость, почему и начали рубить лес Киселева. Нарубим себе срубы и прекращать возку леса не будем“. Крестьяне были настроены очень враждебно и на уговоры станового стоящие сзади переговаривались: „дадим приезжим мойку! Забудут, как к нам ездить“. А затем приставу заявили: „До тех пор не прекратим рубить лес, пока не убьем зав. лесами Киселева Д. А. Красносельского“.

Оказалось, он сильно притеснял крестьян при пилке дров. Кроме того крестьяне чувствовали нужду в лесе, а, между тем, Красносельский брал с них по 80 руб. за 8 арш. сруб, пилил строевой лес на дрова и жег его на уголь. Мужики пред‘явили требование, чтобы он выдал по 40 руб. на пару пильщиков, так как он эти деньги удержал с них, и чтобы отпустил материалу на поправку моста или дал 500 руб. денег.

Когда из старостиной избы, где происходил сход, стали выходить об‘ездчики лесов, приказчики и старосты соседних деревень, созванные становым, то на них посыпались удары, и они поспешно уехали на своих лошадях. Вслед им полетели раздраженные крики, а многие побежали с кольями. Человек 25 вернулось к старосте, которому грубо приказали писать приговор, чтоб на другой день ехать всем обществом в лес, в том числе и старосте, который не ездил. Становой выбрался из старостиной избы только по уходе толпы и успокоении населения.

Наконец общество крестьян с. Грязново 14 декабря составило приговор, в котором постановило с подробной мотивировкой, рубить лес землевладельца Прибыльского. Вот этот интересный документ.

„Приговор крестьян села Грязново“.—„Быв сего числа на нашем сельском сходе в присутствии нашего старосты А. Н. Аверина мы обсудили наши нужды и пришли к очень печальным выводам. Высочайшим Манифестом 19 февраля 1861 г. мы были освобождены от крепостной зависимости. В порыве благодарности мы построили часовню в своем селе в память этого события для нас. Теперь спустя 45 лет, после освобождения мы пришли к тому заключению, что правительство манифестом 19—II—1861 г. нас обмануло и из одной зависимости от помещика, поставило нас в зависимость и от помещика и от целой своры чиновников. Начнем с того, что при освобождении нам даже не была дана та земля, которую мы целый век поливали своим потом, а дано было столько земли, чтобы только не умереть с голоду. Это столько то пахотной (sic! DM), а луга, за исключением негодных к обработке вершин и леса совсем не дано ничего. Но вырвавшись на свободу от помещиков, мы так были рады, что не заметили как нас этими самыми наделами опять правительство отдавало во власть помещиков. С годами население нашего села прибавлялось, а земля оставалась все та же, если не считать уменьшения крестьянской площади землевладения, тем, что межевая яма, находившаяся на расстоянии десятины от истока, была перенесена в сторону крестьянской земли к истоку. Поэтому скоро начал чувствоваться недостаток земли, лишние люди в семьях начали итти в города на заработки и большие в селе семьи начали мельчать, делиться, чтобы прокормиться; оставшиеся дома должны были брать землю у помещика. Аренда год от году все дорожала; земля, не удобряемая помещиком, выпахивалась и т. образом на арендной земле приходилось едва выручать аренду. Чтобы иметь возможность прокормить свой скот пришлось брать в аренду и за отработку луга на тяжелых условиях, предлагалось за выгон скота убрать хлебов и травы 65 десятин и вывезти навоз со скотного двора помещика. Если же урожай получится ниже среднего, то эти работы

сделать на следующий год. С лесом та же история: за каждый прутик пришлось платить деньги, а в случае неимения денег, сидеть зимой в нетопленной избе. Покупали крестьяне землю у помещика. Продать помещик сенатор дейст. ст. с. Е. К. Прибыльский, но он первоначально об'яснил мужикам, что земли у них достаточно, что он видел, как у немцев на полосе в 3 кв. с. благоденствует целая семья, забывая при том, что сам благоденствует на 900 слишком десятинах, а китайцы устраивают огороды иа плодах (?). А потом заломил такую цену, что у крестьян пропала всякая охота покупать землю; находясь в таких стесненных обстоятельствах, мы с восторгом встретили манифест с обещанием расширения площади крестьянского землепользования. Но дадут пока земли, мы в настоящее время, нуждаясь очень сильно в топливе, а также сильно нуждаясь в строевом материале, и при том не имеем моста в нашем селе уже 3 года, на каковой также потребуется материал. И принимая во внимание, что помещик Прибыльский обязан дать нам лесу на постройку моста, потому что на половину земли, где существовал мост, принадлежит помещику, и мы неоднократно просили лесу, и он отказал. А потому мы вынуждены самовольно рубить лес на постройку моста. И при том постановили, что все должны участвовать в рубке леса, как крестьяне домохозяева, так сельские власти и все должностные власти и решили ехать всем сходом в лес помещика порубить себе дров“. Подписи и печать.

16 декабря общество направилось в лес при хуторе Воронино и порубило лес в количестве трех десятин, возрастом 24—26 лет, который и свезли домой. Рубка была остановлена 18 декабря. В качестве зачинщиков и подстрекателей были посажены в тюрьму И. Каталиков, Т. Катухов, Н. Буйдин, Е. Козьмин, А. Аверин, И. Калабахин, Т. Янушин, С. Любин и И. Минов.

В Мещевском и Перемышльском уездах были единичные случаи лесных порубок. В первом крестьяне дер. Курбатовой собрались на сход 1 декабря, на котором пошли разговоры, что у них мало земли, нет лугов для скота и постановили: произвести самовольную рубку леса в имении В. И. Бачи, так как иначе никто про их нужду не узнает.

8 декабря они начали рубить лес, но управляющий имением вошол с ними в добровольное соглашение и рубка прекратилась. Начатое дело осталось без движения.

В Перемышльском уезде крестьяне дер. Сильковой и Дудоровки, Рыченской волости, всем обществом 24 ноября направились рубить участок леса А. Дм. Ерохина, который считали своим, как выросший на их надельной земле, смежной с землей Ерохина. Срубленные 100 деревьев, они вопреки обещания, увезли, но согласились прекратить рубку, если Ерохин вызовет землемера для размежевания земель.

В Калужском и Малоярославецком уездах были только попытки к захвату леса.

14 ноября крестьяне дер. Еловки, Калужского уезда, на сходе словесно постановили срубить в Бердяевке (7 дес.) лес Коншина, так как эта земля их, но Коншин лет 20 назад ее отмежевал. Крестьяне после уговора согласились вести дело в судебном порядке.

В Малоярославецком уезде крестьяне дер. Ивановской, Башмаковской вол., собравшись на сход 23 ноября, повели разговоры о земле, которую они искали судебным порядком 20 лет у лесопромышленника Черикова. Ходатай по их делу, Хохлов, стал выражать жалобы и неудовольствие на правительство, которое не становится на сторону бедных людей и предложил осуществить право самим, запретив Чериковой рубку леса. 40 человек, в том числе и женщины, пошли в лес и заявили сторожу, что они накладывают запрещение на 500 саж. дров и приказывают в течение 3-х дней приостановить их вывозку, иначе они увезут их к себе. По заявлению Чериковой прибыл становой и сумел уговорить крестьян отказаться от самовольных действий.

Беспокойней всего было крестьянство в Козельском уезде, где было более всего нападений на леса помещиков.

20 ноября крестьяне сельца Грива решили „чистить“ спорный участок леса, но после уговоров исправника мирно сошлись с владельцем. Однако через три дня у него начали рубить лес, о котором спора не было.

В тот же день крестьяне села Прысков решили через два дня требовать от Н. С. Кашкина разрешения срубить участок леса, который они называли своим, угрожая иначе

рубить самовольно. Действительно, 22-го числа они прогнали рабочих Капкина из леса и заставили его возчиков, везших картофель на винокуренный завод, выпрячь лошадей. Когда к ним на сходку явился земский начальник, он нашол крестьян возбужденными. Они советовали вообще не ездить к ним чиновникам, грозя растерзать их и только яму для них выкопать бесплатно. 23 числа они решили рубить лес Лужки, который называли своим, и заявили, что весной отберут всю землю у Кашкина.

За прысковцами последовали крестьяне дер. Бестужевки, Комаревки тож, которые 24 ноября начали рубить лес в имении наследников кн. Вяземского. А, 25 и 26 числа дер. Васты, Дудинской вол., в количестве 100 человек в „аграрном беспорядке“ разобрала в лесу Р. И. Шлиппе при с. Колодезях стопу лык, в коей насчитывалось 4000 пуков. Из них 2250 пуков было унесено.

В дер. Колосовой крестьяне выразили претензию на часть леса Булгаковой, а по словам управляющего, крестьяне окрестных деревень уже расчитали, что при дележе Булгаковской земли им придется по 14 десятин на двор. И, действительно, больше всего порубок было в ее лесах. Между прочим у этой Булгаковой ночью на 3-е декабря крестьяне дер. Жильковой, Дудинской вол., около 50 чел. „аграрным беспорядком“ произвели порубку и кражу дров.

Пострадал лес и купцов Меньшиковых, у которых со 2-го по 7-е декабря, крестьяне с. Сорокина, Уколицкой вол., в количестве 187 домохозяев по уговору „аграрным порядком“ вырубили около 5 дес. сорокалетнего лесу сплошной рубкой и около 3 дес. 25—30 летнего, выбирая крупную ель. Зачинщиками оказались староста и писарь. В то же время были произведены небольшие порубки у Клячина в Уколицкой волости.

С особенным упорством действовала дер. Слободка. 21 ноября 3 крестьянина срубили несколько деревьев в лесу Булгаковой и ушли незамеченными стражей. На другой день это повторили 5 чел., на третий день собралось 30 человек, которые уже открыто рубили лутья (на лыко). 24 ноября явилось уже больше 100 человек. Когда в Слободку приехали вызванные власти, то об этом дали знать порубщикам.

Часть их тотчас же побросала лутья, другие ушли незаметно по низменным местам с лутьями; а третья партия человек в 25—30 пошли с лутьями, не скрываясь. Когда старшина хотел их переписать, кто то поднял красный флаг из шарфа, поднялся крик: „стоять всем за одно“ и послышалось какое то пение. Власти растерялись и повернули обратно. 25 ноября пошли в лес 50 человек. Приехал земский начальник, собрал сход и сумел склонить крестьян прекратить набеги на Булгаковский лес с условием, что Булгакова согласится позволить им нарубить дров.

VI.

Погром торговцев и кулаков.

Погромы сельских торговцев и кулаков обычно происходили на почве какого-либо недовольства ими, их грубостью или обманными действиями. Погромы, заключавшиеся, главным образом, в битье стекол, по деревенским понятиям обозначали—„публичный скандал“. Так, 8-го июля, во время ярмарки в с. Мокром, Грибовской вол., Жиздринского уезда, толпа крестьян, недовольных неуступчивостью и притязательностью торговца Кузьмина, побила камнями стекла и двери в его лавке и доме. Предлогом послужило то обстоятельство, что жена крестьянина Моисеенко, которую тот начал бить, скрылась в доме торговца, у которого она жила ранее прислугой. Урядник, пытавшийся прекратить погром, получил удар камнем в голову, от которого он потерял сознание. Жители села не оказали никакого содействия к прекращению беспорядка.

20 ноября новобранцы из с. Ржавца, Лихвинского уезда вечером погромили лавку купца Кривова, разломав в ней запоры и похитили товару на 40 рублей. Самого Кривова сшибли с ног и убежали.

Через 2 дня, 22 ноября, громили торговца Будекина в селе Любоши, Улемльской вол., Жиздринского уезда. Здесь толпа молодежи, человек в 40, главным образом, рабочих на Бежецком заводе, прибывших домой на праздник, пришли в лавку торговца, где держали себя очень шумно. Приказчик вызвал хозяина и, когда тот явился, то они вместе стали удалять молодежь из лавки и закрыли дверь в нее.

Приказчик остался на улице у лавки и его избили. Вырвавшись, он побежал во двор и схватил топор, а Будекин вышел с револьвером. Толпа стала на них напирать. Приказчик отмахивался топором и ранил одного из нападавших. Тогда толпа стала громить камнями и поленьями стекла и ломать двери. Будекин вытребовал из Дятькова 20 казаков. После этого наступило спокойствие и казаки на другой день уехали. Причиной неприязненных отношений к Будекину была постройка им дома не на том месте, которое отвело ему общество, а на другом, занятом им будто бы по фальшивому приговору и по соглашению с одним старшиной. Крестьяне по этому вопросу жаловались в уездный с'езд, но безрезультатно.

23 декабря крестьяне дер. Зимниц, Бутчинской вол., побили стекла в окнах и дверях лавки местного торговца Лобанова. На другой день они взяли у него с угрозами 100 руб., которые через несколько дней, за исключением 5 рублей, старшина ему возвратил.

Досталось и крестьянину Горбачеву в дер. Холоповой, Бабичевской вол., Малоярославецкого уезда. У него были 27 декабря выбиты стекла в доме односельчанами под предводительством гр. Павлова, за что последний был арестован и предназначен к высылке.

Также были арестованы и предназначены к высылке на 3 года крестьяне с. Плохина И. Ф. Епишкин, М. С. Сидоров и Н. С. Бирюков за попытку произвести в конце декабря погром торговых заведений в своем селе и за возбуждение народа к беспорядкам. Епишкин бил стекла в доме купцов Меньшиковых и ворвался в их магазин с целью возбудить народ к его разгрому.

VII.

Поджоги.

О них в 1905 году было известно немного. Два случая были в Тырновской волости, Перемышльского уезда. Здесь 19 ноября в 8 часов вечера в экономии С. Н. Тетеревенковой при с. Куракиной сгорел барский дом от поджога. А на следующий день сгорела хлебня. Крестьяне не принимали

участия в тушении пожара и грозили бросить старосту в огонь, так как, по их словам, подожгли сами рабочие.

Один случай покушения на поджог был в с. Чавле, Мещевского уезда, в имении помещицы Бракгаузен. Это была скупая женщина. В черте крестьянской земли лежало ее 1/2 дес., за которые она просила с крестьян 500 руб. Немудрено, что крестьяне покушались поджечь ее дом летом. А затем 28 ноября кр. И. И. Петров, возвратившись из Мещевска, пошел по селу и стучал каждому в окно, призывая громить экономию, ломать амбары, выгребать хлеб, убить барыню и сжечь дом. К нему присоединилось было человек семь, но их родные увели по домам. А Петров, продолжая стучать в окна, кричал: «Идем барыню бастовать». Однако, никто не пошел с ним, а он начал было поджигать крестьянскую солому. Но его удержали, а потом привлекли к дознанию. Крестьяне не хотели покупать землю, а решили запахать ее весною самоуправно.

В ночь под 25 ноября в с. Сосновке Мещевского уезда был сожжен двухэтажный дом И. Н. Манасеина с мебелью и со всем имуществом.

VIII.

Насильственное возвращение земли.

Такой случай был в декабре в с. Милятине Мосальского уезда. Здесь в 1901 году землемер производил размежевание земель и отвел кн. Юсуповой часть земли, которую крестьяне с. Милятина считали своей. Юсупова огородила ее забором и складывала там свои дрова. Крестьяне пытались восстановить свои права судом, но проиграли дело, и с них взыскивали судебные издержки. Крестьяне были обижены и озлоблены на управляющего и его помощника. В ноябре в Милятине поползли слухи о погроме усадьбы Юсуповой и по адресу управляющего Кузьменко слышались угрозы: „возите, возите воду, только пить то вам не придется“... „Работайте, работайте, только кому достанется ваша работа“. Кузьменко сообщил о положении дел и о настроении крестьян Юсупову, и тот просил о присылке 50 солдат в имение. Но в этом было отказано. Между тем, 30 ноября на сельском

сходе крестьяне 1-й части погорелой стороны *) постановили: разобрать на другой день забор Юсуповой и вернуть землю в свое владение. Напрасно уговаривал крестьян земский начальник; его не слушали. Однако, постановление почему то не было осуществлено 1-го декабря. Новый сход собрался 4-го декабря и подтвердил прежнее постановление, назначив разборку забора на 5-е число. Об этом немедленно донесли становому, который тотчас же дал знать в Милятино, что он назначает сельский сход на 5-е. С 8-ми часов утра он был уже на месте в сопровождении 15 сотских, десятских старост и урядников. На сход собралось до 70 человек, но все они заявили на речи станового, что они это уже слышали от земского, и забор они все равно разберут. Действительно часа через два крестьяне и занялись этим делом. Становой отправился туда же и приказал было прекратить разрушение забора. В ответ посыпались оскорбления и его даже два раза ударили в грудь. Урядники бросились защищать станового, но им тоже досталось. Пришлось всем спешно уходить из толпы, которая всем им вслед пускала топоры, одним из коих попало приставу в бок. Особенно плохо пришлось старосте и старшине...

Когда забор был разрушен, возбужденные крестьяне пошли искать станового и его свиту, чтобы их избить, но не нашли. Управляющий и его помощник также исчезли.

В поисках агитаторов среди крестьян заподозрели сына местного священника В. П. Боголюбова, который в следующем году по другому поводу был выслан на север.

IX.

Погромы усадеб помещиков и их служащих.

Эта форма крестьянского движения в центральных губерниях встречается не часто, тогда как на юге она составляет отличительную черту его. Немного таких случаев известно и по нашей губернии, и все они протекали сравнительно легко, ограничиваясь битьем окон, выламыванием

*) Милятино большое село, в нем более 1000 человек жителей.

дверей, разрушением оград, изгородей и пр. Имущество же и инвентарь владельца оставались целы.

Пострадал, например, крестьянин дер. Гороховки Перемышльского уезда Т. М. Шумилин, служивший сторожем имения купца Прохорова. Погром его дома учинили крестьяне дер. Варушицы, Лихвинского уезда, лежащей в одной версте от Гороховки. Шумилин озлобил их ревностным исполнением своих обязанностей, так как исправно загонял варушицкий скот и взыскивал за потраву.

7-го ноября толпа варушицких крестьян пришла в Гороховку, и за отсутствием Шумилина, стала требовать от его жены возвращения гривенников, взысканных за потравку. Получив отказ, толпа стала грозить разнести дом, порубить лес Прохорова и забрать его землю, как принадлежащую им. При этом двое крестьян ударили жену Шумилина. На другой день, 8 ноября, толпа, главным образом молодежь, вернувшаяся с заработка с юга, снова пришла к дому Шумилина, перебила у него окна и двери, до основания подрубила крыльцо и завалила его, а также сбросила часть черепичной крыши по фасаду. Дочери Шумилина нанесли рану в голову палкой. А затем разошлись... От 17-го ноября Лихвинский исправник телеграфировал Перемышльскому, что варушицкие крестьяне „20 предполагают снести постройки и рубить лес Прохорова“. Слухи, однако, оказались преувеличены. Крестьяне больше не трогали Шумилина, а на сходе составили приговор о восстановлении их права владения на землю (по суду, присвоенную купцом Прохоровым) и направили его к исправнику с требованием дать ответ через три дня. В случае неполучения от него в означенный срок утвердительного ответа, они грозили приступить к порубке леса и увозу сена, находящегося на спорной земле. Исправник, однако, уговорил крестьян действовать еще раз при помощи суда, обещав им свое содействие. Крестьяне согласились ждать только месяц и в приговоре, переданном ими исправнику, определенно заявлялось, что, в случае неполучения в срок ответа, они приступят к выполнению своего постановления.

В трех случаях погромы коснулись самих помещиков. 23 ноября в деревне Усовой, Козельского уезда, крестьяне

сделали нападение на усадьбу арендатора имения Ломакиной Пестрикова. Они ломились в двери и более двух часов бомбардировали окна камнями. Пестриков отстреливался и выпустил более 20 пуль. После этого малолетних детей Ломакиной он отвез в Козельск.

29-го ноября в час дня крестьяне села Красного, Козельского уезда, со своими женами и детьми в числе более 100 человек произвели нападение на имение отставного генер-лейтен. П. Н. Нестерова, разбили в доме стекла, уничтожили кушанье, а также силою вынудили у него обязательство об уступке 75 дес. земли.

6-го декабря небольшой погром произошел в сельце Алексеевском, Нелюбовской вол., Лихвинского уезда. Здесь толпа молодежи в 20—25 чел. около 12 час. ночи, проходя мимо дома помещицы Черемисиновой, начала кричать по ее адресу угрозы, а затем полетели камни в окна и раздались выстрелы из револьвера. Самой Черемисиновой дома не было, а оставшаяся ее дочь в испуге ушла из дома во время нападения.

Наконец, в Тарусском уезде в экономии Салтыкова земского начальника Голубицкого, погром, затевавшийся 24 ноября, почему то не осуществился. Слухи о готовящемся разгроме усадьбы ходили еще с осени, но только в этот день вечером явились в усадьбу четверо выпивших крестьян с кольями в руках и стали кричать служащим усадьбы, чтобы они уходили, угрожая в противном случае побить их. А затем пошли в барский дом, ломились в двери и требовали „барыню“. Вблизи стояло еще человек семь крестьян, а за парком в лесу были слышны крики неизвестных, грозивших разгромить усадьбу. Перепуганные рабочие разбежались: ушла и сама Голубицкая с детьми черным ходом в с. Услимо. А потом разошлись и крестьяне, не тронув усадьбы.

X.

Требования выдачи продовольственных капиталов и разбор хлебозапасных магазинов.

Эта форма крестьянского движения должна быть отнесена уже к проявлению недовольства крестьян властью. Продовольственные капиталы требовали выдать в Медын-

ском, Лихвинском, Мещевском и Мосальском уездах, а хлебозапасные магазины стремились разбирать в Козельском у.

В Медынском уезде крестьяне села Егорья-Илемны Кременской вол. в числе 50 домохозяев составили приговор в присутствии местного старосты о том, чтобы в виду затруднительного, в настоящее время для крестьян, положения, у них не достает средств для уплаты налогов за истекший год, а потому требовать возвращения им на руки продовольственного капитала, собираемого с них в течение времени с 1901 года по текущий год, в размере 43 коп. с ревизской души в год; всего за пять лет 464 руб. 40 коп. Означенный капитал они решили употребить на пополнение уплаты податей. Староста был принужден крестьянами подписать этот приговор.

Такие же течения были и в Ореховенской вол. Там крестьяне настойчиво требовали составление приговоров о том, чтобы уплаченные ими в течение пяти лет продовольственные платежи были возвращены и что они на будущее время отказываются их платить. Для лучшего достижения своих целей они заявляли об отказе вносить казенные и земские платежи до возвращения им продовольственных платежей. Крестьяне угрожали беспорядками, если не будет удовлетворена их просьба о составлении приговоров.

Это движение распространилось и в Лихвинском уезде. Земский начальник 1-го участка этого уезда от 15 ноября доносил губернатору; „в последнее время почти ежедневно перед наступлением сроков платежей являются ко мне сельские старосты и заявляют, что общества . . . заявляют требования о возвращении выкупных платежей“.

В Мещовском уезде продовольственные капиталы требовала Мошонская волость, крестьяне которой 13 ноября подали приговор об этом своему старшине. Одни из них мотивировали это отсутствием средств на уплату выкупных платежей, и другие — на продовольствие. Через два дня 15 ноября, несколько крестьянских обществ той же волости с тем же требованием обратились к земскому начальнику, причем были очень настойчивы. Как выяснилось, у крестьян не было на руках дубликатов сберегательных книжек, подлинники которых хранились в казначействе. А постановле-

ние о выдаче дубликатов в течение года осуществлено не было, почему у крестьян явилось недоверие и сомнение в целости капиталов. Движение улеглось тогда, когда в первом случае были изготовлены и выданы дубликаты книжек, а во втором, когда земский начальник дал согласие возбудить ходатайство о возращении на руки капиталов.

Такие же требования были пред'явлены 20-го декабря толпою крестьян дер. Глотова, Боровенской вол., Мосальского уезда, земскому начальнику и уездному с'езду. Крестьяне успокоились только после отправки земским начальником телеграммы губернатору о разрешении выдачи.

Разборы хлебозапасных магазинов начались 17 ноября в дер. Копоново, Козельского уезда. Через три дня, 20-го числа, тоже произошло в селе Нижних Прысках, а 22 собирались последовать этому примеру верхние Прыски. Наконец, 23 ноября более 100 чел. крестьян дер. Антиповой того же уезда собрались к земскому начальнику Аксакову с требованием разрешить им разобрать хлебозапасные магазины и возвратить продовольственные деньги. Аксакова дома не было, но он уведомил старшину, что разрешается составлять приговоры о разборе магазинов. Крестьяне успокоились.

XI.

Отказ и задержка в платеже податей.

Эта форма проявления недовольства властью встречается в материалах 1905 года не редко. 22 ноября крестьяне села Нижние Прыски, Козельского уезда, заявили земскому начальнику и становому, что они больше не желают и не будут платить никаких податей и повинностей. Такое же настроение проявилось и в Стрелинской волости, Мещевского уезда, где крестьяне отказались платить окладные сборы на 1-е декабря. Негласное расследование в последнем случае вскрыло, что пом. писаря Утешевского волостного правления крестьян. с. Стрельны И. Трусов на базаре подстрекал крестьян к неплатежу податей и требованию продовольственных капиталов, писал крестьянам приговора и агитировал к неповиновению и непризнанию властей. Агитацию в том же направлении вел среди крестьян. дер.

Долгой и Узломки, Дубровской вол., Мосальского уезда, И. П. Пресняков, с-р., вернувшийся из ссылки и скоро снова высланный. Узломка отказалась от платежа податей.

В том же уезде 4-го декабря крестьянин с. Конецполя С. Д. Матюшин на сходе заявил, что теперь не следут платить в казну какие либо подати, в результате чего подати перестали поступать. Матюшин был арестован и предназначен к высылке в Вологодскую губ. на три года, а затем эта мера была заменена гласным надзором на родине. Но особенно был распространен отказ от платежа податей в Лихвинском уезде. Земский начальник 1-го участка от 15 ноября сообщал губернатору, что общество отказывается платить выкупные и продовольственные платежи. Из разговора с являющимися выборными и властями выяснилось, что „первый платеж они считают незаконным, так как манифестом от 18 февраля они признаются собственниками земли и потому им платить не за что, а продовольственный сбор не хотят платить потому, что считают этот капитал своим собственным и, во вторых, видят, что селения, оставшиеся на натуральной повинности, в течение 5 лет не засыпали ни одного зерна“. Это настроение крестьян начальник об‘яснял влиянием рабочих, вернувшихся с отхожих промыслов, где они начитались революционных прокламаций. Со времени их возвращения „в наши селения проник дух недоверия и неповиновения“, пишет он. „Есть случаи открытого возбуждения крестьян к отказу от уплаты повинностей“. По сообщению земского начальника 2 участка того же уезда, известного потом секретаря Государственной Думы И. И. Дмитрюкова, и там замечалось такое же настроение.

Наконец, под разными предлогами по донесению старшины от 15 ноября, отказывались платить подати крестьяне Ореховенской волости, Медынского уезда.

XII.

Митинги и подача петиций „Крестьянскому союзу“.

Публичное обсуждение политических вопросов состоялось в любопытной обстановке в селе Костине, Медынского уезда. Здесь 21 ноября священник Никольский после обедни читал манифест 17 октября и 3 ноября, после чего кресть-

янин дер. Мишневой, Барсуковской вол., Н. Степанов стал предлагать ему вопросы, касающиеся неправильного распределения богатств. Во время этой беседы „священник" без всякой видимой надобности достал из кармана печатную прокламацию: „Долой предателей", взятую накануне у одного крестьянина и прочел ее. Она призывала к борьбе с самодержавием, которое „есть злейший враг России и стремится всеми силами нанести этому врагу последний удар". Обсуждая прокламацию, священник порицал выпады против царя, администрации и полиции, но высказывался за ограничение самодержавия. Затем Степанов достал прокламацию „Крестьянская правда", и ее читал Никольский. Обсуждение ее не состоялось, так как беседа тянулась более двух часов, и утомленные крестьяне стали расходиться. В церкви было около 350 человек. В значительно меньших размерах устроил в своей избе беседу 19 декабря крестьянин дер. Орловой, Кумовской волости, Перемышльского уезда, И. Я. Воробьев, вернувшийся на родину из Москвы. У него собралось человек 10 крестьян, которым Воробьев доказывал, что у помещиков надо отобрать землю, так как они приобрели ее не трудом, а дарами Екатерины II; что у некоторых помещиков имеется до 600 тысяч десятин земли, а у императорской семьи до 7 миллионов десятин земли, между тем, как у крестьян ее мало; и что это несправедливо. Воробьев говорил, что всю землю надо отобрать в пользу крестьян, и чтобы каждый обрабатывал свою землю своим трудом, а у помещиков чтобы не работать, для чего нужно сплотиться. Это послужит понудительной мерой к переходу земли в руки крестьян. Затрагивал Воробьев вопрос и о борьбе революционеров с правительством. Он указывал, что царское семейство и высшие чиновники получают огромное жалование, как, например, и генерал Куропаткин, получающий 140 тысяч рублей; с такой несправедливостью борется общество революционеров, из которых погиб в борьбе имеющий 2 миллиона рублей и дом в Москве (Н. П. Каляев). По окончании беседы пели похоронный марш. Воробьев был выслан на 3 года.

Настоящие митинги были устроены в селе Сугонове 11 декабря и в конце этого месяца. В первый раз кресть-

янин дер. Лоторевой В. М. Варфоломеев и крестьянин дер. Полухиной Д. С. Гаврилов собрали на площади села Сугонова крестьян разных деревень и произнесли политические речи о несправедливом отношении правительства к народу и о манифесте 17 октября. Во второй раз устроил митинг крестьянин дер. Анашкиной Е. Фролов, который в своей речи порицал правительство и возбуждал против него крестьян. Фролов был на месяц арестован, а затем было сделано представление о его высылке на 2 года.

Петиция же на имя бюро крестьянского союза была принята на сельском сходе дер. Дубровки, Грибовской вол., Жиздринского уезда, 13-го ноября. Вдохновителем этого дела был молодой П. Ф. Лучкин, получивший образование во второклассной школе и служивший почталионом. Помимо Лучкина созывали сход, помимо старосты Д. И. Морозов и десятский Д. С. Лисеевский. На сход собрались в полном составе до 100 домохозяев, а руководил ими Лучкин, принесший уже заготовленный текст петиции. В ней содержалось требование освободить крестьянский выгон от притеснения соседних землевладельцев, побудить их продавать дрова крестьянам по доступной цене, отменить институт земских начальников, отменить смертную казнь вообще и по отношению к участникам кронштадтского восстания в частности.

Старосту заставили приложить печать к петиции.

Имелись сведения, что такие же петиции собирались отправить крестьяне деревни Нижних и Верхних Барсуков, но приняли ли их на сходах, неизвестно.

В деревне Клово, Чубаровской вол., Боровского уезда, была устроена демонстрация, организатором которой был крестьянин Сем. Н. Калмыков. Он собрал 30—40 человек молодежи, и 18-го декабря днем все они с красным флагом пошли из села Каменского в дер. Клово. Проходя по деревне, они пели песни, в которой всячески оскорблялись каждый из царской фамилии. Калмыков вел вообще упорную агитацию, открыто говоря толпе крестьян: „нам не надо царя“, „царь кровопивец“, он же доказывал, что нет бога, ругал бога, говоря: „бог ваш у меня на детородном члене“, церковь называл „мастерской царя“. Касался он и социального вопроса, проводя мысль о необходимости ура-

внять богатых с бедными и для этого отобрать у помещиков землю и т. д. Пропагандой и агитацией Калмыков занимался в чайных с. Каменского и д. Кловой. Он был выслан под надзор полиции на 3 года в Архангельскую губернию.

Мы исчерпали весь материал архивов, имеющихся в нашем распоряжении. Этим, вряд ли, однако, охвачено все крестьянское движение нашей губернии; вероятно, в уездных и волостных архивах, если они уцелели, можно найти не мало и других данных. Но и опубликованных нами сведений достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

Наши статьи показывают, что крестьяне начали борьбу с помещиками на экономической почве и сокровенной их целью была земля.

Крестьяне села Ореховни и дер. Печурино, Медынского уезда, требуют составления приговоров об отчуждении им помещичьих отрезков, которые они арендуют у Шахова. В Лихвинском уезде по свидетельству земского начальника Н. И. Дмитрюкова „все крестьяне заявляют требование о наделении их землею путем ли приобретения от частных владельцев или путем наделения казенной земли... „Местное население хотя очень озабочено вопросом о земле, но склонно к разрешению его мирным путем“. Но такое настроение, конечно, может измениться под влиянием пропаганды идей крайних партий“.

Однако, просветлению крестьянского самосознания содействовали не только „крайние“ партии, но и сама власть.

При всяком своем выступлении против помещиков крестьяне наталкивались на „увещания“ властей, сводившиеся к защите интересов помещиков.

Крестьяне переносят свою вражду и на представителей власти, включая их в один враждебный стан.

Д. Малинин.

И с т о ч н и к и:

1. Архив Канцелярии губернатора по второму столу. Дела за 1905 год №№ 91, 203, 323, 361. 367, 368, 369, 370, 372, 375, 376, 383, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396. 397, 398, 399, 400.

2. Архив Губернского Жандармск. Управления за 1995 г. Дело № 151.

3. Труды Вольного Экономического Общества Аграрное движение в России в 1905—1906 г. СПБ. 1908. т. I.

4. Газеты за 1905 г. 1) „Новое Время“ №№ 10.593 и 10.629; 2) „Наша жизнь“ № 194.

Рабочее движение в Калужской губернии в 1905 году.

I.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ БОРЬБЫ[1]).

9-е января вызвало в рабочем классе России такой взмах движения, которого никогда еще не было видано раньше. Два месяца—январь, февраль Россия от одного конца до другого была наполнена непрерывным бурным рокотом борьбы рабочего класса.

Два м-ца перекатывались забастовки из края в край России, захватив 122 города и местечка и втянув в себя до миллиона рабочих.

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ оказалось толчком, разбудившим классовую солидарность и бросившим рабочие массы к упорной борьбе.

И Россия в январе 1905 года резко отличалась от России в марте того же года. Это были две разных страны. Насколько первая была верноподданической, настолько вторая была явно, хотя еще и неорганизованно, революционной.

1. Стачка железнодорожников Московско-Брянской линии.

Не остались чужды этому движению рабочие и нашей губернии. Они были вовлечены в могучий шквал забастовочной волны железнодорожной стачкой, начавшейся в Саратове 12 января и окончившейся 19-го, когда саратовцы, поддержанные забастовавшей линией, добились значительных уступок.

---

[1]) В основу этой работы легла наша статья № 245 „Коммуны" за 1924 г. Здесь она исправлена и значительно дополнена новым материалом—Д. М.

Весть о победе этой первой в России забастовки железнодорожных служащих произвела на персонал других дорог необыкновенно сильное впечатление.

Под влиянием Саратовской победы в феврале—волнения железнодорожных служащих и рабочих можно было наблюдать уже в самых разных местах. 4-го февраля вспыхнула забастовка на линии Москва-Виндава, а 8-го стала Московско-Брянская дорога, главная часть пути которой тянется по нашей губернии.

Забастовка здесь готовилась еще с конца января, когда начальники станций по линии стали получать в портфелях с корреспонденцией воззвания служащих управления дороги из Курска, приглашавших «присоединиться к забастовке и через своих делегатов тоже пред'явить свои требования».

«Критическая минута нашего рабства наступает», говорилось в одном из рассылаемых воззваний—«ни на иоту, ни на полпяди не отступать от выработанных требований»...

«Единение всех есть лучший залог для исполнения наших требований».

«Если не теперь, то когда же мы добьемся человеческих прав наших гуманных требований?» Нет. «Ждать нельзя».

Эти требования сводились к увеличению заработной платы, сокращению рабочих часов, улучшению вообще материального положения и служебно-правового, сравнению в правах по бесплатному проезду и по участию в пенсионной кассе с служащими на казенных дорогах[1]), к допущению избранных представителей служащих, к участию в комиссии по расследованию проступков железнодорожников и к удалению некоторых лиц.

«Служащие Управления», призывало другое воззвание: «Сегодня, 31 января, в 12 часов дня управляющему дорогой пред'явлены требования для улучшения экономического и служебного положения. И если они не будут удовлетво-

---

[1]) Московско-Киево-Воронежская железная дорога, в состав которой входила Московско-Брянская линия, тогда принадлежала частному обществу.

рены через 48 часов, то об‘являем забастовку. Просим всех служащих присоединиться к забастовке и через своих делегатов тоже пред‘явить свои требования».

На следующий день новая прокламация призывала „всех до единого 2-го февраля в 12 часов дня собраться в главное Управление“.

«Если мы тогда не встретим удовлетворения наших требований, то и они получат должный отпор. Линия нашей дороги ежеминутно поголовно ждет сигнала—они готовы на все. Посмотрите, как все растет, крепнет и какая мощь».

«Завтра торжественный день,—день, который отметится в наших сердцах, как праздник торжества правды над грубой силой. Этот день наше потомство занесет на скрижали. Оно будет жить им. Это поистине наш железнодорожный праздник. Соберитесь же в назначенный день и час».

«Наш завет: все за одного и один за всех».

Эти воззвания с линии Московско-Брянской дороги попадали на ст. Калуга—товарная, а оттуда и на Сызрано-Вяземскую жел. дорогу и волновали рабочих и служащих, настроение которых и без того было приподнято агитацией, ведшейся уже с половины января. Железнодорожники с лихорадочным возбуждением следили за ходом дел...

В Курске, повидимому, большинство требований было отклонено. Но 4-го февраля был убит в Москве бомбой И. П. Каляева великий князь Сергей. Это был революционный успех, который подлил масла в огонь. И 7-го февраля по Московско-Брянской ж.-д., прошла телеграмма по линии за подписью „служащих Москвы“: „Завтра, 8-го февраля, в 6 час. утра движение из Москвы прекращается до удовлетворения требований. Пропускайте только воинские и один почтовый вагон“.

Действительно, все служащие и рабочие станции Сухиничи, Малоярославец, Тихонова-Пустынь и др. забастовали и дорога стала. Движение возобновилось через три дня, с 10 часов 11-го февраля.

Во время этой забастовки низшими служащими ст. Малоярославец были пред‘явлены к своему начальству требования о прибавке жалования, об устройстве при станции ремесленного училища, бани для всех служащих и т. п.

2. Забастовка Калужских мастерских. Стачка на Сукремльском заводе.

События на Брянской дороге стихийно перебросились на Сызрано-Вяземскую жел. дорогу.

Здесь эсдэки агитировали еще с половины января. Так 20 января в мастерских были разбросаны прокламации Калужской группы эсдэков «к рабочим мастерских Сыз.-Вяз. жел. дороги», в которых описывались события 9 января и рабочие призывались пред'явить общеполитические и экономические требования:

„Товарищи!“ призывали эсдеки „нам не нужно царя, который с зверской жестокостью проливает кровь ни в чем неповинных граждан, который не желает даже выслушать свой народ, который с беззастенчивой наглостью травит всех рабочих, в своих жалких лачугах обсуждающих пути к улучшению своей жизни, а в то же время щедр и милостив к расхитителям народного труда—капиталистам.

Вместе с товарищами рабочими Петрограда, Москвы, Риги, Ревеля, Ковно, Баку, Саратова и других народов мы единодушно должны требовать и добиваться всестороннего улучшения своего положения, полной свободы в защите своих экономических и политических интересов“.

Далее перечислялись 7 политических требований, одно о прекращении войны и 8 экономических требований, общих для всего рабочего класса. Повидимому, телеграмма „служащих из Москвы“ сделалась известной и в наших мастерских. И когда дошли слухи, что „Брянка“ становится, рабочие сборного цеха в 3 часа дня бросили работу и направились в кузнечный и другие цехи с требованием забастовать. Некоторые из рабочих сборного цеха стали бросать мусор под ремни на шкивы, вследствие чего заведывающие цехами принуждены были остановить работы. 1350 человек, за исключением рабочих депо, разошлись по домам, не пред'явив даже никаких требований.

На другой день утром по гудку около 500 рабочих собрались в мастерские и стали на работы, но к 10 часам утра в мастерские пришли и остальные рабочие, и работа снова прекратилась. Рабочие пошли на сходку в одно из

помещений мастерских, где занялись обсуждением повидимому заранее выработанной петиции, называвшейся „общей просьбой мастеровых Сызрано-Вяз. ж. дороги Калужских мастерских“. Петиция состояла из 17 пунктов, 12 из которых касались улучшения условий труда, а именно: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) уменьшение числа бригад, бригадиры которых должны избираться самими мастеровыми, 3) плата чернорабочему должна быть не менее 70 коп. в день, ученику прибавка ежегодно по 10 коп.; предел ученика 80 коп; предел мастерового специалиста не менее 1 руб. в день; 4) бестарифные работы должны производиться обязательно с согласия выборных, а главное цена устанавливается до начала работ. На тарифные работы увеличить расценок на 25% и пересмотреть с участием выборных, 5) за неурочные работы плата за один час—два часа и по доброму согласию с мастеровыми; 6) за брак не по вине рабочего платить, смотря по произведенной обработке, 7) улучшить санитарное состояние мастерских, 8) за время болезни плата мастеровым и ученикам не до 5 дней, а за 1 день полностью. 9) на похороны семьи выдавать суммы из Управления без проволочки, 10) увольнение мастеровых должно производиться с согласия выборных от мастерских, 11) безусловно вежливое обращение, 12) обеспечить выдачу и доставку материалов и увеличить штат чернорабочих.

В других пунктах содержались требования о наложении взысканий на мастеров за несправедливое и неучастливое отношение к рабочим и о гарантиях неприкосновенности депутатов, а также о невзысканиях за участие в забастовке и пр. 13) мастеру малого ремонта сделать строгий выговор за возмутительное обращение. Ограничить сборного мастера Гойера, его помощников Глаголева и Куприянова, подмастера кузнечного цеха Абрамова и монтера вагонного цеха Моршакова, монтера малого ремонта Смирнова в притеснении мастеровых и сделать им строгий публичный выговор. Моршакову, Смирнову, Куприянову и Глаголеву подыскать более подходящие занятия, 14) выдача бесплатных проездных билетов должна производиться неукоснительно и без задержки по § 26 расчетной книжки для служащего и его семьи, а также и снабжать билетами

и учеников, 15) никто не должен пострадать от забастовки, 16) за время забастовки должна быть уплачена поденная плата, 17) депутаты не должны быть ответственны за то, что они представляют требования и желания всех мастеровых, в чем администрация должна их обеспечить и гарантировать их неприкосновенность как внутри, так и вне мастерских.

Для раз'яснения пунктов петиции были выбраны по два представителя от каждого цеха. Петиция была принята быстро и в 4 часа была сообщена начальнику мастерских, который вызвал к рабочим начальника дороги. В присутствии всех рабочих, начальников мастерских и службы тяги и жандармского ротмистра—начальник дороги рассмотрел требования рабочих. Он немедленно согласился удовлетворить 11 пунктов, как совершенно справедливых и входивших в сферу его полномочия; три пункта (1, 5 и 8), в том числе и о 8-ми часовом рабочем дне обещал представить Министру Путей сообщения, как превышающие его полномочия; пункты же об увольнении мастеровых (10 и 13) отклонил. Рабочие оказались удовлетворены, благодарили начальника и дали слово стать на работу с 10-го февраля, что и исполнили.

По жандармским сведениям, на возникновение забастовки оказали большое влияние Зав. колесным отделением А. А. Попов, токарь М. Ф. Леонов и быв. рабочий П. Н. Баташев.

Забастовка прошла с соблюдением полного порядка и с большой выдержкой.

С забастовкой же на Брянской линии по времени совпала стачка рабочих-литейщиков на Сукремльском чугунолитейном заводе (Жиздринского уезда), которые, в количестве 295 челов., забастовали 8-го же февраля.

Придя в обычные часы на работу, литейщики, однако, не приступили к ней, а вызвав управляющего заводом Вострова заявили ему о своем желании пред'явить требования и. д. Главноуправляющего Мальцевского акционерного общества (в его ведении состоял и Сукремльский завод) Лисицыну, который в это время был в Людинове. Пробыв без работы у станков и печей, рабочие по обеденному гудку

разошлись, а потом собрались опять в мастерские, куда в половине третьего приехал Лисицын. Рабочие пред'явили ему такие требования:

1) чтобы работы производились по моделям, бывшим в обращении до 1904 года; вновь же усовершенствованные из'ять из употребления; 2) ввести существовавшую до 1900 г. расценку платы за производящиеся работы; 3) всем рабочим выдавать цеховое жалование и 4) ввести на завод отдельных заливщиков заформованных станков.

Причина забастовки ясно определяется словами рабочих: „Если мы теперь не пред'явим требований об увеличении цен, то таковогo мы никогда не получим“.

Переговоры были отложены до следующего дня, и рабочие в 7 часов вечера разошлись. Лисицын, ознакомившись с требованиями рабочих, сделал распоряжение и об'явил рабочим, что администрация завода примет все меры к возможному исполнению требований рабочих. Стачка прекратилась, и 11-го февраля работа на заводе потекла полным ходом.

И здесь рабочие во время забастовки держали себя с большой выдержкой и никаких нарушений порядка и насилий не производили.

3. Говардовские рабочие.

Забастовочное движение рабочих, разлившееся во всю ширь необ'ятной России после 9-го января, настраивало на тревожные думы и администрацию Говардовских фабрик, допускавшую возможность стихийного взрыва движения рабочих и здесь. Одиннадцатичасовой с половиной рабочий день, существовавший на фабриках для поденных рабочих (с $5^1/_2$ час. утра до 6 час. вечера, с перерывом на 1 час для обеда), был одной из действительных причин, питавших недовольство рабочих. Желая исчерпать меры предупреждения и удержать рабочих от забастовки, убыточной для фабрик, управляющий Хинчин сделал представление правлению Говардовских предприятий о необходимости ввести некоторые улучшения условий труда и сделать подачки рабочим. Эти мероприятия, принятые до забастовки, должны были подчеркнуть заботливость, не в пример прочим, хозяев

фабрики о рабочих. А чтобы рабочие не об'яснили их страхом хозяев перед забастовкой, официальным мотивом начинаний правления предполагалось выставить напряжение платежных сил населения по случаю войны.

Правление согласилось с доводами управляющего, одобрило его предположения, и 3-го февраля на фабриках в Кондрове и Троицком было вывешено об'явление правления об улучшениях быта рабочих. В нем говорилось об увеличении с 1 апреля заработной платы рабочим на общую сумму 28 тысяч руб. в год, о сокращении рабочего дня с того же срока на полчаса для подденных рабочих и об освобождении рабочих от платы за пользование баней.

Исправник от 10 февраля доносил, что об'явление „произвело на рабочих хорошее впечатление“ и что „рабочие ожидают наступления срока, с которого назначено увеличение платы“. Словом, все обстояло благополучно. Имелось только одно опасение „не проникли бы на фабрики прокламации от забастовавших Калужских жел. дорожных рабочих, так как среди рабочих Говардовских фабрик есть такие, которые имеют родных и близких знакомых в числе железнодорожных рабочих“. Впрочем, исправник уверял, что „на этот счет приняты должные меры и распространение прокламаций допущено не будет“.

Однако через четыре дня после этой оптимистической оценки положения на фабрике, исправника постигло разочарование, так как с полицейской точки зрения не все обстояло благополучно. „Рабочие Троицкой фабрики пред'явили ряд требований; согласились ожидать результата рассмотрения. Работы производятся“ телеграфировал 14 февраля исправник губернатору.

Очевидно, повсеместное рабочее движение, вести о котором газетами разносились по всем концам России, все же в конце концов взбудоражали и троицких рабочих, которые решили попытаться, не удастся ли и им вырвать у хозяев более того, что они обещали.

На Троицкой фабрике было в это время 837 рабочих, которые находились в резко различных условиях своего труда. Там было 49 цеховых мастеров; 372 сменных рабочих, у которых был восьмичасовой рабочий день, остальные

рабочие были подденные, рабочий день которых начинался с 5½ ч. утра и тянулся до 6 час. вечера, с обещанным с 1-го апреля перерывом на обед 1½ ч.

Такая разница в положении рабочих не помешала им однако об‘единиться и выступить с требованиями от всех групп одновременно.

13-го февраля, когда управляющий выехал в Калугу толпа рабочих Троицкой фабрики около 150 чел. заявила о своем желании видеть его, чтобы высказать ему свои просьбы. Когда им на фабрике сообщили, что он уехал в Калугу, они не поверили и отправились в Кондрово. Здесь им подтвердили, что Хинчин действительно отсутствует и рабочие, соблюдая полный порядок, вернулись на свою фабрику.

Возвратившись в тот же день и узнав о случившемся, управляющий отправился в Троицкое, но не застал там приходивших рабочих, так как на их месте была уже другая смена. Но и эта смена заявила ему просьбу о прибавке заработной платы и об увольнении бумажного мастера. Хинчин предложил рабочим выбрать 2-3 уполномоченных, с которыми можно было бы войти в подробные переговоры на этот счет, причем выразил желание получить от них заявление об их нуждах и претензиях на бумаге.

Когда на другой день в 2 часа дня Хинчин вновь приехал на Троицкую фабрику, то рабочие опять в числе 150 чел. подали ему письменное требование о своих нуждах и претензиях. Эти требования были пред‘явлены, от а) поденных, посменных рабочих, б) мастеровых - слесарей, токарей, столяров, кузнецов и т. п., в) от кочегаров.

От избрания уполномоченных рабочие отказались, опасаясь, как бы эти уполномоченные не подверглись каким-либо взысканиям. Чего же хотели рабочие? Рабочие прежде всего обращали внимание на противоположение служащих 1 разряда и рабочих. Первые „удовлетворены приличным жалованием, квартирами и другими содержаниями, да кроме того ежегодно наградой, свободным проходом в ворота“. Рабочие же, «которые, хотя и пользуются фабричной квартирой, зато живут, как куры в мешке. Как же может быть тогда нравственность в рабочем и в его семействе». „Женщины в паккамере работают чуть не задаром и обращаются-

мужчинам слушать нельзя, не токмо женщинам. В резке есть почет - это проституткам, да которые не забывают старост удовлетворяют: они режут ситец - зарабатывают до 15 р., но почему не всем. Подростки за 20 - 25 коп. часто выполняют работу мужчин".

Прямые же требования корпусных рабочих были таковы: 1) ломка смен в воскресные дни должна происходить 3 сменами; плата двойная за 24 часа, но не за 12 часов; 2) прибавка жалования не менее 20 коп. в день всем сменным; 3) когда стоит фабрика, рабочие работают ремонт, их не считают поденно, а считают сменными работами и платят за 12 час. 3 дня, рабочие, работающие в машинных отделениях, не должны работать в других отделениях; 4) начальники должны обращаться вежливо; 5) отменить штрафы; 6) уволить механика и бумажного мастера за их неправильные штрафы; 7) прибавка народа в других отделениях; 8) устроить куб с кипяченой водой не только днем, но и ночью; 9) отменить обыск рабочих; 10) раз'яснить, почему чернорабочий работает за 35 коп., а Трофиму Иванову платят 75 коп. за чернорабочего.

Кочегары, с своей стороны, требовали: 1) чтобы подвозчики работали трое, как прежде, а не двое. Если поставят кочегара, то платят кочегарское жалование; 2) прибавить жалование по 20 коп. в день; 3) расценку за чистку парового котла от нагара и накипи 25 руб.; 4) дежурство было бы двойное, как днем, так и ночью.

Наконец мастеровые пред'явили 10 требований: 1) установить восьмичасовой труд; 2) увеличить жалование на 20 коп. в день; 3) выдавать дрова, как вольным, так и имеющим свои дома; 4) устроить в Троицком аптеку и снабдить всеми необходимыми медикаментами; 5) раз'яснить о выигрышных билетах, купленных на наградные деньги за праздники Рождество и Пасху; 6) уволить механика за грубое и дерзкое обращение; 7) что-б лавка состояла от рабочих, как у Кувшинова; 8) предупредить служащего Н... не обращаться по свински с мастеровыми; 9) уравнять дежурство мастеровых, всех без исключения: слесарей, что-б дежурило 2 человека, 1 токарь, 1 мальчик, 2 столяра, 1 кузнец; 10) уничтожить черновую книгу в конторе.

Хинчин ответил, что пред'явленные требования он удовлетворить не имеет полномочий, и обещал представить их правлению в Москву лично. Осведомившись затем у рабочих, будут ли они бастовать до получения ответа из Москвы или нет, он получил ответ, что они прекращать работы не будут.

Что же касается кондровских рабочих, то они никаких требований не пред'являли и никакой поддержки троицким рабочим не оказали.

Через два дня, 16 февраля, Хинчин поехал в Москву с требованиями рабочих. Так как одно увеличение платы требовало добавочных расходов до 100 тыс. руб., то правление, дела которого были не блестящи, не имело охоты итти на уступки, да, повидимому, было уверено, что забастовка, если она вспыхнет, не будет длительной, так как признаков общего возбуждения рабочих заметно не было. А потому ответ правления, привезенный 19 февраля Хинчиным, содержал отказ почти по всем пунктам, грозил закрыть фабрику на неопределенное время и лишить подачек, об'явленных 3 февраля. Об'явление было вывешено 20 февраля только на Троицкой фабрике.

«Правление не может сделать прибавку к жалованию более значительную, чем назначенную в об'явлении 3 февраля», гласил ответ. «Также правление не считает возможным установить 8-ми часовой рабочий день для денных несменных работ. Та же часть требований, которая могла бы быть исполнима, должна быть предварительно обсуждена с рабочими, через посредство выборных. «Правление предлагало рабочим выбрать по два человека от каждого отделения»; «на всякий случай» правление предупреждало рабочих, что: 1) «в крайнем случае, если рабочие будут настаивать на неисполнимых требованиях, оно не остановится перед закрытием фабрики на неопределенное время; 2) в случае полной забастовки и прекращения работ на фабрике, оно будет считать себя вправе отказать забастовавшим рабочим в обещанной в об'явлении от 3 февраля прибавке; 3) забастовавшим рабочим за прогульные дни во время забастовки плата не будет выдана». Рабочие приняли отказ спокойно, но 23 февраля человек 200 рабочих снова про-

сили управляющего прибыть на фабрику. Рабочие обратились к нему с просьбой раз'яснить, могут ли они расчитывать на какую либо прибавку платы сверх об'явленной или нет. Хинчин решительно ответил, что прибавки платы ни в какой форме—ни квартирных, ни дровяного довольствия, ни за праздничные работы—не будет, равно и сокращеиие рабочего дня до 8 час. для поденных также не будет. По остальным же вопросам он снова предложил избрать выборных, с которыми он и обещал вести переговоры.

Рабочие и новый отказ приняли спокойно и даже не стали выбирать выборных.

Неудивительно, что при таком нерешительном и вялом настроении рабочих и агитацию постигла неудача.—А попытка к агитации была.

Еще 13-го февраля вечером, по сведениям исправника, когда управляющий покончил об'яснения с рабочими, бывший конторщик фабрики А. К. Бровцев *) явился среди рабочих и говорил: «завтра останавливайте фабрику и все идите в Кондрово. Знайте, что чем вас больше будет, тем лучше, Кондровские рабочие только вас и ждут».

Затем он рассказывал им, что будто бы в тот раз, когда толпа Троицких рабочих приходила в Кондрово, то будто бы кондровские рабочие очень хотели присоединиться к ним, но что будто их заперли на фабрике и не пустили.

А 1 марта днем вдруг в Кондрове и по дороге из Кондрова в Троицкое оказались разбросаны прокламации «ко всем рабочим Троицко-Кондровских фабрик компании Говарда», помеченные 26 февраля и никем не подписанные. В ночь с 3 на 4 марта они были разбросаны и в Троицком: „ответ правления на требования об улучшения нашей жизни“, заявляла прокламация: «лишний раз подтвердил воочию ту избитую истину, что ожиревшее сердце наших вампиров - эксплоататоров, построивших свои роскошные палаты на пролетарских костях, не дрогнет при виде каторж-

---

*). Этот Бровцев в последующее время поступил секретным сотрудником на службу в охранное отд., был участником нашумевшей в свое время экспроприации аптекарского магазина Чернобровина в Калуге, организованной, не без ведома жандармского ротмистра Никифорова, судился по этому делу и был присужден на каторгу.

ной жизни тех, кто поит их и кормит, кто, сам изнывая в труде, несет в жертву ненасытному богу—капиталу и жизнь своих жен и детей, своими мозолистыми руками созидает все блага жизни, а сам и наг и бос живет; горе и нищенское существование его удел. Товарищи! Этот ответ должен положить конец нашему... ожиданию «милостей» в виде пятаков от наших угнетателей и сделать нашим девизом... изречение нашего великого учителя Карла Маркса: „освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих“... Эту истину давно усвоили рабочие других мест России... По всему лицу широкой Руси с каждым днем все более и более растет и ширится великое освободительное движение пролетариата. Оно сметает со своего пути все препоны и мощно влечет родину на путь освобождения от гнета... Кровью спаянные братья-рабочие, об‘единенные в единую Российскую с.-д. рабочую партию, во всех уголках России неустанно ведут кропотливую и упорную работу, развивая сознание рабочего класса, зовя его на боуьбу за лучшую долю.

Товарищи! полно и нам ждать милостей! Пора сознать свою силу и самим добиваться улучшения своей жизни! Живее же за дело! Бросайте работу, об‘являйте забастовку и не становитесь на работу до тех пор, пока не добьетесь удовлетворения своих требований: 1) немедленного увольнения механика и бумажного мастера; 2) 8 часового рабочего дня для денных не сменных рабочих; 3) увеличения состава рабочих в каждой смене; 4) повысить зарплату женщин до 30 коп. в день; 5) плата сменных рабочих должна быть не менее 50 коп. в день; 6) выдавать рабочим сапоги в отбельной; 7) выдавать плату в воскресные дни обоим сменам за 24 часа; 8) выдача платы за сверхурочные работы вдвойне; 9) не сбавлять без причин платы рабочим при переводе на другое место; 10) при временном переводе рабочего в другое отделение, где плата выше, временно увеличить и ему плату; 11) повысить плату извозчикам до 65 коп. в день, а в праздник выдавать двойную плату; 12) плата мастеровым должна быть не менее 70 коп. в день, а ученикам не менее 30 коп. с ежегодной прибавкой по 5 коп. в день“.

Кто составлял эту прокламацию и где она была отгектографирована, неизвестно, но за распространение ее по уликам

были арестованы упомянутый А. К. Бровцев и Н. И. Карнеев. Через месяц с небольшим они были выпущены с установлением за ними надзора.

Что же касается рабочих, то прокламация не оказала на них какого-либо заметного действия.

4. Февральские забастовки на других фабрично-заводских заведениях губернии.

Не успело еще улечься стачечное возбуждение в Сукремле, как 10 февраля вспыхнула на один день забастовка 16 рабочих на лесопильном заводе купца Карпилова, близ ст. Суходрев, Малоярославецкого уезда.

15 февраля началась забастовка на цементном заводе в дер. Боровке, Жиздринского уезда. На ее возникновение и характер проведения несомненное влияние оказала стачка в Дятькове, начавшаяся 12 февраля. В движении этого завода, в его выдержке, явно чувствуется партийное руководство соц.-демократов, представители которых здесь были и среди рабочих, и среди служащих. Здесь было 610 рабочих.

Стачка здесь вспыхнула утром 15 февраля, когда рабочие, не приступая к работам, пред'явили управляющему требования об изменении существующих на заводе порядков: 1) повысить заработную плату; 2) отменить плату 2½ коп. за пользование баней; 3) отменить плату 3 коп. в сутки за пользование квартирами в заводских бараках; 4) уменьшить число часов суточной работы; 5) отменить штрафы за прогул; 6) повысить норму обеденного времени до 1½ часа; 7) производить выдачу жалования в дни получек не по окончании работ, а в рабочие часы; 8) установить на заводе куб для бесплатного пользования рабочих: 9) считать заводским праздником Покров 1-го октября; 10) заболевшие женатые рабочие, лежащие в заводской больнице, получают в день половину поденного заработка в течение времени до двух недель; 11) увеличить расценок всех работ и поденную плату на 10 коп. на рубль; 12) чтобы за заявления рабочих о своих нуждах не было взысканий от начальства; 13) уплатить за время забастовки; 14) немедленно уволить помощника управляющего заводом Б. Коровякова, двух приказчиков, табельщика и дозорного.

Если требования не будут удовлетворены, рабочие грозили забастовкой и в подтверждение своей угрозы не работали 15 и 16-го.

Инженер Емельянов, директор завода, обещал исполнить требования рабочих об улучшении условий труда и жизни (п.п. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 12); требование о 8-ми часовом рабочем дне, о плате за время болезни и об увеличении заработной платы (4, 10 и 11) представил на разрешение Правления в Петербург, а уплатить за время забастовки и уволить служащих категорически отказался (п. 13 и 14). Рабочие 17 го февраля стали на работу.

Однако, дело этим не кончилось. Оставление на службе неприятных рабочим лиц таило в себе постоянный источник новых недоразумений. Особенно был им ненавистен табельщик Зубков, вымогавший взятки у рабочих при поступлении их на службу. Повидимому, после стачки у рабочих происходили с ним столкновения. А потому, когда 19-го февраля им было об'явлено, что правление отказалось удовлетворить представленные на его разрешение пункты требований рабочих, они снова бросили работу, причем рабочие бондарной мастерской и укупорочного отделения держали себя „дерзко и угрожающим образом".

Так как среди рабочих носились слухи, что начнутся беспорядки, то на завод был вызван наряд полиции и полроты солдат из Дятькова.

Бондарное и укупорочное отделение по распоряжению правления были в тот же день закрыты и на 21 февраля был назначен расчет 172 человек рабочих этих отделений. Зубков и другой ненавистный рабочим служащий Вагонов получили отпуск.

Рабочим остальных отделений предложено было в трехдневный срок стать на работу с угрозой закрыть завод на неопределенное время, если требование не будет исполнено.

На другой день, 20 февраля, работы возобновились. Убытки завода за три с половиной дня забастовки были около 8 тыс. руб. А 3 марта на Мальцевских заводах был и губернатор Офросимов, вдруг заинтересовавшийся условиями труда и быта рабочих. Уволенные просили его оказать содействие к обратному приему их на завод.

Хотя губернатор и об'явил им, что право приема принадлежит администрации, но, вероятно, рабочие были возвращены на свои места, так как дальнейших известий о волнениях до октября здесь нет.

По жандармским сведениям, требования рабочих вырабатывали конторщик Д. Евсюков и жиздринский мещанин В. Гайкин.

Наконец, не было совсем спокойно и на Мышегском заводе, Тарусского уезда. Здесь 18 февраля рабочие электропарового и механического отделения потребовали увольнения заведующих обоими отделениями за взяточничество, грубое обращение и несправедливость.

5. Боровская идиллия на фабрике Исаева и пробуждение рабочих.

Общее возбуждение докатилось даже до медвежьих углов Боровского уезда и прозвучало погребальным звоном над патриархальной эксплоатацией рабочих, царившей здесь.

Патриархальные отношения хозяина к рабочим особенно любезны сердцу капиталистов, вышедших из Колупаевых и Разуваевых. „Мы Ваши отцы, а Вы наши дети"—на языке, и самая грубая беспощадная эксплоатация—на практике...—вот смысл экономической гармонии, предносящейся перед их воображением. И все это было на ситце-бумажной фабрике Исаева в Боровском уезде, в Ермолине.

Расплата с рабочими продуктами по повышенной их оценке; недоброкачественные продукты в фабричной лавочке и цена, как за первый сорт; приписка лишков при заборе в долг; несвоевременная уплата заработка и, следовательно, лишние проценты в хозяйский карман с рабочих денег—все эти цветы патриархальных отношений обильно цвели на фабрике Исаева.

Работали у него окрестные крестьяне, и часто семьями, невольно связанные со своим хозяйством и старая экономическая истина, что из рабочего, связанного с землей, выжимается гораздо больше прибавочной ценности, чем из пролетария, давало себе здесь чувствовать на каждом шагу.

Недовольствуясь привычными формами эксплоатации, изобретательный купец, обзаведшийся именьицем близ фабрики, решил разнообразить работу своих мастеровых и начал летом посылать их от станка в поле на уборку льна, овса и сена.

Работали они в поле с утра до 3—4 ч. вечера и возвращались к станку вырабатывать урок. Но, разумеется, проведя весь день на хозяйском поле, они выработать его не могли и теряли в эти дни заработок, так как хозяин за работу в поле расплачивался только угощением, поднося чашку водки.

Боясь потерять работу и находясь в полной зависимости и кабале от Исаева, рабочие терпели. Если же находился какой-нибудь смельчак, которому эти даровые прогулки не нравились и он жаловался, что у него пропадает рабочий день, то администрация фабрики отвечала: „если кто не желает, тот может пред‘явить расчетную книжку на предмет увольнения с фабрики».

Однако, в мае рабочие Исаева уже настолько почувствовали почву под ногами, что в результате общего возбуждения 25 мая набойщики Исаевской фабрики в количестве 295 человек забастовали и пред‘явили 19 требований: 1) принять на работу тех набойщиков, которые были уволены за окончанием срока найма к Пасхе и не были приняты конторою после праздника, хотя явились, снова желая поступить на фабрику, за 300 верст от местожительства; 2) расценок сдельных работ заменить более высоким расценком, действовавшим в 1895 году, и уничтожить в расценке разделение товара на два сорта, двояко оплачиваемых; 3) существующий на фабрике срок найма на месяц увеличить до одного года; 4) не взимать платы за довыучку мастерству; 5) ограничить прием учеников в набивное отделение из расчета три ученика на 100 взрослых рабочих, продолжительность дня ученика понизить до 8 часов; 6) назначить эксперта из набойщиков, долженствующего присутствовать при приемке конторой выработанного набойщиками товара; 7) допустить вход и выход из фабричного двора рабочим, живущим в фабричных помещениях, в свободные от работы часы во всякое время дня и ночи; 8) дрова для отопления

мастерских должны подвозиться конторою к самым мастерским; 9) выдача сурового товара для набивки должна производиться конторою ежедневно не позднее 6 час. вечера; 10) цены на харчевые продукты, отпускаемые фабричной лавкой, согласовать с местными ценами и самые продукты иметь в лавке доброкачественными; 11) зав. фабрикой, как не понимающий набивного дела, не должен касаться набивного отделения; 12) воспретить конторе налагать штрафы за неисправную работу в размере стоимости испорченного товара, при чем самый штраф записывается в расчетных книжках, как выдача деньгами; 13) отменить взимание конторою процентов за деньги выдаваемые рабочим авансом на покупку капусты (брали по 10% за 1/2 года); 14) пользование баней и кипятком бесплатное; 15) не принуждать набойщиков на случайные поденные работы, не касающиеся набивного дела; 16) уволить с фабрики артельщика, 3-х смотрителей и дворового приказчика за дурное обращение и неблаговидные поступки по отношению к рабочим [1]).

Растерявшийся кулак Исаев принужден был итти на уступки.

По всем пунктам, за исключением 3, 5, 6, 11 и 16, достигнуто было соглашение и рабочие после трехдневной забастовки (25—27 мая) возобновили работу.

На возникновение их забастовки отмечено было влияние рабочих Павловского посада, Богородского уезда, которые пред'явили сходные же требования.

Стачка прошла спокойно: ни насилий, ни грубого обращения со стороны рабочих не было.

Однако рабочие, одержав так быстро и сравнительно легко победу, решили довести дело до конца и добиться удовлетворения и тех требований, которые были отклонены фабрикантом. Поводом для дальнейших действий они выставили неисполнение Исаевым их «законных требований», выполнить которые он согласился в присутствии фабричного инспектора.

---

[1]) 19 требований мы свели в 16 в виду однородности требований об увольнений служащих. Требования каждому служащему составляют особый пункт.

Они выбрали депутатов, которые добрались 3 июня в Губернское по фабричным делам присутствие и здесь заявили: «Более 10 лет работая на фабрике Исаева и обогащая его своим трудом, мы, депутаты и избравшие нас фабричные, не щадя своего здоровья и трудов, думали заслужить признательность хозяина, но на деле выходило совершенно наоборот, почему продолжение работы стало невыносимо. Вследствие чего всеми нами была прекращена 25 и 27 мая работа (26 был праздник), но не производя ни шума, ни спора. 27 мая прибыл в Ермолино фабричный инспектор, выслушал наши требования, обещал некоторые из них удовлетворить и посоветовал нам приступить к работе, что мы и исполнили на другой день».

Теперь они просили Губ. присутствие: „1) повысить расценок на все сорта производимой работы, так как получаемая плата едва защищает их от нищеты; 2) назначить из среды рабочих эксперта для участия в браковке товара, так как на этой почве господствует произвол, которым мы подвергаемся нередко незаслуженным взысканиям; 3) уволить артельщика и смотрителя, как людей чрезвычайно грубых, придирчивых без дела и штрафующих правого и сомнительно виноватого своею властью и по своему усмотрению; 4) все хозяева фабриканты и, в особенности г. Исаев, не любят лиц, которые защищают свои человеческие права в ущерб их интересов. Поэтому можно предполагать, что г. Исаев начнет мстить нам и без причины и в тесное время начнет расчитывать нас, то просим присутствие вменить ему в обязанность не расчитывать нас хотя в течение одного года без особо важных причин, причем мы принимаем на себя обязанность, в случае у него не пойдет товар, работать ему за уменьшенную выработку, а именно: вместо поденной платы, например, за 1 р. 20 коп. получить 90 коп. и даже 80 коп.“.

19 июня делегаты добавляли, что „штрафы, собираемые Исаевым, идут исключительно в его пользу; штрафного журнала не ведется, и штраф по заведенному Исаевым порядку, им назначенный, конторою нигде не записывается штрафом, но просто делается скидка с выработки, или записывается выдача кассой, причем против этой ставки ставится метка инициалом „В“ карандашем. Из этого мы заклю-

чаем, что штрафные деньги все целиком остаются в кармане Исаева вопреки закона и распоряжения фабричной инспекции“.

Однако это последнее обвинение по расследованию Инспекции оказалось лишенным основания, так как на фабрике штрафная книга была на лицо и в ней значилось штрафного капитала 739 руб.

Рассмотрев представленные требования, фабричное присутствие нашло, что резрешение их превышает его полномочия, почему и оставило заявление рабочих без удовлетворения.

Рабочие на время примирились с отказом, но тем решительнее они поведут борьбу в конце года.

6. Брожение в Черепети и Дугне.

Позднее всего брожение рабочих, свидетельствовавшее о происходящем в среде их внутреннем сдвиге, проявилось в глухих Черепетском и Дугненском заводах.

В Черепетском заводе произошла смена хозяев, причем бывший управляющий заводом Веревкин сделался его арендатором, а потому отношения их ухудшились. Веревкин перестал платить за них взносы в уплату государственных и земских сборов, а также несколько понизил заработную плату.

В результате рабочие решили обратиться с жалобой на арендатора к губернатору. Три их уполномоченные 23 июня явились к губернатору и заявили: что 1) Веревкин, не предупредив их, перестал уплачивать за общество окладные сборы, которых за два года накопилось до 600 р.; между тем, раньше тот же Веревкин, будучи, управляющим, платил; 2) что завод освещается за счет рабочих, а не конторы; 3) что расценка на некоторые модели понижена; 4) что на время ремонта поденная плата полагается 40 коп., а некоторые остаются без работы и лишаются средств к жизни; 5) что расчет рабочих хозяин производит 2 раза в месяц, а не каждую неделю.

Депутаты просили губернатора оказать содействие к устранению этих неправильных действий хозяина.

Губернатор поручил земскому начальнику поговорить с Веревкиным и уладить это дело. В результате Веревкин согласился платить сборы за рабочих, а последние на остальных требованиях не настаивали.

Последним по времени до Октябрьских дней было пробуждение рабочих Дугненского чугуно-литейного завода. 4-го июля здесь собралась сходка в 100 человек рабочих, а 7-го июля—70 чел. В результате сговора и обсуждения своих нужд рабочие пред'явили арендатору завода Баранову требования: 1) не обыскивать рабочих при выходе с завода; 2) построить баню для рабочих и 3) увеличить заработную плату.

Баранов отказался удовлетворить первое требование, а на два последних согласился. Он обещал прибавить 8% заработной платы.

Источники: 1) дела архива канцелярии калужского губернатора 2-го стола, за 1905 г. № 52 „О прекращении движения поездов по линии С.-В. ж. д. и Московско-Киево-Воронеж. ж. д., и других прилегающих в пределах Калужской губ., № 56 „О недоразумениях на Сукремльском чугунно-летейном заводе Жиздринского уезда“, № 62 „О забастовке рабочих на лесопильном заводе купца Карпилова“, № 66 „О забастовке мастеровых на Боровском цементном заводе“, № 167 „О требованиях пред'явленных владельцу фабрики Исаеву набойщиками фабрики об улучшении их быта“ и пр.,

2) дела архива Калужского Губ. Жандармского Управления за 1905 год № 151 (Губархивный) „С перепиской о забастовках и стачках рабочих и крестьянских боспорядках“. Т. I и

3) дела из архива фабричной инспекции за 1905 год.

II.

ОКТЯБРЬСКИЕ ЗАБАСТОВКИ.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ[1]).

1. От февраля до Октября.

Забастовочное движение железнодорожников питалось недостаточным вознаграждением низших служащих, чрезмерной продолжительностью рабочего дня низших агентов, отсутствием служебного правопорядка и политическими условиями жизни русского народа. Стоявший на перроне при движении поездов жандарм имел „дела“ не только с публикой, но и со служащими дороги.

„Товарищи! так дальше жить нельзя“ говорилось в февральской (1905 г.) прокламации телеграфистов Управления. „Скучно, однобразно течет наша трудовая жизнь. Проходят дни, месяцы и годы, а в нашем темном царстве не замечается и следа какого либо изменения к лучшему. Сиденье по целым часам у телеграфного станка, постоянное напряжение нервной системы во время работы в конец истощают наши силы и губительно отражаются на нашем здоровье. Продежурив в общей сложности 18 часов в сутки, с отуманенной головой мы плетемся домой и думаем о том, как бы добраться до постели отдохнуть от изнуряющей работы. Нередко нас заставляют работать еще и сверх положенного, сверх 18 часов. Заболеет ли или не придет по каким либо причинам кто из служащих—его обязанности заставляют отправлять того, кто предшедствующую ночь только что провел без сна за работой. И за этот-то каторжный труд наш, за бессонные ночи, мы получаем всего на всего несчастные 20 руб., на которые нельзя по человечески жить, которых едва хватает на полуголодное существование. На какие же средства удовлетворять умственные потребности? Хорошая книга, приличная газета, театр и т. п.—все это нам не по карману. А как жить семейному? Истощая свои силы дневной и ноч-

[1]) Настоящая статья является переработкой со значительными дополнениями нашей статьи, помещенной в № 128 „Коммуны“ за 1925 год.

ной работой, губя свое здоровье в душной атмосфере, мы, товарищи, не имеем в течение года права даже на месячный отпуск, в который мы могли бы стряхнуть с себя канцелярскую плесень, восстановить свои силы, вглядеться в окружающую жизнь, мы имеем только обязанности. А права? Права все у наших начальников. И они, обладающие правами, ничего не делающие, сидящие у нас на шее, осмеливаются еще и унижать нас, ругая, как им вздумается и делая выговоры. Товарищи! так дальше жить нельзя."

Такие же созвучные ноты, вырванные из наболевшего сердца, слышались в воззваниях и требованиях других служб.

Февральские требования вырвали у администрации девятичасовой рабочий день в мастерских и заставили ее согласиться на участие представителей от рабочих при приеме и увольнении. Остальные требования остались без удовлетворения, и борьба была круто оборвана железнодорожным начальством, об'явившим 11 февраля дороги на военном положении.

Но 16-го августа был подписан Портсмутский договор, кончивший японскую войну, и начальство чувствовало, что надо пойти на какие-то уступки, а потому разрешило в конце сентября в Петербурге с'езд железнодорожных служащих, носивший скромное название—„Совещание по пересмотру устава пенсионных касс"—. Под влиянием окружающих предреволюционных настроений этот с'езд об'явил себя—„Первым делегатским с'ездом представителей железных дорог".

Для железнодорожников это было своего рода учредительное собрание, которое, думалось горячим головам, провозгласит чуть ли не демократическую республику.

А потому, когда разнесся неверный слух, что с'езд разогнан, а делегаты арестованы,—все этому поверили. И в ответ 6-го октября вечером забастовали машинисты Московско-Казанской ж. д., а 7-го вся дорога. Началась знаменитая Октябрьская забастовка. 8-го октября остановился ряд других дорог Московского узла, а 9-го забастовка надвинулась и на нашу губернию.

В этот день стала Московско-Киево-Воронежская ж. д., из Москвы вышел только один поезд, а два поезда на Москву дошли только до Малоярославца.

Только служащие ст. Калуга-товарная прекратили работу, повидимому, 12-го октября, когда уже бастовала Сызрано-Вяземская ж. д. Служащие Товарной в числе 20 человек заявили, что они хотя и не желают прекращать работу, но принуждены это сделать из опасения насилий со стороны бастующих агентов Сызрано-Вяземской жел. дороги.

10-го октября прекратилось движение на линии Смоленск-Богоявленск, также проходящей значительной частью по Калужской губернии.

2. Забастовка Сызрано-Вяземской железной дороги.

Забастовка Сызрано-Вяземской жел. дороги не имела самостоятельного характера. Она возникла под давлением узловых пунктов соседних дорог. Но подготовка забастовки Управления была обусловлена его связями с Московским союзом железнодорожников.

Дорога начала бастовать с вечера 9-го октября и не возобновляла движения до 20-го октября.

К забастовке примкнули не все службы сразу и одновременно. Начало положили службы телеграфа и движения, к которым примкнуло Управление, продолжали служащие на линии и закончили рабочие Калужских мастерских.

Первыми забастовали телеграфисты, которые, как предполагали жандармы, получили телеграмму из Тулы о забастовке Московского узла. Телеграф Управления был точно осведомлен о согласии линейных служащих примкнуть к всеобщей жел. дор забастовке для заявлений своих политических и экономических требований. Эти же требования были приняты на предварительной сходке ж.-д. телеграфа. Телеграфисты Управления, явившись снимать вечерних дежурных, встретились в служебном помещении с начальником дороги, уже осведомленным о брожении среди линейных служащих. Начальник дороги уступил требованию телеграфистов собрать в понедельник 10-го сходку для обсуждения требований и нужд служащих. В 8 час. вечера 9-го октября служба телеграфа бросила работу. (Телеграф же на станции работал до утра 10 октября, но утренняя смена на дежурство уже не вышла). А в 10 час. вечера из Управления по линии была об‘явлена забастовка.

Утром 10-го, под влиянием машинистов Шишкина В. П., Н. А. Леонтьева и А. Н. Гайгерова, машинисты ст. Калуга заявили, что они боятся вести поезда по причине ожидаемых насилий со стороны служащих Курской жел. дороги, уже прекратившей движение. Таким образом, стало депо. Машинисты говорили, что до восстановления движения Московским узлом они не рискуют приступить к работе.

С утра же 10-го октября по Управлению и отделам были распространены анонимные приглашения на сходку к 12 час. дня. Утром же 10-го октября телеграфисты небольшой группой ходили в службу сборов, а затем на Васильевскую улицу, в здание теперешнего Строительного техникума, где тогда помещалось отделение жел. дор. мастерских и грузовой статистики, агитируя за прекращение работ и занятий.

Таким образом, были сняты: служба сборов, статистика, литография, коммерческий отдел, пенсионная касса и даже поденные работницы брезентной мастерской. Вследствие разницы по возрасту, а в особенности по материальному обеспечению служащих, организаторам приходилось встречать и возражения против забастовки.

Такая же агитация велась и в Управлении дороги, и служащие бросили занятия. Одни высшие агенты дороги не принимали активного участия в забастовке, но и не чинили препятствий стихийной вспышке.

Согласие подавляющего большинства, быстрота и единодушие, с которым бастовали служащие всех видов, показали, что недовольство современными условиями жизни уже подготовлено и назрело повсюду. Забастовка являлась добровольным решением каждого, а вовсе не следствием чьего-либо давления, как об'ясняли консервативные элементы.

Что касается служащих линии, то трудно сказать, насколько активную роль они играли взабастовке. Большинство агентов службы Пути и Движения являлись на службу, но прекращение движения поездов было вне их воли; оно прежде всего зависело от паровозных бригад.

Мастерские станции Калуга прекратили работы только 13-го октября. Попытка вовлечь их в общий поток забастовки была сделана 12-го, когда вместе с уличной толпой яви-

лась на ст. Калуга член забастовочного комитета Управления М. Данилова для переговоров с рабочими.

На вокзале в этот день еще функционировали службы Пути и лица, обслуживавшие вокзал, на котором скопилось более 200 задержанных пассажиров, из которых 170 были из III класса. По распоряжению начальника дороги им выдали бесплатно чай и хлеб.

Соглашения с рабочими мастерских в этот день достигнуть не удалось. Удачнее был следующий день, 13-го октября, когда на железно-дорожных путях появилась толпа из города, бывшая перед этим на Крестовском поле и состоявшая главным образом из учащихся и отчасти рабочих.

Жандармский ротмистр к. Туркестанов потребовал от толпы разойтись, но из толпы выступили две девицы, одна из которых была членом забастовочного комитета Управления дороги, М. Данилова, и два рабочих, которые заявили, что они нарушать порядок не намерены. Они пришли только спросить у выборных, [1]) примкнут мастеровые железной дороги к забастовке или они не хотят поддержать городских забастовщиков.

В это время рабочие выходили на обед, и часть их присоединилась и смешалась с толпой. Узнав причину появления пришедших из города, рабочие заявили о своем желании, чтобы делегаты толпы были допущены к переговорам с их выборными: „Пусть переговорят“!

Уверенный со слов начальника мастерских в нежелании рабочих бастовать и полагаясь на категорическое заявление делегатов о соблюдении порядка, Туркестанов согласился пропустить делегатов в библиотеку при мастерских, где должна была состояться встреча их с выборными.

В свою очередь, толпа отпустила делегатов при условии, что Туркестанов их не арестует, и осталась ждать возвращения рабочих с обеда и результатов переговоров.

К чести Туркестанова следует отметить, что он сославшись на данное слово, отказался арестовать делегатов, когда этого потребовал губернатор, узнавший от него по телефону

---

[1]) Выборных было 13 человек; они были утверждены в этом звании на два года Министерством Путей Сообщения; их не могли сменить ни рабочие, ни администрация.

о событиях на вокзале. Также прибывшая с Товарной полурота, оцепившая мастерские и отрезавшая толпу от делегатов, была по требованию рабочих уведена в другое место.

Между тем, переговоры выборных и делегатов не привели к определенным результатам, т. к. выборные, не зная точно мнения рабочих, не могли дать категорического ответа, и делегаты, вернувшись к толпе, ушли с ней в город.

Но выборные передали рабочим все, что слышали от делегатов, и мастеровые начали совещаться, как им быть. В три часа дня они бросили работы и забастовали, об'явив сходку.

3. Совещания служащих и рабочих.

Забастовавшие служащие и рабочие имели свои руководящие органы в лице выборных забастовочных комитетов. Эти комитеты собирали собрания бастовавших, руководили действиями их, поддерживали настроение и вырабатывали петиции о нуждах служащих. В забастовочный комитет машинистов входили—Леоньев, Миленушкин и др. Управленцы в первой же день выбрали в комитет Акимова Ив. Ильича, Никифорова, М. Данилову, которые при аресте их назвали себя членами забастовочного комитета. По словам М. И. Образцова, в его состав входили еще А. В. Полонский, А. Г. Купецкая, С. Н. Преображенский и др. [1]).

В первый день забастовки комитет Управления не сразу все наладил. Служащие до часу дня частью ходили небольшими группам по улицам, некоторые разошлись по домам, но большинство осталось в Управлении.

Оставшиеся вели переговоры с начальником дороги Якубовским о разрешении им собираться в Управлении для обсуждения их общественных и экономических нужд. Волей-неволей начальнику пришлось согласиться, и в Управлении открылись совещания, которые продолжались пять дней.

Первый день был особенно бурный. По словам одного из „уполномоченных“ от служб (Н. В. Быкова), явившегося с доносом в полицейскую часть, собрание, назначенное на

---

[1]) Из партийного прошлого Сб. 1. Калуга, 1921 г. Стр. 185.

12 час., открылось в половине второго. Среди служащих сразу же наметились два течения. Одни требовали ограничиться, при обсуждении нужд, исключительно экономическими требованиями, не касаясь вовсе политики. Другие, наоборот, настаивали на введении в петицию политических пунктов, вошедших в программу политических требований Московского узла. Немудренно поэтому, что трусливый „уполномоченный“ доносчик слышал на собрании только выкрикивания: „долой самодержавие, а кто против этого—бить“!

Комитет вечером 10-го приготовил: 1) общую с другими дорогами програму политических требований и 2) разработал подробно свои экономические нужды.

Но служащие разделились на две партии, каждая из которых заседала и работала отдельно от другой.

Председателем „экономической партии“ был инженер Ив. Уст. Цыганенко, а „политической“—помощник главного бухгалтера—Н. П. Владимиров.

В сущности говоря, положение дел в Управлении было типично и для других служб дороги. Только там политические требования „протаскивались“ удачнее, и дело не доходило до открытого разделения на группы.

Паровозные бригады сговорились и выработали петицию раньше управленцев, почему забастовочный комитет депо уже 12-го октября отправился к ним на собрание. Внеочередное заявление представителя комитета, сообщавшее собранию о принятии станцией и депо не только экономических, но и политических требований, произвело сильное впечатление на политическую партию. „Железнодорожные забастовки по своей важности для государственной жизни, „говорил он,“ могут быть удовлетворены и успокоены, а тем более предупреждены в будущем не мелкими материальными поправками, а только исключительно коренными реформами для всей страны“.

Некоторые даже кричали „ура“! „Экономисты“ также проявили интерес, забрасывая комитет массой вопросов. Соглашения между группами однако достигнуто не было.

Совещания управленцев были длительны, потому что общему собранию приходилось отклоняться от прямого предмета своих занятий на выслушивание заявлений представи-

телей небольших групп многочисленных служб железной дороги и на внесение соответствующих пунктов в петицию. Так были внесены в петицию заявления о нуждах дровокладов и поденных рабочих службы ремонта. Один кондуктор просил исхлопотать ему место, а железнодорожный мастеровой жаловался на дороговизну мест на городском кладбище. В тактических целях терпеливо выслушивали всех. С другой стороны комитету приходилось тратить не мало времени и энергии на выпрямление тех колебаний, которые появлялись у представителей самостоятельных групп, явившихся в Управление и познакомившихся здесь с наличием двух различных течений, отдельно друг от друга ведших работу. В этом отношении очень характерно поведение делегации машинистов. Они обязательно хотели пред'явить свои требования 13-го октября, когда управленцы еще не были готовы, и им еще не были известны требования линейных служащих. А когда они узнали, что в Управлении произошло разделение на группы,—машинисты заколебались. Председатель их делегации заболел даже психическим расстройством. Наконец, комитет настойчиво стремился к тому, чтобы петиции были представлены одновременно от всей об'единенной линии дороги. С целью ознакомить линейных служащих с политико-экономической программой большинства и узнать, с другой стороны, подробно их желания решено было отправить из Калуги особый поезд с делегатами собрания. Но начальник дороги предложил пустить поезда с конечных пунктов—Вязьма, Елец, Батраки—в Калугу, чтобы привезти выборных линейных служащих. Однако собрание отклонило этот способ, выразив опасение, что без присутствия Калужских делегатов местное начальство на станциях окажет давление на низших служащих при совещаниях и выборах. Машинисты днем согласились было пустить поезд с делегатами из Калуги, но, когда они узнали о разделении управленцев, то вечером заявили, что без полной гарантии со стороны администрации они не решаются на это. Обсудив этот факт, комитет управленцев вынес постановление: „пригласить свое собрание неуклонно итти по намеченному пути без зависимости от отдельных служебных групп.“

В результате длительных совещаний 14-го октября особые делегации от каждой группы, во главе со своими представителями представили начальнику дороги письменные петиции, а также некоторые другие заявления отдельных групп, с просьбой дать отзыв на их требования и уведомить о дальнейшем направлении представленных петиций.

„Политическая“ группа требовала немедленной отмены военного положения об усиленной охране в стране, свободы слова, собраний, союзов, организации, печати и стачек, неприкосновенности личности и жилищ, созыва народных представителей с законодательной властью, выбранных всем населением страны всеобщим, прямым равным и тайным голосованием без различия национальности, пола и вероисповедания для выработки новых основных законов страны в интересах трудящихся классов; полной амнистии пострадавшим за так называемые политические и религиозные преступления.

Остальные требовавия сводились к улучшениям материального и правового порядка.

Улучшения материального положения содержались в постановлениях петиции: 1) об увеличении заработной платы для служащих и рабочих до такой нормы, которая необходима для удовлетворения материальных и духовных нужд работника и его семьи; 2) установить минимальный оклад всем без исключения служащим, конторским, печатникам-Литографии, чистильщикам, столярам, слесарям сл. движения и телеграфа, печникам в 35 руб. в месяц, подручным литографии—25 руб., дворникам, истопникам, сторожам и рассыльным—20 руб.; 3) установить периодические прибавки в размере 10% получаемого служащим оклада через каждые два года. Минимум же периодических прибавок должен быть не менее 5 руб. в месяц. Увеличить теперь же оклад жалования служащим, получающим до 600 руб., включительно, на 20%; 4) выдавать всем без исключения служащим, получающим не более 1200 руб., прослужившим не менее года, наградные деньги в размере месячного оклада каждый раз к праздникам Рождества и Пасхи; 5) поденным, занимающимся в брезентных мастерских, установить плату не менее 60 коп. в день; 6) получаемое в настоящее

пострадал в последнее время. А так как подлинной петиции рабочих винного склада или копий ее нет в доступных нам архивах, то точное содержание ее нам неизвестно. Поэтому, были ли в ней политические требования, мы сказать не можем. Зато экономические нужды рабочих, поскольку можно заключать по отрывочным данным, были разработаны основательно. Рабочие добивались: 1) восьмичасового рабочего дня; 2) накануне праздников—6 часового дня; 3) повышения заработной платы: а) приказчикам до 65 руб., б) слесарям до 60 руб., в) столярам до 45 руб., г) рабочим 30 руб., д) работницам—25 руб.; 4) отмены работы во все неприсутственные дни; 5) отмены нормированных работ и штрафов; 6) необязательности сверхурочных работ; 7) ежегодного ежемесячного отпуска с сохранением содержания и трех дней на говение, кроме пятницы и субботы на страстной неделе; 8) решения всех вопросов внутреннего распорядка товарищеским судом с участием одного лица из администрации, выбранного рабочими; 9) возвращения пенсионных вычетов раньше двухлетнего срока; 10) сохранения полного месячного содержания при лечении в больнице; 11) женщинам для родов 6 недель считать временем для болезни; 12) лечение семейств рабочих за счет казны; 13) ежегодных наград в размере месячного содержания; 14) страхования жизни и от увечья за счет государства; 15) уплаты за время забастовки.

3. Ответ администрации.

Хозяйственный комитет акцизного Управления посвятил три заседания на рассмотрение петиции рабочих в части вопросов, входивших в круг его полномочий. Он согласился на месячный отпуск рабочим только по уважительным причинам; такой уважительной причиной он признал роды и давал на них тоже месячный, но не 6-ти недельный отпуск; находил он возможным повысить и плату постоянным рабочим: женщинам в пределах 14-20 руб., мужчинам—20-25 руб., профессионалам 21-30 р., приказчикам и мастеровым 30-45 р. Остальные требования хозяйственный комитет признал выходящими за пределы своих полномочий и представил Главному Управлению казенной продажи питей со своим заключением. Комитет отзывался, что при 8-ми часовом

рабочем дне, праздничном 7-ми часовом и местной нормировке работ нормы министерства выполнятся с излишком, но работы удорожатся соответственно сокращению времени. Указывая далее на забастовку рабочих, комитет просил дать телеграфный ответ.

Обращение к рабочим с приглашением стать на работу успеха не имело.

4. Воздействие губернатора.

С 19 октября в Калуге все учреждения и заведения возобновили свою обычную работу и только один винный склад продолжал забастовку и стоял.

Это бездействие склада беспокоило губернатора; он находил его крайне соблазнительным для других рабочих. Офросимов относил такую длительную остановку всецело на инертность и бездеятельность управляющего акцизными сборами Щербы и решил подогреть его энергию. 20 октября он писал Щербе: „в настоящее время единственными в городе забастовщиками, не приступившими к работе, остаются рабочие казенного винного склада; оставаясь праздными, они могут бродить по городу, увеличивая разные сборища“. Губернатор далее грозил управляющему: «если рабочие казенного винного склада не станут немедленно на работу,—я вынужден буду довести об этом до сведения главного управляющего казенной продажи и сообщить о недостаточной энергии администрации склада, чтобы водворить в нем порядок». Губернатор и намекал на то, что следует сделать. Он просил прислать ему копию об‘явления рабочим: или стать на работу или получить расчет. В заключение он еще грозил, что дальнейшая забастовка вынудит его взять со склада военную охрану.

5. Окончание забастовки.

По счастливой случайности для Щербы угрозы губернатора запоздали, так как 21 октября был уже получен ответ министерства. Он гласил: „справедливые требования рабочих относительно увеличения содержания до уравнения размеров заработной платы других предприятий немедленно удовлетворить. Остальные требования отклоните. Не желающим подчиниться, произведите расчет“.

В 11 часов утра содержание телеграммы управляющий сообщил выборным от рабочих винного склада и об'явил, что работы возобновятся в понедельник. 24 октября неявившиеся на работы будут считаться уволенными и им будет дан расчет. Выборные устроили совещание, продолжать ли забастовку или примириться с предложенными условиями. Масса рабочих была уже утомлена и не хотела бастовать, а с другой стороны чувствовалось, что администрация больше никаких уступок не сделает. Поэтому т. Великова предложила забастовку прекратить. Т. Баташов внес резолюцию о ее продолжении. Была принята резолюция Великовой. В 1 час дня 21 октября выборные заявили управляющему, что 24-го все рабочие склада приступят к работе.

МЕЛКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ.

В 1905 году в Калуге были как крупные, так и мелкие фабрично-заводские предприятия, дававшие разнообразную продукцию. По количеству рабочих на первом месте стояли рогожные фабрики, которых было 5 с общим количеством рабочих 886 человек. Наиболее значительной из них была фабрика В. А. Фалеева, на которой работало 325 человек; наименьшей была фабрика Печенкина—29 рабочих. Фабрики Вереитинова (210 раб.) и Кувшинникова были одинаковые—на одной 200, а на другой 210 человек; и, наконец, у Машошина 122 чел.

Из других производств были: металлическое, кожевенное, щетинное, пивоваренное, мыловаренное, скорняжное, лесопильное, иконостасное, кирпичное.

Металлическое производство держалось на трех маленьких заводах, два из которых—Киселева и Бычевского были чугуннолитейные, а Фонина производил сельско-хозяйств. машины. На первом было 26 рабочих, а на втором 17, из которых взрослых было только 9 чел. У Фонина было 13 рабочих.

Кожевенных заводов было 5, из которых один с 21 рабочими не подлежал надзору фабричной испекции. Рабочих кожевенников было всего 61 человек.

Такими же мелкими были и прочие заводы. Лесопильных было два, на одном из которых было 15 рабочих (Горбунова), на другом—4 (Иванова). На щетинной фабрике

Фалеева было 23 рабочих и у него же в скорняжной мастерской 9 человек. Несколько больше рабочих было у Фишера на пивоваренном заводе—36 человек; на мыловаренном—9 и в заведении минеральных вод—6 человек, а всего—51 человек. Наконец, в иконостасном заведении Поповых работало 22 чел. Таким образом, на одних учтенных фабриках и заводах было 1127 рабочих, хотя в этот учет не вошли более мелкие заведения, как, например, веревочные и др.

К сожалению, в официальных материалах о движении и настроении этой значительной массы рабочих сведений, за ничтожными исключениями, нет.

Забастовал чугуннолитейный завод Киселева с 13 октября, но сколько времени тянулась его забастовка, какие требования были выставлены и чем закончилась борьба рабочих, никаких сведений не имеется. Кроме того, дается указание на забастовку рабочих какого-то завода Горинкина. Но никаких сведений о таковом заводе за 1905 год не нашлось.

ЗАБАСТОВКА ПОРТНЫХ.

Несколько больше можно сказать о стачке портных мастерских различных магазинов. Раньше других забастовали портные мастерской магазина Комарова. Оказывается, портные, работавшие на хозяев по многу лет, влезали в долги; чем дольше у них работали, тем больше должали... хозяину и запутывались «в долгу, как в шелку», создавалось, таким образом, своего рода «экономическое прикрепление». Комарову, например, были должны его мастера около 1000 руб., причем некоторые из них у него жили 15—20 лет... К сожалению, подробностей о стачке в официальных материалах нет. Но зато сохранилась прокламация: «ко всем портным г. Калуги», подписанная «группой портных» и помеченная 12 октября. В этой прокламации содержатся требования портных.

«Стачки, широкой волной разлившиеся по всей России, разбудили и нашу Калугу и заставили трудящийся люд выступить на борьбу за улучшение своего экономического положения», говорила «группа портных». «Забастовали служащие Сызр.-Вяз. жел. дороги, типографщики, рабочие завода Киселева, Горинкина, портные мастерской Комарова;

поддержали стачку и учащиеся. Товарищи! если мы не поддержим стачки, то мы на долгое время упустим случай, представляющий нам возможность вырвать у наших хозяев лучшие условия работы». Далее содержались требования портных: 1) отмена долгов; 2) увеличение расценок на крупные вещи до 50 к. и на мелкие на 25 к.; 3) рабочий день для месячных рабочих от 8 часов утра до 8 час. вечера с двухчасовым перерывом на обед; 4) прекращение работ под праздники в 5 час. вечера и полный праздничный отдых для месячных рабочих; 5) отмена переделки заказов для поштучных и возложение ее на месячных; 6) увеличение жалования месячным рабочим не менее 5 руб.; 7) запрещение привлекать учеников к исполнению посторонних работ, как то: мыть полы, убирать мастерские и т. д.; 8) вежливое обращение хозяев с рабочими; 9) выдача жалования за время забастовки и неприкосновенность забастовщиков.

К сожалению, о ходе забастовки портных, ее продолжительности и достигнутых уступках нет сведений. Только об одном магазине Комарова имеется заметка полициймейстера, что владелец сложил долг около 1000 руб. Может быть, наша заметка побудит кого либо из участников движения раскаазать об этой стачке подробнее.

Источники:
1) прокламации из Истпарт музея за 1905 г.,
2) сообщение о совещаниях железнодорожных служащих, общественных собраниях и настроения общества в Калуге по случаю забастовок с 10-го по 19-е октября (1905 г.). Гектографир. Стр. 1—8,
3) требования, выработанные и принятые собранием служащих на Сызрано-Вяземской ж. д. 12 го октября 1905 г.,
4) требования рабочих Калужских мастерских Сызрано-Вяз. ж. д.,
5) архив Калужского Губернского Жандармского Управления за 1905 г. №151 (архива),
6) архив канцелярии губернатора за 1905 г.,
7) архив фабричной инспекции и
8) сб. „Из партийного прошлого“ вып. I, Калуга, 1922 г. и вып. II, Калуга 1923 г.— в особенности статья С. Мохова „Из истории возникновения и деятельности Калужской группы РСДРП“.

III.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В НОЯБРЕ И ДЕКАБРЕ.

1. —КАЛУЖСКИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В НОЯБРЕ 1905 ГОДА [1]).

I. Ноябрьская общеполитическая забастовка.

2-го ноября стар. стиля 1905 года, согласно постановления Петербургского Совета Рабочих Депутатов началась вторая общеполитическая забастовка, как протест против предания кронштадтских матросов военно-полевому суду и против введения в Польше военного положения.

Уже до 12 час. дня в Петербурге остановились все крупные заводы и многие фабрики. За ними скоро стали и мелкие. С того же дня начали прекращать движение железные дороги петербургского узла. Забастовка сделалась всеобщей и была еще более дружной в рабочих кругах Петербурга, чем октябрьская.

Но в нерабочих кругах ноябрьская забастовка в большинстве случаев не встретила сочувствия. Представители промышленности, раздраженные борьбой за 8-ми часовой рабочий день, заняли ко времени ноябрьского выступления уже ярко враждебную позицию. Не сочувствовала забастовке в значительной своей части и либерально-радикальная интеллигенция, для которой борьба в таких решительных формах, как в октябре, казалась теперь уже излишней. Она возлагала большие надежды на созыв Государственной Думы.

Такое же несочувственное отношение к ноябрьской забастовке проявилось и среди калужских управленцев-железнодорожников, бывших первыми застрельщиками октябрьской забастовки. Еще свежи были воспоминания о погромах 22 и 23 октября в Калуге, после которых прошла только неделя с небольшим. Еще продолжали упорно циркулировать слухи о готовящихся новых погромах. А потому ноябрьские дни в Калуге—это дни уныния и упадка духа.

[1]) Статья была помещена первоначально в № 228 газеты „Коммуна".

II. Варшавская телеграмма и анонимное воззвание управленцев.

Однако среди части управленцев, находившихся под партийным воздействием, с момента возникновения петербургской забастовки, началось брожение в пользу поддержки бастующих, о чем доносил полицмейстер губернатору от 4 ноября. Однако это течение не получило большой поддержки. Большинство управленцев было против нее. Две забастовки подряд для мелкобуржуазной массы служащих было слишком.

Противозабастовочное настроение железнодорожных служащих было усилено полученной из Варшавы за подписью организационного бюро Варшавско-Венской ж. д. телеграммы, которая была разослана по всем железнодорожным станциям. Она призывала воздерживаться от забастовки в виду опасности от вторжения в русские пределы прусаков.

«Русские служащие привислинских дорог», гласила телеграмма: «на сходке 2 ноября, в виду начинающейся новой забастовки союзом, очевидно для проведения автономии Польши постановили просить русских товарищей не начинать своей забастовки до созвания Государственной Думы... Помните, товарищи, положение серьезное: на границе России стоит 200000 мобилизованных прусаков, готовых водворить порядок у нас. Сплотимся и не пойдем за „союзом союзов“ на гибель России. Автономия может быть решена только Государственной Думой, а не забастовкой“.

Эта телеграмма расшевелила активность консервативных элементов, и, вероятно, из среды прежней экономической группы, с благословения начальства, появилось написанное на машинке анонимное воззвание: „Будто уже забастовали Балтийская, Варшавская, М.-Винд.-Рыбинская и ожидается забастовка Николаевской и др. жел. дор“.

«Неужели мы снова находимся накануне событий 22—23 октября. Неужели снова начнутся неосмысленные выходки, с одной стороны, и избиение и грабежи, с другой“.

„Товарищи. Если нам нипочем разграбление нашего имущества, то пожалеем хотя наше дорогое отечество, которому грозит опасность со стороны иноземцев“.

„Так станем же на сторону мирного осуществления свободы на основах, возвещенных в высоч. манифесте от 17-го октября сего года, откажемся от новой забастовки до первого слова Государственной Думы относительно наших гражданских и имущественных прав и докажем, что не желаем усугубить и так уже тяжелую минуту, переживаемую нашей родиной. Итак, наша программа: мирное осуществление свободы и никаких забастовок до Госуд. Думы“.

„Товарищи. Просим Вас высказаться за сочувствие или несочувствие нашей программе закрытой баллотировкой и о результатах сообщим друг другу“.

Повидимому, воззвание уловило настроение большинства управленцев. О забастовке и думать было нечего. Баллотировка не состоялась, ибо и настроение и без нее было ясно.

III. Телеграмма калужских управленцев в газеты.

Калужский губернатор также принял меры, чтобы не допустить повторения железнодорожной забастовки. Он пригласил к себе начальника дороги, которому заявил, что в случае забастовки „станция и служащие останутся без охраны от озлобления населения против забастовщиков, так как власть будет лишена возможности перебросить военную силу, куда потребуется“.

Под влиянием такой общей обстановки начальник дороги нашел удобным этот момент для публичного заявления об отколе калужских управленцев от общего движения вправо и о поддержке министерства. Он 4 ноября по линии разослал проект телеграммы для собирания под ней коллективной подписки, чтобы затем отправить ее министру. В несколько расширенном виде эта телеграмма была отправлена в наиболее распространенные газеты, из которых «Русские ведомости» поместили ее в № 292, а „Наша жизнь“ (в Петербурге) в № 323 от 8/21 ноября.

„Мы, нижеподписавшиеся служащие Сызрано-Вяземской жел. дороги, гласит депеша, в виду газетных сообщений о начавшихся новых забастовках на Петербургско-Варшавской, Балтийской, Николаевской и др. дорогах, считаем своим нравственным долгом заявить во всеобщее сведение, что мы глубоко верим в близкое осуществление преобразо-

вания империи на началах, возвещенных манифестом 17 октября, и признаем, что всем нам остается только ждать собрания Государственной Думы, которая приведет нашу родину к столь страстно желаемому всеми порядку и покою. Взываем ко всем сослуживцам русской железнодорожной сети не губить родины новыми забастовками, как имеющими вызвать несомненно глубочайшие несчастья, и доверчиво ждать, несмотря ни на какие осложнения, собрания народных представителей Государственной Думы. Они — верим мы—дадут удовлетворение нужд государства и собственных наших железнодорожных потребностей. Настоящая телеграмма ко времени ее отправления подписана 2817 служащими и рабочими Управления и линии Сыз. Вяз. ж. д. За начальника дороги инженер Шаталов“.

Таким образом, источник происхождения этой телеграммы ясен. Она исходила от начальства и нашла вольный и невольный отклик в значительной массе обывателей управленцев и линейных служащих. Редакция „Нашей жизни“ сопроводила телеграмму примечанием, в котором доказывала ошибочность тактики сиденья у моря и ожидания погоды.

— Если бы общество стало только ждать, то оно ничего не дождалось бы, кроме Думы 6 августа, этого жалкого недоноска бюрократического строя. Но оно не примирилось с ним и продолжало борьбу за всеобщее избирательное право. Октябрьская всероссийская стачка дала манифест 17 октября с обещанием всяческих свобод и расширения избирательного права, но она не дала не действительной свободы, не всеобщего избирательного права. Если сложем руки свои и будем только ждать, то мы не только ничего не дождемся, но потеряем и завоевания, сделанные 17 октября, как они потеряны в Польше. Мы надеемся поэтому, что не только голос 2817 служащих С.-В. железной дороги останется одиноким, но и что эти 2817 голосов не долго будут держаться своей тактики доверчивого ожидания».

Таким образом, основная тенденция телеграммы, как мы видели, не расходилась с настроением либерально-радикальной интеллигенции в отношении ноябрьской забастовки.

Однако под телеграммой подписались не все железнодорожники, значит, были и инакомыслящие, а количество давших свои подписи рабочих неизвестно. Не знаем мы и о настроении мастерских в это время, так как ни документы, ни появившиеся воспоминания ничего не говорят об этом.

IV. Профессиональный союз железнодорожников.

Наиболее заметным явлением в жизни железнодорожников в Калуге в ноябре был их профсоюз, организовавшийся после октябрьской борьбы.

Он ставил своей задачей «об'единение служащих и рабочих для совместной борьбы за прочное расширение своих прав с точки зрения классовых интересов и отзываться на все проявления жизни страны».

Ближайшими своими задачами он считал: 1) установление минимальной зарплаты, которая удовлетворяла бы материальные и духовные нужды железнодорожника и его семьи, и максимального рабочего времени, не превышающего 8-ми часов; 2) допущение сверхурочных работ только при несчастных случаях с оплатой их вдвойне; 3) 42 часовой непрерывный отдых в неделю и месячный отпуск ежегодно; 4) уравнение прав служащих женщин с мужчинами и временных служащих со штатными; 5) образование бюро из выборных от служащих и рабочих для решения с администрацией вопросов о приеме, увольнении и пр. дел; 6) учреждение товарищеского суда чести, в том числе и над штрейкбрехерами; 7) учреждения государственного страхования; 8) культурно-просветительная работа; 9) учреждение кассы взаимопомощи, потребительских лавок и пр.; 10) коренное преобразование медицинской помощи железнодорожникам; 11) защита членов союза от произвола администрации вплоть до различных форм коллективного протеста (бойкот, забастовка); 12) совместная деятельность союза по соглашению с железно-дорожной и другими организациями.

Первичной союзной ячейкой по уставу была группа не менее 25 человек. Членский взнос был определен в размере 1% месячного заработка.

Хотя союз, по воспоминаниям С. Д. Митина, развивался довольно медленно, но в ноябре месяце он в мастерских насчитывал до 500 членов. Председателем его был А. Д. Иванов. Успешнее начался приток членов в союз после приезда в Калугу в ноябре же Московского представителя профсоюзной работы В. В. Фетисова, который выступил с большой двухчасовой речью на общем собрании в мастерских на „канаве“ и имел большой успех.

V. Забастовка на Мальцевской железной дороге.

Ноябрь все же ознаменовался забастовкой железнодорожников в отдаленном углу прежних границ нашего края. Волнения второй половины ноября докатились и до Мальцевской узкоколейной ж. д., соединяющей Людиново и другие заводы с Брянском. Это была чисто экономическая забастовка, длившаяся три дня—21 и 23 ноября. Служащие пред'явили петицию о прибавке жалования и о снабжении их прозодеждой. Управляющий дорогой удовлетворил эти требования забастовщиков, но интересно, что, по донесению жандармского ротмистра, не участвовавшие в забастовке 20 чел. «вполне благонадежные, как в нравственном, так и в политическом отношении» оставлены были без прибавки жалования и без удовлетворения одеждой.

2.—КАЛУЖСКИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В ДЕКАБРЕ 1905 ГОДА.

I.

На Московско-Брянской дороге.

I. Декабрьские события.

Едва прошел месяц после октябрьских «свобод», как уже надвинулась реакция. На сцену снова появились аресты, обыски, казацкие разгоны и т. д. Это обозначало, что пролетариат политически истощался, а параллельно крепло самодержавие. Назревала последняя решительная схватка этих сил в декабре... 22 ноября Исполком совета рабочих депутатов

вынес решение, чтобы рабочие и бедные классы населения брали свои вклады из касс и требовали при расчетах звонкой монеты. В ответ на это был арестован 26 ноября с./г. председатель совета Хрусталев-Носарь. На другой день Совет вынес резолюцию о подготовке к вооруженному восстанию. С своей стороны, правительство разослало телеграмму полиции о выяснении „всех главарей, подстрекателей и руководителей политического и аграрного противоправительственного движения и пр.“ и об аресте их. 1 декабря Николай II принял депутацию черносотенных организаций—опоры престола.

Совет рабочих депутатов ответил 2 декабря знаменитым „Финансовым манифестом“, приглашавшим отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей, брать вклады из касс и т. д. На другой день, 3 декабря, Совет был арестован целиком. Пролетариат принял вызов и пустил в дело испытанное средство-забастовку. Она на этот раз имела своим центром Москву, где забастовка началась 7 декабря. (4 декабря было воскресенье; 6 декабря праздник-Николин день). С 8 декабря забастовка делается всеобщей, а с 9-го уже в Москве строятся баррикады и начинается вооруженное восстание.

Какой же отклик нашли эти события в нашем крае в железнодорожном мире,—этой наиболее крупной и влиятельной организации Калужской губернии?

Не все железнодорожники нашего края отнеслись сочувственно к декабрьской всеобщей политической забастовке и не всюду ее одинаково поддержали. Если Сызр.-Вяз. ж.д. не примкнула к ней, то Московско-Брянская, упирающаяся одним своим концом в Москву, не осталась к ней равнодушна и была вовлечена в общий забастовочный поток. Знаменитое воззвание 29 железнодорожных организаций здесь не осталось без последствий. Московско-Брянская жел. дорога (часть Московско-Киево-Воронежеской ж. д.) примкнула к всеобщей политической забастовке 8 декабря. В нашем крае активный отклик она нашла на этой дороге в двух пунктах, где имеются депо и откуда, следовательно, можно было оказать активное воздействие на ход движения. Это Сухиничи и Малоярославец.

II. В Сухиничах.

В Сухиничах уже 7 декабря было известно, что Московским забастовочным комитетом решено прекратить движенье с 12-ти часов следующего дня, вследствие чего утром 8-го декабря машинисты и кондукторские бригады, ночевавшие на означенной станции, обратились к начальнику депо Кузнецову с просьбою отправить их с поездом на ст. Малоярославец. Кузнецов обещал, но не привел в исполневие обещания под предлогом несвободного для отправки поездов пути. Забастовка же в Сухиничах началась с прибытием из Москвы поезда, машинистом которого был Гр. Калинин, а главным кондуктором Добытин. Последний, по сведениям жандармов, состоял членом забастовочного комитета дороги в Москве.

Калинин воспретил составителю поездов и машинисту маневрового паровоза производить маневры, а машинисту другого поезда воспрепятствовал следовать по назначению. В то же время Добытин об'явил Начальнику станции Иванову, начальнику Депо М. М. Кузнецову и дежурному агенту, что следующий поезд из Москвы не пойдет. В действительности так и случилось.

Во время общего обеда Добытин об'явил во всеобщее сведение, что машинист Калинин[1]) назначен был вне очереди для следования из Москвы в Сухиничи, чтобы прекратить на этой станции движение.

На все вопросы и расспросы по этому поводу Добытин коротко и резко говорил: „Полная забастовка“, „круглая забастовка“; „нечего рассуждать, сказано полная забастовка“.

Действительно, Калинин в дежурной собрал собрание, на которое пригласил Начальника депо Кузнецова и машинистов П. Трубу, П. Г. Давыдова, Макс. Анд. Обруча и Е. П. Кузнецова; председательствовал Калинин.

Он раз'яснил присутствующим, что эта забастовка чисто политического характера и что только этим способом возможно заставить правительство осуществить все, что обещано манифестом 17 октября. По словам Калинина, этой за-

---

[1]) Он служил в Депо на ст. Москва.

бастовки желало и высшее начальство. Калинин предлагал вынести постановление о прекращении движения. Чтобы более подействовать на присутствующих, он читал постановление Московского комитета, ссылался на его телеграммы и грозил, что, в случае продолжения движения поездов, виновники будут уволены со службы и подвергнуты бойкоту, так что их никуда не примут. Собравшиеся решили прекратить пропуск через станцию всех поездов, кроме воинских и с грузами для неурожайных губерний, а все имеющиеся на станции паровозы отправить резервом по своим депо. Протокол постановления был подписан присутствующими и взят Калининым. Начальники станции и депо не оказали никакого противодействия Калинину. Напротив, начальник депо немедленно, в согласии с принятым постановлснием, в первый же день забастовки отправил резервом в Брянск пять паровозов и в Малоярославец—три, вследствие чего в Сухиничах были задержаны два пассажирских и два товарных поезда. С последним поездом уехал в Малоярославец и Калинин.

III. В Малоярославце.

Не обошлось без участия машиниста Калинина и в Малоярославце. Здесь забастовка началась тоже 8 декабря. Еще до прихода московского поезда депо станции под разными предлогами с утра не давало паровозов. С приходом же московского поезда было об‘явлено окончательно о прекращении движения поездов и отпуск паровозов из депо был совершенно остановлен. К этому времени на станции собрались 5 не отправленных поездов и начальник станции должен был телеграфировать по линии, что ст. Малоярославец принимать поездов больше не может. С 8 декабря на ст. Малоярославец сначала служащие в депо, а затем и остальные агенты дороги собирались в депо на сходки под председательством железнодорожного врача Ястребова, На сходках произносились речи крайне резкого политического характера, На митингах выступали ораторами машинисты: Казаков, Калинин, Богинский, пом. машиниста студ. Виноградов и садовник участка пути Сестул. Они убеждали слушателей бороться с правительством и доби-

ваться вооруженной силой республиканского образа правления. Всех собраний состоялось три. На втором собрании крестьянин Демякин раздавал собравшимся «Манифест к народу». Во время забастовки на ст. Малоярославец действовал «Комитет порядка», в который вошли: председат. врач Ястребов, секретарем машинист Казаков, членами— начальник депо Федоров, пом. его Андреев, нач. участка пути Левин, смотритель склада Новохатский, пом. начальника станции Иванов, телеграфист Будин, письмоводитель Бурый, техник Иванов, дорожный мастер Студиенко, старший рабочий Кулешов, машинисты: Богинский, Айскайтис, пом. машиниста Виноградов, смотритель зданий Сеславин. Деятельное участие в проведении забастовки принимал Калинин, приехавший из Сухинич. По его почину был организован и самый комитет и товарищеский суд.

За время забастовки со ст. Брянск был случайно выпущен воинский поезд с эшелоном пехотного Богородского полка. Поезд задержали в Малоярославце на два дня. Калинин, нач. участка пути Левин и нач. депо Федоров сказали командиру эшелона, что, по имеющимся сведениям, поезд потерпит крушение на ближайшем раз'езде, если пойдет к Москве, и показали ему депешу, в которой было сказано, что Москва, по случаю забастовки, не принимает поездов. Поезд был отправлен в Москву только на третий день, когда командир эшелона этого определенно потребовал. Служащие, опасаясь применения к ним воинской силы, пустили поезд.

Дорога стояла до общего возобновления движения.

IV. Расправа.

Когда декабрьское восстание в Москве было подавлено, настал час возмездия и для участников железнодорожной забастовки. Произведен был ряд обысков и арестов у всех, так и иначе прикосновенных к ней лиц. Были арестованы Калинин, Казаков, Богинский, Сестул, Демякин, нач. депо Кузнецов, Труба, Давыдов, Обруч, Иванов и др. Сделано было представление в Москву и об аресте Добытина. Из них подвергались высылке в Вологодскую губернию Калинин, М. Кузнецов, Добытин, Иванов, Овсянников. Затем губерна-

тором было сделано представление о высылке в определенную местность Чистякова, Демякина, Е. Кузнецова, Трубы, Давыдова, Обруча, Ястребова, Федорова, начальн. станции Малоярославец Левина, Богинского, Сестула и Казакова. Эта ходатайство было удовлетворено.

II.

В Калуге.

I. План социал-демократов.

В первых числах декабря пронесся зловещий слух о новом погроме. Невольно возникал вопрос о действии дружины самообороны... А через несколько дней стал практически вопрос о призыве к вооруженному восстанию. Партийный «коллектив» решил после некоторой подготовки призвать к забастсвке железнодорожные мастерские, откуда демонстрацией войти в город, остановить всякое движение, заводы, Управление жел. дороги и типографии и попытаться по дороге привлечь на свою сторону солдат. В благоприятном случае с их помощью предполагалось арестовать властей во главе с губернатором и начальником гарнизона. Если бы это не удалось днем, то решено было попытаться сделать силами дружины и военной организации ночью. Возникал даже вопрос о революционной власти, если бы посчастливилось свергнуть старую, и Н. Х. Фосс кое-кем намечался уже в качестве кандидата на пост революционного губернатора. 11 декабря ночью комитет РСДРП разбросал прокламацию, в которой заявлялось: «Правительство подумало, что российский пролетариат после великой октябрьской схватки ослабел, утомился и силы его оставили. Оно решило отнять все те свободы, которые были завоеваны мускулистыми руками рабочих. Оно решило взять назад свои лживые обещания, вынужденно данные им в манифесте 17 октября. Самодержавное правительство снова хочет надеть прежние цепи.

Революционный пролетариат не может дальше терпеть издевательств и преступлений самодержавного правительства и, принимая дерзкий вызов, об'являет 6 декабря в 12 час.

дня вторую всеобщую политическую забастовку и постановил продолжать ее до тех пор, пока не будет укреплены в жизнь все завоевания свободы. Товарищи! Идите же смелее в ногу со всеми российскими рабочими... Скорее присоединяйтесь к забастовавшим, сплачивайтесь, организуйтесь, по возможности вооружайтесь»...

12-го декабря были сделаны попытки вызвать забастовку как в Управлении, так и в мастерских.

II. В Управлении.

В Управление уже 7 декабря поступила депеша из Москвы об об'явлении всеобщей забастовки: «конференция депутатов 29 дорог и центральное бюро Всероссийского Союза железных дорог вместе с Советом Московских и Петербургских рабочих депутатов об'являет с сего 7 декабря всеобщую забастовку». 8-го стала Московско-Брянская дорога, а 9-го утром между телеграфистами ст. Тихонова Пустынь и ст. Калуга товарная М-Бр. ж. д. шли переговоры, при чем с Тихоновой Пустыни кто то стремился убедить телеграфистов Калуги—товарной примкнуть к забастовке. Такие же переговоры шли с Тарусой.

Попытка выяснить вопрос о поддержке Московского восстания была сделана в Управлении 9 декабря. Между служащими произошол обмен мнений и взглядов на новую забастовку и даже был произведен приблизительный подсчет голосов сторонников и противников забастовки. Громадное большинство оказалось против. Тщетно в материальной службе А. Никифоров агитировал и призывал служащих забастовать. Об этом доложено было начальнику дороги, который сделал Никифорову внушение. В противовес агитации левых к начальнику дороги стали поступать от отделов и служб коллективные заявления правых и умеренных групп о нежелании примкнуть к забастовке. А с разных пунктов линии к начальству приходили тревожные донесения, что служащие испытывают почти панический страх за судьбу своих семейств в виду ожидаемых разгромов станций окрестным населением, озлобленным на приостановку движения. В свою очередь, губернаторы слали Начальнику дороги уведомления, что гарантировать, в случае

забастовки безопасность для станций и агентов железной дороги от озлобления крестьян они не могут.

Тем не менее 12 декабря была сделана попытка организовать забастовку управления. Около 11 часов утра в этот день толпа служащих человек 15—20 прошла по всем коридорам, призывая товарищей оставить работу и примкнуть к всеобщей политической забастовке. Особенно энергично действовал Никифоров: «побольше шума, побольше крика»! возбуждал он своих. «Кончайте работу, товарищи, идите на собрание»! кричал он чужим. Его поддерживала О. Малинина и др. Однако служащие, за небольшим исключением, остались на своих местах и занятий не прекратили. Тогда забастовщики с примкнувшими к ним образовали сходку в количество 30—40 человек в комнате распорядительного отдела Сл. Движения. Председателем сходки был выбран Н. П Владимиров, бывший председатель совещаний политической группы в Октябрьские дни. Владимиров однако от председательствования отказался, высказав ту мысль, что момент для забастовки выбран неудачно, так как слишком ничтожно количество ее сторонников. Вместо него был выбран председателем служивший в Юридическом отд. Н. Х. Фосс. Вскоре прибыл в Управление Начальник дороги, который в сопровождении начальников сл. Пути и Движения, а также ст. врача Землинова отправился в распорядительный отдел. Здесь он обратился к собравшимся с увещанием, но в ответ послышались шиканье, свистки, визг. Все утихло, лишь только Фосс стал говорить речь. Он призывал поддержать „борцов за свободу, проливающих свою кровь в Москве“ и об'явить забастовку. «Кровь наших товарищей проливается в Москве», взывал он: «500 человек уже погибло. И мы, служащие, не можем остаться к этому равнодушны. Сызр. Вяз. ж. д. должна поддержать общую политическую забастовку».

А. Никифоров также призывал к забастовке, уверяя, что местные войска, „весь Шацкий пехотный полк и вся артиллерия на нашей стороне“. А когда начальник дороги сказал, что он „будет принужден прибегнуть к крайним мерам“, Никифоров бросил ему: «Войска в Калуге нет. У вас только 48 казаков, которые тоже будут наши».

Начальник дороги удалился со сходки и собрал совет дороги, который постановил отстранить от службы до особого распоряжения всех служащих, «высказавших себя особенно дерзкими подстрекателями к забастовке».

Между тем, забастовщики отправились по городу снимать с занятий и работы служащих Сл. Сборов, Коммерческий отд., в мастерские Сл. Движения

В службе телеграфа в это время И. И. Акимов также призывал к забастовке. Он порвал ленту на одном из аппаратов с целью произвести беспорядок и вынудить дежурную смену телеграфистов уйти из телеграфа. Он призывал: „товарищи, кончайте работу“! А на увещания телеграфистов не принуждать их силою бросать работу, кричал, что он „борется за свободу, и что только одни трусы этому не следуют“. „Если не пойдете за мною, то это вы сделаете из-за трусости, а не по убеждению“. Телеграфисты, однако, не пошли...

Не более успешно обстояло дело в других службах. В службе сборов двери оказались заперты, и агитаторы не были допущены в здание. Снимать Коммерческий отдел пошли его служащие Прокофьев, Ненарокомов, Зубарев, Герман и Курбатов. Остальные служащие отказались прекратить работы. На другой день стали на работы и эти пять человек.

Таким образом, забастовка в Управлении провалилась.

III. В мастерских.

Не лучше было и в мастерских. Социал-демократический союз выделил группу своих членов итти в мастерские и депо для снятия рабочих с работ и остановки движения поездов. С. Д. Митин, Кизик и В. Н. Любимов шли в качестве представителей от разных организаций и Управления. Ив. И. Стефанович, вольноопределяющийся, и ретушер Максимов, переодевшийся солдатом, должны были заявить рабочим свою солидарность, как представители солдат. „Расчитаны часы и минуты, как пройти в мастерские, что и где делать. Чувствовалось, что нас ожидает провал, но долг и дисциплина — пошли“, вспоминает С. Д. Митин.

12 декабря утром к вагонной калитке забора мастерских ж. д. подошли делегированные комитета, из которых трое было в военной форме. Один из пришедших высокого роста, с рыжими усами, в высоких сапогах, хорошем пальто и с палкой в руках пошел на станцию.

Оттолкнув сторожа от калитки, они вбежали в токарный цех и начали там останавливать моторы, крича: „товарищи, подходите сюда. Настал, наконец, день дать последний удар правительству. Теперь к нам примкнул весь Шацкий полк. Рота уже на станции в полном боевом порядке. Да что-же вы не идете? Два-три залпа дадут по мастерским, тогда они соединятся“. Открыли короткий митинг в цехе. „Мы пришли передовыми от городских рабочих и полка,—говорил оратор—они должны явиться в мастерские с минуты на минуту“. Перешли в сборный, но и тут не кончили“, пишет С. Д. Митин. Не кончили потому, что уже спешили жандармы.

Оказывается, сторож побежал к старшему, а тот побежал в токарный и предложил Стефановичу убираться и „не смущать рабочих“. А затем он пошел к начальнику мастерских и доложил ему о всем происходящем в цехах. Последний велел ему итти и сказать обо всем дежурному станционному жандарму, но сам никаких мер не принял. Жандарм Горбунов, захватив с собой патруль и двух жандармов, прибыл к токарному цеху, но был остановлен заведующим цехом инженером-технологом Меккелем, который заявил Горбунову, что он не допустит его войти в цех без особого разрешения на это начальника мастерских. И затем, обратившись к сторожу, приказал ему не пускать никого в цех, а сам ушел в контору мастерских, откуда уже не возвращался. Горбунов не смутился. Послав одного из жандармов к начальнику, он со своей свигой, не обращая внимания на слова Меккеля, вошел в цех. По его словам, рабочие спросили его: „вы за царя“? И получив ответ от всех солдат: „да, мы за царя“, рабочие, по информации жандармского донесения, стали просить Горбунова немедленно арестовать агитаторов.

В цехе началась сумятица. Часть рабочих, сочувствовавших забастовке, во главе с Тоболиным, Сергановым

и Комаровым, стали кричать: „долой жандарма! Уберите его отсюда“! „Но из задов неслись угрожающие крики по адресу агитаторов. Последние начали поспешно отступать через сборный цех к проходной будке, угрожая на бегу револьверами пытавшимся их задерживать. Митин, Максимов и Стефанович удачно прорвались к калитке и благополучно ушли. Ученик же железнодорожного технического училища Кизик и сын священника Любимов, замеченные по указанию некоторых рабочих, были задержаны и доставлены к жандармскому ротмистру кн. Туркестанову, причем у них были отобраны два заряженных револьвера.

IV. Арест и разгром.

В тот-же вечер и ночью была произведена „ликвидация преступных кружков и сообществ“. Были сделаны обыски и аресты в порядке положения об усиленной охране, которое было об‘явлено 12 декабря. Обыскано было 18 лиц, у которых было найдено значительное количество нелегальной литературы. Из них были арестованы: Ив. Тоболин, А. Д. Иванов, А. Никифоров, А. В. Полонский, Н. Владимиров, С. Пшенай, В. В. Остроумов. Искали Стефановича, Митина, Акимова, Максимова, Костина и Фосса, но в эту ночь их не нашли. На следующий день обыски и аресты повторились и были задержаны: Акимов, Володин и Белоусов. Митин, Стефанович и Максимов перешли на нелегальное положение и скрылись. Через некоторое время был арестован и Фосс.

Началось длинное дело, к которому было привлечено 54 человека. Кроме упомянутых еще привлекались: В. Баташов, Циглер, Бурмистров, Соколов, Карандасов, Серганов, П. Иванов, Гуров, Комаров, Корнеев, Н. Попов, Козлов, Герман, три сестры Нахаловы, супруги С. и В. Бартельман, Дегтерев, А. Г. Купецкая, Павличенко, Потанин, С. и Н. Крейцеры, Л. Крейцер, Савостин, Васильев, Дьяконов, Миронов, Макаров, Лебедев, В. и И. Венковы, Аксентович и Винокуров.

V. В тюрьме.

Громадное количество арестованных, привлеченных к дознанию, загрузило сверх меры жандармов: „впредь

до времени, когда будут окончены опросы обвиняемых и свидетелей“, писал жандармский полковник 16 декабря, „а равно и по причине заваленности срочной работой моею и подведомственных мне офицеров, я лишон всякой возможности ускорить производство по тем возбужденным перепискам в мере, превышающей ту, с которой эти переписки ведутся в настоящее время: нам приходится непрерывно работать до 18 часов и более в сутки“.

Волокита вызвала голодовку наиболее революционно настроенных Акимова и Никифорова, которые об‘явили ее с $10^1/_2$ час. 25 декабря и просили отправить их в одиночку. Но их увезли в Боровскую тюрьму, от какого момента осталось их заявление начальнику жандармского управления: „мы получили от Калужского Жандармского Полицейского Управления при переводе в Боровскую тюрьму по 25 коп. кормовых денег. Как об‘явившие голодовку, мы не должны были их брать, но возмущенные насилием, которым нас подвергнула жандармская полиция и в виду спешности нашего от‘езда, мы поступили не так, как должны были поступать, и взяли деньги. Теперь мы их возвращаем обратно, как ненужные нам на корм, потому что об‘явленную голодовку продолжаем“. (27/XII).

Начальник Боровской тюрьмы подтвердил факт голодовки донесением от того же 27 декабря, что прибывшие Акимов и Никифоров об‘явили голодовку. 30 декабря некий Каменецкий прислал из Боровска в Жандармское Управление телеграмму: „Акимов и Никифоров голодают; увещания не действуют. Сегодня свидетельствовали. Состояние здоровья — крайне опасное. Помогите“. Телеграмма однако осталась гласом вопиющего в пустыне... Голодовка была прекращена в 6 час. вечера 1-го января 1906 г., причем голодающие отправили прокурору такое заявление: „мы, об‘явившие голодовку с 25-го декабря 1905 года, 1-го января 1906 года в 6 часов вечера об‘являем ее законченной, руководствуясь тем, что доведение себя до смерти не входит в наши соображения, а истощение наше достигло высшего предела, что и свидельствует бюллетень врача, представленный Начальнику Боровской тюрьмы. Но так как для борьбы с насилием, коему мы подвергаемся с 12 декабря

1905 года, у нас других средств нет, то мы, об'являя эту первую голодовку оконченной, предупреждаем, что по восстановлению сил опять об'явим ее". (1/I 1906 г.).

Из остальных арестованных 12 заявили 20 декабря товарищу прокурору, что „они считают себя арестованными без достаточных к тому оснований, что им не об'явлено до сих пор, за что они заключены под стражу и на какой срок". Девять человек, кроме того, добавляли, что арестование их они считают неправильным еще и потому, „что задержаны были до введения положения об усиленной охране". Из привлеченных к делу, Фоссу разрешено было вместо высылки на 5 лет в Сибирь в Тобольскую губ. выехать за границу на 3 года. 8 человек было выслано в Томскую губернию; 14 человек в Нарымский край, 2 в Вологодскую губернию, 17 подчинены гласному надзору.

Остальные были в большинстве уволены со службы. Ив. Ил. Акимов умер 27 ноября 1906 года в Хлюстинской больнице.

3.—РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЕРМОЛИНСКОЙ ФАБРИКЕ И ДР., БОРОВСК. УЕЗДА В НОЯБРЕ И ДЕКАБРЕ 1905 ГОДА[1]).

I. Ткацкий Боровский район.

Во второй половине XIX века с легкой руки купца Александрова, основавшего в 1857 году в селе Русинове ткацкую фабрику, в Боровском уезде крепко угнездилось бумаготкацкое производство в различных его разветвлениях. Одна за другой притыкались к р. Протве фабрики, сначала маленькие, скромные, почти кустарные мастерские, а затем постепенно распухавшие, разроставшиеся и делавшие большое дело.

Еще в 1887 году было уже 7 фабрик с 395 рабочих, а через 15 лет, накануне 1905 года, ткацких фабрик в Боровском уезде было уже 12 с 1840 рабочих. Число рабочих, таким образом, возросло за 15 лет в $4^1/_2$ раза.

---

[1]) Статья первоначально была помещена в № 205 и 206 газеты „Коммуна".

Особенно быстро ширилась Ермолинская фабрика Исаева. Из скромной фабрички с 31 рабочим в 1887 г., она к 1905 году превратилась в «Акционерное Общество Ермолинской мануфактуры», у которого работало 932 рабочих. Рабочая сила таким образом выросла на фабрике в 30 раз. На ее долю причиталась половина всех боровских рабочих ткачей. Это было ядро, вокруг которого лепилось и группировалось большинство других ткацких фабрик: Александрова (353 рабочих) и Рудакова (42 рабочих) в Русинове, Ежикова в Высоцкой слободе (100 рабочих), Полежаева в Боровске (153 рабочих).

На всех этих фабриках был 11½ часовой рабочий день и несмотря на близость к Москве здесь процветали разные виды хозяйственной эксплоатации рабочих, к добавлению к основному выжиманию прибавочной стоимости.

Майская забастовка, окончившаяся частичной победой рабочих, послужила предостережением фабриканту, однако не гарантировала рабочих от нового проявления его аппетитов, тем более, что требования рабочих были удовлетворены не все.

Среди рабочих таилось и тлело недовольство, которое снова прорвалось наружу в ноябре.

II. Приезд агитатора.

Летом на фабрику Исаева поступил слесарем, уроженец города Воскресенска А. В. Владимиров, проработавший до 7 октября. В этот день он взял расчет и уехал в Москву.

Нам неизвестно, принадлежал ли Владимиров к партийной организации и был ли связан партийными связями и поручениями с каким либо партийным органом. Также нет никаких указаний на то, вел ли Владимиров пропаганду и агитацию на фабрике; намеренно или случайно он поступил на нее. Но, во всяком случае, 3-го ноября он приехал на Ермолинскую фабрику с каким то неизвестным товарищем. На другой день рабочие и прекратили работы и устроили собрание, на котором прибывший неизвестный говорил речь. По донесению жандармского унтер-офицера, командированного со специальной целью секретного расследования причин и характера Ермолинской стачки, оратор начал говорить с экономических нужд рабочих и это расположило их к нему.

— „Речь его на мастеровых произвела хорошее впечатление, и они очень сочувствовали оратору за его правдивые слова“, доносил унтер.

Затем оратор постепенно перевел свою беседу с рабочими на политические темы, убеждая их, что „все рабочие и вообще черный люд России терпит нужду исключительно потому, что живет под гнетом самодержавия, который держит черный рабочий народ в ежовых рукавицах и указал при этом на события в Петербурге 9-го января. Далее оратор старался убедить слушателей, что рабочие никогда не простят невинно пролитую 9-го января рабочую кровь. Она туго надела на шею Николаю Романову петлю, конец которой рабочие крепко держат в своих руках. В заключение оратор предложил рабочим выбрать делегатов для посылки в Москву в Совет рабочих на предмет получения от него указаний для правильного ведения забастовки между рабочими.

По донесению жандарма, в делегаты нашлись добровольцы: Т. П. Воронин, девица М. И. Ленькова и девица И. В. Нефедова, которые и уехали в Москву вместе с Владимировым и оратором, а по возвращении оттуда они об‘явили себя членами Стачечного Комитета.

Перерыв в работе продолжался только 6 часов, а вечером рабочие ее возобновили. Но и эта остановка произвела переполох и взволновала хозяина и полицию.

Исправник немедленно 4 ноября телеграфировал губернатору: „Рабочие фабрики Исаева прекратили работы. Вырабатывают петицию. Настроение неспокойное. При неудовлетворении требований можно опасаться беспорядков“.

Ему вторила телеграмма из Москвы:

— „Начальник ст. Балабанова депешей от сего числа (4/XI) сообщает, что от забастовавших рабочих окружных фабрик в количестве 2 тысяч человек ожидаются крупные беспорядки, и он просит содействия и ограждения станции войсковой охраной. Для точного выяснения положения мною приняты меры“.

Губернатор ответил боровскому исправнику: „немедленно отправьтесь на ст. Балабаново и подробно телеграфируйте о положении дела, сообщив, нужно ли войско и сколько“.

III. Петиция рабочих.

На фабрике Исаева был недостаток сырья и рабочие просили Исаева прекратить работу до 1-го декабря, так как у них не было прежнего заработка, который сократился вдвое и более. Но Исаев об'явил, что он потерпит убытки, если приостановит фабрику. Рабочие было примирились с этим, но после митинга 4-го ноября они 5-го числа в 8 час. утра пред'явили хозяину петицию, в которой содержались требования о сокращении числа рабочих часов до 9, а пред праздниками об окончании ее в 5 часов дня, о введении в 4 час. получасового перерыва на чай, уничтожении сверхурочных работ и ночной работы женщин, об отмене обысков.

Кроме того, содержались требования об изменении расценок: «возвращение прежних расценок, бывших до Пасхи для ткачей и шелковых сновальщиков и сновальщиц или по 20 руб. в м-ц; проборщикам и присучальщикам подмастерьям, уборщикам, шерстяным сновальщикам и столярам не менее 25 р. в месяц или повысить расценку сдельно; отбельщикам, красильщикам, аппретурщикам, прессовщикам не менее 18 руб. в месяц; резчикам установить расценок или платить не менее 1 р. 25 к. в день; учеников, прошедших 3 года ученья, сравнять с взрослыми мастерами; мальчиков не заставлять работать вместо взрослых и платить им 9 руб. в месяц.

За прогул не по вине рабочего платить по средней расценке, а за неявку по уважительной причине в прогул не писать. Прибавку на работу ночной смене в размере 15 коп. на рубль, делать от конторы, а не из заработка денной смены; для подмастерьев работа на две смены, как для ткачей“.

Далее рабочие требовали: „выдавать на погребение рабочего 15 руб. из конторы; выдавать квартирные деньги в размере 1 р. 50 коп. в месяц или дать хорошее помещение под спальню; резчикам выдать хозяйские инструменты; еженедельно бесплатно баня; бесплатно куб для рабочих и хорошую воду для него; понижение цен на товары в лабазе; переменить помещение для мастерских резчиков и улучшить санитарные условия красильни и отбельни, по-

ставив вентиляторы; открыть для входа и выхода главные ворота; отбельщиков, красильщиков, аппретурщиков, пресовщиков, сушильщиков и сушильщиц считать цеховыми и на другие работы не употреблять; родственникам хозяев и мастеровых никакого предпочтения не оказывать; освобождение женщин от работы за 4 недели до родов и 6 недель после родов с сохранением содержания". Наконец содержалось требование об увольнении нескольких мастеров и других лиц административного персонала и гарантия неприкосновенности депутатов и кандидатов к ним.

Исаев обещал дать ответ на петицию рабочих в четверг, 10-го ноября, так как 8 и 9 был местный храмовой праздник, и фабрика в эти дни не работала. Рабочие обещались до получения ответа спокойно работать. Хотя фабрикант и говорил исправнику, зорко следившему за событиями, что увольнение служащих, отмена обысков, и некоторые другие требования не могут быть удовлетворены, тем не менее он надеялся уладить дело миролюбиво, путем обоюдных уступок.

IV. Борьба.

8 и 9 ноября фабрика Исаева не работала по случаю храмового праздника, который рабочие по русскому обычаю праздновали шумно. 11 ожидали приезда прежнего оратора на фабрику Александрова в Русиново.

Среди рабочих настроение было повышенное, ходили разные слухи и слышались тревожные разговоры и угрозы, которые встревожили исправника, доселе не вызвавшего войска.

Царившее в ткацком районе настроение нашло отражение в телеграммах исправника и Боровского городского головы губернатору от 9 ноября: „По полученным сведениям, рабочие фабрики Исаева намереваются итти толпою и склонять к забастовке фабричных Александрова, Ежикова, Полежаева. В предупреждение беспорядков прошу о присылке одной роты и 25 казаков", телеграфировал исправник. Городской голова также просил войска: „По слухам Исаевские рабочие собираются итти в город. Население волнуется. Прошу прислать войска".

В тот же день вечером из Калуги была отправлена в Балабаново рота 222 Шатского полка.

Между тем, 10 ноября на работу стали все набойщики, а в ткацких корпусах женщины и небольшая часть мужчин. Однако соглашение рабочих с фабрикантом в этот день не состоялось, потому что депутация от рабочих не явилась к хозяину, а фабричная администрация не нашла нужным делать почин в переговорах. Исаев усмотрел в неявке делегации дурное предзнаменование и, несмотря на прибытие роты, в тот же день просил телеграммой губернатора прислать полроты специально для охраны его фабрики, так как началось волнение на других фабриках.

11-го ноября на его фабрику явились на работу почти все рабочие, в том числе и ткачи. Но 14-го в 12 час. состоялся митинг всех рабочих, за исключением набойщиков. На митинге были все, начиная с подростков 12 лет мальчиков и девочек, и кончая взрослыми мужчинами и женщинами.

Главным вопросом был больной вопрос о понизившемся заработке. Решено было просить Исаева гарантировать месячный заработок холостым рабочим от 12 до 18 руб., так как за неимением сырья производство значительно сократилось, и рабочий вместо 20—25 руб. вырабатывал от 6 до 9 руб. Исаев соглашался гарантировать 10 руб. Рабочие не согласились и прекратили работу, за исключением набойного отделения. Его намеревались снять силой.

Так как положение других фабрик было сходное, то забастовка на этот раз перебросилась и на них, и 17 ноября все отделы фабрики Александрова бастовали. На следующий день к забастовке присоединились фабрики Ежикова и Полежаева (Боровск). Рабочие решили выработать об‘единенные требования, причем рабочие к посредничеству фабричного инспектора решили не обращаться.

20 ноября положение становилось в глазах полиции тревожным. „Настроение фабричных стало очень тревожным“, телеграфировал исправник губернатору: „Поведение вызывающее. Большинство требований не приемлемо. Предстоит расчет. Есть основания опасаться беспорядков, фабриканты едут к Вашему Превосходительству просить усиления войск,

что представлялось бы нужным. Присутствие роты здесь крайне необходимо". Исаев был перепуган, считал свое пребывание на фабрике небезопасным и собирался с семьей оставить ее и уехать в другое место.

21 ноября губернатор отправил на фабрики полуроту и 25 казаков.

Петиция хозяевам была пред'явлена рабочими четырех фабрик, вероятно, 22 ноября. В основу ее была положена прежняя петиция, пред'явленная Исаеву 4 ноября, но, повидимому, в нее были введены и политические требования. Хозяева вытребовали и фабричного инспектора и с ним подвергли петицию обсуждению. Ответ предполагали дать 26 ноября.

Однако фабрики боролись не дружно, фабрика Полежаева возобновила было работы.

V. На пути к соглашению.

Совещание фабрикантов и инспектора политические требования рабочих оставило без рассмотрения, а часть экономических нашли возможных удовлетворить. В случае несогласия рабочих фабриканты были намерены дать расчет. Соглашение с рабочими двигалось вперед туго; 28 ноября они еще не приступали к работам. 29-го снова забастовали рабочие фабрики Полежаева.

Наконец, только 3-го декабря стороны столковались: рабочие обещали приступить к работе с 5 декабря, а фабриканты обещались к утру этого числа исхлопотать и пред'явить рабочим утвержденную фабричной инспекцией таксу харчевых продуктов и расценку сдельных работ.

Но соглашение висело на ниточке и ежеминутно грозило сорваться.

Доверенный от фабрик выехал 3-го декабря в Калугу к фабричному инспектору. Такса харчевых продуктов была немедленно утверждена младшим инспектором. Но старший инспектор 4-го декабря по случаю праздничного дня (воскресенье) отказался утвердить расценок сдельных работ. Доверенный от фабрик дал телеграмму, спрашивая фабрикантов, что ему делать, и остался ждать следующего дня

в Калуге. Утверждение расценка последовало 5 декабря, и доверенный прибыл домой 6-го.

Между тем, рабочие, явившись 5-го декабря на работу и узнав, что такса и расценок не утверждены, заподозрили хозяев и фабричного инспектора в надувательстве их и снова бросили работу.

Когда же, наконец, 6 декабря такса и расценок были доставлены, рабочие заявили, что они меняют свои условия и требуют прибытия фабричного инспектора. Последний (младший) прибыл 7 декабря и толковал с рабочими с утра и до 8 час. вечера, пытаясь согласовать обе стороны. Наконец фабриканты сделали еще некоторые уступки, и рабочие согласились начать работу. 8 декабря фабрики были пущены в ход.

Эпилогом этой истории явилось секретное послание губернатора в сферы по адресу „свободомыслия" старшего фабричного инспектора.

4.—РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАВОДАХ, В УЕЗДАХ КАЛУЖСКОЙ ГУБ. ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ БОРЬБЫ 1905 ГОДА.

После октябрьской победы стачечная борьба рабочих безостановочно расширялась, охватывая одну отрасль труда за другой и вовлекая в стачечную борьбу и такие глухие углы, где до этого времени все было спокойно. Уверенность в своих силах у рабочих после победы возросла.

Докатились всплески забастовочной волны и до наших захолустных заводов, запрятавшихся вдали от больших центров и слабо с ними сообщавшихся за отсутствием железнодорожных путей.

Началось движение на Богдано-Петровском заводе Лихвинского уезда, на Хотьковском и Думиническом, Жиздринского уезда и Мышегском, Тарусского уезда. Их не смогла столкнуть всеобщая октябрьская забастовка и о борьбе этих заводов с капиталом до этого момента ничего не было слышно. И если некоторые из них не бастовали и после октябрьской победы, то все же они откликнулись на общее движение к улучшению своего положения пред'явлением экономических требований хозяевам.

I. Мышегский завод.

Раньше других зашевелился Мышегский завод. Это одно из старинных предприятий нашей губернии, насчитывающее за собой два века существования. Завод переменил не мало хозяев и в 1905 году принадлежал бельгийскому обществу. На заводе, по данным фабричной инспекции, было в это время 840 рабочих, а в действительности около 1.000.

Завод был уже затронут пропагандой и на нем было с.-д. рабочие А. Шкапичев, Зорин, А. Кондратьев, В. Торбин, бр. Паничевы, связанные с Тульской с.-д. организацией и др. Летом 1905 года здесь велась энергичная партийная работа, которой руководил заметный Калужский работник В. А. Вознесенский („Жор"). Завод и окружающие его селения были наводнены прокламациями и в прилегающих к Петровскому лесах и оврагах была организована и проведена не одна сходка и массовка (овраги Сезеневка, Сименик и др.). Количество участников достигало от 70 до 150 человек, по сведениям полиции.

Недовольство и брожение среди рабочих Мышегского завода начало выявляться наружу в 20 числах октября. Поводом к этому послужило распоряжение местного податного инспектора, потребовавшего от администрации завода удерживать часть заработной платы рабочих для уплаты недоимок и повинностей по государственномту и земскому поземельному налогу.

По воспоминаниям Н. С. Бонапарта, была и другая причина. В расчетные книжки рабочих доменного цеха было внесено изменение параграфа, по которому оплата праздничной работы вместо полуторной была заменена ординарной, будничной. Когда староста цеха Козлов пред'явил требование от имени рабочих о восстановлении прежней платы, инженер Беккер (люксембуржец), отличавшийся грубым и дерзким обращением с рабочими, уволили его. Это переполнило чашу терпения рабочих.

В виде протеста рабочие и решили забастовать и 24 октября опочный („опойчатый") и литейный цехи бросили работу. Администрация завода вызвала податного инспектора, с которым прибыл и горный инженер Танский. На совещании

было решено временно приостановить вычеты и оставить Козлова. Рабочие успокоились и вышли на другой день работать, но вместе с тем пред'явили к администрации завода требование об отводе рабочим помещения при заводе для сходок, где они могли бы собираться для обсуждения экономических вопросов, касающих исключительно заводского распорядка работ и материального положения. Политических вопросов рабочие обещали не касаться на этих сходках.

С согласия инженера Танского, администрация завода отвела просимое помещение для сходок рабочих.

В этом помещении образовался „Федеративный Совет Рабочих Депутатов“, избранный для ведения переговоров по экономическим вопросам и помещавшийся в нем же. Он состоял из 12 человек под председательством Ак. Вас. Шкапичева. Из других его членов Н. С. Бонапарт называет Г.Гуслистова, С. Тудякова (Кабанов), Ив Сорокина и Н. Кочнова. 25, 26, 27 и 28 октября вечером, после работ, в помещении и происходили сходки рабочих.

В результате их рабочие пред'явили администрации завода 25 требований: 1) желательно иметь 8 часовой рабочий день, 2) повышение зарплаты: а) сдельно на 50 %, б) поденно не менее рубля, ученикам не менее 50 коп. в первый год, а на второй год 15 к. прибавки; в) получающим от рубля и выше прибавка 20%, г) женщинам поденная плата не менее 60 коп.; 3) отменить увольнение рабочих без согласия самих же рабочих; 4) устроить библиотеку читальню для рабочих за счет конторы; 5) отменить обыски; 6) обратить особое внимание на состояние квартир рабочих и санитарное положение завода; 7) бесплатное отопление квартир рабочих и отменить плату за квартиру; 8) платить рабочим на случай болезни половину сдельного заработка, а при увечьи полностью пожизненно. В случае смерти от увечья выдавать семье рабочего 10 летний заработок. Желательно государственное страхование рабочих; 9) улучшить медицинскую помощь, как для самих рабочих, так для их жен и детей; желательно иметь акушерку; 10) во всех цехах устроить кубы для кипятка и без препятствия со стороны мастеров пить чай; 11) уборка и чистка литья во всех цехах за счет конторы; 12) улучшить

отопление, освещение, уборку и вентиляцию во всех мастерских; 13) если брак не от рабочего, платить за него, как за хорошее полностью; 14) отменить штраф; 15) вежливое обращение с рабочими; 16) правильное распределение работы; 17) при выдаче работы тут же назначать за нее цену под особую квитанцию; 18) сдельную работу писать отдельно от поденной; 19)престарелых лиц освободить от работы и платить им 2/3 их заработка с оставлением за ними заводской квартиры; 20) заводскую лавку передать обществу потребителей рабочих, от которых будет назначено доверенное лицо; 21) для литейщиков составлять землю и доставлять ее на место литейщикам; 22) для отливки работы назначить полное количество рабочих; 23) ладчикам дверок выдавать пилы заводские; 24) каждый рабочий может приходить на работу во всякое время с вычетом прогульного времени; 25) повесить в проходной на видном месте часы.

Администрация завода вытребовала горного инженера Танского, который 29 октября явился на завод. Он заявил рабочим, что их требования должны быть рассмотрены комиссией, которая находится в Брюсселе; а представит их хозяевам директор завода Пурбэ, находившийся в то время в отпуске. Поэтому Танский предложил рабочим терпеливо ждать возвращения директора и ответа хозяев. Рабочие согласились ждать и продолжать работать. Возративщийся из отпуска Пурбэ уехал в Брюссель для переговоров с Правлением относительно требований рабочих.

По полицейским сведениям, большого согласия между рабочими не было. Большинство семейных рабочих, живших на заводских квартирах, не склонны были поддерживать свои требования забастовкой, если бы даже они были отклонены целиком.

Между тем, администрация определенно заявила, что о восьмичасовом рабочем дне, повышении зарплаты, пенсиях и других требованиях (п. п.: 1, 2, 6, 7, 8, 11 и 19), сопровождающихся расходами,—и думать нечего.

24 ноября терпение рабочих, в ожидании ответа, стало истощаться, и они было все забастовали. Но в тот же день они и возобновили работу, дав обещание продолжать ее до получения ответа на пред‘явленные требования.

К сожалению, в официальных материалах нет сведений об ответе администрации рабочим. Но, судя по сообщению инженера Танского от февраля 1906 года, „в декабре была повышена гарантированная цеховая (поденная) плата настолько, что многие рабочие нашли для себя выгодным работать, как умеют, а получать гарантированное жалование“.

Это сообщение подтверждает Н. С. Бонапарт. По его словам, Правление с 1 декабря сделало прибавку по 10 коп. в день, на сдельные работы по 10% в день, а на „опойчатое“ литье—15%. Кроме того, оно обещало улучшить квартиры и сделать кое-что для мастерских.

Между тем, получать с юга чугун и кокс, на которых работал завод, становилось затруднительным. В доставке сырья стали перебои, и в связи с повышением расходов завод начал давать убытки. 23 декабря 1905 года за недостатком материалов завод был остановлен до 9 января 1906 г., о чем было вывешено соответствующее об‘явление. Потом остановка была продлена до 1 февраля. 3 февраля завод начал действовать до 10 февраля (масленница), а 12-го появилось об‘явление, что „вследствие трудного положения и пред‘явленных рабочими требований (прежних), завод остановлен“. С 14-го числа рабочим начали выдавать расчет.

Из периода остановки завода любопытен один момент служения на площади завода торжественной панихиды по павшим 9-го января. Панихида была организована А. Шкапичевым. Тщетно прибывший становой уговаривал служить в церкви. „На крещение можно на улице, а панихиду нельзя“? возражали рабочие.

Все обошлось без столкновений...

II. Думинический завод.

Думинический чугуно-литейный завод Лабунского и Цыплакова возник в 1883 году в Жиздринском уезде и был оборудован лучше других заводов, в смысле устройства и положения рабочих. Их в 1905 году числилось 644, а с временными до 800. Жили рабочие не в казарме, а в отдельных домиках, так что жалоб на жилищные условия с их стороны не встречается. Тем не менее 20 ноября они заба-

стовали и пред'явили требования о прибавке 20% жалованья. Были ли другие требования, за отсутствием в наших материалах сведений, сказать нельзя. Управляющий заводом дал ответ, что до переговоров с владельцами завода он не может исполнить требования рабочих. Он обещал выяснить вопрос к 22 ноября.

Хозяева удовлетворили некоторые требования и, по сообщению от 3 декабря, рабочие продолжали работу.

III. Хотьковский завод.

Чугунно-плавильный Хотьковский завод Жиздринского уезда также принадлежит к сравнительно новым заводам. Он основан был в 1857 году. Но положение рабочих на нем было тяжелое. Они подвергались беспощадной эксплоатации, которую отметил даже исправник. Так за литье рабочие получали значительно ниже расценки: расценка за литье вьюшки № 4 была 2 р. 50 к., а платили 2 р., т. е. на 20% ниже; за № 5 вьюшки расценка была 3 р. 25 к., а платили 2 р. 50 к.; поденная плата была сокращена против расценки на 10—15 коп. и т. д. Кроме того, вес моделей, в силу уменьшения, давал много брака.

Рабочих на заводе было 235 чел. Несмотря на октябрьские события, они были настроены еще патриархально. Они неоднократно обращались к администрации с просьбами о повышении расценок и платы, но та ограничивалась одними обещаниями. Наконец, в 20 числах ноября они составили в форме приговора особую петицию об увеличении заработной платы и улучшении их быта вообще. На этот раз рабочие решили обратиться к начальству и подали петицию... местному становому, прося его похлопотать об удовлетворении требований. Работы не прерывались. Судя по отзыву исправника, признавшего требования рабобочих справедливыми, были предприняты какие то шаги по административной линии, но в официальных материалах о них нет сведений.

IV. Богдано-Петровский завод.

Позже других появилось движение рабочих на старинном чугунно-литейном Богдано-Петровском заводе, который

в 1905 г. принадлежал генералу Погожеву и находился в аренде у Баранова. Здесь было только 150 рабочих. Своеобразие положения рабочих-крестьян побудило их вести борьбу на два фронта — и с владельцем завода и с арендатором; с первым они боролись как крестьяне с помещиком; со вторым, как рабочие с капиталистом.

Борьба разгорелась в декабре 1905 г.; 1-го декабря рабочие подали петицию заведующему заводом П. И. Рожнову, требуя: 1) прибавки расценки за чугунные изделия; 2) лечения рабочих за счет хозяина; 3) платы больному рабочему во время лечения в размере его дневного заработка; 4) единовременного пособия или пожизненной пенсии рабочему, получившему ожоги, увечье или ушибы.

Петицию составлял рабочим волостной писарь П. М. Прохоров. Рабочие поддержали петицию забастовкой.

По сообщению от 17 декабря, Баранов покончил дело миром, увеличив расценку, на которую согласились рабочие. На следующий день они обещались стать на работу.

Также успехом окончилось дело и с Погожевым.

Ему через управляющего имением мастеровые пред'явили требования: 1) сбавить арендную плату за луга; 2) давать для их скота бесплатное пастбище и 3) отпускать бесплатно на каждый дом по 30 куч хворосту.

Генерал пошел на удовлетворение требований: уменьшил арендную плату за луга на 140 руб.; согласился дать мастеровым бесплатное пастбище для скота с весны до заказа лугов и по уборке лугов до прекращения подножного корма; согласился отпускать безземельным мастеровым на каждый дом по 10 возов дров.

Д. Малинин.

Отдел II.

ВОСПОМИНАНИЯ.

В ДЕРЕВНЕ.

I. Первые шаги.

Помню я себя приблизительно с 7-8 лет. В то время семья наша состояла из 7 человек. Отец мой и старший брат жили в Москве: отец работал в качестве рабочего на пивном заводе Горшанова, брат работал у подрядчиков по малярному делу, мать служила кухаркой у управляющего имением помещика Юсупова, жена старшего брата работала у кулака крестьянина. Таким порядком я в разваленной 7-ми аршинной халупе с 4-х летним братом воспитывался под руководством семидесятилетней бабушки.

Из рассказов ее я узнал, что мой дед был при крепостном праве фабричным рабочим. При Николае I-м 33 лет он был ночью с постели взят на военную службу. Бабушка моя с 8-ми летним сыном, моим будущим отцом, была, выгнана из семейства Потаповых, дядею моего деда, бывшим тогда бурмистром. Он то и отдал на службу моего деда за „бунтарство“. Эти слова на всю жизнь врезались мне в память, и я тогда же решил у учителя школы узнать (в которой я учился с 8-ми лет), кто такой называется бунтарем? Однако, учитель на мой вопрос ответил, что я еще молод и не должен знать, кто такой бунтарь.

В апреле, на одиннадцатом году, я кончил начальный курс школы, а в мае был взят старшим братом в Москву на заработки. Это было в 1882 году; помню мы пошли из дому пешком по Московско-Варшавской шоссейной дороге и на пятые сутки пришли в Москву.

На третий день по прибытии в Москву я братом был отдан на пуговичную фабрику Бахрушина в Тишино близ Сокольников. На фабрике проработал я около 8-ми месяцев,

по материальным соображениям был взят с фабрики братом и им же отдан в ученье на пять лет к московскому подрядчику живописных и малярных работ, по фамилии Тимошин. Первый год моего ученья у Тимошина заключался в том, что на моей обязанности лежало принести воды из бассейна для изготовления пищи, как хозяйскому семейству, так и подмастерьям, которых было 40 человек, вычистить ваксой сапоги хозяину, хозяйке и их детям, а затем по окончании этих работ растирать на каменной плите, каменным курантом всевозможные краски. Так продолжалось ровно год.

Пройдя первый курс ученья, на второй год я был послан на работу вместе с подмастерьями в Петровско-Разумовскую академию, где производился ремонт. Работа моя заключалась в обмывке окон и рам и протирке стекол. Однажды, исполняя порученную мне работу в одном из номеров я с подоконника взял лежавшую на нем книжку страниц в 60, озаглавленную „Земля и Воля“, я так увлекся чтением ее, что не заметил, как вошел в номер студент, на вид лет около 30-ти. Конечно, увидав студента, я растерялся, но он меня успокоил и спросил, умею ли я читать. Я ему ответил, что кончил земскую школу. «Так, это хорошо» сказал он, вновь спрашивая: „а ну-ка скажи мне: веришь ли ты в бога“? Я ему ответил: «да верую и знаю закон божий, ветхий и новый завет». Тогда студент начал мне доказывать, что бога нет и ты, мол, являешься частичкой окружающей тебя природы. Конечно, я из этого ничего не понял. Беседа продолжалась около часа. Затем студент отдал мне книжку, говоря, чтобы я прочитал ее внимательно, и на другой день пришол в этот же номер в 9 часов вечера к нему рассказать о прочитанном и о том, что я понял в прочитанном.

Взяв книжку из рук студента, я пошел сказать десятнику, что иду ужинать, так как было уже около 7 часов вечера—время, когда мы кончали (ужинали мы в трактире). Десятник меня отпустил, но я вместо трактира забрался в самое глухое место Петровского парка и начал с детской жадностью читать книжку, но что-либо понять из прочитанного в то время не мог. Понял я лишь только одно, что нужно вести борьбу с сильными мира.

Позже студент пояснил мне, что сильными мира являются самодержавный царь и его министры, а помощниками их служат помещики и попы. Слушая внимательно эти слова, я вспомнил рассказы бабушки о том, что дедушка мой был бунтарь. Я спрашиваю студента: «А какой человек называется бунтарем»? Он ответил: „тот человек, который ведет борьбу против самодержавных царей и их помощников“. Я вспомнил, что рассказывал нам в школе поп и говорю— „батюшка-отец Иван говорил нам в школе, что есть люди, которые не признают бога и поставленного им помазанника божия-царя и его правительство, и эти люди называются учеными“. Студент возразил, что такие Иваны держат троны царей и богачей, проводящих время в разгулах, в то время как крестьяне и рабочие пухнут от голода.

Эти слова навсегда останутся у меня в памяти. Ходил я после этого к студенту дней 8-мь. Беседы он вел больше на тему о боге, и они окончательно вытравили у меня веру в бога и царя. Но вот как-то, помню, в июне утром часа в 4, подкатила к академии темная карета, забрала знакомого мне студента и вместе с ним и еще двух студентов. Впоследствии я узнал, что они были посажены в Бутырскую тюрьму.

Эти беседы и книжки дали мне понятие о жизни богатых и бедных, а главное, об‘яснил кто такой был мой дедушка. Книжка, как реликвия, хранилась мною до 1906 года, когда погибла вместе с другими документами, книгами, фотографиями, сожженными моей женой в 1906 году, когда меня разыскивала полиция, но я тогда благополучно, под именем Венедиктова, работал в Москве.

Первый действительный толчек к политическому действию на меня произвела газета „Искра“, декабрьский № ее за 1900 г., майская статья В. И. Ленина „С чего начать“ в 1901 году и брошюра «Что делать»? 1902 года. Я стал искать руководителей социал-демократической рабочей партии. Нашел их, и скоро, в октябре 1904 года, я уже стал членом партии.

Убийство тов. Баумана Тороповским дворником в октябре 1905 года, так на меня подействовало, что я решил вести работу среди несознательной массы крестьянской

бедноты, из которой происходил убийца тов. Баумана, зная, однако, действительных юридических убийц т. Баумана в лице Торопова, Грингмута и других черносотенных вождей.

После похорон тов. Баумана, я, идя с кладбища с тов. Николаевым, категорически настаивал перед ним, как руководителем нашего кружка печатников, откомандировать меня в деревню, вести работу среди крестьянской бедноты. Тов. Николаев согласился меня откомандировать, с условием, чтобы я представил ему план работы среди крестьян. Я ему тут же набросал словесный план. Заключался он в следующем: приезжая в деревню, вербую одного, двух бедняков, начинаю вести с ними беседы, сначала на экономические темы, уделяя внимание и политическим вопросам; с бесед перейти к политической литературе. На этом меня прерывает тов. Николаев, заявляя «а дальше что»? и сам же мне отвечает—„тебя выдадут твои же завербованные полицейскому урядчику“. На это я ему возразил: — „у меня есть еще с детства орудие, которое поможет мне обойти не только полицейских урядников, но и самых активных царских шпионов—сельских попов. Это орудие-знание мною церковного священного пения и писания. В деревне я надеваю маску религиозности и первым делом по приезде туда иду в церковь, становлюсь на клирос, читаю шестопсалмие и на глазах всей публики молюсь богу“. На это тов. Николаев говорит:—«да, этот пункт твоего плана, пожалуй, тебе поможет, на первый раз твоей работы. Поезжай, но будь в деревне не долго. В половине ноября приезжай с докладом, что сделал в деревне, а самое главное —тебе надо будет вести основную твою работу среди солдат московского гарнизона, готовясь к вооруженному восстанию».

II. В Милятине.

В конце октября приезжаю в родное село Милятино. Начинаю выполнять намеченный мною план работы. Так как в селе Милятине была древесно-бумажная фабрика и лесопильный завод, я в первую очередь начал работу с фабрики.

На фабрике рабочих было 150 человек, из них 90% местных крестьян, остальные чистейший пролетариат вы-

сокой квалификации, приехавший с Черновской бумажной фабрики. В течение 3—4 дней мне удалось завербовать из приезжих т. т. Волкова и Иванова, а из местных крестьян—Плисовых Илью и Николая. Кроме того, я узнал, что приехал Владимир Боголюбов, сын попа, исключенный или выгнанный из Калужской духовной семинарии за политические убеждения. Хотя Боголюбов был по убеждению меньшевик, но стоял за совместную работу с большевиками Я предложил ему свой план работы и просил его во чтобы то ни стало повлиять на своего зятя-попа Милятинской церкви и инспектора церковно-приходских школ Мосальского уезда—Виноградова через свою сестру в том смысле, чтобы последний не чинил нам препятствий в нашей работе, мы со своей стороны наденем маски религиозности и этим самым не подведем его, Боголюбов на предложение мое согласился. Тогда началась работа.

Из завербованных мною двух фабричных рабочих из приезжих, братьев Плисовых, двоих из местного села и Боголюбова создалось нечто вроде ячейки или кружка. Через братьев Плисовых в их хате начинаем мы собирать крестьянскую бедноту, ведем с нею беседы на тему о жизни бедноты, раз'ясняем суть октябрьских забастовок, указываем ей на путь к освобождению, приводим в пример их собственное закрепощение, доказательством которого служит отбытие местному помещику барщины. Впоследствии начинаем грамотных снабжать литературой, которой я привез с собой достаточное количество.

Литература в большинстве случаев состояла из выдержек из „Искры“ и „Зари“ 1902 года, Ленина,—„Что делать“. „К крестьянской бедноте“ и газеты „Вперед“.

Работа наша расширялась. К кружку настолько сочувственно стала относиться беднота, что уже в хате не хватало места для посещающих. Решено было впредь собираться группами по вместительности помещения. В дальнейшем я решил собирать сельские сходы, разбив для этого сочувствующих на две части и возложил на них обязанность приглашать на эти сходы исключительно бедноту.

Собрания происходили через один день в позднее вечернее время. Партийная работа среди них действительно

была по душе мне, и я пренебрегал всеми ожидающими меня опасностями.

Результаты двухнедельной работы выразились в том, что мною был написан общественный приговор от 112 домохозяев Милятинского общества, покрытый 40 подписями грамотных крестьян. Приговор содержал в себе требование Учредительного собрания, выбранного на основе всеобщего голосования, которое должно потребовать от помещиков отдачи земли в общий фонд государства для наделения ее крестьян, а фабрики и заводы в руки рабочих.. Приговор за моей подписью, как представителя общества, мною был отправлен в редакцию одной из Петроградских газет с просьбою перепечатать и в других газетах.

Мне нужно обязательно было ехать в Москву и я, собрав своих активистов—Волкова, Иванова, Плисова Илью и Боголюбова, об'явил им цель своей поездки—подготовка к вооруженному восстанию. Им я предложил под руководством Боголюбова произвести аграрные беспорядки. 18-го ноября я уехал в Москву. Явился к Николаеву и рассказал ему о результатах работы в деревне. Декабрьское вооруженное восстание, в котором я активно участвовал— было подавлено правительственными войсками. После этого я, с согласия Николаева и Павлова, уехал опять в деревню, 20 декабря.

Приезд мой ошеломил мое семейство, состоявшее из 60-ти летней матери, жены и троих моих детей, они не ожидали моего приезда.

Жена мне передала следующее: Владимир Боголюбов арестован и посажен в Мосальскую уездную тюрьму. Вместе с ним арестовано 8 человек крестьян, арест произведен за открытое общественное выступление: 4-го декабря организованным порядком был разломан фабричный забор, занимающий принадлежавшую крестьянам землю. При этом были избит урядник и десятский,—Потаповы Василий и Александр и становой пристав Протасов.

Мне оставалось только опять уехать в Москву, я так и поступил. Через жену, ночью призвал ее брата, передал ему литературу, или, проще сказать, указал, где она находится, с тем, чтобы он ее распространял среди деревенской

бедноты. Следующей ночью я уехал в Москву, где вел работу среди солдат.

В половине апреля 1906 года я снова приехал в деревню и повел ту же работу, что и в 1905 году, но 22-го апреля меня срочно вызвали в Милятинскую волость к становому приставу.

Становой пристав пытал меня настоящей пыткой в течение почти 3-х часов. На все задаваемые им мне вопросы я отвечал, пользуясь т. н. „священным писанием“. Пристав видя, что он не может меня поколебать или сбить на вопросах,—раскрывает об‘емистую папку-дело о моей работе в деревне, и хотя в этом деле и много было исписанных листов, но доказать обвинение было нечем, за исключением копии общественного приговора, подписанного мною. Но и этот документ был не так для меня опасен, ибо он имел подписи почти всего Милятинского общества.

Во время допроса к волости собралось около 20 самых преданных мне бедняков, которые узнали, что я арестован приставом, хотя пристав ареста мне еще не об‘являл.

Пристав, учитывая бывшее недавно избиение своего коллеги, кончил меня допрашивать с тем, чтобы на завтра я явился к нему в стан. Когда я вышел от пристава, меня встретили пришедшие бедняки со словами:—„Не беспокойся, наш защитник, мы тебя не выдадим! За это я их искренно поблагодарил, но все-же вместо явки к становому в стан— ночью уехал в Москву.

В 1907 году я приезжаю в деревню в феврале. Узнаю от жены, что у меня был обыск, но так как она была предупреждена ее братом, то она с ним вместе пожгла в русской печке всю литературу и мои документы; узнаю также, что Боголюбова сослали административным порядком на два года в Вологодскую губ., а восьми человекам, вместе с ним забранным, крестьян присудили по 8 м-цев тюрьмы, и что меня заочно лишили навсегда права жительства в столицах и крупных городах России. Закончила жена тем, что сказала:—„ты сейчас должен явиться к уряднику, об‘явить, что ты приехал, об этом он мне говорил“. Я понял, что я лишен всех прав и отдан под надзор полиции.

К урядику я не пошел, но он сам не замедлил явиться ко мне и об'явил о вышесказанном.

Так как от жены я узнал, что урядник любит выпить, то я также не замедлил послать в шинок за казенкой, и когда я его изрядно подпоил, он мне проболтался, что если он меня выследит по политической работе и представит куда нужно, то получит в награду пятьдесят рублей и серебряную медаль. Я на это ответил: „Уж очень дешево ценит твое правительство жизнь человека, который ведет борьбу с капиталистами и помещиками“.

Учитывая слабость к выпивке урядника (звали его Н. Н. Юрков), я смело приступил к работе, и так как самые преданные мне, завербованные в 1905 году, Волков и Иванов, фабричные рабочие, не потерпели „аварии“ от полиции, то работу повел легально. К этому представились благоприятные обстоятельства. В это время в Милятине открылась новая школа, так называемая двухклассная министерская, в ней было два учителя Бушуев Давыд Егорович и Дмитрий Борисович, а так как сын мой Яков уже учился, то я скоро с ними познакомился. Из краткого знакомства я узнал их политические убеждения—Бушуев был социалист-революционер, Дмитрий Борисович с.-д. об'единенец.

Дней через пять после моего приезда у нас создалось нечто вроде кружка „коалиционного“ направления из меня, Бушуева, Борисыча, Волкова и Иванова. На первом нашем собрании в школьной квартире Бушуева, как одинокого, был разработан план нашей будущей работы. Он заключался в следующем: 1) начать работу с фабрики, 2) работа должна вестись на квартире Бушуева, 3) литературу распространять через завербованных, 4) произвести учет литературы, 5) чтобы замаскировать нашу работу от надзора урядника и попов, Дмитрию Борисовичу организовать духовный хор из учеников школы. Таким путем у нас и началась работа.

На втором нашем собрании, состоявшемся через один день, были приглашены сочувствующие нам бедняки-полукрестьяне. На собрании их было 4 человека. Я сделал доклад об октябрьской забастовке и вооруженном восстании в 1905 году.

Вторым вопросом на этом собрании было поставлено обсуждение аграрной программы, принятой на Стокгольмском об'единительном с'езде в 1906 году. После долгой беседы по существу программы, последняя была принята всеми за исключением Бушуева, который воздержался, так как защищал проект Маслова. Работа наша пошла успешно. Нас стали посещать крестьяне, через которых мы могли распространять литературу, будучи уверены в том, что они нас не выдадут. Вопрос стоял в недостатке литературы. Ее было мало, да и та, какая была, в большинстве случаев эс-эровская,—меня не удовлетворяла. Имевшаяся у меня, спрятанная литература в 1906 году, как я уже выше указал, была сожжена моей женой. Однако я не решился прерывать работу поездкой моей в Москву за нужной мне литературой, считая, что классовое самосознание крестьянской бедноты можно пробудить и с той литературой, которая имелась.

Так работа продолжалась около двух месяцев.

Наши завербованные усиленно работали по распространению литературы, но так как ее было мало, то одни и те же экземпляры литературы передавались из рук в руки по прочтении их.

Перерыв в работе вызвал следующий случай, происшедший в конце весной 1907 года. Как то ночью, приблизительно в час, заехал проездом из своего района местный урядник, сильно выпивший. Первое его слово ко мне было: „А все таки ты ведешь свои политические делишки. У меня есть на этот счет доказательство“. Из этих слов урядника я понял, что мы открыты. Воспользовавшись однако тем, что он пьян, я не замедлил добавить ему еще казенки. Урядник, выпив изрядную порцию, облокотился на стол и захрапел, уснув крепким сном. Тем временем я взял урядникову папку и стал перелистовать находившиеся в ней бумаги и нашел среди них брошюру В. И. Ленина—„Что делать“?, и вместе с ней написанный рапорт к становому приставу с указанием, у кого она отобрана, и с обвинением в ее распространении меня.

Брошюра эта была отобрана у моего шурина Григория Тихонова. Ее вместе с рапортом я тут же из'ял, завязав папку так, как она была завязана.

После того, как урядник несколько отрезвился он тут же поспешил от меня убраться. Я же поспешил пойти к шурину выяснить, при каких обстоятельствах отобрана брошюра. Тихонов мне передал, что он ни в коем случае не ожидал, что к нему придет урядник, но о том, что у него собираются сверстники и что он читает им запрещенные книжки, кто то сказал уряднику. Это и дало ему повод притти к шурину. Урядник застал Тихонова за чтением брошюры. Я предупредил его, чтобы он спрятал имеющуюся у него политическую литературу и чтобы, пока не успокоится урядник на счет исчезновения из его папки отобранной брошюры, не собирал в доме своих сверстников. Об этом случае я сообщил Бушуеву и Дмитрию Борисовичу.

Решено было воздержаться от собраний кружка. Дальнейшее нам показало, что работу продолжать нельзя, пока урядник находится на квартире в Милятине, ибо он не только знал через отобранную брошюру о нашей работе, но и открыл нашу квартиру и установил за ними слежку с тем, чтобы нас поймать. Но верному служаке самодержавного монарха не удалось осуществить свои планы, так как и я со своей стороны, установил за его шпионами наблюдение, через преданных нам фабричных рабочих — Волкова, Иванова и Косенкова Петра. Но все же работу продолжать было нельзя; поэтому, собрав всю имевшуюся литературу в одно секретное место, а именно в выкопанную яму в сарае Тихонова Григория, и дав ему указания насчет ее распространения, я в начале мая 1908 года уехал в Москву. Живя там, я поддерживал все же связи с деревней через Тихонова, приезжавшего ко мне.

Е. В. Потапов.

В селе Кикине, Юхновского уезда, в 1905 году.

Революционные события в Кикине имели свою подготовку в течение предыдущих лет.

Семена революции распространялись двумя лицами: в селе Кикине студентом Николаем Викторовичем Васильчиковым и в д. Пушкине (ныне Исаковской волости) Сергеем Ивановичем Травиным, бывшим рабочим, высланным на родину из Петербурга. Каждый из них имел своих друзей, через которых и распространялась нелегальная литература и революционная пропаганда. Васильчиков и Травин не были знакомы между собой и вели работу порознь. Я был больше знаком с Васильчиковым, с Травиным познакомился после революции. С другом Травина, Павлом Шатихиным, я был знаком до 1905 года, но о его революционной работе я ничего не знал, знал, что только Шатихиным вместе с Травиным была организована в д. Пушкине потребительская лавка.

С Васильчиковым я был в большой дружбе. Это был замечательно хороший человек. За политику он много раз сидел в тюрьме и был исключен из Московского Университета. Только спустя много лет ему удалось окончить свое образование в Харьковском Университете уже в 40 летнем возрасте. В Кикинской больнице его жена служила акушеркой, сюда он в каникулярное время и приежал. У него было много хороших книжек, которые он давал мне читать, предупреждая, что за хранение этих книжек—5 лет каторги. Однажды он привез мне газету „Искра“. Были у него и картинки, на одной из них изображена была огромная пирамида, державшаяся на плечах рабочих и крестьян, на верху ее сидел царь. В 1905 году Васильчиков принимал участие в революции в Харьковской губ., где служил земским врачем. В период реакции подвергся гонению и умер, заразившись сыпняком. О Васильчикове я всегда вспоминаю с чувством глубокого уважения. Травин же после революции работал в Костромском земстве и впоследствии, по слухам, где-то в Сибири сделался попом.

Перед революцией в Кикинскую больницу поступил молодой врач Антонин Петрович Першин. По об'явлении

Октябрьского манифеста Першин созвал собрание граждан обоего пола в земской школе. На этом собрании выступили впервые Шатихин со своим другом Козьмой Летошниковым, оба они крестьяне дер. Гора (ныне Исаковской вол. Вяземского у.). На этом же собрании было вынесено постановление об освобождении крестьян от платы за лекарство. Растерявшееся Юхновское земство это постановление немедленно провело в жизнь и отменило плату за лекарство. Доктор Першин имевшиеся на сберегательной книжке двести руб., принадлежавшие Кикинской народной библиотеке, израсходовал на выписку газет и революционных книг. В школе была открыта читальня, в которую по вечерам собиралось много народа; читальней заведывала учительница Матвеева, уроженка гор. Гжатска. Доктор Першин раздавал также революционнные газеты приходящим в больницу для лечения.

Между тем, революционное движение развивалось. В одно воскресенье в школе был назначен большой митинг, на который должен был приехать агитатор из Вязьмы. Помнится, фамилия его была Латышев. В назначенное время в школу собралось много народу разного возраста и обоего пола. На митинге первым выступил Шатихин, а затем Латышев. Говорили об учредительном собрании, о всеобщем избирательном праве, о наделении землей. Крестьяне интересовались и задавали вопросы, будут ли они платить налоги и будет ли плата за паспорта.

После этого собиралось еще несколько митингов, на которых стали появляться пьяные, которые выступали с несвязными речами. Интерес к собраниям стал пропадать и на них появлялось очень мало народа. Из отдельных деревень волости доносились угрозы разогнать митинги и побить участников кольями. Но митинги прекратились не вследствие угроз, а потому, что они утратили интерес для населения.

Только на первом митинге была выработана резолюция о всеобщем бесплатном обучении, об избирательном праве, о созыве учредительного собрания, об отмене подушных податей, об отобрании кабинетских, монастырских и помещичьих земель; на остальных собраниях резолюции не выносились. Резолюция была подписана почти всеми присутствующими.

Хотя митинги прекратились, революционная волна не спадала. Организовалось Юхновское Отделение Крестьянского Союза. Отделение это состояло только из одного Бюро, членами которого были Шатихин (председатель), Абрам Михайлов—крестьянин дер. Сергейково, Кикинской вол., Козьма Летошников и крестьянин с. Кикина Афанасий Павлович Андреев (Суконкин). Бюро это, кроме Шатихина, никакой популярностью среди населения не пользовалось. Некоторые из членов его были большие любители до выпивки. Бюро созывало собрание, но успеха имело мало. Приговоры с политическими требованиями были составлены только в двух деревнях—Болванове и Кикине, причем кикинцы своему приговору не дали движения и разорвали даже его, а Болвановский был послан в редакцию газеты «Днепровский Вестник», в г. Смоленск. Бюро как-то назначило повальный волостной сход: были разосланы приказы. Местная администрация и полиция открыто никаких мер не принимали, но усиленно вели контр-революционную агитацию среди населения и обо всем, что делалось в Кикине доносили своему начальству.

Повального схода созвать так и не удалось, потому что мало явилось народу, находившегося, вероятно, под влиянием администрации и полиции. Но зато удалось добиться волостного схода из выборных (добросовестных).

На этот сход прибыл земский начальник Мельников. Сход был бурный; потребовали смены старшины, и земский начальник должен был уступить. Старшина был сменен; его хотели даже завернуть в рогожу и вывести на тачке. Новый старшина Анкиндинов человек был либеральный, сам читал прокламации и скрывал многих агитаторов, лично меня он спас от ареста, дав обо мне хорошую аттестацию приставу, приезжавшему в волость для дознания. Смена его произошла потому, что народ вообще был озлоблен против начальства.

Кузьму Летошникова в д. Сомово, куда он явился в пьяном виде агитировать, побили. Абраму Михайлову баба около волости разбила очки.

Бюро собиралось в Кикине у Суконкина. Иногда заседание это сопровождалось усиленной выпивкой, причем

на них, кроме членов Бюро, присутствовали и крестьяне-любители выпить. Авторитет Бюро окончательно пал. В населении стала проявляться к нему ненависть; наступала реакция. Предводитель дворянства Лелюхин предложил Шатихину написать опровержение напечатанного в газете приговора с политическими требованиями крестьян д. В. Болваново, но Шатихин не согласился.

После разгрома Московского восстания наступила реакция. Члены бюро были арестованы и Московской палатой были в 1907 г. приговорены к заключению в крепость и ссылке, кроме Летошникова, который был признан пьяницей, действовавшим под влиянием алкоголя.

После ареста Бюро отдела Крестьянского Союза в Кикино прислали десять конных стражников, которые раз'езжали для наведения страха по селу и деревням. Пробыли в Кикине они два года. Крестьяне с ненавистью смотрели на стражников, и в один из зимних базаров два стражника были жестоко избиты. Виновников избиения не нашли, а избитых стражников начальство уволило.

В заключение я должен остановиться на некоторых случаях, характеризующих царскую полицию и духовенство. Абрам Михайлов дал одному крестьянину прочитать прокламацию. Крестьянин на исповеди покаялся об этом попу. Поп немедленно донес в жандармское управление. Абрама Михайлова арестовали, но через неделю отпустили. Жандармерия не знала, на чьей стороне будет победа. Арестован был крикливый Суконкин и направлен в Юхнов. Продержали его неделю и тоже отпустили.

Однажды в волость приехали исправник Зубакин и податной инспектор Бочкарев. Был праздник,народу в волости было много. Один крестьянин подошел к исправнику и протянул ему руку. Раздались крики „ты не хочешь пожать мозолистой руки—бери его, ребята". Исправник страшно испугался и немедленно с Бочкаревым уехал.

Учительница Матвеева была одной из светлых личностей. Она организовывала ученические кружки, учила их революционным песням. Некоторые из ее учеников представляют теперь деревенский актив, а некоторые занимают ответственные должности в городах. Она была также аресто-

вана, получила психическое расстройство и умерла. Доктор Першин был земством уволен, Летошников и Абрам Михайлов умерли. Шатихин после Октябрьской революции был приговорен к расстрелу Советским судом за контр-революцию, но—сбежал и неизвестно, где находится. Суконкин проживает в селе Кикине.

И. Смертюков.

ПРИМЕЧАНИЕ: Из доставленной нам копии с копии Приговора Особого Присутствия Московской Судебной Палаты от 12—13 сентября 1907 года—видно, что крестьяне Смоленской губ., Юхновского уезда, Кикинской волости д. Горы—Павел Федорович Шатихин; с Кикино—Афанасий Павлович Суконкин (Андреев) и д. Сергейково—Абрам Михайлов—обвинялись в организации отделения Крестьянского Союза под именем—„Бюро Юхновского прогрессивного Крестьянского союза", в котором первый из них состоял—председателем, второй помощником его и третий—членом.

Обвинялись они также и в противоправительственной агитации и распространении прокламаций Брянского К-та П. С. Р.

Тем же Судебным решением крестьянин Юхновского уезда, Кикинской волости, д. Гора-Козьма Дмитриевич Летошников, признан виновным в том,—„что не публично распространял среди крестьян суждения о неповиновении властям".

Особое присутствие, найдя, что деяния обвиняемых не вызвали „особо вредных для общественного строя последствий" и „в виду смягчающих вину их обстоятельств, обнаруженных следствием" (в чем заключались последние, нам неизвестно)—приговорило: Шатихина к 20-ти месячному заключению в крепости; Суконкина—18-ти месячному, Михайлова-12-ти месячному с зачетом предварительного заключения—(8, 9 и 5 месяцев), Летошникова к 3-х месячному заключению в тюрьме. **Ред.**

Несколько моментов из революционных событий 1905 г. в Козельском уезде.

Помню, после расстрела рабочих 9-го января, я был в дер. Кстищи, Козельского уезда, где я поддерживал тесную связь с несколькими местными крестьянами и сельским учителем, которые всего больше интересовались новостями большого города „Питера“ и дружба с которыми поддерживалась главным образом на почве совместных чтений газет и книг в школе, причем мои собеседники особенно интересовались, когда я приносил для чтения запрещенную газету или книжку. Шли у нас разговоры о самом большом событии—за что рабочих расстреляли. Говорю, что царь приказал. Не верят, особенно с этим не соглашались два 70-ти летних старичка: Глеб Родичев и Евграф Анисимов, которые ненавидя помещиков, веру в царя все еще сохраняли. Как участник шествия к царю 9-го января, рассказываю: „Шли рабочие мирно, с иконами, с царскими портретами, но их все же расстреляли потому, что царь боялся выслушать от рабочих правду“. В конечном счете и старички мои согласились, что царю дороже интересы помещиков и фабрикантов, нежели крестьян и рабочих.

Дружба наша с крестьянами укрепляется. Но вот инспектор училищ по Козельскому уезду пронюхал, что крестьяне в школе собираются, и предупреждает учителя, чтобы он прекратил доступ в школу крестьянам. Но надо сказать, к чести школьного работника Малиновского, что он, несмотря на предупреждение инспектора, все же продолжал допускать эти собрания в школе, правда, с большой осторожностью.

Вспоминается 2-ой момент. В мае или июне приезжаю в ту же деревню, где уже в то время имелась созданная по инициативе крестьян местных, работавших на Путиловском заводе, организация «Попечительство о местной школе». Правда, хотя его устав начальством и не был утвержден, но все же и препятствий нам не чинили, мы отчислили 5% от содержания и на эти средства поддерживали школу, выписывали литературу и т. д. и имели формальный повод собираться.

По приезде крестьяне обступили, новостей питерских требуют. Рассказываю, что рабочие теперь царю совсем не верят, находят, что он всему виной, но и вы не надейтесь земельки от царя получить, он за одно с помещиками. Кстати сказать, что крестьяне нашего селения уже несколько лет хлопотали о передаче им через крестьянский банк имения умершего помещика Бурнашова, которое по наследству перешло к другому Бурнашову, проживавшему в Орловской губ., Малоархангельского уезда, в своем наиболее крупном поместье, а Кстищенское имение находилось в бесхозяйственном состоянии, и фактически пользовался им местный помещик Коноплев.

Несколько слов о помещиках Бурнашовых. Если надо представить себе тип помещика крепостника, то Кстищенский Бурнашов был именно таковым, он все еще продолжал смотреть на крестьян, как на подневольных, да оно и на самом деле так было, несмотря на формальное освобождение крестьян от крепостной зависимости. Фактически местные крестьяне продолжали оставаться в полной экономической зависимости от помещика Бурнашова, вследствие того, что, куда крестьянин ни повернись, везде земля помещика. А если принять еще во внимание, что Бурнашов забрал себе все луга и леса и оставил за собой пруд, находившийся в крестьянских усадьбах, то картина закабаления, становится вполне ясной. Перешедший барскую границу, крестьянский скот загонялся, за него бралась высокая плата. Конечно, крестьяне платить были не в состоянии, и их заставляли отрабатывать. Если заставали крестьян на барском пруде с бельем или с кувшином для воды, то часто самим Бурнашовым это все уничтожалось. Известно несколько случаев, когда этот помещик сталкивал в пруд 70-ти летних старух, которые приходили в пруд за водой. И если добавить ко всему этому, что у этого помещика держалась свора огромных собак, которые часто рвали крестьянский скот, овец и свиней, а крестьян за это сажал помещик в „холодную“, при волостном правлении, то можно легко себе представить, в каком положении находились местные крестьяне.

Помещик Бурнашов ненавидел крестьян. Старики Кстищенские рассказывали, что и десять лет спустя после

«освобождения» крестьян, независимо от времени года, их заставляли во время прохода и проезда через помещичью усадьбу снимать шапки. Ненависть к крестьянам помещик Бурнашов сохранил до конца своей жизни, и, даже, когда умирал, его последними словами были: „мужиков в дом не пускать“.

После смерти помещика Бурнашова, все крестьяне питали надежду, что по крайней мере хуже не будет, и, учитывая, что новый помещик был холостой, думали, что они хотя и за деньги приобретут через крестьянский банк Бурнашовское имение. Но и тут надежда не оправдалась. Новый фактический управитель и владелец имения Коноплев разубедил крестьян, управляя имением по старому обычаю. Крестьянам в приобретении имения отказали: „Работать, мол, не умеете. Ваша молодежь по заводам шляется“, и таким образом и здесь сорвалось.

Между тем, рабочее и крестьянское движение усиливается. Крестьяне знают о рабочих забастовках, слышат, как местами крестьяне громят и помещичьи имения. Временами красное зарево видят по вечерам—это хлебные помещичьи сараи горят. Вот и крестьяне деревни Кстищи, под влиянием рабочих, приехавших с Путиловского завода, решили приступить к имению. Дело, правда, ограничилось тем, что крестьяне поломали изгородь помещичью, отделявшую барскую землю от крестьянской. Дальше этого дело не пошло, но и этого оказалось достаточно. Управитель Коноплев опрометью бросился в Калугу и на место выезжает вице-губернатор Оленин и земский начальник Барсуков. Собирают сход: вице-губернатор речь держит крестьянам— „Что Вы делаете? Кого Вы слушаете? Вы своими действиями заставили меня, исполняющего обязанности Губернатора, к вам выехать“ и т. д. Один из старичков-то ли по простоте душевной, то ли себе на уме—отвечает высокому начальству: «Не видали мы вас, Ваше высокопревосходительство». Начальство хмыкнуло в бороду, переговорило с земским начальником и управителем, пошли на совещание. О чем совещались, никто не знает. Потом вышли и об‘явили, что начальство, мол, прощает на этот раз, но предупреждает, что если что-либо подобное повторится, то на него не

пеняйте и т. д. Управитель после должен был сознаться, что применению репрессии помешали зарева от помещичьих сараев и близость времени уборки хлебов.

Вспоминается еще случай. Время—декабрь, уже после подавления вооруженного восстания в Москве. Собирается в дер. Кстищи молодежь, приехавшая с Путиловского завода местные призывники (призыв которых тогда был отсрочен перепугавшимся правительством до 1-го января). Решили организовать демонстрацию: с красными флагами пошли на винокуренный завод Домогацкого, находящийся от деревни на расстоянии одной версты. По пути пристало еще порядочное количество крестьян, молодежи главным образом. Получилась демонстрация внушительная. Навстречу попался поп села Юрьева,—ужаснулся, свернул далеко в сторону, застрял в сугробе, и, подсвистываемый демонстрантами, оказался в очень комическом положении. В результате поп, перепуганный приезжает домой, зовет к себе крестьянина, кстати тоже оказавшегося рабочим Путиловского завода, и рассказывает ему о виденном и спрашивает у него, в чем дело. Тот толкует, что это, видимо, организована демонстрация заводскими рабочими, приехавшими в деревню. Поп, не задумываясь, строчит донос губернатору. Губернатор делает распоряжение исправнику взять дер. Кстищи под особый надзор. Кстати, это не трудно, местные помещики содержали на собственные средства стражников. Но призывная молодежь и заводские рабочие раз'ехались по своим местам и уловить начальству и на этот раз никого не пришлось.

А вот еще несколько фактов, характеризующих 1905 год, в Козельском уезде вообще. Когда после 9-го января волна революционного движения докатилась и до таких мест, как Козельский уезд, местные помещики, руководимые Кошкиным, кн. Оболенским и другими, решили не дремать. Отсутствие сколько нибудь сильной революционной организации им благоприятствовало. Прежде всего помещик Кашкин, имевший свыше 2500 дес. земли, стараясь обезопасить себя, организует всех местных помещиков и купцов г. Козельска с целью изыскания средств, для реальной борьбы с революцией. В своем рвении Кашкин доходил до того, что в селе Нижние Прыски, где находилось его главное

имение, воспрещает крестьянам по вечерам зажигать огонь в своих избах, ходить по улицам, собираться и т. д. Крестьяне туго повинуются, жгут у него хлебню. Кашкин, не надеясь на одних стражников и пользуясь соседством сиятельного помещика кн. Оболенского, имевшего свыше 1500 дес. земли и винокуренный завод в селе Березичи (крестьяне последнего тоже были не спокойны), ходатайствует через него о присылке хотя бы сотни казаков в Козельский уезд. Быстро сговариваются Козельские помещики и купцы, дружно собираются средства, командируют надежного человека к царскому правительству, и ходатайство удовлетворяется.

Из громких судебных процессов политического характера того времени, можно назвать процесс крестьян д. Белый Верх, теперешней Перестряжской волости, которых судили за самовольную порубку леса помещика Булгакова. Судилось около ста человек. Главными свидетелями были земский начальник Ялозо В. А. и волостной старшина Кузин Н. Осудили, понятно, и несколько человек выслали.

Затем в самом г. Козельске была забастовка в иконописной мастерской Балашова, организованная рабочим, социалистом-революционером Родичевым, у которого была к тому же найдена нелегальная литература. Он был осужден на три года в одиночку, где и умер от чахотки. Административной высылке подверглись «неблагонадежные» т. т. Тихомиров, Ломакин, Фирсов (впоследствии член РКП (б.).

Вместе с усилением реакции помещик Кашкин организует «союз 17 октября», а бухгалтер казначейства Литвинов П. М.—„Союз русского народа“. Вот несколько фактов из жизни Козельского у., которые следует отметить к двадцатилетнему юбилею революции 1905 года.

В. Родичев.

В 1905 году.

Я вышел из чисто рабочей семьи и оставшись без отца совершенно мальчиком и с малых лет по семейным обстоятельствам вынужден был добывать себе средства к существованию своим собственным трудом. До 17-летнего возраста я Россию из'ездил, в погоней за службой, что называется, вдоль и поперек. За это время пришлось испытать много нужды самому и увидать, что жизнь других проходит не в лучших условиях.

Жизнь окружавших меня была сплошною нуждой. В то же время приходилось наблюдать, что есть люди, которые живут не только лучше, но, как казалось, и совсем хорошо.

Это наталкивало на мысль о несправедливости и хотелось найти причину ее. Самому разгадать эти причины не удавалось, быть может потому, что постоянные поиски заработка или работа в течение иногда 16 часов в сутки не оставляли свободного времени на размышления.

В 1900 году, когда мне исполнилось 17 лет от роду, я с новостроившейся Данково-Смоленской ветки Рязано-Уральской ж. д., где работал в депо учеником, приехал, попытать счастья в Калугу и поступил слесарем паровозно-пригоночного цеха главных мастерских. Здесь познакомился и сдружился я с товарищем по работе Н. Никитиным. Оказалось, что брат его И. Никитин, токарь мастерских, подвергался неоднократно арестам за политические убеждения, как в Калуге, так и в Москве [1]).

Рассказы Н. Никитина о брате, его взгляды на жизнь отвечали на мои запросы, а попадавшаяся в мои руки, через Н. Никитина, нелегальная литература меня увлекала. Хотелось найти людей, думающих в том же направлении, что

---

[1]) В Калуге И. Никитин был привлечен лишь в 1903 году по так наз. „Делу 24“—Ред.

и я. Вскоре это удается; знакомлюсь с токарем В. М. Баташовым, с слесарем вагонного цеха Федотом Титовым, машинистом электростанции А. Д. Ивановым и др. В дальнейшем поиски оказались тоже не безуспешными. Передовая интеллигенция гор. Калуги в лице служащих разных государственных и общественных учреждений Журавлева, Дурасова, Колесникова, Голубева и др. в свою очередь искала сближения с рабочей средой. Встречи случайные и с намерением все ближе толкали к образованию кружков саморазвития. Так прошел 1901 год. В 1902 году после разных университетских событий появились в Калуге высланные студенты, принимавшие участие в волнениях. Мы, рабочие, шли к студентам, а студенты шли в наши кружки. Жизнь же последних становилась все шире, захватывающей и полнее. И когда приходилось вдумываться, что может получиться от этой нашей работы, казалось, что дни того несправедливого образа правления, который так угнетал и издевался над беззащитными, были сочтены.

В 1903 году в Калуге уже выявились наряду с эс-эсеровской организацией, группы с.-д. работников. Здесь уже с выпуском листовок и прокламаций более определенно выразилась работа кружков. В конце этого же года появились слухи о возможности войны с Японией, войны, которая необходима была правительству для разных целей, в том числе и для отвлечения внимания революционно-настроенных масс от нароставшего политического движения.

В начале 1904 года в связи с начавшейся войной меня в числе других спецов по паровозам отправляют в Харбин на подкрепление ж.-д. транспорта. Работая в Сунгарийских мастерских, вместе с калужанином К. Н. Ивановым, встречаемся здесь уже с революционно-испытанными рабочими, приехавшими сюда из Москвы, Петрограда и с юга России, спасающимися от преследований жандармерии и эти рабочие пропагандировали среди работавших вместе с нами солдат железно-дорожных военных баталионов и скоро присоединились к Харбинской революционной организации.

Командир жел.-дор. баталиона, поручик Харченко, зная о революционной работе вообще, и в частности и во вверенных ему баталионах, однако, не сообщал об этом на-

чальнику Вост.-Кит. ж. д. полковнику Хорвату, ни начальнику военного округа генералу Надарову.

В конце года нас предупредили об опасности, и я вынужден был вернуться в Калугу заблаговременно, других товарищей, в том числе и К. Иванова, арестовали и выслали этапным порядком в тыловые города.

По возвращении в Калугу, узнаю от товарищей, что Федот Титов и И. А. Голубев арестованы [1]). Это был большой минус. Находились они в уездных тюрьмах и сноситься с ними было почти невозможно, а, между тем, все ближе и ближе подходили революционные события. Наступило 9-е января 1905 года. Тяжелые кровавые для питерских рабочих дни скоро стали мрачными и для Николая II, когда волна забастовок протеста разлилась по всем городам России. Ровно через месяц эта волна докатилась и до Калуги. Мы решили, что Калужские мастерские не могут оставаться в стороне и не примкнуть к пробуждающейся России. И вот, 8-го февраля с самого утра зародилась неотвязчивая мысль, что и мы должны бастовать.

Толкаясь до обеда среди своих единомышленников и заручившись поддержкой их, а также и видных рабочих-специалистов по мастерским—я в 3 часа дня об‘являю забастовку пригоночного отделения, (в котором по возвращении из Харбина снова работал слесарем) токарного и сборного цехов, а затем и всех мастерских. Начать забастовку нам удается, хотя не совсем легко, но зато скоро ход ее превзошел всякие ожидания. Об‘яснялось это, с одной стороны тем, что многие чувствовали, что нельзя не протестовать после столь зверской расправы, а, с другой стороны, тем, что администрация не ожидала забастовки от Калужских мастерских и растерялась при ее начале.

Эту растерянность администрации мы и использовали, чтобы поднять мастерские. Надо было после того, как рабочие несколько всколыхнулись, немедленно, в первую очередь, остановить работу электростанции и дать гудок о прекращении работы.

---

[1]) По так наз. „Делу 24“—25 октября 1903 года. –Ред.

Исполнить это было поручено В. М. Баташеву, который благодаря тому, что на электрической станции был свой человек—тов. А. Д. Иванов, легко и быстро сделал все, что надо.

Пронзительный, да еще в неуказанное время рев гудка оказал магическое ошеломлящее действие не только на рабочих, но, как потом передавали, на всю Калугу с окрестностями. Все жители в один голос задавали вопрос: „Что случилось“?, и только спустя некоторое время узнали, в чем дело.

А в этот момент рабочие, впервые за время существования мастерских, собирались на митинг—под открытым небом, внутри двора мастерских между сборными и кузнечными цехами. Здесь мною было раз‘яснено им значение забастовки, с одной стороны, как протест против расстрела рабочих 9-го января, а затем, как средство защиты своих интересов, в виде пред‘явления требований начальству. Договорившись, что на другой день утром соберемся в мастерские—мы двинулись к проходной, которая в это время была окружена жандармами. Арестов, однако, в это время не производили.

Администрация молчала, и только некоторые из числа ее, которых рабочие требовали уволить по разным причинам, чувствовали себя не совсем хорошо. После окончания митинга пом. н-ка мастерских П. В. Абалдуев обратился ко мне с просьбой оградить мастерские от возможности разгрома их и порчи технических приспособлений. За целость мастерских я ему поручился.

Вечером этого дня, я, вместе с тов. Малютиным А. В. [1]), имевшим непосредственную связь с комитетом [2]) отправились в быв. Трубаевский переулок в дом владельца булочной, и там на дворе во флигеле ночью слитографировали большое количество выставленных на митинге рабочими требований и на другой день, 9-го февраля, распространили по мастерским.

9-го февраля на митинге, для пред‘явления требований администрации были избраны представители, пред‘явившие требования начальнику мастерских С. А. Савину, который

[1]) Ныне служит в Губсуде—Авт.

[2]) Соц.-дем. организацией—Ред.

к ним отнесся сочувственно и обещал поддержать их перед высшим начальством.

Для переговоров с рабочими, вечером 9 февраля, в мастерские приехал начальник дороги Якубовский со своими помощниками и на нашем собрании, происходившем на канаве сборного цеха, выразил свое неудовольствие по поводу забастовки, признав, пред‘явленные „ватагою преступников“, требования неприемлемыми и не подлежащими удовлетворению.

Все же, несмотря на это резкое заключение Якубовского, наши требования тут же в присутствии ротмистра Туркестанова были рассмотрены и часть из них, а именно, 1) повышение расценков, 2) прибавка жалования, 3) вежливое обращение с рабочими, 4) увольнение некоторых административных лиц, притеснявших рабочих, 5) неприкосновенность участников забастовки, 6) выборы представителей от рабочих для переговоров с администрацией—признаны подлежащими удовлетворению.

Пункт о 8-ми часовом рабочем дне вызвал между рабочими и администрацией долгий спор. В конце концов Якубовский окончательно отказался удовлетворить его, но дал обещание, что на другой же день по всей дороге будет установлен 9-ти часовой рабочий день. (Это им и было исполнено). Остальные требования, которых было всего до 16, были переданы особой комиссии для тщательной разработки. Часть из них была удовлетворена по мере возможности, а другая часть отклонена совершенно.

Эта первая в калужских мастерских забастовка дала большие результаты. Она всколыхнула местный рабочий мир, показав, что только организованным путем можно добиться улучшения жизни рабочего. Она пробудила сознание широких масс и указала им, что есть группа активных рабочих, которая не спит, и пополнила ряды активных рабочих.

Во время этой забастовки выдвинулись—юный в то время А. Карев, сыгравший потом в местном рабочем движении не малую роль, и М. И. Гуров—рабочий, человек с великим, открытым характером.

Революционный под‘ем рабочих и бодрое их настроение нами были использованы—под руководством студентов

С. Н. Преображенского и С. Н. Гайгерова (первый был юридического факультета, второй медицинского).

Были организованы кружки для подготовки работников к политической работе. Летом к кружковым занятиям привлекли Н. Х. Фосса и И. А. Сергиевского. [1]) Вошли в эти кружки и женщины, принявшие активное участие в работе их. То были Е. Соколова, Цыля Варшавская и С. Циолковская.

На организованном в бору первомайском митинге, где производился первый смотр революционных сил, тов. Сергиевский, как представитель трудового элемента, указывал работникам интеллигентам, в частности Н. Х. Фоссу, работавшему большею частью среди интеллигенции, что отсутствие на митинге большего числа рабочих об'ясняется тем, что мало уделяется внимания рабочим, и предложил всю свободную силу перенести в рабочие кварталы. Его предложение не осталось только на словах и было исполнено. Кружковая работа закипела. По тому времени лучшего и большего желать было нельзя.

В обязанность руководителей кружков входила задача выработки пропагандистов. Тяжела и ответственна была работа руководителей кружков, но не легко было и самим занимающимся. Как те, так и другие днем заняты работой и службой, а вечером ежедневно направлялись куда-либо в лес и там дополняли свою подготовку.

Комитет С. Д. партии [2]) в это время не дремал. Помимо указанной мною выше работы, была организована обширная нелегальная библиотека, заведывал которой Федот Титов, освободившийся к этому времени из тюрьмы. [3]) В библиотеке имелись брошюры и книги почти всех видных политических деятелей, как русских, так и заграничных, а также и газета „Искра“.

Кроме того, комитетом в течение лета было устроено несколько митингов и массовок в бору, за рекой, в осинниках,

---

[1]) Члены местных С. Д. организаций. Фосс и Преображенский Калужск. Союза РСДРП, Сергиевский—Кал. группы РСДСП.—Ред.

[2]) Повидимому, речь идет о группе РСДРП, которая вела работу в мастерских. Комитет организовался позже при слиянии группы и Союза РСДРП в октябре 1905.—Ред.

[3]) Титов освобожден из тюрьмы был в ноябре 1904 г. Ред.

на которых уже к концу лета выступали пропагандисты из рабочих, к этому времени закончившие подготовку в кружках.

Так прошло время до всеобщей октябрьской забастовки. Получаем телеграмму из Москвы о том, что Московский узел прекратил движение и просит нас присоединиться и поддерживать их требования, в числе которых свобода слова, печати, собраний, 8-ми часовой рабочий день и др. В конце было сказано: „Ввиду того, что все указанные требования не могут быть удовлетворены при полицейско-чиновничьем режиме, необходим созыв народных представителей, облеченных законодательной властью, выбранных на основании всеобщего, прямого, тайного и равного голосования без различия пола, веры и исповедания".

Момент был захватывающий. Избрали стачечный комитет[1]), представители которого во главе с тов. Даниловой (так называемая „Красная шапочка") явились к мастерским перед обедом с целью устроить митинг и остановить работу. Но прибывший в это время ротмистр Туркестанов с отрядом жандармов, помешал сделать желаемое и хотел арестовать явившихся. Но, когда узнал, что это делегаты стачечного комитета,—растерялся и ничего с ними не сделал, а только попросил отойти от мастерских в сторону города. Рабочих на обед из проходной стали пропускать не партиями, как это обычно практиковалось, а по одиночке, и за ними все время наблюдали жандармы, стоявшие по линии. Так организовать в это время митинг и не удалось. Но делегаты, несмотря на дождливый, холодный, осенний день поджидали рабочих с обеда.

Надежда на успех была полная, не смотря на окружавших мастерские жандармов, старавшихся произвести свое магическое действие на некоторых рабочих. Но это было уже не то время, как в февральскую забастовку, когда мы были одиноки, когда не было спаянности и связи не только с уездами, (хотя кое-откуда тогда и доходили слухи о забастовках в Жиздре, Боровске и Дугне), но даже с депо и винным складом. Теперь же было совершенно другое дело. Лето даром не прошло: в депо были свои люди—тов. А. Тур-

[1]) Речь идет о стачечном комитете Управления С. В. ж. д.—Ред.

лыков, и М. Власов, работавшие среди слесарей и среди машинистов А. Н. Гайгеров. Они в любой момент начали бы действовать за присоединение к забастовке. Можно было рассчитывать и на винный склад, где в то время работал П. Баташов, сестры Вашковы и др. В Управлении дороги были также свои товарищи, ждавшие начала забастовки в мастерских, где тогда работало до 2500 чел. [1]) Что же касается других предприятий в городе, то они были мало революционными и рабочие их не были сплочены так дружно, чтобы с них можно было начать забастовку. Поэтому то все внимание и было обращено на мастерские, и велась тут лихорадочная работа.

Выборные от рабочих в февральскую забастовку отдельные видные рабочие, а также бригадиры вели между собою совещание о создавшемся положении. Местом для этого совещания, с расчетом избавиться от глаз жандармов, было найдено у А. Д. Иванова—между паровыми котлами под машинным отделением.

На совещании решили забастовку начать немедленно, но надо было соблюсти некоторую проформу. Когда это было сообщено делегатам, что забастовка предрешена, они попросили у начальника мастерских Савина разрешение переговорить с выборными, которые должны были сказать свое решающее слово, и хотя ротмистр Туркестанов противился этому, Савин, узнавший о решении только что состоявшегося совещания, доказал ротмистру, что во избежание недоразумений такие переговоры необходимо допустить. Цель была достигнута.

В здании старого вокзала встретились делегаты стачечного комитета с выборными от рабочих, и после 15-ти минутного совещания—мастерские об‘явлены забастовавшими. [2])

Об этом решении было сообщено по телефону в управление дороги. [3]) Так происходило присоединение мастерских к забастовке.

---

[1]) Управление забастовало 10-го октября.—Ред.

[2]) Совещание это происходило 13 октября, и на нем решено было мастерским присоединиться к забастовке со следующего дня.—Ред.

[3]) Там в это время происходило общее собрание служащих.—Ред.

По окончании забастовки, [1]) в противовес рабочему движению начала организовываться контрреволюция.

Образовался Союз 17-го октября, партия правового порядка. Но прежде них была сорганизована черная сотня, возглавляемая приставом Лавровым и покровительствуемая губернатором Офросимовым, получившим в то время кличку „Глухарь". Выступление черной сотни ознаменовалось однажды трогательными явлениями. В одну из первых демонстраций по дороге от управления к плац-парадной площади, как раз против собора встретились дети одного отца, но люди разных политических лагерей—братья Радиловы, один студент с демонстрантами, другой вольноопределяющийся с черной сотней. Произошла перестрелка, паника, бегство с обоих сторон, но благодаря темному вечеру—убитых не было.

Дальше начались черносотенные погромы магазинов—Капырина, Лобова и квартир: Агурова, юрист-консульта Управления дороги, и Радиловых, живших на Трубянке в доме Доманова. Их квартиру обступила черная сотня. Радиловы, не исключая и вольноопределяющегося, который ушел от черной сотни защищать квартиру и все время из полка подносил огнестрельные припасы—стойко защищали себя и отстреливались из окон дома. Уложили на смерть несколько лиц, в том числе столяра Стомянского и одного рабочего с рогожной фабрики. В конце концов, расстреляв все патроны, они не выдержали напора черной сотни и вынуждены были бежать.

По пути на Богоявленской (ныне Красноармейской) улице [2]) студент Дионисий Радилов был настигнут и избит камнями. С этого момента его уже не стало. Зайдя на другой день в часовню Хлюстинской больницы,—мы вместо Д. Радилова, вместо живого человека, видели изуродованный труп. Голова представляла что то ужасное.

Это был мешочек, наполненный мелко-раздробленными косточками. Затем черная сотня встретила Павла Баташова, нанесла ему побои, и он был отправлен в Хлюстинскую больницу. Могла постигнуть и меня участь Радилова или Баташова, но рядовые рабочие, вертевшиеся в среде черно-

[1]) Забастовка окончилась 20 октября.—Ред.

[2]) Возле бывшего Епархиального женского училища.—Ред.

сотенцев, всегда предупреждали об опасности. На всякий случай, идя в часовню Хлюстинской больницы осматривать убитого Радилова, мы с товарищем вооружились новым оружием, только что доставленным из Тулы.

По окончании погромов, числа 25 октября за рекой был найден труп нашего славного товарища Ивана Тулина, погибшего от пули револьвера системы Смит и Виссона. По нашим сведениям, такой револьвер у него имелся. Истинные причины смерти Тулина для нас так и остались неизвестными. [1])

С благословения Лаврова и Офросимова, оделявших черную сотню деньгами, она, по слухам, предполагала разгромить квартиры революционных работников, видных рабочих и трудовой интеллигенции. Но почему то это не произошло. Рабочим пришлось подумать о самообороне. Были организованы боевые дружины, подразделявшиеся на десятки.

Боевые дружины в случае нападения на квартиры, по заранее составленному черносотенцами списку обязаны были выступить с оружием в руках против погромщиков.

Но, очевидно, урок Радиловых, черную сотню от дальнейших погромов остановил (на этот шаг они не пошли), и хотя деньги от Лаврова они получили, голову свою не всякий хотел подставлять.

Позднее циркулировали слухи о предполагавшемся нападении погромщиков на мастерские. Когда по этому поводу обратились к начальнику мастерских Савину, он посоветовал в течение всего дня держать под парами паровоз и при приближении черносотенцев обдать их из пожарных рукавов кипятком. Очевидно наши приготовления стали известны и нападения на мастерские не было.

Боевые Красные дружины в свое время сыграли не малую роль. Я как раз находился в том десятке, руководителем которого был вольноопределяющийся 9-го полка [2]) Иван Стефанович, а на всякий несчастный случай замести-

---

[1]) Причины смерти И. Тулина весьма определенно указаны С. Митиным в воспоминаниях в вып. II, Сборника „Из партийного прошлого“, стр. 59.—Ред.

[2]) Ингерманландского—Ред.

телем его являлся техник Александрович [1]). Полиция долгое время этих дружин побаивалась.

Кроме упомянутого техника Александровича в техническом ж.-д. училище работали, не покладая рук, испытанный тов. Сергей Митин, работа которого в то время была всем известна, и техник Василий Фитисов [2]), находившийся в то время в разных раз‘ездах. Вообще, техническое училище отличалось своею революционностью. Там очень часто происходили большие бурные собрания, посвященные текущему моменту.

В Управлении ж. д. в то время работала группа видных интеллигентов, состоявшая из И. Авилова, Н. Снегирева, Н. Костина, А. Купецкой, А. Никифорова, Н. Владимирова, Германа, Утянского и др. Во главе ее стоял Н. Х. Фосс.

Из типографских рабочих не мало потрудились Н. Щелухин, П. Гузеев и находившийся в нелегальном положении В. Борисов.

Все эти лица, тесно связанные одною идеею, подкрепленные городскими работниками: учителем Вознесенским, его женой Е. М. Рогановой, пом. присяжно-поверенного Любимовым, Н. И. Поповым, И. С. Гайгеровым, учителем Викторовым и др., вели широкую работу.

Тогда имелись уже в Калужском комитете РСДРП представители от расположенных в Калуге войсковых частей. Эти лица в свою очередь вели удачную работу среди солдат и командного состава. Так, например, на состоявшемся вскорости на квартире Фосса реферате были военно-служащие и наряду с выступавшими К. Д. партии С. Лионом и от С. Д.—А. Д. Ивановым выступали представители от войсковых частей.

С наступлением холодов митинги и собрания под открытым небом прекратились. Пришлось искать помещения. Излюбленными местами для собраний, с таким расчетом, чтобы жандармы не могли напасть на след, стали дом Пшеная,

---

[1]) Впоследствии Стефанович погиб в ссылке, а Александрович с наступлением реакции принужден был скрыться.—Авт.

[2]) В С. Д. Митин и Фитисов в то время уже не учились в техническом училище, но были руководителями группы РСДРП, которая держала связь с этим училищем. — Ред.

квартира Щепетова, Фелицына, Германа, Никифорова, бухгалтера Владимирова и др. расположенных в центре города.

Что касается жел.-дорожного района, то рабочие охотно предоставляли свои квартиры под собрания, лишь бы они могли вместить от 20 до 50 человек, но больше всего, там собирались в доме Стефановича или на квартире машиниста Гайгерова. Само собой разумеется, что для того, чтобы попасть на какое либо собрание—надо было из дома выйти пораньше, пройти для отвода глаз ненужный круг, примерно в полгорода—и тогда уж притти к намеченной квартире. Иначе можно было бы за собой притащить филеров из охранки, а этих в то время было очень много, и гонялись они за нами, что называется, по пятам.

Так продолжалось до декабря 1905 года, когда запахло порохом, заговорили о Московском вооруженном восстании. Полицейский режим усиливался.

Что же в это время происходило в Калуге?

Прежде всего у каждого из нас вставал вопрос, а как Петроград. Неужели он так обессилен борьбой предыдущей, что не сможет вовремя оказать поддержку Московскому пролетариату.

В связи с положением в декабре на Косьма-Демьяновской улице, в доме Новоградских, был созван митинг. И хотя все выступающие, не исключая и военных представителей, призывали к энергичному действию, в душе чувствовалось, что восстание обречено на поражение, так как замечалось, что нет сплоченности во всероссийском масштабе.

В частности, калужский гарнизон за такое короткое время не настолько был подготовлен, чтобы выступить с оружием в руках, а, между тем, находясь недалеко от Москвы, он должен был бы оказать помощь восставшим.

После окончания митинга, на котором было решено примкнуть к восстанию, среди тесного кружка товарищей обсуждался вопрос, с чего начать. В это время стало известно, что Калужская губерния об'явлена на положении чрезвычайной охраны. К дому Новоградских был направлен отряд конной полиции, под'ехавшей в то время, когда участники митинга расходились. Полиция, не применив никаких мер и пропустив мимо себя уходящих с митинга, поехала

дальше. Быть может, так благополучно обошлось потому, что митинг проходил под охраной своей боевой дружины, которая при появлении полиции бросилась к забору и расположилась вдоль его, выжидая нападения. Полиция, сидя на лошадях верхом, видела этот маневр и сочла, очевидно, целесообразным не начинать перестрелки, так как дружину она все таки побаивалась.

Весь вечер и всю ночь шла подготовка к будущему дню. Было решено, что штабом будет дом Фосса, откуда будут исходить все распоряжения. Туда же надо было направлять, в случае столкновения, раненых, принимая во внимание, что аптека со всеми лекарствами и перевязочными средствами находилась внизу этого дома, а в медицинском персонале недостатка не было.

Затем, после того, как через представителя машинистов выяснилось, что, при положении чрезвычайной охраны, поездная прислуга едва ли откажется вести поезда, решено было разобрать машину Яченской водокачки, подающую воду для паровозов; этим можно было вызвать замешательство в движении поездов. Но так как об этом решении узнала телеграфистка Анна Потанина, к которой, а также к ее брату Николаю [1]), у нас не было доверия, то пришлось от этого отказаться, а с утра следующего дня начать забастовку в мастерских, затем перекинуть ее на Управление ж. д. и остальные службы, а потом остановить и городские предприятия.

До рассвета оставалось немного. Эти последние часы проходили в лихорадочном состоянии. Нервы не выдерживали, и казалось, что мы переживаем последние часы. Явившись утром в мастерские, товарищи с нетерпением ждали, как было решено ночью, прибытия делегатов, которые и явились, имея в своем составе представителей городских и военных организаций. В токарном цехе был устроен митинг. Вольноопределяющийся т. И. Стефанович остановил моторы. Затем вместе с пригоночным отделением все отправились на канаву, в сборный цех. Здесь, на второй митинг явились жандармы во главе с пом. вахмистра Н. И. Горбу-

---

[1]) Эс-эр, провокатор—Ред.

новым. При помощи черносотенного элемента, главным образом, из котельного, а затем и др. цехов, успевшего свить себе гнездо после погрома, забастовку сорвали. Правда, судьба жандармов находилась в этот момент в руках вооруженных товарищей, но принимая во внимание, что при таких обстоятельствах могли бы пострадать и невинные рабочие, мысль о стрельбе по жандармам отпала в сторону. В происшедшей суматохе делегаты от военных успели скрыться (Стефанович Иван получил временный приют в городе, в семье бр. Герже-довичевых), а представители городских организаций во главе с В. Н. Любимовым были задержаны на линии, около мастерских. Забастовка была сорвана, и поэтому ничего не оставалось делать, как итти в город.

Чувствовался провал.

В городе чувство это подтвердилось. По улицам были расставлены конные и пешие полицейские и воинские части, во главе с реакционным командным составом.

В Управлении ж. д. забастовка также не удалась. Двери здания были заперты. Из здания никого не выпускали, и нельзя было пройти туда. Мне удалось через подвальное помещение проникнуть в средину. Здесь застаю такую картину: по лестнице 2-го этажа спускается группа забастовавших служащих, навстречу им идет н-к дороги и, обращаясь к помощнику бухгалтера гл. бухгалтерии Н. П. Владимирову, просит его остановить забастовавших. На это ему, как до сих пор помню, Владимиров ответил: «Извините, господин начальник, я тоже с ними». Оставалось одно— в одиночку ехать в Москву на помощь товарищам. Но и это не удалось,—охранка уже шла по следам.

В ночь под 12-е октября меня, А. Д. Иванова, рабочих С. Володина и С. Белоусова арестовали на квартирах. Токарю В. Баташову удалось уехать в Луганск. В ту же ночь были доставлены в тюрьму: Н. X. Фосс, пом. присяж. поверен. Фелицын, телеграфист И. Акимов, счетовод Управления дороги А. Никифоров, пом. гл. бухгалтера дор. П. П. Владимиров и учитель Полонский.

Здесь же находился Н. В. Михайлов, с оторванными, при взрыве бомбы, обеими руками. Как говорили, за покушение на почтовый поезд под Полотняным Заводом еще

среди лета 1905 г., он получил шесть лет каторжных работ, с заменой, как безрукому, строгим тюремным режимом.

Вскоре, чтобы лишить нас возможности сноситься с городскими рабочими, нас перевели в уездные тюрьмы, а в Калужскую были доставлены служащие Мало-Ярославецкого депо, арестованные за попытку отправить в Москву подкрепление, а также учитель Бриллиантов, арестованный вместе с комитетской типографией за рекой в селе Родоманове, по доносу односельчанина Королева, сообщившего жандармам, что в школе печатаются прокламации (за что и получил 3 рубля в награду).

Таким образом, в этот момент в связи с арестом и других товарищей произошел чуть ли не полный разгром всех революционных сил того времени.

Иванов А. Д. и я пробыли в Боровской тюрьме около 6-ти м-цев. Начальник тюрьмы А. Ф. Парчевский, старичок лет 55, отец которого был сослан в Сибирь за польский мятеж, относился к нам очень хорошо, и даже бывали случаи, когда он предупреждал нас о предстоящих допросах, предварительно узнав все до тонкости от жандармских офицеров. Поэтому прокурорскому надзору не удалось создать громкого дела по обвинению нас в причастности к организации, поставившей себе целью насильственное ниспровержение существующего строя. В результате я и А. Д. Иванов получили по 5 лет ссылки в Нарымский край.

Не легок был путь до места ссылки. Скитания по пересыльным тюрьмам, на голодном пайке, в грязи и среди заразнобольных подействовали отчасти на мой некрепкий организм, расшатанный в период пятилетней неспокойной жизни. Особенно это подействовало на товарищей, имевших зачатки туберкулеза, как это было с телеграфистом Управления дороги т. Акимовым. Обращение тюремного начальства было в большинстве случаев зверское, а в Калуге, по пути в ссылку, при ночном обыске и проверке били заключенных прикладами. Однажды и мне пришлось испытать эту прелесть.

Проводы нас в ссылку носили особенный характер. С утра 21 мая в городе шла подготовка к ним; по случайной тогда возможности нам передавали в тюрьму, что ра-

бочие предполагали помешать этой высылке и даже отбить нас от конвоя, чем власти были очень обеспокоены. Но мы были против такого намерения и переход от тюрьмы до станции прошел без инцидентов. Только на бывшей Ямской улице около Брянских мостов, где и предполагалось нападение, сопровождающую нас по улицам публику—остановили, усилили охрану и повели нас дальше до вокзала. Здесь здание новой станции положительно было переполнено собравшимся для проводов народом.

В Нарымском крае пробыть нам пришлось всего лишь несколько месяцев, так как через 1 Государственную думу, созванную 6-го апреля 1906 года, перед М. В. Д. было возбуждено ходатайство о пересмотре нашего дела и возвращении из ссылки. В конце 1906 г. нас возвратили из Нарыма, лишив права жительства в Калуге и в столицах в течение 6-ти месяцев. Меня отдали под надзор Тульской полиции.

Близость Калуги для меня была желательна, и я часто посещал ее, восстанавливая связь с бывшими товарищами. Весной 1907 года я уже официально переселяюсь в Калугу и здесь, совместно с Н. Баташовым (тогда еще не бывшим на службе у жандармов) и А. Константиновым, вечером устраиваем первомайский митинг в малинниках. Нас окружили казаки, и мы перенесли его в Лаврентьевскую рощу, но и здесь не суждено было состояться митингу, так как в рощу приехали верхом околодочный надзиратель А. Городский и пом. пристава Берман, которые мешали нам собраться. Вскоре с Пятницкого кладбища, где ими был разогнан митинг, к ним на помощь прибыл отряд конной и пешей полиции. Нам пришлось спасаться, кто куда мог. Одним из убежищ для нас была железнодорожная будка, что на Крестовском поле, где проживала известная среди товарищей семья Роговых.

В середине лета при помощи выборных, которые все больше и больше стали иметь весу в глазах начальства, мне вновь удалось поступить в мастерские. Как потом выяснилось, жандармерия не препятствовала моему поступлению, потому что надеялась более удобным образом следить, с кем я буду иметь какие-либо политические дела. Реакция в это

время бушевала, что называется, во-всю; видные рабочие Гуров, Циглер и Ф. Титов были еще раньше арестованы и высланы в Нарымский край.

Как раз в это время комитет РСДРП оканчивал оборудование типографии и готовился к выпуску газеты „Калужский Рабочий“. Во избежание провала, приходилось быть особенно осторожным и по возможности не навлекать подозрений.

Все же осенью типография провалилась, при наборе газеты[1]). Произведены были многочисленные аресты. Был произведен обыск и в нашей квартире по Ямской улице, в д. Володиной, где мы проживали совместно с Н. Баташовым и П. Ивановым. Нас арестовали и продержали в тюрьме две недели, стараясь установить нашу связь с типографией, но в конце концов вынуждены были освободить, даже не пред‘явив никакого обвинения. В это время, с одной стороны, гуляла во-всю реакция, а, с другой, среди товарищей появились провокаторы, как Н. Боташов и др. Работать становилось положительно невозможно. Ряды видных работников поредели, и когда, прибывший с заграничного партийного с‘езда, делегат, т. Митин, делал за рекой доклад о с‘езде, то на него явилось не более 20 чел.

Всю зиму до весны 1908 года работа протекала в слабой форме, а с арестом т. Митина и др. весной 1908 года[2]) положительно остановилась, оставался лишь сам, в то время уже малочисленный, комитет, который, не покладая рук, работал над созданием новой рабочей типографии.

Весной 1908 года совершается побег из Лихвинской тюрьмы Н. Билибиным с химиком Ошариным. Они направляются в Калугу. Н. Билибин получает приют как будто на Берендяковке, а Ошарина предложили мне укрыть у себя. В квартире я его оставить не мог даже на несколько минут, так как через некоторое время, в связи с побегом, у нас был произведен обыск. Пришлось поэтому обратиться к Трифону Карандасову (не знал, что он в это время уже находился на службе у охранки) с просьбой укрыть Ошарина у него на квартире.

[1]) № 3—„Калужского Рабочего“—Ред.

[2]) С. Д.—Митин был арестован осенью 1907 г.—Ред.

У Карандасова Ошарин пробыл один день. Ночью охранка делает по Боровской ул. в д. Н. В. Живилова, где была квартира Карандасова — обыск, но Ошарину удалось скрыться в саду. Жандармы, не найдя его, произвели обыск по соседству, у Т. М. Живилова, но и там не нашли его.

Днем Карандасов сообщил мне, что жандармы напали на след и просил поместить Ошарина в другое место. Мною с товарищем было решено, что поздно вечером десять вооруженных человек должны пройти мимо дома Живилова с тем, чтобы Ошарин, пользуясь теснотой, присоединился к ним... Так и было сделано. Однако в это время целая ватага лиц, подозрительных по физиономии и костюму, стала окружать нас. Не видя возможности скрыться на улице, мы направились в бывшее Крестовском поле и залегли на огороде Нагибина, приготовившись открыть стрельбу в том случае, если «шпикатура» попытается приблизиться к нам. Это, очевидно, они поняли и рассыпались по разным сторонам. Мы же, пользуясь этим, в темноте, доставили Ошарина на заранее приготовленную квартиру около Тележной улицы к слесарю А. А. Широкову, где пробыл Ошарин около 3-х дней, а затем благополучно был вывезен из Калуги. Впоследствии, когда судили Карандасова, как провокатора, он сказал, что, не желая провалить меня, он не решился выдать Ошарина, судьба которого была в его руках.

Летом 1908 года политическая жизнь окончательно приостановилась. Первомайский митинг в большом количестве созвать не удалось и пришлось ограничиться небольшим собранием человек в 40—50 (собралось оно за мастерскими), на котором А. Константинов сделал короткий доклад о создавшемся положенни.

Среди этого же лета окончательно была разгромлена рабочая типография и арестованы на Болошовой горе т.т. Покровский, Смирнов и др.[1]).

Дело считалось окончательно погибшим. Помимо провокаторов, стал развивать свою деятельность „Союз истинно-русских людей“, по указанию которого стали увольнять

[1]) Смирнов и Покровский были арестованы при провале типографии „Калужского Рабочего“—Ред.

с работы товарищей, принимавших участие в освободительном движении.

В 1909 году меня вызвали в качестве свидетеля в суд, где разбиралось, нашумевшее в свое время, так называемое „дело Евдокии Роговой“, по которому около двух лет находилось в тюрьме до 14 товарищей, как причастных к С.-Д. партии.

В 1910 году, слесарь сборного цеха тов. И. Е. Жуков уходит со службы с жел. дороги и открывает свою мастерскую на Садовой ул., куда пристав 1-ой части П. И. Мещерский передает для исправления, найденное в лесу, заржавленное оружие. Судя по некоторым пометкам, сохранившимся на нем, оно как раз принадлежало С.-Д. организации.

В 1911 году, по доносу „Союза Русского Народа“ меня и Т. В. Живилова, Самарское Жандармское Управление[1]) уволило со службы с отметкою «без права поступления на казенную службу». Не желая сдаваться без боя, мы против Союза истинно русских людей возбудили дело, но Калужский Окружный суд их оправдал. Решение суда мы обжаловали в Московскую Судебную палату, которая, после долгих колебаний приговор утвердила. Мы перенесли жалобу в Сенат. Там оно и погибло. После этого, оторванный от рабочей среды в течение долгих лет, вплоть до Февральской революции 1917 года, я вынужден был скитаться по разным местам в поисках средств к существованию.

И. Н. Тоболин.

Мастерские в 1905 году.

В 1900 году я поступил в Калужские мастерские Сызр.-Вяз. ж. д. на должность слесаря с заработком в 60 коп. в день. Положение рабочего в мастерских было в то время, по сравнению с теперешним, [2]) невыносимым. Администрация, начиная с бригадира и кончая начальником мастерских, была крепко спаяна между собой. Если тебя обидел брига-

---

[1]) В Калуге было Отделение этого Управления, называвшегося Самарским Жандармским Полицейским Управлением на железных дорогах. —Ред.

[2]) Воспоминания написаны в 1924 г.—Ред.

дир, и ты пожалуешься мастеру, он даст тебе разгонку да пошлет еще к бригадиру же извиняться. Бригадир же был в то время и царь и бог, что хотел, то и делал. Строптивых и непокорных рабочих посылал на разборку паровозов и вагонов наружи, хотя бы и зимой. Обращались с рабочими очень скверно. Редко рабочего называли по имени; чаще, как придется, а то и чуть что и непечатными словами запустят. Применялось широко штрафование рабочих. Собирает, например, кто-нибудь паровоз на пробу, сгорит валик кулисного движения или дышловой подшипник,—сейчас штраф без всякого рассуждения. Все эти порядки и действия администрации приводили более сознательную массу рабочих к сознанию необходимости что либо предпринять для защиты интересов. Уже в 1902 году [1]) появляются прокламации. В этом же году я уже читал книжку „Николай Кровавый“—царь последний,—описывавшую ясно и понятно—цену содержания царя и его семьи, Ходынские события и всякие грязные царские делишки. В 1903 году сознательных рабочих в мастерских стало больше; сначала за 1904 год у нас сорганизовался кружок из рабочих, которые оказывали влияние на остальную массу. В кружок входили известные мне лица: А. М. Иванов, И. П. Тоболин, П. Н. Баташов, Л. Константинов, Гуров. Это ядро и вело работу и вербовало новых членов кружка, но работать приходилось в трудных условиях. Все мы делились на пятки и десятки и иногда не знали даже своих членов, т. к. в кружковых собраниях более 5—10 человек не участвовало; на массовки же, собиравшиеся где нибудь в лесу, собирались и партийные и беспартийные и поэтому трудно было нам знать друг друга. Члены кружка ежемесячно аккуратно платили членские взносы; собирали также на арестованных товарищей. Отчисления производились во время получки жалования на глазах даже самих жандармов, которые об этом не могли догадаться. Литературу хранили мы во время работы в верстаках, а когда уходили домой, ее забирали с собой. Но бывали случаи, когда некоторые оставляли литературу на ночь в верстаке и тогда обыкно-

---

[1]) Значительно раньше—уже с 90 г. г.—ред.

венно во время ночного обыска жандармы со старшими сторожами взламывали ящики и забирали книги, а хозяина ящика на другой же день отправляли в каталажку или тюрьму—смотря потому, что нашли. При таких условиях работы—мастерские вступали в революционный 1905 год.

В феврале м-це 1905 г. вспыхнула первая забастовка [1]. Я работал тогда в сборном цехе. Подходит ко мне Карандасов и говорит: „Бросай работать—вагонный цех уже бросил". Я, конечно, собрал инструменты и положил их в верстак и за мной остальные тоже начали убирать инструменты и стали около верстаков. Приходит потом Тоболин и говорит; „Ребята, пойдемте в токарный цех". Тут мы все в количестве 200 чел. пошли в токарный цех. Оказалось, что там ходят еще станки. Мы сейчас же пошли на электрическую станцию и остановили машину. После этого к нам присоединился токарный цех и мы двинулись в вагонный цех. Каково же было наше удивление, когда мы пришли в вагонный цех и увидели, что там все работают (надо сказать, что вагонный цех был самый черносотенный). Нам же сказали, что вагонный давно не работает. Мы стали просить рабочих присоединиться к нам, но они об этом не хотели и слушать. Тогда мы начали иначе действовать; пустили в ход гайки и обрезки дерева и повалили козлы и доски, на которых работали маляры. Видя такой оборот дела, вагонщики, наконец, присоединились к нам, и все мы пошли в деревообделочную. Там никто не работал, а все стояли у станков. Выгнав деревообделочников—вместе с ними пошли к кузнице и литейной. Кузнецов от горна пришлось гнать гайками.

Наконец, все мы в числе 1200 чел. вышли на двор. Тогда Тоболин встал на тележку и сказал речь, в которой нарисовал картину нашей жизни и жизни западного рабочего. После него говорил Иванов и другие. На этом 1-м общем собрании было постановлено, что бы на другой день в 10 часов утра собраться в мастерские, но на работу не выходить, хотя бы и был свисток. На следующий

---

[1]) Читатель может удивиться—почему первым забастовал сборный цех, а рабочих остальных цехов пришлось снимать, это потому, что сборный цех зарабатовал меньше остальных.—Авт.

день мы собрались в сборном цехе на канаве [1]) и прежде всего избрали забастовочный комитет.

Выработали затем ряд требований; в большинстве они носили экономический характер: 8 часовой рабочий день, прибавка, расценка, но были и такие, как-вежливое обращение администрации с рабочими, выборные в цехах и много других. Часа в 2 приехал начальник дороги Якубовский и с ним вместе ротмистр Туркестанов [2]), два жандарма, доктор, начальник тяги и начальник мастерских—Савин, одним словом весь „синклит" и начался тут торг и переторжка. Говорили много и, наконец, поладили. Начальник дороги согласен был со многими пунктами нашей петиции, но не соглашался с требованиями 8-ми часового рабочего дня. Он обещал хлопотать об удовлетворении наших требований. Собрание кончилось в 9 час. вечера. Решили приступить завтра же к работе и ожидать результатов из Питера [3]).

На следующий день вышли на работу и увидели вывешенное уже об'явление, в котором говорилось, что правительство идет на уступки рабочим, и поэтому вместо 10-ти час. рабочего дня вводит 9-ти час. Значит, один час сбавили. Мы, конечно, потолковали и решили приступить к работе. Иначе и нельзя было. Рабочие в мастерских в большинстве были „серые", т. е. из крестьян, и уже на 2-й день забастовки почти больше половины их не было на канаве. Они ушли в деревню и сидели там. А на наши вопросы, почему их не было, отвечали: „нет харчей, вот я и уехал домой". Так мы и решили согласиться с тем, что давали, и начать работу, но с этого раза, мы рабочие, лучше себя почувствовали. Мы поняли, что мы—сила и с нами считаются. Теперь мы стали уже смелей. В обед начали собираться кучками, петь революционные песни и читать революционную литературу. Но вот пришел день 1-го мая. Много было

---

[1]) Для некоторых может покажется непонятным, что такое канава. Дело в том, что все паровозы, поступающие в ремонт, вводятся в цех и ставятся на тележку, которая и ходит по канаве, для того чтобы паровоз поставить или выкинуть со стойла, в котором он ремонтируется.—Авт.

[2]) Нч-к ж. д. Жандармского Отделения—Ред.

[3]) Из Министерства Пут. Сообщ.—Ред.

распространено листов и прокламаций. Решили в этот день работать, а вечером собраться в роще, бору и осиннике, одним словом, везде и всюду и провести митинг на тему „1-е мая“. Но это не прошло даром: в роще митинг разогнали и некоторых арестовали. Кружок наш в то время работал энергично. Летом устраивали кружковые собрания, которые происходили в осиннике верст за 5, за 7 от города. Так продолжалось до глубокой осени, когда все чаще и чаще стали писать в прокламациях о наших неудачах на Дальнем Востоке, о нашем поражении. Наконец, стали говорить о созыве Государственной Думы. Чувствовалась в воздухе какая-то тревога. Прошел сентябрь и половина октября. 15-го октября забастовало Управление и винный склад, а мастерские все работали. Я с обеда шел на работу через Крестовское поле, там был митинг. Народу было много— все управленцы и винный склад. Как раз, когда я подошел к проходной, пришла делегация от управленцев, которые приглашали присоединиться к ним. Но наши им ответили: „Погодите, сходим пообедать и мы забастуем“. Лишь только просвистел 3-й свисток после обеда, забегали ребята из цеха в цех. Я сразу понял, что дело будет. Не прошло и $^1/_2$ часа, как все стали собираться к нам в „сборку“ на канаву. Через час она была полна народу. Машина стояла. Пришел начальник С. Г. Савин, заявивший, что топлива у нас на 3 дня, угля для кузнечных горнов тоже не больше и поэтому нам так или иначе придется бросить работать. А если, сказал он, из города придут снимать нас с работы, то я вас всех выгоню из мастерских и запру ворота, потому что те, которые придут снимать с работы, побьют машины, за которые я отвечаю. Тогда мы решили бастовать. Так как забастовка была в тот момент на других дорогах уже в самом разгаре, то был избран забастовочный комитет, в него вошли Иванов, Гуров, Баташов, Тоболин, Циглер В., Савостин С., Шляков и другие. На следующий день выработали петицию: 8-ми часовой рабочий день, свобода слова, печати, свобода и неприкосновенность жилищ, и созыв Учредительного собрания [1]). Но в этот же день получили манифест [2]),

---

[1]) Читатель найдет требования в 3-й части сборника—Ред.

[2]) Речь идет о манифесте 17 октября—Ред.

давший и свободу слова, и печати, и неприкосновенность личности и жилища, но о 8 часовом рабочем дне и учредительном собрании не говоривший ни слова. Однако, все обрадовались этому пресловутому манифесту и начался у нас праздник. Так как мы забастовали 15—16—17, когда был царский день, а 18-е суббота—решили не работать. В субботу вечером была устроена общая демонстрация. На Никитской демонстрация столкнулась с манифестацией, организованной полицией,—тут произошла настоящая драка. Силами полиции демонстрация была разогнана. Некоторые товарищи были арестованы. В воскресенье 20-го, опять сорганизовали демонстрацию по Никитской к собору и на каменный мост, и опять она встретилась с манифестацией, состоявшей из переодетой полиции, разной черносотенной рвани и пьяного сброда с Трубянки. Одни с красными флагами, другие с портретами царя и национальными флагами. В воротах [1]) началось побоище, рвали флаги, стреляли. Здесь избили и Баташова; одного студента убили совсем (Радилова). Вскоре начались погромы, начавшиеся с дома Лобова [2]). Дело было так: 2 гимназиста—Лобов и Капырин [3]) приехали на извозчике к Лобовскому магазину. Когда слезли с извозчика, один из них ругнул царя, извозчик закричал: „бей студентов“ и, соскочив с козел, побежал за гимназистами, пошедшими во двор. День был базарный, в городе было много крестьян. Собравшаяся толпа бросилась в магазин Лобова. Начался погром: били стекла, выкидывали все из магазина на улицу. Другие две партии громили магазин готового платья Комарова и лавку Капырина. Вслед за этим разгромили дом присяжного поверенного Агурова. Во время погромов, продолжавшихся три дня, полиция и воинские части бездействовали. Потом уж было издано постановление, которое гласило, чтобы после 8-ми час. вечера никто не выходил на улицу, иначе будет арестован и препровожден в полицию. Были запрещены всякие собрания. Снова начались серые дни.

---

[1]) В одних из ворот около бывш. собора—Ред.

[2]) Лобов—купец—Ред.

[3]) Сыновья купцов—Ред.

Вместе с наступлением реакции повсеместно по России, началось проявление ее и у нас в мастерских, стали арестовывать более сознательных рабочих. Делать это было не трудно, так как в это время в мастерских организовался „Союз Истино-Русских людей“, избравших своим местопребыванием—вагонный цех. Эта банда предавала всех сознательных рабочих оптом и в розницу.

В ноябре нас всех гонят к подписке. Устроено это было так: призывали каждого рабочего в цеховую контору, ему давали заполнять листок, в котором он ручался, что бастовать больше не будет.

Вскоре вспыхнуло вооруженное восстание в Москве.

Интересно отметить, что в тот момент, когда газеты не выходили, мы каждый день получали прокламации, в которых описывались все бои, происходившие на улицах Москвы.

Но вот восстание разгромлено. „Революционеры разбиты и революция подавлена“—так думало правительство, но рабочий класс думал не так.

Он лишь на время смирился, ушел в подполье и начал свою прежнюю работу.

С. И. Семенов.

Революционное прошлое Калужских мастерских 1903 и 1905 г. г.

(Коллективное воспоминание партийных работников того периода).

Как ни странно, но такой большой рабочий район, как железнодорожные мастерские, в дальнейшем играющий руководящую роль в революционой жизни г. Калуги, до конца 1903 года не имел определенной революционной организации. До этого времени Калуга считалась ссыльным городом. Здесь жили высланные рабочие—(Засоркин, Еремеев, Федоров, Петров, Нуждин, Маринин и Зотов), студенты и разные общественные деятели. Они вели революционную пропаганду частью среди местной интеллигенции, частью среди рабочих. Знакомство этих политических деятелей с некоторыми одиночками из мастерских не осталось безрезультатно. Под их влиянием в мастерских было несколько революционно-настроенных рабочих, как то: „Титыч, П. Н. Баташов, Баташов В., Вилонов, Никитин, А. Д, Иванов, В. Плотников. Эти товарищи неустанно вели в Калужских мастерских индивидуальную пропаганду, распространяли нелегальную литературу, отдавали свое знание и энергию на то, чтобы подготовить надежных товарищей и, что называется, „обработать“ их в настоящих революционеров. Работа эта по тому времени была трудная, опасная, организации не существовало. Вся ответственность за свои действия бралась на самого себя и все таки, несмотря на все трудности, работа в этом направлении велась и результаты ее сказались к концу 1903 г.

25-го октября этого года в городе произведены были аресты. В числе арестованных оказались и рабочие: „Титыч“ и П. Н. Баташов. Это обстоятельство так сильно подейство-

вало на оставшихся на воле товарищей, что последние решили сорганизоваться в кружок, что и было немедленно проведено в жизнь. На арест товарищей оставшиеся ответили организацией. Это очень знаменательно. Это маленькое революционное ядро, этот кружок рабочих и положил начало Калужской организации социал-демократической партии в мастерских.

Этот кружок постепенно начал крепнуть, связался с городскими революционерами, а нужно заметить, что в это время в городе было несколько марксистских кружков, а именно: семинаристов (самый сильный и работоспособный), техников, городских интеллигентов вообще.

Из этих кружков впоследствии вышли видные социал-демократы, всецело посвятившие себя на служение рабочему классу. Первый, кто пришел из города в мастерские—этот был семинарист Иван Сергиевский. В дальнейшем, в качестве пропагандистов приходили в мастерские и другие товарищи и там вели пропаганду идей марксизма. Пропагандисты, приходившие из города, вели беседы с рабочими на разные темы. Говорили о существовании нелегальных групп на заводах Москвы и Петербурга, о студентах, которые бунтуют, о причинах этих бунтов, последовательно выясняя экономическое и политическое положение рабочего класса. Бесед было много, темы были животрепещущие, захватывающие. Вся жизнь рабочих разбиралась со всех сторон—какая она есть при современных условиях и каковой она должна быть на самом деле, по учению великих социалистов. Беседы велись и по истории революционного движения у нас в России и за границей. Большое впечатление производили эти беседы. Члены кружка до увлечения делились со многими рабочими впечатлениями, полученными от этих бесед. Товарищи из города, кроме устной пропаганды, снабжали кружок рабочих и нелегальной литературой—были книжки „Хитрая механика“, „2-я воля“, „Пауки и мухи“, „Кто чем живет“. В этом же в 1903 году в Калужских мастерских разбросана была одна прокламация, отпечатанная на гектографе, она говорила о положении рабочего класса. Сам кружок, за исключением немногих, не знал откуда она появилась. Того требовала конспирация.

Беседа и литература скоро сделали свое дело. Кружок рабочих окреп как следует, а такие товарищи, как: Карев, Камзелев, Баташов В., Константинов, Галкин, Егоров, Серганов и Жильцов лелеяли этот кружок, как малое дитя, оберегали его от всех зол, и козней и благодаря их старанию, энергии и революционной преданности к великому делу довели этот кружок более сплоченным и более обширным до 1904 года. Надо заметить, что к этому времени в мастерских были революционно настроены рабочие, не принимавшие участие в работе кружка, как то: Михайлов А., Соловьев Н. А., Бажанов, Кирюшин и из депо—А. Малютин.

В этом году кружок рабочих пополняется новыми, свежими силами. В него вступают активными деятелями т.т.— Дегтерев Н., Пономарев и Циглер В.

Главная работа—это работа по самообразованию. Связь с городским кружком не прерывается. Оттуда достается, хотя и в ограниченном количестве, литература разного направления. От Фосса—социал-демократическая, от Полонского—эсэровская. Получено было даже несколько номеров „Искры“ от Сергиевского. Полученная литература коллективно прочитывалась, прочитанное разбиралось, непонятное выяснялось, одним словом велись оживленные беседы.

Но, чувствуя замкнутость своей работы, кружок для более плодотворной и плановой работы делает попытки к об‘единению с городскими организациями. На массовках, устраиваемых этими последними, присутствуют уже товарищи из мастерских в количестве 15—20-ти человек. Но об‘единения в этом году не было достигнуто, вследствие того, что городские организации того времени вели между собою споры о главенстве в Калуге. Рабочим эти споры не нравились и они пока что решили вести работу в своем кружке самостоятельно, об‘единяя и привлекая новых надежных товарищей. Занимаясь своим собственным образованием, члены кружка стремились распространить свои знания и на массу рабочих.

Самая российская действительность тому способствовала. Японская война служила громадным источником пропаганды; получаемые листовки из Москвы о прекращении войны размножались и разбрасывались, выясня-

лись истинные причины этой войны, подвергались громадной критике действия власти, распространялись революционные солдатские песни, члены кружка вели агитацию среди проходящих эшелонов на войну, а также среди возвращающихся раненых солдат. Организована была коллективная выписка легальных газет, собрана библиотечка, организованы коллективные читки и беседы о прочитанном. Большое внимание уделялось на заметки о происходивших в России забастовках. Кроме этого, разбрасывались прокламации за подписью „Группа рабочих". Прокламации эти издавались в городе и содержание было их различно. В недалеком будущем результаты этой повседневной, кропотливой работы оказались налицо—бурный 1905 год был тому свидетель.

Работа кружка в 1904 году не прошла бесследной и от глаз жандармерии. Некоторые члены кружка уже считались неблагонадежными. Следующий случай может служить тому доказательством. При приезде в Калугу царя Николая, т.т. Карев, Серганов и Журавлев пришли посмотреть на Ямскую улицу, встали около расставленной цепи, но были удалены жандармами, как опасные элементы.

Наступает 1905 г. Кружок Калужских мастерских с еще большими силами, рвением и энергией вступил в революционную жизнь этого памятного года. В начале этого года были освобождены из тюрьмы, просидевшие там более года т. т.— П. Н. Баташов и „Титыч". Начало 1905 года, как известно, ознаменовано было событиями в Петербурге, т. е. расстрелом рабочих перед дворцом царя. Это событие в Калужских мастерских отмечено было распространением прокламаций с.-д. и эсэровского направлений. Рабочие массы были возмущены действиями самодержавного правительства и в беседах по группам и в одиночку выражали свой, пока глухой, протест. Между рабочими велись споры относительно личности Гапона и его действий. Были и такие, которые признавали действия Гапона правильными. Приходилось членам кружка с жаром доказывать провокационную деятельность Гапона и убеждать, что одна только партия с.-д. приведет к лучшей жизни, хотя путь этот труден, но надежен.

Неудачи японской войны, события 9-го января, горячие беседы на эти темы среди рабочих—все это вместе

взятое использовалось кружком для организации забастовки в мастерских. И действительно таковая забастовка состоялась 2-го февраля. Этот день памятен для рабочих. Его запишут на страницах истории Калужских мастерских. Как гром разнесся клич „Довольно работать, бросай работу, иди на митинг“. Все, как один бросили работу и впервые Калужские мастерские услышали свободные речи. Это т. Тоболин с большим воодушевлением призывал рабочих на борьбу за 8-ми часовой рабочий день. Ряд ораторов говорили на политические и экономические темы. В конце концов был выработан ряд требований и через выборных представлен администрации дороги. Часть требований начальник дороги Якубовский на другой же день удовлетворил—дан был 9-ти часовой рабочий день, вместо $10^1/_2$, повышена расценка, удален мастер сборного цеха Гойер. Так как требования полностью удовлетворены не были, кружок и часть рабочих настаивали на продолжении забастовки. Решено было произвести голосование записками, в которых крестики обозначали продолжение забастовки, а нолики—окончание ее. Ноликов было большинство, и забастовка прекратилась. Характерно отметить, что крестьяне во время забастовки отсутствовали. По прошествии нескольких дней, членов кружка и многих рабочих вызвали к допросу к начальнику Жандармского управления Шлейферу, которому интересно было знать, кто стоял во главе этой забастовки. Несмотря на угрозу быть уволенными, Шлейфер ничего не добился, и от этой забастовки на сей раз никто не пострадал.

Эта забастовка оказала громадное влияние на рабочую жизнь в Калужских мастерских. Уже одно то, что достигнуты были некоторые требования, подняли дух рабочих и окрылили их надежду на дальнейшую борьбу. Кружок прилагал все старания вести пропаганду и агитацию среди рабочих, а тем было очень много—сама жизнь выдвигала эти темы. Ни одно событие этого периода не проходило мимо, а наоборот все бросалось на заметку, разбиралось, выяснялось. Производили денежные сборы по подписным листам, на оружие, на литературу, на тайную типографию. Итак изо дня в день кружком велась упорная, кропотливая работа в мастерских. Идейными руководителями кружка были:

т.т. „Титыч“ и приходившие из города Сергиевский, братья Крыловы Александр и Василий, Жданов В., Лихачев А. А. Не оставлял своим посещением железнодорожников и выпущенный из тюрьмы П. Н. Баташов. А в городе, как ни странно, в это время между „Союзом и Группою“ опять продолжалась грызня из за вопроса, кому стоять во главе организации, кому должны принадлежать рабочие кружки. Осторожный революционер рабочий социал-демократ „Титыч“ всегда говорил товарищам по рабочему кружку — „погодите, товарищи, пускай они сами себя сначала узнают, а потом уже и мы примкнем к тем или другим, а пока что будем работать самостоятельно, используя, когда нужно понемногу тех и других“. И действительно, в Калужские мастерские шла литература и от „Союза“ и от „Группы“. Ненормальность такого положения чувствовалась всеми, а ненормальность рождало курьезы. Был такой курьезный случай—«Союз» выписал из Центра (Москвы) видного социал-демократа, который должен был выступить перед рабочими на массовке. В тот момент, когда он приехал, „Группа“ ничего не зная про это в тот же день назначила массовку, и все рабочие присутствовали на этой последней (ранее были оповещены). С. Н. Преображенский, представитель „Союза“ не мог отыскать ни одного рабочего и приехавший москвич с укором заметил, „где же рабочие, перед кем я буду говорить“. Характерный случай, но как бы там ни было, массовки устраиваются и „Союзом“ и „Группою“. Рабочие из мастерских были и там и здесь. На этих массовках еще летом между прочим поднимался вопрос о создании боевых дружин, о сборе денег на оружие. Жизнь текла и незаметно приближался грозный, октябрь.

Кружок мастерских к этому времени к октябрю уже имел влияние не только на мастерские, но и на весь железнодорожный район и винный склад.

Итак наступил Октябрь... Накануне памятного дня (10-го октября) кружок заседал в квартире т. Гурова и Соловьева, где происходило обсуждение вопросов о необходимости забастовки в мастерских. Во время этого заседания пришли т.т. В. П. Доброхотова и С. Н. Преображенский с бюллетенем Московского стачечного комитета,

в котором говорилось о начавшейся Всероссийской забастовке железных дорог с призывом присоединиться к ней. Познакомившись с содержанием бюллетеня и с рассказами тов. Доброхотовой, кружок безоговорочно решил присоединиться к начавшейся забастовке и с следующего же дня начать усиленную агитацию за нее по всему железнодорожному району. Надо заметить, что т. Гуров до сего времени не принимавший почти никакого участия в работе кружка мастерских, с этого момента горячо взялся за дело и в дальнейшем был одним из руководителей забастовки и вообще революционной работы. Не теряя времени, члены кружка в эту же ночь известили тов. паровозников о событиях в Москве и просили их принять меры к тому, чтобы прекратить движение.

На утро (10-е) кружок вел усиленную открытую агитацию за забастовку как в мастерских, так и в депо. Мастерские в это время почти не работали. После обеда из Управления дороги приехали тов. Акимов, Никифоров, и Данилова (красная шапочка) с сообщением, что Управление присоединилось ко всеобщей забастовке. Моментально мастерские бросили работать и собрались выслушать доклад т.т. из Управления. Кроме доклада некоторыми из членов кружка произнесены были соответствующие моменту речи и в конце концов из среды рабочих были избраны представители в Статечный комитет. Избранными оказались следующие товарищи: Иванов А. Д., Гуров, Соколов, Константинов, Грибов, Сухоруков, Пономарев и др.—всего человек 20-ть. На этом и закончился первый день забастовки мастерских. На следующий день (11-е), собравшись на канаве, решено было об'единиться с депо и винным складом и направиться к Управлению. Так и было сделано. По дороге к Управлению были сняты с работы рабочие винного склада и др. мелких предприятий, а именно: строительный рабочий по ремонту дома Учительской семинарии и др. Во время этого шествия устраивались летучие митинги, пелись революционные песни и т. д. Около самого Управления в то время, как там заседал Стачечный комитет, на улице беспрерывно лились речи т.т. Константинова, Баташова, Гурова, Костина, Акимова, Доброхотовой В., Полонского, Никифо-

рова и других. С этого дня собственно центр тяжести революционной жизни перешол в город, где ежедневно по улицам, площадям, бульварам происходили митинги, собрания, демонстрации. Жизнь кипела ключем. И так продолжалось до 17-го октября, когда Калуга получила манифест о «свободах». В этот день к вечеру на площади социал-демократическая организация устроила митинг, на котором было очень много народа, тут были и рабочие, и служащие, и учащиеся, и просто граждане.

Выступавшие ораторы Вознесенский (Жор), Костин, Образцов, Баташов горячо критиковали манифест, призывали к борьбе за свержение самодержавия. Митинг закончился большой демонстрацией по Никитской улице с пением революционных песен и с красными знаменами. Местная власть в это время как будто растерялась: с одной стороны манифест императора, а с другой настойчивые возгласы „долой самодержавие". И как будто бы и трогать нельзя и что то по привычке нужно сделать. На сей раз ничего не сделали... не тронули... Хотя патрули казаков и полицейские все время раз'езжали. А в речах ораторов все время слышалось „запасайтесь оружием. Создавайте боевые дружины". Об'явленым свободам не верили. Только открыто перед массой звучали бодрые, поднимавшие настроение, речи. На тайных собраниях организаций все сводилось к тому, что все кончится, если не кровопусканием, то во всяком случае арестами и т. п. Предлагалось быть готовыми. Но чем дальше, тем все более и более приходилось убеждаться, что от избиения и кровопускания не отделаться. Симптомы к этому были налицо. Первое—это избиение демонстрантов в Воскресенском переулке в районе б. Угаровского магазина, здесь были арестованы некоторые товарищи И. В. Смирнов, С. И. Семенов, Башук и ряд других. Всех их держали в участках дня по 2, по 3. Второе—это было 20-го октября. В этот вечер демонстранты с красными знаменами и пением революционных песен по Никитской улице шли к Управлению дороги, где предполагался митинг. Как раз в воротах против собора произошла неожиданная встреча; толпа черной сотни с портретом царя, национальными флагами и пением „Боже царя храни" шла от дома губернатора по направлению к плацпарадной пло-

щади. При встрече произошла драка между передовыми отрядами. Победили демонстранты, а черная сотня рассеялась. Замечательно, что в этой драке друг с дружкой схватились два брата Радиловых: Вячеслав от черной сотни, Александр от красных. *) После этого инцендента демонстрация все таки пришла к Управлению. Но тут уже было все подготовлено: провокационные выстрелы, шныряние темных личностей, кидание камнями в толпу, словом кому то желательно было вызвать свалку. Но благоразумие товарищей взяло верх—на провокацию не поддались. Все разошлись тихо и мирно с удрученным настроением.

Это вечер особенно показал, что темные тучи начинают сгущаться. В эту же ночь в Техническом училище была организована боевая дружина, начальником которой Комитетом социал-демократов был утвержден т. С. Митин (Мохов) Дружина была разделена на несколько пятков, во главе которых стояли т. т. Веденский, Доброхотов, Карев, Константинов и Митин.

Дружина была сорганизована, т. т. были в ней надежные, как будто бы в будущем все должно было обстоять благополучно.

Но случилось иное... мерзкое .. подлое... Трудно быть об'ективным, беспристрастным, когда вспоминаешь эти ужасные дни черных погромов: самодержавное правительство предало в руки переодетых полицейских, жандармов и дикой, необузданой, пьяной, босяцкой толпы не только Калугу, всю Россию. Предало на грабеж, истязание, убийство беззащитных граждан.

Будьте прокляты, палачи народа. За это Вы все таки понесли заслуженную кару.

А было в эти дни 21-го и 22-го октября в Калуге вот что: рано утром 21-го тов. Карев пошел к Борисову Н., который жил около реки, около моста. Там собралась толпа полупьяных рыбаков и что-то ожесточенно беседовали. Оказывается, из подслушанных разговоров выяснилось, что на плацпарадной площади должна собраться черная сотня на

Примечание: Вячеслав так был поражен первым днем погрома, что проклял черных и сделался революционером.

молебен. И действительно на площади, где накануне произносились речи, собралась большая толпа, принесены были из собора иконы, хоругви и в присутствии губернатора Офросимова и гарцующего на белом коне пристава Лаврова был совершен местным духовенством торжественный молебен. Получивши благословение, эта банда направилась на новый базар и здесь предали разгрому и грабежу магазин Лобова. Во главе этой толпы были рабочий из мастерских Платов и сапожник Поликарпов. Из дома Лобова выбежали студенты, один из них, стреляя, спас себя и товарища. Платов агитировал бить студентов, социалистов и жидов. Толпа разбилась на несколько групп, которые начали ходить по нескольким улицам и если кого встречали из подозрительных лиц, избивали. Из наших товарищей попался раз'яренной толпе П. Н. Баташов, при следующей обстановке: рабочий Дьяконов, участвовавший в толпе черносотенцев, узнал проходившего мимо т. Баташова, подошел к нему и с иронией, напирая, требовал, чтобы П. Н. произнес перед толпой речь. Баташов отказался и тут то произошло что то дикое, зверское, омерзительное. Кто то из толпы железной палкой ударил Баташова по голове, набросилась толпа и начала бить, подтравливаемая переодетыми полицейскими чинами. Крики «бей его», «это социалист, он христа расстрелял, у него в карманах прокламации, нож и револьвер». И били, жестоко били, кто чем, куда попало. Баташов выбрал удобный момент, вырвался от толпы и побежал, но бежать долго не мог—силы оставили его, а звери догоняли; обезсиленный, он забежал во двор, близ дома Местергази на Московской ул. и тут то его опять нагнали и, продолжая бить, подбрасывали на воздух. Окровавленный, изуродованный товарищ впал в бессознательное состояние. Какой то офицер из ближайших казарм, видя такую жестокую расправу уже над полутрупом, отбил его от раз'яренной толпы и перенес во двор казарм, а оттуда на извощике Баташов был увезен домой. Товарищи, видевшие как везли П. Н. домой, не могли узнать его, до того сильно он был избит. Недели три Баташев пролежал в больнице, находясь между жизнью и смертью. Но сильный молодой организм перенес побои и т. Баташов выздоровел, чтобы

встать в ряды неутомимых борцов. Разделавшись с Баташовым громилы идут к магазину Капырина и громят и грабят его, распивают водку и прованское масло вместо шампанского, отсюда же пьяные идут громить магазин Комарова, где происходит та же картина. Вообще работали по заранее намеченному плану и списку, кого громить. Замечательно, что все погромы и избиения совершались в присутствии казачьих патрулей, полиции и частей войск. После таких славных дел громилы пьяные разбрелись по чайным и трактирам, где с увлечением рассказывали о результатах своей победы. Около трактира Чулкова, против водопроводной башни т. т. Карев, Серганов и Галкин подслушали бахвальство одного из громил. Т. Серганов не вытерпел, ударил его ножом в глаз, кажется смертельно. Сами скрылись. Этим и кончился первый день погрома.

Ночь была крайне тревожная. Не говоря уже о социалистах, все кто только чем нибудь был отмечен: были ли то студенты, просто прогрессисты или учащиеся, всякий думал как бы не пришли громить, всякий принимал меры предосторожности. Но ночь прошла спокойно. На другой день (22-е) утром погромщики вместе с казаками собрались на старом базаре в охотном ряду.

Галдели, кричали «ура». Со стороны можно было подумать—собрались какие то буйные сумасшедшие. Долго кричали, долго бушевали. Но получив очевидно инструкции, двинулись к трактиру Доманову, где в то время жили братья Радиловы. Их было пятеро: Денис, Вячеслав, Юлий, Александр и Вера. Они заранее знали, что квартиру их придут громить. И решили не скрываться, а отразить нападение. Запаслись оружием, патронами, забаррикадировали квартиру и ждали нападения. И вот часов в 11-ть—12-ть дня погромщики, сопровождаемые казаками, подошли к Доманову и начали было делать натиск на квартиру Радилова. Предводительствовали сапожники братья Стаменские (Спиридоновы)). Но из окон раздались выстрелы. Толпа отшатнулась, на месте были и убитые и раненые. Убит был и один из предводителей Стаменский. Здесь произошло нечто неописуемое: крики, стоны, выстрелы с той и с другой стороны. Толпа увеличивалась и в тот момент, когда начали

ломать ворота Радиловы покинули квартиру. Последним выбежал старший из них Денис. С револьвером в руке бежал он сначала, отстреливаясь, а потом только грозя пустым оружием. Толпа ни за что не хотела упустить его, упорно преследовала, кидала вслед камнями, наконец, настигла у Ильинской церкви, начала бить до смерти. Но здесь не пришлось им убить Дениса, его отбили прибежавшие из воинского присутствия новобранцы, а случайно бывшие здесь товарищи Карев и Мельников отвели его под гору на Монастырский двор, советуя ему скрыться в квартире дьякона, так как громилы все таки не переставали преследовать. Но Радилов в расстроенных чувствах, почти не соображая пошол к врачу на перевязку. Действительно около технического училища звонился в квартиру доктора, но не был принят, и когда возвращался обратно, вторично был настигнут озверелой толпой и добит. Так погиб видный революционер г. Калуги Денис Радилов.

После убийства Радилова погромщики с окровавленными руками пошли на Нижнюю Садовую улицу, где разгромили дом адвоката Агурова. От него пошли громить Сытина, но тут в ближайших казармах были выставлены оружия и черносотенцы, побоясь военной силы, Сытина не громили. Закончены были этим погромные дни манифестации черносотенцев, которые с пением гимнов, национальными флагами и с портретами царя и горящими факелами прошлись по улице.

23-го октября местная власть выпустила экстренное обязательное постановление, в котором Калуга об'являлась на военном положении и всякие сборища воспрещались. Так кончились погромы.

Что же делала боевая дружина? Она хотя и сорганизовалась, но в силу своей молодости не окрепла и не могла дать должного отпора черной сотне и случилось то, чему так все желали воспрепятствовать.

Погромщики торжествовали. Черносотенное настроение длилось недели полторы-две. Паника была создана большая. В первые дни, как только трудящиеся вступили на работу в учреждениях достаточно было малейшего слуха, что кого то, где-то грабят, как все бросали работу и разбегались. Это

было и в Управлении и в Земстве. В общественных местах— в театре, кино тоже самое, во время спектакля обязательно раздавался какой нибудь провокационный возглас и спектакль срывался.

В железнодорожных мастерских черный элемент тоже не дремал, грозились или избить или даже убить. Так А. Д. Иванова союзники хотели избить по выходе его из мастерских и уже ожидали в проходной. Иванов же, предупрежденный об этом, смело шол и когда подошел к проходной, крикнул: «выходи, кто хочет меня бить, бейте же». Толпа смущенно рассеялась. В общем рабочая масса сильно была возмущена погромами, во время работ и во время обеда резко критиковала действия союзников и эта критика, это моральное воздействие возымели свое действие. Тот же самый рабочий Платов, который руководил погромами, теперь перед массой рабочих плакал и раскаивался в своих поступках.

Кружок в мастерских духом не упал, а наоборот еще с большей энергией взялся за революционное дело. Нужно заметить, что в эти дни «свобод» было выпущено очень много литературы, которая раньше была нелегальной, издавалось открыто, хотя и не так долго, много газет социал-демократического направления. Всем этим кружок воспользовался, чтобы вести агитацию среди не только рабочих, но и среди крестьян. Распространена была между прочим среди крестьян одна замечательная прокламация, изданная в Москве и начинающаяся словами: «Крестьяне, к Вам наше слово». Эта прокламация раз‘ясняла манифест, которому нельзя верить, а также выясняла истинные причины погрома.

Почти каждый день во время обеда кружок собирал более сознательных рабочих в пустые вагоны, предназначенные для ремонта и там вел пропаганду, информировал о событиях, происходивших в то время в России. После же работ тоже нередко устраивали летучие митинги и делали это таким образом: как только прогудит гудок, кружок в полном своем составе первый проходит к проходной, здесь уже дожидались один или два оратора, прибывшие из города. Массу рабочих останавливали около проходной

и начинался митинг. Произнесут одну, две речи и митинг кончался, оратор же затеряется в массе и вместе с нею благополучно выходит из района станции. А станция, нужно заметить, со времени погрома охранялась воинскими частями, которые всецело находились в распоряжении жандармского ротмистра Туркестанова.

Политические события все время развертывались. Правительство старалось всеми силами подавить восставший пролетариат, а последний со своей стороны не хотел отступить от завоеванных позиций. После забастовки железнодорожников скоро об'явлена была Всероссийская забастовка почтово-телеграфных служащих. Одним словом, боролись две враждующие силы и революционные организации готовились к последней схватке и открытому бою. Прежде всего произошло об'единение всех социал-демократических групп, бывших в то время и в городе и, в мастерских. Возглавляющим центром революционной жизни стал Комитет. От мастерских в этот первый комитет были делегированы: т. т. Гуров и др. товарищи „Титыч" и Тоболин. Комитет организован был не путем выборов на общем собрании, а путем выделения того или иного товарища от той или иной группы. Момент тробовал, чтобы в Калуге составить такую единицу, которая бы руководила партийной жизнью.

Первый комитет просуществовал недолго, до конца 1905 года. Момент серьезный. Нужно было итти на последнюю схватку, и вот кружок принимал все меры, чтобы поднять рабочих на забастовку. Дня два, три работали в этом направлении, но ничего не выходило. Тогда экстренно созвали совещание, на котором было решено, если забастовка не удастся путем агитации, то во всяком случае она должна состояться и ее вызвать ложным путем, а именно: в мастерские должны придти т.т., переодетые солдатами и они как будто представители от солдат должны были призвать рабочих бросить работу и забастовать.

Для этой цели были выделены следующие товарищи: Стефанович, Обыкнов Иван, Максимов, Митин, Любимов В. и Кизик, которые в назначенный день и час пришли в мастерские прямо в токарный цех, считающийся более сознательным. Здесь после известной агитации работы были

брошены. Старики было запротестовали, не хотели бросать работу, но молодежь приняла «репрессивные меры»; токарный цех забастовал и все направились на канаву сборного цеха. А тут произошла совершенно иная картина. Здесь забастовка была сорвана, а некоторые товарищи из города были арестованы. Как только масса рабочих из токарного цеха появилась на канаве, а ораторыначали об'яснять в чем дело, котельные бригады, самые черносотенные, восстали против предложения бастовать, подняли крик, шум, гам, некоторые более ретивые вооружились дымогарными трубами, грозили избить, арестовать.

Пока здесь происходила такая бурная сцена—в этот момент предупрежденная жандармерия со станции к мастерским отправила вооруженный отряд солдат под предводительством жандарма Горбунова. Эти последние хотели через токарный цех проникнуть в сборный и там сделать свое грязное дело, но тут встретили неожиданное препятствие, благодаря находчивости мастера-механика инженера Меккеля. Он знал, что жандармы предупреждены и ждал с минуты на минуту их появления. Действительно дождался и в цех не пустил, говоря, что он хозяин цеха, за него отвечает и может пропустить только с разрешения начальника мастерских. Пока Горбунов бегал в контору, пока получил разрешение прошло минут 10-ть, 15-ть. Этим временем сообщили в сборный цех, чтобы кому нужно, тот скорее спасался. Спаслись т. т. Митин, Стефанович и Максимов, двое же Любимов и Кизик были пойманы котельщиками с Кимлаем во главе и преданы в руки жандармам. Так была сорвана декабрьская забастовка в Калужских мастерских, как и вообще по всей России было сорвано рабочее восстание. На сей раз пролетариат был побежден и самодержавие справляло победу. По всей России прокатилась полоса арестов, ссылок, казней, карательных экспедиций.

В Калужских мастерских тоже были арестованы и высланы т.т. А. Иванов, Тоболин, Володин и Белоусов.

На манифест 17-го октября постепенно накладывалась кровавая лапа царского правительства и об'явленные «свободы» мало по малу трещали по швам. Открытых митингов уже не стало. Демонстраций тоже нет. По городу

шныряли казачьи патрули, переодетые жандармы и шпики. Революционные организации ушли опять в подполье и там продолжали вести свою горячую работу. Так закончился бурный 1905 год.

20 лет прошло с тех пор. Много воды утекло. Много изменилось. Много не стало и товарищей, принимавших участие в революции 1905 г. Вечная память Вам, дорогие товарищи. Память о Вас всегда сохранится в наших **сердцах и в сердцах всего рабочего класса**[1]).

Бывшие рабочие Калужских ж.-д. мастерских **А. Карев, Пономарев И., Иванов А. Д., Михайлов А. Т., Камзелев, Дехтярев, Снегирев.**

---

[1]) **Примечание.** — С некоторыми местами этих коллективных воспоминаний не согласен участник тогдашних событий П. Н. Баташов. Необходимо иметь в виду, что воспоминания вообще являются материалом, освещающим те или иные события суб'ективно, не говоря уже вообще об известной зыбкости человеческой памяти—Ред.

МЫШЕГА

от петровских времен к рабочему движению 1905 года.

(Очерк развития завода, формирования в нем рабочей массы и воспоминание о ее движении в 1905 году.)

I. От крепостнического режима к капиталистической эксплоатации.

В Тарусском уезде, Калужской губ., при впадении речки Мышеги в реку Оку, расположился завод со своим рабочим поселком, окруженным деревнями. Эта старая рабочая Мышега. В трех километрах от нее виден, за рекой Окой, город Алексин, Тульской губ. До Калуги отсюда 65 километров, по С. В. ж. д., и столько же в противоположную сторону, до Тулы.

Мышегский завод основан тулянами, Василием и Антипом Масоловыми, в последние годы жизни Петра Великого, и пущен в действие в 1729 г. как типичный того времени «железный завод» с дымянным горном и молотовыми, работающий водяной силой речки Мышеги. В числе немногих заводов оставленный в 1775 г. действующим, вопреки «повеления» уничтожить его, «для сохранения лесов» (в ряде других 11 заводов на 200 верст от Москвы, так как домны их потребляли уйму топлива), Мышегский завод старанием Масоловых получает поступательное развитие.

В начале 19-го столетия, находясь уже во владении гр. Орлова-Чесменского и укомплектованный им «собственной» рабсилой, Мышегский завод увеличивается, превращается в «горный чугунноплавильный и литейный завод». Следом, перейдя к княг. Е. А. Бибарсовой, завод расширяется, оборудовывается паровыми силовыми установками, в дополнение

к водяному колесу, увеличивает и разнообразит свою продукцию, получает большую известность, славится фигурным литьем.

С 1870 г., по смерти долголетней владелицы Е. А. Бибарсовой, завод по наследству перешел Л. Х. Хрущевой, потом—дочери ее Е. Д. Огаревой, вскоре вышедшей вторым браком за Болаговского.

Квалифицированную рабсилу завода составлял кадр горнозаводских мастеровых и просто мастеровых, предки которых завезены были на Мышегу с разных сторон еще Чесменским, из своих вотчин и, в обмен на лошадей и деньги, (от других помещиков.) Ярославцы, Сибиряне, Уральцы, Пензовцы, Туляне и пр., превращенные в крепостных пролетариев, проживали в заводских домах рабочего поселка существующего, вместе с больницей и школой, по настоящее время и составляющего собственно—«Село Мышегский завод» с его тремя частями:—главной, именуемой «на заводе», заречной—нижней, называемой «на фабрике» и верхней—„на горушках“.

Мастеровые употреблялись исключительно в качестве квалифицированных работников в заводе и командировались, на установку изделий завода, в разные города и местности. Особенно много установок ими производилось в Москве, были также и в Киеве. Между прочим, ограда Кремля и Александровского сада в Москве, памятник 1812 года в Тарутине—изделие Мышегского завода. Проживая на установках в столице и др. больших центрах,—мастеровые набирались городской культуры и «вольного духа». По внешности, чистой московской речи, укладу домашней жизни, их не отличить от развитого горожанина.

По X переписи 1859 года—на заводе числилось всего 413 душ мастеровых, а за исключенными из оклада — значилось ревизских душ мужского пола 260. Заводские управители жестоко расправлялись с проявлением «вольного духа» мастеровых. В лучшем случае их драли на конюшне, женили на ком прикажет управитель, а то сдавали в солдаты и ссылали в Сибирь. В связи с этим, некоторые роды мастеровых иссякли вовсе.

На подсобные работы в заводе употреблялись оброчные крестьяне, проживавшие, занимаясь хлебопашеством, в окрестных деревнях заводчика:—Слободка, Просуково, Стопкина и Гремицы (последней половина, а другая часть принадлежала помещику Гурьеву). Этот, так сказать, кадр чернорабочей силы сохранил во всем деревенский облик и уклад жизни. С падением крепостного права, оброчные крестьяне, получив полное поземельное устройство, на обрабатывавшихся ими наделах, отошли от завода, прочно осев на земле в своих деревнях.

В 1869 году поступили на оклад податей и мастеровые, зачисленные теперь в крестьянское сословие и получающие зарплату, как бы по вольному найму.

Переход от крепостной рабсилы на вольнонаемную и смена владельцев,—вызвали кризис, поведший в 70-х годах к упадку завода.

Искусственно закабаленные во власть заводчика, мастеровые Мышегского завода оказались в положении на редкость доподлинных пролетариев. В то время, как мастеровые на прочих заводах, при раскрепощении, получили право пожизненного пользования безвозмездно усадебной оседлостью при заводах, с безвозмездным пользованием росчистями и стали собственниками своих покосов и доли выгонов, «мышегцы» почти ничего не получили. Не имея «ни кола, ни двора», они лишились возможности, даже в слабой степени, выражать свой протест против жестокой эксплоатации их заводчиком. К тому же их искусственно привязали к заводу, образовав из них сельское общество, фактически не существовавшее никогда раньше и позже, давая им паспорта только на год. Уже, чтобы наскрести средств на уплату налогов и ослабить нищету в семьях, молодежь отходит в Москву и другие места, на заводы и открывающиеся железные дороги.

Мышегцы не могли примириться с кабальным положением. Они добивались правды и добыв копию завещания Бибарсовой (полагавшей устроить их оседло на Мышеге, в целях сохранения кадра мастеровых при заводе), посылали ходоков

в столицы и губернию. Царско-помещичья власть твердо поддерживала заводчика, находившего более выгодным иметь «бездомовых» рабочих при заводе. Один из ходоков—Евстигней Ченцов, здравомыслящий, деловитый мастеровой, упорно отстаивающий дело «мышегцев», был арестован в Калуге, «поставлен сумасшедшим», посажен в Хлюстинскую больницу, где и умер вскоре (по убеждению—замучен).

Все же, распоряжением правительства, мастеровым, уже пришедшим в нищенское состояние, предоставлена была льгота по платежу подушных, в том смысле, что первое трехлетие не платить вовсе, а последующее трехлетие платить половину и, вместе с тем, назначалось отвести им усадебные участки, близ завода, при слободском лесе, дать лесной материал из казенных дач и по 40 руб. на устройство на новой селитьбе. Это распространялось на 197 душ мастеровых, собственно говоря, семейств, в которых уже были и обзаведшиеся своими семьями сыновья. По каким то соображениям, дело затянулось до 90 годов, вместо намеченного участка при заводе, землю отвели (222 десятины буераков, оврагов и болот) за 5—8 верст от завода, в двух разных концах. Мастеровые, тяготея к заводу, не приспособленные к землепашеству, не пошли на это «поселение», предпочитая оставаться подлинными пролетариями. Поставленные из короедового леса, срубы домов долго стояли непокрытые, наводя грусть, зияя дырами необделанных оконных и дверных проемов, пока не сгнили.., *)

После прогремевшей, с 20-х годов 19-го века, своей славы Мышегский завод, на 150-м году непрерывной работы, остановился и бездействовал около 4-х лет.

В 1884 году Мышега пускается в ход калужанином М. В. Ковригиным, выжигой, скопившим капитал кустарным производством папиросных гильз и умножившим свое богатство выжиманием соков из рабочих Дугненского завода, который он некоторое время арендовал перед покупкой

---

*) Судя по официальным данным рабочие получили 234 дес. в 1879 г.—Ред.

Мышеги. Более жестокой эксплоатации, как практиковавшаяся этим выжигой, старожилы Мышеги — не помнят. По „палаткам“ то и дело рабочие шли „сдавать модели“, т. е. в грязных рубищах, полуголодные, целыми днями копались в заводских свалках шлаков, выбирая „жуки“ (кусочки чугуна), зарабатывая на этом гроши, или чистили в мастерских литье мужьев и отцов, помогая им сколотить насущный хлеб. Сманутые выжигой с Дугны, видавшей и каторжную эксплоатацию, литейщики, преимущественно посудники („опойчатые и стопочные“), побратавшись с „мышегцами“ в совместной работе, изжив антогонизм, разжигавшийся заводчиком, присоединились к протестам.

Стачка рабочих Мышеги в 1895 году была предвестницей пробуждения пролетарского самосознания. Тогда полиция постаралась восстановить „законный порядок“. принудив рабочих не настаивать на „незаконных требованиях“.

В начале второй половины 90-х годов Мышегу купили Спиц-Стукен и К°. Новые владельцы, тут же образовав „Общество Мышегских Горных Заводов“—приступили к переустройству завода. Старая домна, работавшая на древесном топливе, заменена домной новейшего типа с газгольдерами, механическим под‘емником, выплавляющей чугун на коксе. Оборудовано труболитейное отделение с вагранками, в дополнение к посудному, усилена механическая литейная. В завод проложена жел. дорожная ветка, со станции Алексин Сыз.-Вяз. ж.-д. с подходом к домне, к каменоломням и «важне», т. е. к складу и погрузочной платформе литья, а по поселку прокладывается водопровод.

В 1897 г. Мышега, на ходу продается Бельгийскому „Акционерному Обществу Тульских Доменных печей“, еще более развивается, обзаводится электростанцией, новыми силовыми установками и механическим оборудованием, усиливает продукцию и улучшает качество ее. Мышега достигает апогея развития. Свой паровоз ежедневно десятками вагонов возит на завод сырье: кокс, чугун с юга, руду из под Тулы, и вывозит продукцию. Водопроводные трубы и пранадлежности сети, расходятся на водопроводы: Москвы, Перми, Тулы, Калуги, Серпухова и других городов, на железные дороги Московского узла, Сибирскую, Бологое-Полоцкую, Во-

логдо-Вятскую, Сызр.-Вяземскую и пр. Посудное литье, кроме того, идет и по реке Оке на баржах, по 40—60 тысяч пудов в каждой, на Нижегородскую ярмарку. «Кумганы», «сача», «казаны» и др. посуда восточных народов отправляется в Персию, Среднюю Азию.

Вследствие увеличенной интенсивной работы, население Мышеги возросло до небывалых размеров. В работу на заводе втягиваются окрестные крестьяне (отцы которых когда то работали на нем), успевшие набить оскомину на голодных наделах. Деревни: Ленина, непосредственно примыкавшая к рабочему поселку Мышеги и Высокая, расположенная тут же, никогда не имевшие дела с заводом, по традиции избегавшие его, теперь бросились в завод.

Установившаяся, сравнительно хорошая оплата труда, для квалифицированных рабочих, неотстающая по размерам от первоклассных заводов и железнодорожной, потянула на родину, устроившихся было на стороне, многих бывших мастеровых Мышегского завода; прибывал и сторонний элемент, преимущественно текучий, часто сменявшийся.

Свыше 1500 рабочих и служащих уже не могли разместиться с их семьями в заводском рабочем поселке, времен Чесменского и Бирбасовой. Переуплотнение жилищ дошло до предела, и пришлая рабочая масса, по наполнении устроенных вновь двух бараков временного типа „на фабрике“ и десятка домишек „на горушках“ частично раскинулась в ближайшие деревни и город Алексин.

Мышега кипела, как муравейник. „Мышегцы“, „дугняки“, пришлый квалифицированный элемент, в общем составляющие более или менее солидарную пролетарскую группу, затерялись в доминировавшей лавины полукрестьянской массы, не усвоившей еще сущности рабочего бытия. Удаленная от культурных центров, Мышега варилась в собственном соку, взбудораженная общим разгулом. Разновидная рабочая масса, скученная в заводском рабочем поселке, на небольшой сравнительно, территории, при отсутствии каких-либо культурно-просветительных учреждений, не имела выхода к разумному использованию досуга. Три трактира и пивная постоянно набиты заводским людом. У „ка-

зенки“, предусмотрительно переведенной с пристани, непрерывные длинные вереницы, тут же опоражнивали «жулика» и «мерзавчика». Толпы подгулявших «будоражат» на улицах круглые сутки, чередуясь с свистками «поливов» домны, и гудкам и перерывов работы в заводе, дневных и ночных смен. По квартирам, от скуки идут склоки, подсматривание за соседями, сплетни, доносы. В такой обстановке кругозор массы замкнулся в обыденщину и всякий разговор об ином, обычно прерывался репликой: «еще скажешь бога нет, царя не надо»...

Заводский „полицейместер“ урядник „Ромашка“, ведает заводскими рабочими квартирами и ремонтом их, и в силу этого, он знает «всю подноготную» рабочей массы. Его трое полицейских шныряют всюду, толкутся у трактиров. «Ромашка», а затем заменивший его «Ванька маленький», из всех сил старается сделать карьеру на «сицилистах». Им явно, правда бескорыстно, но все же старательно, помогает местный портной и заводский баньщик, общительный, развитой человек, заядлый монархист.

Заводская администрация обособилась от рабочего поселка каменной оградой, в «аглицком саду», редкостном старинном парке, в отличных квартирах, наслаждаясь благами культурной жизни. Служащие главной конторы, технического бюро и цехов, живя в рабочем поселке, вели жизнь, мало чем отличающуюся от рабочей массы, но политически стояли несоразмерно ниже уровня развития сознательных рабочих. Существовавшие при домах, со времен Бирбасовой, заборы с воротами, образовывающие улицы с закрытыми дворами, отжив свой срок, исчезли, и поселок, представляющий ряды отдельно стоящих домов, обнаруживал всю жизнь населения, как на лодони. Только в темные вечера, в стороне от электрических уличных фонарей, возможно проскользнуть к кому либо, незамеченным на конспиративное свидание. Шаг каждого был известен всем. Новое лицо тем более попадало под всеобщее наблюдение. Все это, в общем, затрудняло выявить и слить хотя бы наиболее развитых передовых людей, вклиниться в гущу рабочей массы, раскачать ее, сдвинуть в русло рабочего движения. А подход к массе найти требовалось настоятельно, хотя бы и окольными путями...

II. На пути к рабочему движению.

В апреле 1902 года учреждена „Администрация по делам Акционерного Общества Тульских Доменных печей". Доменные печи Судаковского завода «на косой горе», около Ясной Поляны, близ Тулы—остановлены. Бельгийские капиталисты все внимание сосредоточили на Мышегском заводе, куда назначили своего—акционера бельгийца Л. А. Пурбэ, директором—администратором и перевели штат ответственных служащих «косой горы», русских и бельгийцев. Деловой, в совершенстве владевший русским языком, Пурбэ ставит дело в заводе на заграничный лад. Импонируя рабочей массе, Пурбе, а с ним и русский инженер Г. Е. Шефер (техническ. директор), устраивают лично, предупредительное отношение к рабочим, многих из них, более видных, не иначе называя, как по имени и отчеству. В Брюсселе разрабатываются проекты нового заводского поселка, новых заводских корпусов, с оборудованием труболитейной по последнему слову техники, и с устройством судостроительного отделения. На Мышеге ведутся изыскания в этом направлении, включительно до шлюзования речки Мышеги до впадения в Оку.

А пока что: старинные корпуса мастерских, в большинстве мрачные, тесные, далеко не удовлетворяют элементарным требованиям гигиены и охраны труда, квартиры рабочих запущены ремонтом, при чем один корпус по отремонтировании заново, заселяется рабочими (по выбору, более ценными в заводе), с взиманием квартирной платы, хотя, правда, незначительной (около 3 руб. в месяц); «опойчатые и стопочные» литейщики, работая сдельно, выходя на «поливы» днем и ночью, не могут зарабатывать свыше 30—40 руб. в месяц (других квалификаций рабочие выгоняли свыше 50 до 100—120 руб. и более), а поденные чернорабочие не выходили из заработка 20—25 руб.; мастера по цехам гнули „в бараний рог" рабочих, штрафуя и делая вычеты за брак, иногда по их же, мастеров, вине получающийся.

Разрозненная рабочая масса смиренно все переносила, восхищаясь изысканно-любезным Пурбэ.

Разгул, водворившийся и в мастерских завода, главным образом на „доменный двор“ и в „опочатые и стопочные“ литейные „палатки“, угрожавший, при обращении с ним в нетрезвом виде, массовыми ожогами расплавленным огнедышащим чугуном, сильно озабачивал администрацию. Подоконники кабинета Пурбэ ежедневно, сплошь, устанавливались склянками с водкой, отобранными по мастерским урядником.

Осенью 1903 года, в поисках способа оздоровления рабочей массы Пурбэ незамедлительно проводит в жизнь, изданное правительством, положение о цеховых старостах, а следом наводится окольными путями, на мысль насаждать „народную трезвость“—рекомендованными правительством средствами—чтениями с туманными картинами.

Пурбэ, заручившись личным согласием губернатора на устройство чтений, добился у него утверждения полностью списка лекторов. Чтения повели: доктор, бухгалтер и его жена—бывшая учительница в толстовской Ясной Поляне, учитель и учительница заводской школы, также и только что поступивший на завод, техник, скомпрометировавший себя в глазах царской власти и удаленный ею с земской службы. Последний и наталкивал, через других, Пурбэ на мысль устройства чтений с картинами, имея в виду через эти чтения найти намеченный окольный путь подхода к рабочей массе, более или менее легального (для видимости), сближения с ней и, нащупав передовых людей, использовать через них сходки, устраиваемые цеховым старостатом, начать будировать рабочих, повести агитацию.

Неважно было то, что в цеховые старосты прошли, Афанасий Мельников, Евтихий Костогаров, Федор Коровкин, Владимир Григорьевский и др., правда, степенные и почтенные люди, но совершенно безличные в политическом смысле; также и то, что получаемые, из Калуги от О-ва Народной трезвости, книжки и диапозитивы для чтений—не могли служить должной духовной пищей рабочей массы и, что в числе лекторов были большинство попросту либералы, а учитель был заядлый монархист (последний по старости, выступал редко и вскоре совсем отошол от чтений). Другие обстоятельства представлялись для намеченной цели.

Пурбэ привлек старостат к участию в совещаниях во главе с ним, мастеров цехов, бухгалтеров и технического директора, по всем более или менее важным вопросам заводской жизни. Старостат информировал рабочую массу на цеховых сходках о положении дел завода, корпоративно заявляя Пурбэ мнения и претензии рабочих. При обсуждении со старостатом заводских дел, на цеховых сходках, рабочие втягивались в общественность.

Чтения с туманными картинами с первых же дней привлекали публику. С начала января 1904 года заводская школа уже не могла вмещать всех желающих слушать чтения. А тут, нежданно-негаданно, разразилась японская война. Приспособив прибор Лаврентьева для передачи на экран картинок из журналов, чтения стали разнообразить новостями жизни, освещением войны, а под сурдинку и других обстоятельств.

На туманных картинках публика начала группироваться по симпатиям около чтецов. С этим явилась возможность завязывания знакомств и повести чтения по квартирам „на заводе“ (где отдельные квартиры для каждой семьи, или два соседа в большинстве приятели) пока таких книг как „Офицерская и солдатская памятки“, „Хитрая механика“ и т. п. Сформировывается кружок любителей, и в заводской школе, уже ставятся общедоступные спектакли, в пользу раненых воинов, а когда весной призвали запасных с завода, то сборы шли на оказание помощи беднейшим солдаткам. Спектакли привлекли не только солдатскую массу и заводскую администрацию, но и алексинскую интеллигенцию... Используется и еще непредвиденное новое благоприятное обстоятельство. С начала войны служащие стали собираться для чтения сообща газет. Каждый вечер, с приходом тульского поезда, заводская контора полна. Сюда тоже втягиваются более развитые рабочие. По прочтении телеграмм и статей идет обмен мнений, в которых принимают участие все присутствующие. Свободомыслящий Шефер, по складу мысли республиканец, чуждый всяких религиозных предрассудков, тонко и ехидно «проезжается» на счет правительства, деловито анализируя положения, предсказывает провал войны, гибель эскадры, де-

лится сведениями из получавшихся им американских газет, демонстрирует каррикатуры в них на русское правительство. „Крылатые“ словечки Шефера, как лица высокоадминистративного в заводе, с замечаниями к ним вскользь брошенными другими, стали предметом разговоров в массе и предлогом к агитации (Шефер, конечно, не помышлял об агитации, стоя в стороне от всяких партий).

Газетные вечера более всего помогли нащупать сторонников себе. В обмене мнений определенно выявлялись взгляды и наклонности каждого.

Дотоле неинтересовавшихся ничем служащих, теперь удается об‘единить в „Союз Служащих Мышегского завода“, существующий нелегально и ставший в защиту рабочих масс, обуздывая цеховых мастеров, держа их под угрозой бойкота и подрыва престижа их перед Пурбэ. Конторская молодежь попутно втягивается в чтение С. Д. литературы, добываемой из Калуги при посредстве Н. К. Костина и переправляемой, по большей части, навещавшим родину для свидания с сыном, 63-летним стариком С. Я. Бонапартом (быв. слесарь депо Калуга, уволенный вместе с М. В. Сараповым и др. за участие в забастовке осенью 1901 года). Служащие делают сборы на покупку литературы, делятся литературой со своими друзьями рабочими и, наконец, устанавливается и непосредственная связь с рабочими, ведутся собеседования с ними.

Жизнь Мышеги принимает иной оборот...

К этому времени жилища рабочих освобождаются от назойливых посещений урядника, который, наконец, отстранен от заведывания квартирами и ремонтом их, утрачивает свою осведомленность, мечется в поисках главарей выливающегося наружу нового настроения заводского населения. Забеспокоился и сосед по заводу, колосовский помещик К. Н. Пасхалов, известный столп—„союза русского народа“, зачастивший наездами на завод, под предлогом посещения госпиталя для раненых в заводской больнице, нащупывая „чем пахнет“.

Старостат, туманные картинки, спектакли, газетные вечера, как уже говорилось, содействовали сплочению массы, группировке по взглядам. Они выдвинули вперед сознательных рабочих.

Более других общительными, окунувшимися в чтение С. Д. литературы, оказались молодые парни: литейщики—Аким Шкапичев и Сергей Зорин, конторщики—Василий Туляков, Семен Торбин, Иван Лунин. К ним затем примыкают рабочие: Егор Козлов, Иван Сорокин, Михаил Кудрявцев, Федор Шкаликов и др. Через эту то группу и завязывается перекрестная связь в рабочей массе. Надо сказать, что более других деятельный Шкапичев имел знакомство со своим земляком, проживавшим в Туле, рабочим Хлопиковым и подпав под влияние народнического уклона последнего, не в меру усердствуя, вносил, иногда дезорганизацию своими разноколиберными воззрениями.

Так или иначе группа составилась действенная. Усиливается спрос на нелегальную литературу, проникающую в массы. Вечерами „на заводе", в липовых аллеях, стало раздаваться пение „марсельезы" и др. революционных песен.

На редкость приятного тембра тенор Васи Тулякова, бархатистый бас Вани Сорокина, покрывая другие голоса, взывают, затрагивают душу, „Вставай, поднимайся рабочий народ; вставай на врагов брат голодный, раздайся крик мести народной: вперед, вперед, вперед..." Масса заряжалась их песнями.

Какой либо „дикий" гуляка, уже, вместо обычной хулиганщины, выводит: „Отрешимся от старого мира..." и, когда полицейский берется урезонивать его, он бьет себя в грудь кулаками и скрежеща зубами вопит: „царь—вампир пьет народную кровь"... Полиция стушевывается, с пьяного не взыщешь, а явление становится массовым, всех пьяных не посадишь „в кутузку". У Шкапичева и других производится обыск, но безрезультатно. А открыть массовки, все же пока невозможно—выступление местных лиц на них еще равносильно было верному провалу хорошего начала.

В начале лета на Мышегу прибыл Н. Х. Фосс, в качестве адвоката по делу мельника, судившегося с заводом. При обходе пруда речки Мышеги (около 3 километров в один

конец), удалось уединиться с Фоссом от комиссии и конспиративно поговорить о положении дела, о необходимости помочь „живой силой" из Калуги. Вслед за этим, пока-что, участилось снабжение литературой и прокламациями, изредка стал навещать завод Н. К. Костин, участились поездки к нему.

Перед этим или несколько позже на Мышегу приехал, в особом вагоне поданном по ветке в завод, Калужский губернатор Офросимов, любивший поговорить с бельгийцами по-французски. Сама по себе, прогулка по заводу „сатрапа", ничего особенного не представляла и оставила лишь лишний анекдот о „глухаре".

Однако, приезд этот имел грозные последствия. Видимо, охранявшая губернатора свора лучше местной полиции разнюхала „чем пахнет" на Мышеге. Вскоре появился и „новый" человек. Небольшого роста, коренастый с большой бородой старик, снял в аренду в ближайшей деревне сад и частенько без дела прогуливался по Мышеге, заглядывая в трактиры, вкрадчиво завязывая разговоры. Он временами куда то пропадал, а затем опять показывался на Мышеге. Пришлось насторожиться. (Потом, после 1905 г., эта фигура встречалась в Калуге в форме жандарма). Песни в аллеях прекратились. Только подгулявшие одиночки „диких" неостерегаясь выводили, то здесь, то там „а деспот пирует в роскошном дворце, тревогу вином заливая..." и т. д. Из этого полиция делает вывод: „ничего политического нет, одни пьянчужки".

Осенью Мышегу навестил ротмистр Колоколов. По жандармскому мундиру и черным усам, его опознали в окне „дома приезжающих", дали знать об этом по заводу. Кому надо было разбеглись по домам, под разными предлогами, чтобы убрать имевшееся. Михаил Кудрявцев сжег, в топившейся, к его приходу домой, печке, большое количество нелегальщины, назначавшейся к распространеню в ближайшие дни. Федор Шкаликов успел перепрятать свертки прокламаций из трубы, куда сразу сунулись при обыске. Аким Шкапичев и Сергей Зорин „влипли". У них нашли прокламации в печке (спрятанные в стуле под доску, приделанную снизу сиденья,—не обнаружили). Их обоих увезли тут же в Калугу; затем они были переправлены, кажется, в Медынь.

Арест двух товарищей произвел суматоху, некоторые скрылись на время. Когда же выяснилось, что с обыском были далеко не у всех замешанных и, значит, они были случайные, а может по отдельным доносам, то с большой осторожкой, постепенно вновь заработали. Но тут появились новые лица в заводе. Артельщики Госбанка были присланы брать на заводе выручку за каждый отправляемый вагон изделий, так как обанкротивающееся в войне правительство, не хотело переучитывать векселя по задолженности завода. Знали, как будто, зачем на заводе эти люди, но все же они внушали опасение. (Между прочим, забирание госбанком выручки завода, в связи с сокращением водопроводного строительства и спроса на трубы во время войны, несколько ослабило темп хода работ в заводе, и число рабочих постепенно снижалось, так что к Октябрьским дням 1905 года их осталось 950 человек, а всего в заводе со служащими и дворовыми рабочими—около 1100 человек).

С наступлением зимы пропагандистская деятельность несколько ослабла. Теперь затруднилась возможность более свободных встреч, чем летом на прогулках в окрестности. Опять пошли встречи на туманных картинах, спектаклях. Газетные вечера замерли, так как многие выписали себе газеты. Шефер был уже в действующей армии (так он и не вернулся на Мышегу), а без него вечера эти становились скучными. К тому же у подобравшегося кружка С. Д. и времени не было их посещать. Шло чтение и собеседование небольшими группками по квартирам. Разжевывается политическая экономия, коммунистический манифест, изучается программа РСДРП. Участились поездки к Н. К. Костину на совещания и за литературой; у него несколько позже, на рефератах и кружковых занятиях встречался чаще других С. Н. Преображенский и почти всегда девица Анюта, а перед Октябрьскими днями 1905 года бывает А. Д. Никифоров.

III. В волнах революционного 1905 года.

Январь 1905 года принес известия о Путиловской забастовке, „Кровавом воскресенье 9 января“ и волне забастовок в стране. По всем данным требовалось усилить деятельность на Мышеге и в этом направлении обсуждается дело с Н. К.

Костиным. В половине января прибывает на Мышегу с военной службы, на поправку, И. С. Бонапарт,—умело и с разбором завязавший связи. Сразу сдружившись с В. Я. Туляковым, а затем влившись в С.-Д. кружок, он помог нащупать новых сочувствующих.

К весне Калуга, наконец, решила оказать реальную помощь. Николай Кондратьевич (Костин) сообщил, что в скором времени на Мышеге будет В. Н. Любимов. Последний не замедлил явиться, прибыв под предлогом навестить старую знакомую семью В. Я. Тулякова и остановившись у последнего. Не знакомый с другими и перед поездкой на Мышегу не осведомившийся у Кондратьевича, о положении дела, Любимов даже несколько смутился, когда при знакомстве был спрошен „не нужно ли какое содействие для выполнения миссии“, долго чувствовал себя неловко, полагая, что попал в ловушку, так как догадываются о цели его приезда, отнекивался, что никакой миссии не имеет, просто приехал к знакомым повидаться. Затем с В. Я. Туляковым сам заходит к новому знакомцу, допытывается „на что вчера намекали“. (Случай, характеризующий конспиративность того времени).

Как только сошел снег, и начались прогулки в окрестности, Любимов, наезжая из Калуги, повел кружковщину в группах, собравшихся в лесу „Ясменке“, за деревней Лениной и в „Жалке“ за „фабрикой и горушками“.

В один из праздничных дней прибыл Н. К. Костин (с учителем В. И. Викторовым, приезжавшим в Калугу). Экспромтом была проведена небольшая массовка в „роще“ за заводом, а затем Кондратьевич долго и старательно упражнялся стрельбой из новенького браунинга, на берегу речки Мышеги. В этот приезд Кондратьевичу настоятельно указывали на необходимость присылки товарищей для проведения массовок. Надо сказать, что на Мышеге Н. К. Костина выдавали за студента, а настоящее имя его не открывалось.

Весной возвратился А. В. Шкапичев, возмужалый, обросший бородой. Вся Мышега, без различия пола и возраста, спешила повидать Акима Васильевича (с этого момента его иначе не называют). Он тотчас же был принят обратно на работу в завод. Ореол мученичества создал Шкапичеву популярность в массе.

Попав в лапы жандармерии в бараке „на фабрике“, теперь Шкапичев поселился „на заводе“ у С. М. Гуслистова, в доме № 38. С ним же поселился его подручный по литейной молодой еще юноша—А. И. Кондратьев, в отличие от А. В. Шкапичева, назвавшийся „Аким Липатыч“ и „Аким маленький“, „беспалый“, а иногда „Аким Шиповской“ по деревни Шипова, откуда он родом.

Следом за А. В. Шкапичевым розвратился и С. П. Зорин, но недели через две он уехал на Невьянский завод, на Урал. (Позже Зорин перекочевал в Екатеринослав, где потом повешен, будучи „пристегнут“ к экспроприации, по оговору околодочного).

К Шкапичеву было зачастил наездами старый знакомый Хлопиков, но теперь уже между ними шли дебаты о партийных платформах. Акима Васильевича, многому научившемуся за отсидку в тюрьме, уже нельзя было совратить с С. Д. пути и Хлопиков отошел на задний план.

В квартире, где поселился Шкапичев, можно было говорить, не опасаясь соседей. Здесь встречались „закадычные“, друзья: Е. Козлов, И. Сорокин, В. Туляков, С. Торбин. Квартира С. М. Гуслистова стала местом постоянных свиданий этих членов С. Д. кружка, в которой входят также: Ф. Шкаликов, М. Кудрявцев, Н. Качнов, П. Костагаров, Е. и И. Башовы, И. Бонапарт, И. Лунин и др., а по периферии примыкают десятки сочувствующих СД. Поступающая Шкапичеву и Кондратьеву нелегальщина пряталась женой Гуслистова, Евдокией Михайловной, в яслях коровника, пока не используется по назначению. Нелегальщина хранилась и у других по разным местам. Работая подпольно молодежь в то же время невинно куралесила с подругами на вечеринках. „Дело жениховское“ и все было, как говорилось „шито, крыто“.

Своими силами проведена первомайская массовка в „Ясменке“ позже массовки с В. Н. Любимовым в других местах. Настроение рабочей массы поднималось и теперь требовалось выдвинуть на массовки уже ряд товарищей со стороны. Из Калуги в дополнение, к Любимову, приехал на Мышегу В. А. Вознесенский („Жор“) и блистательно провел массовку в слободском лесу, у станции Алексин.

В середине мая на Мышегу приехал из Тулы и поступил в завод механический литейщик С. Г. Паничев, человек средних лет. С первого знакомства с ним, в нем усматривался „свой человек", к тому же бывалый. По литейной он знакомится со Шкапичевым и Шкаликовым и, вскоре, входит в С. Д. кружок, ведя себя деловито и конспиративно. Превосходя молодежь своим зрелым возрастом и опытом, Паничев, как раз, являлся тем, чего не хватало молодой С. Д. Мышеге.

Всесторонне обсудив положение дела с Н. К. Костиным и устроив свидание его с С. Г. Паничевым, последнему поручили вербовку новых членов С. Д. кружка и организацию массовок. К этому времени, или несколько позже, помимо наездов Вознесенского и Любимова, на участившихся массовках, с каждым разом привлекавших все большее количество людей, выступают Роганова, Бриллиантов и др. приезжие (тогда, кто-то из них назывался „Засодимский").

Самые массовки перевели дальше от Мышеги, к Петровскому заводу («Московско-стекло-промышленного общества» уже ряд лет бездействовавший), в вершины Ковшинскую, Сезеневку и др., так как подходы к слободскому лесу слишком открыты для взоров со всех сторон, особенно из Алексина, где гнездился опасный городовой—палач «Гришка Борзов», а сам лес непосредственно примыкает к станции Алексин, на которой обретался, не уступавший Алексинскому «Гришке» жандарм Урядников.

На массовках, начавшихся с 50-70 человек, уже присутствуют до 150 человек и более, появляются и окрестные крестьяне, иногда приходят и десятка полтора-два рабочих с Дугны, с вожаком Петром Карасевым, с ружьями за плечами, как бы выйдя на охоту.

Не особенно скрываемые массовки встревожили помещиков «обаполь Мышеги» (окрестных) и поставили на ноги уездную полицию (заводский урядник Ванька маленький боялся расправы). В июле становой пристав таскает отдельных лиц на допрос, у некоторых производит обыск. В августе Мышега подверглась массовому обыску. Навестили всех без разбора, более или менее видных, подозревавшихся ранее и замеченных на массовках, но безрезультатно. Опять было видно случайное

попадание на некоторых из СД кружка. Тем не менее, пошли слухи о намеченных арестах. В первую голову угроза ареста могла относиться к Паничеву, обратившему на себя особое внимание пристава. Паничев мигом пропал с горизонта Мышеги, никто не знал куда. (В 1906-7 году мать С. Г. Паничева, приезжавшая из Алексинского уезда в Калугу навещать сидевшего в тюрьме сына Егора (Ю. Г.), учителя Алексинского уезда и останавливавшаяся в доме С. М. Пшенай-Северина, рассказывала, что ее другой сын, бывший литейщик на Мышеге, в Москве, что он тоже сидел в тюрьме).

Имея теперь живую связь с приезжавшими на массовки Калужскими товарищами — работу усилили. В большом количестве прокламации пускаются в окрестные деревни и на лесопильные заводы пристани. На Мышеге в квартиры рабочих прокламации по ночам бросаются в открытые окна и форточки, в мастерских распихиваются незаметно по карманам. Самодельные листовки, отпечатанные на машинках заводской конторы, с призывом байкотировать Булыгинскую «совещательную Думу», добиваться созыва Учредительного собрания—идут вместе с прокламациями. В Ивановскую ярмарку в Алексине (конец августа), когда через Мышегу тянутся вереницы крестьянских подвод, дорога оказалась засеянной прокламациями, подбиравшимися проезжающими. (Два мальчика-подростка, оба Васильи Торбины, один—Василия, а другой Семена сыновья, проделали россыпку прокламаций с разных сторон, в ночь на рассвете).

В сентябре пронесся слух о намеченном аресте А. И. Кондратьева. Возможно, что полиция проведала о рассыпавшем прокламации неопознанном мальчике и заподозрела в этом юного малорослого Кондратьева, была и какая то оплошность самого «Акима Липатыча», но так или иначе Кондратьев утек с Мышеги. (Потом он был в Калуге и затем арестован с тов. Бриллиантовым при «провале» партийной типографии, а после 1906 года встречался у Д. А. Фелицына, где бывали Н. Х. Фосс, П. Суханов и др.).

В то время, как Мышега уже собиралась на массовки, Захар Лесников познакомился в г. Алексине со ссыльным кавказцем Раджи Тугушевым. В дальнейшем Тугушев, навещая Лесникова, познакомился с другими и, иногда,

бывал у Шкапичева. Принадлежал ли к какой революционной партии Тугушев—трудно сказать, но он ведя в Алексине знакомство с братьями Щедриными, оказал некоторые услуги в разгар движения на Мышеге, когда из Калуги прекратились всякие приезды товарищей.

В октябре 1905 года Мышега оказалась отрезанной от внешнего мира и дальше представленной самой себе. С 9 по 20 октября [1]) движение на Сызрано-Вяземской жел. дороге остановилось и Мышега остается в полном неведении о происходящем кругом нее. А как раз перед этим, к волнению рабочих масс появляются поводы, которые, за выездом в отпуск Пурбэ, не только неумело улаживаются заводской администрацией, но, наоборот,—ею же обостряются. Пустяшное дело о вычетах из жалования недоимки податей, по требованию податного инспектора, с рабочих местных крестьян, которые и сами не прочь были платить их в рассрочку, почему то не разрешалось в этом смысле. Все же это затрагивало часть рабочих и в конце-концов легко улаживалось.

Более заостренным поводом к неудовольствию рабочих явилось изменение одного параграфа в условиях расчетной книжки рабочих «доменного двора». Постоянно работая в три суточные смены, «доменные» получали за праздничные дни полуторное вознаграждение. (Домна действует непрерывно годами, выпуская чугун все время периодически, через несколько часов, по несколько раз в смену). В новых книжках было сказано, что работа в праздничные дни «на доменном дворе», оплачивается как в будни, т. е. уже без надбавки на 50%. Доменный инженер Беккер, люксембуржец, плохо знавший русский язык, человек заносчивый и надменный, обращавшийся вообще с русскими дерзко и грубо, в это время замещал отсутствующего Пурбэ. По особому договору получая проценты за удешевление выплавляемого домной чугуна, он был заинтересован в снижении платы рабочим. Чтобы «удружить» Беккеру, насолившему всем, контора не замедлила раздать новые книжки, а другие постарались в заводе обратить внимание рабочих на новый параграф

---

[1]) Даты здесь и дальше по старому стилю.

условий. Цеховой староста «доменного двора» Козлов (из окрестных крестьян беспартийный) заявил Беккеру, как доменному инженеру, о протесте рабочих против уменьшения платы за работу в праздники. Беккер пренебрежительно и грубо отнесся к Козлову, вызвал его на дерзость и единолично уволил, вместо того, чтобы предварительно обсудить вопрос в общем собрании со старостатом, как обычно делал Пурбэ. «Доменные» заволновались, глухое брожение пошло по заводу. Старостат, состоявший, кроме уволенного Козлова еще из С. Гуслистова, Е. Кастогарова, Ф. Коровкина, Аннушкина, опротестовал увольнение Козлова, потребовал вызова окружного горного инженера (тоже, что фабричный инспектор на других заводах) для разбора дела вообще. Окружной инженер, вообще неохотно посещавший завод, предпочитая получать «пакеты» бельгийцев, не выезжая из дома, не поторопился приездом. А тут вскоре остановились железные дороги, и он вовсе не мог выехать. С остановкой движения на дорогах, рабочая масса Мышеги, сразу оказавшись в неведении о происходившем в России, насторожилась, приняв выжидательную позицию...

Вечером 19 октября по телефону со станции сообщили что из Тулы ожидается первый поезд. С Мышеги человек 20 отправились на станцию узнать от пассажиров хотя что нибудь о происходящем. Носится слух, что забастовка кончилась, но неизвестно как, при каких условиях. Дождались поезда. Машинист с паровоза кричит у-р-ра, главный кондуктор машет листком бумаги, который кидает в толпу, Царский манифест читается при свете фонаря... А на заводе в это время распространился слух, что пошедших на станцию избивают. Толпы родственников и друзей бегут к станции на выручку и встречают своих возвращающимися с новостями. На утро забыт Беккер и все; в заводе разговор лишь о манифесте. Но тут же на сходке массы слышат призыв «не опьяняться царскими милостями, настойчиво закреплять завоеванные авангардом пролетариата позиции».

23-го октября по Мышеге прокатилась весть о боях в Туле и Калуге, а затем, бывшие в них очевидцы, поведали о черносотенных погромах и избиениях товарищей. На совещании С. Д., между прочим, встал вопрос, как бы

черносотенно настроенные (а такие были) не затеяли, увлекая малосознательных, расправу с социалистами. Близость черносотенного столпа Пасхалова к заводу, заставляла насторожиться.

Заводская администрация, особенно старик бельгиец Криллен, из боязни, что «люмпен пролетариат» последует примеру черной сотни Тулы и Калуги, вооружила всех татар, служивших на конном дворе, приготовив экипажи, чтобы улизнуть, чуя, что выходка Беккера не пройдет им даром.

24 октября, с утра, на «доменном дворе» суматоха, гвалт.

Бросив работу «доменные» рабочие во главе с горновым Гордеем Деевым (до того стоявшим в стороне от движения и от передовых рабочих) требуют на расправу инженера Беккера, привлекли к себе на поддержку литейщиков из «опойчатых» и «стопочных» литейных «палаток». Составленный накануне план действий исполняется.

Заводский гудок тотчас же известил «зашабашить». Во дворе состоялось общее собрание всей заводской массы. На собрании внесено и принимается предложение: солидарной всей массой отстаивать интересы рабочих и избрать цеховых делегатов, по одному на сто и пропорционально числа рабочих в мастерских, которым поручить действовать от имени массы, выработать общие требования к администрации завода, а прежде всего выразить неудовольствие инженеру Беккеру за его постоянно грубое безцеремонное обращение с рабочими, вернуть на службу в завод цехового старосту Козлова, востановить прежние условия об оплате работы в праздничные дни на «доменном дворе» и не делать вычеты из заработков на уплату недоимки податей.

Цеховыми делегатами избрано 12 человек, в том числе: Гаврила Гуслистов, Алексей Ерофеев, Егор Козлов, Николай Качнов, Сергей Кабанов, Иван Сорокин, Аким Шкапичев и, кажется, если память не изменяет, Иван Губанов, Васи-

---

*) Мусье Криллен никак не мог усвоить, что такое „черносотенцы“ которые тоже рабочие, а избивают пролетариат и затем определил „черную сотню“ как „люмпен пролетариат“, относя к этой категории малосознательных буйных кутил из рабочей массы завода.—Авт.

лий Зайцев, Михаил Кононов, Федор Коровкин, Филипп Мосин. Председателем собрания делегатов оказался А. В. Шкаличев. Несколько позднее, собрание делегатов уже называется «Федеративный Совет рабочих депутатов» (как подобрали слово «федеративный» не помню, но надо полагать, что имелось в виду вхождение представителей разных цехов, и наряду с партийными и беспартийных).

По окончании сходки, работы в заводе приостановились до получения результатов переговоров с администрацией. Рабочая масса, высыпав из завода в необычное время, вызвала панику в кулацких и буржуазных кругах. Рабочие группами собираются в поселке. Явно возбужденное настроение всех... Малосознательные поговаривают о погроме «Мошка», местного торговца, кулака монархиста; их сдерживают более сознательные.

А в это время в заводской конторе шло совещание администрации с прибывшим окружным инженером Танским, решено: вернуть на свое место Козлова, приостановить вычеты недоимок податей из заработка, за праздничные дни «на доменном дворе» платить в полуторном размере, обещано отвести помещение для собрания цеховых делегатов, которое признано, значит, полномочным и получало право созывать собрания, отдельно от цехового старостата. Сообщение делегатов об этом решении, с добавлением, что они Беккера «расчистили, как только можно», что вместо него замещать Пурбэ будет мусье Криллен, что они, делегаты, теперь займутся выработкой общих требований к администрации,— успокоило рабочую массу. День 24 октября прошол без нарушения порядка на Мышеге.

На следующий день с утра, работы в заводе возобновились. Беккер вовсе не появлялся в заводе, уехав куда то; позже и к своей домне он стал заглядывать реже.

Окончательно проредактированная петиция, выработанная делегатами, была внесена на обсуждение общего собрания рабочих и служащих. Собрание одобрило петицию, и она была пред'явлена Криллену. Начинаясь, обычным для того времени, требованием «свободы слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенности личности и жилищ, свободы предвыборной агитации в законодательное собрание, с избра-

нием его пропорциональным, прямым, равным и тайным голосованием, без различия пола»,—петиция далее в 25 пунктах требовала:—8-ми часового рабочего дня, повышение сдельной зарплаты на 50%, поденно платить не менее 1 рубля, а получающим от рубля и выше увеличить на 20%, уплаты во время болезни не меньше половины сдельного заработка, а при увечье—полный заработок пожизненно, при смерти же работника от увечья-выдавать семье полный 10-ти летний заработок, принять меры к введению государственного страхования, престарелым рабочим платить $^2/_3$ заработка, с освобождением их от работы и с оставлением за ними квартиры, выдача бесплатно дров для отопления квартир, устроить за счет завода библиотеку-читальню, улучшить медицинскую помощь и иметь акушерку; заводскую лавку передать рабочим для обращения в кооперативную; упорядочить отопление, освещение, вентиляцию мастерских и установить кипятильники в них для чая; отменить штрафы, обыски в проходной, вежливо обращаться с рабочими и далее другие, касающиеся больше внутреннего распорядка в заводе.

29 октября администрация, обсудив петицию, с прибывшим снова, окружным инженером Танским, заявила, что требования будут рассмотрены Правлением в Бельгии, что Пурбэ скоро должен возвратиться из отпуска и лишь он может представить требования Правлению.

Вскоре прибывший Пурбэ, ознакомившись с положением дела, выступил на общем собрании рабочих и служащих во дворе завода. По очереди на бочку-трибуну встают «Людвиг Альфердович» и «Аким Васильевич» (так величали обычно раньше и во время дебатов один другого Пурбэ и Шкапичев). Мусье Пурбэ, блистая своим красноречием, дипломатично заявил: 8-ми часовой день дать можно было бы, если сократите Ваши праздники, чтобы хоть 250 дней было рабочих, а у Вас: Николин день, Петров день, Ильин день, Иван-день, неделями не работает завод, а потом масленница, святки и другие праздники, в результате лишь полгода работаем; о повышении заработков он будет хлопотать, так же и об удовлетворении прочих экономических требований, только не можно надеяться на полное удовлетворение Вашего аппетита, этого не выдержит завод, стоимость изделий по-

высится, Мышега не сможет конкурировать с другими заводами, политические требования мы, иностранцы, разрешить не можем,—это дело Вашего правительства и мы их исключаем... Шкапичев парирует, настаивая на полном удовлетворении требований, говорит: «Можно было установить во Франции республику, свободу, а нам не желаете хорошей жизни»... Пурбэ отвечает: «Мы 50 лет красные, а Вы только начинаете краснеть; осторожнее на поворотах, Аким Васильевич»... В конце концов Пурбэ заявляет, что будем улучшать все, что можно, все зависит от правления, говорить с котором я еду в Брюссель; ждите, что там скажут.

После дипломатического выступления Пурбэ, рабочие решили ждать. Крестьяне, струсившие, как бы действительно не сократили праздники, что помешало бы им работать и в деревне и заводе, значительно охладили пыл.

Кроме того, Пурбэ уже распорядился о выполнении некоторых незначительных требований, дал распоряжение об отпуске дров по норме для отопления квартир, об отводе, меблировки помещения, в доме № 41/61 на заводе против Конторы для „Федеративного совета рабочих депутатов" (так писалось в распоряжениях Пурбэ). В этом помещении А. В. Шкапичев уже подписывал ордера рабочим на получение дров и шли заседания Совета.

Однако, став на работу, согласившись ждать решения капиталистов в Бельгии, рабочая масса бурлит все время в заводе до половины декабря. Вспышки в заводе массы происходят то и дело, выводя ее к главной конторе с напоминаниями Криллену торопиться исполнением пред'явленных требований, и попутно пред'являлись и другие новые, более мелкие, требования вроде выдачи всем в квартиры печей, рукавиц для работ, выдачи крестьянам в деревни дров и печей, выдача аванса к Николе и т. п.

На Мышеге в это время, „на заводе" вечерами, собираются летучие митинги, привлекающие большинство населения, не исключая женщин и подростков. В выступлениях принимают участие и приходившие из Алексина, с Раджи Тугушевым, братья Щедрины. Речи ораторов по душе пришлись многим новичкам, не посещавшим раньше массовки.

Решили митинговать днем и поосновательнее. Наметив ближайший праздничный день (не рабочий), подготовили „пробный—камень“ в виде шествия ребят с красными флагами с лозунгами на нем „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“ и „Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика“. Перед полуднем десятка два мальчиков, лет по 12—14, спустились с „горушек“ с красным флагом, с пением революционных песен „на фабрику“, оттуда, мимо квартиры урядника поднялись „на завод“, пройдя боковой улицей у трактиров и через площадь, ребята вышли на улицу с аллеями, увеличиваясь количеством до 50—60 участников. Шествующие с красным флагом и пением марсельезы подростки представляли любопытное зрелище. На улицу высыпали зрители; сгрудившись у домов, собираются рабочие. Не успели ребята подойти к конторе завода, как на встречу пристав, в сопровождении сына. Встретившись с детворой, пристав схватился за флаг. Ребята, оборвав пение, гурьбой уцепились за древко, сквозь слезы в разные голоса кричат: „мы деньги платили, наш флаг, не твой“... и т. д. Долго копошится ребячая масса, визжа и таская пристава поперек улицы от одной аллеи к другой. Наконец, пристав одолел. Флаг в его руках, за спиной. Рабочие, не вмешиваясь, со стороны, выкрикивают: „А. В., отдай флаг, А. В., брось ребят“. Пристав басит: „Братцы, не могу, долг службы, не могу“... В. Торбин постарше других, но как малорослый, не отличавшийся от остальных, уловчился укусить зубами пристава за руку, выдернуть флаг, разодрав при этом, гвоздем на древке, руку пристава. Последний охнул, поднял окровавленную руку; сын его плачет. Из руки пристава льет кровь, он басит „я исполнил свой долг, больше не мог—ранен“... К этому времени многие рабочие выдвинулись за аллеи на дорогу. „Товарищи, что нам разговаривать с приставом, идемте-ка на площадь побеседовать о своих делах“. Раздался голос. Вслед направившемуся в больницу приставу, сотня людей двинулась к площади, а на ней уже стекаются сотни с разных сторон. В зажигательных речах ораторы, в том числе Щедрин, громят „Николая кровавого“, призывают „не поддаваться на царскую удочку, гнать к чорту самодержавие“ и помнить, что „права и сво-

бода не даются, берутся властной рукой народа"... Митинг раскачал массу, влил смелость. С революционными песнями разошлись по домам.

Следом, прилетевший исправник, дергает по одиночке Рабочих депутатов, с первого абцуга предлагая „сдать оружие"—но ничего не добивается. Например, один из числа первых вызванных, делая вид, что горячится, заявляет: „у нас дома ножика нет, хлеб нечем резать, а тут какое то оружие вздумали требовать". Вроде этого отговариваются и другие. Дневные митинги повторяются и дальше, а в рабочие дни устраиваются летучки в обеденные перерывы.

Мышега торопится наверстать упущенное в прежние годы... Теперь уже и вечеринки молодежи устраиваются не иначе, как с красными флагами и революционными песнями. А тут на улице И. Сорокин, в компании с Г. Густистовым, А. Шкапичевым и др., расстреливает портрет „Николая второго и последнего", при одобрении собравшихся зрителей...

„Совет рабочих депутатов" приобретает авторитет в массе; к нему идет население завода за разрешением житейских нужд; без него заводская администрация не проводит ни одного начинания; он ведает распорядком в заводе, разбирает недоразумения между цеховой администрацией и рабочими; улаживает конфликт между зарвавшимся трубо-литейным мастером, бельгийцем, инж. Рауз и мастером механической литейной инж. Де-Гузон, деловым стариком, французом. Цеховой старостат остается подсобным „Совету рабочих депутатов" органом, действующим на поводу у него.

В ноябрьскую общеполитическую забастовку настроение массы повышается. Однако, положение дел в самом заводе сдерживает большинство от выступления.

Не наладившаяся еще, с октябрьской всеобщей забастовки, доставка с юга кокса и чугуна, — в ноябрьскую забастовку почти совсем прекращается. Запасы их в заводе иссякают, завод еле дышит, сокращая выплавку из домны и вагранок, новых заказов на изделия нет, прежние заканчиваются. Пурбэ все еще не возвращается, поговаривают, что нет денег на уплату аванса к Николину дню, о намерении бельгийцев закрыть завод. Наконец, С.-Д. кружок

идет „во банк“. 24-го ноября перед обедом, вся рабочая масса высыпала на нижний двор завода. В открывшемся бурном собрании страстные призывы забастовать, — „Там, везде, наши товарищи, бастуют, завоевывают свободу, борятся с царизмом и капиталом, а нас здесь водят за нос“... Раздаются голоса, что „бельгийцы сами ищут повода закрыть завод. Завод не останавливать, а взять в руки рабочих, приостановить домну до подвоза кокса, а пока что тянуть работу лишь на вагранках“. Призыв взять в свои руки завод—горячо приветствуется. Однако, высказанный взгляд о сокращении работ, затрагивает часть массы, которая может оказаться за бортом, коль скоро домна станет. Не придя ни к чему,—все возобновили работу, ожидая приезда Пурбэ, тем более, что было заявлено о выдаче аванса. Николин день крестьяне не работают, по обычаю три дня...

9-го декабря Пурбэ с дороги телеграфировал: „В случае неприбытия кокса, необходимо выдувать домну, оставить крайней мере 15 тысяч пудов для вагранок стоп, доменных рабочих распустить, уплатив две недели. Администрация прибавляет опойчатым литейщикам 15%, остальным рабочим 10, вследствие общей забастовки попасть в Мышегу никак не могу“. Следом и сам Пурбэ прибыл на лошадях, через Серпухов.

Пурбэ выступает во дворе завода на общем собрании рабочих и служащих с сообщением о прибавке с 1 декабря всем поголовно по 10 коп. в день, по 10% на сдельные, а на „опойчатое“ литье по 15% и о проведении ряда других требований теперь же, а в дальнейшем и большего. Вывешенное потом в заводе об‘явление на двух страницах листа перечисляло, что давалось...

После этого выступления Пурбэ и подтверждения его заявления об‘явлением, бурливое состояние рабочей массы в самом заводе улеглось. Дипломатическими подходами, неуклонно устраивая совещания с „федеративным советом рабочих депутатов“ и цеховыми старостатами, Пурбэ и в дальнейшем ловко „убаюкивает“ массу, в которой он продолжает пользоваться доверием, как старательно поддерживающий действие завода. (Пурбэ естественно было стараться в этом, так как с остановкой завода он уже не мог получать своего

12-ти тысячного оклада с большими плюсами; кроме того, на представительство и раз'езды).

Не имея прочной базы в самом заводе, пролетарская и крестьянская гроза, копившаяся годами и теперь выявившаяся наружу, целиком направляется в сторону помещичьих усадеб, кулацких элементов и полиции. Группа рабочих с отдельными членами С.-Д. кружка учащает походы в деревни, устраивая там митинги. Крестьяне, имея старые счеты с помещиками, осаждают последних со своими требованиями. В рабочей массе, менее сознательные, не прекращают намерения расправы с „Мошком“ и громить Пасхалова, избивают полицейских. Обычным становится бегство среди бела дня, по улицам поселка, в завод, чтобы схорониться, полицейских и урядника, преследуемых возненавидевшими их рабочими. Пасхалов строчит в губернию и столицы об угрожающем положении, умоляет о помощи, ставит в своем имении Колосово, для охраны своей персоны отряд вооруженных „ингушей“.

Исправник заявляется к администрации завода с предложением отвести помещения в рабочем поселке для расквартирования вооруженной силы. Пурбэ категорически заявляет „у нас в заводе спокойно, ваши полицейские и урядник бегут укрываться в нем от преследования“. Губернатор, друживший с Пурбэ, не решается итти против иностранцев, несмотря на наускивание со всех сторон и особенно влиятельным Пасхаловым. Местная полицейская власть окончательно парализована, утратила свою былую прыть, в наведении „законного порядка“.

В декабрьское восстание Мышега была погружена в неведение о происходящем. Газет нет. Питается смутными, запоздалыми, непроверенными слухами. Прибывший Пурбэ ничего не мог сообщить. Он, возвращаясь из-за границы, поехал на лошадях мимо Москвы.

Застрял в Москве кассир завода В. И. Комаров, поехавший за деньгами к финансировавшему бельгийцев „чайному и оловянному королю“ Вогау (единственный представитель по сбыту изделий Мышеги). Пурбэ занервничал. Денег на уплату жалования рабочим и служащим к Рождеству нет. Запасы кокса и чугуна в заводе приходят к концу,

доставка их с юга приостановилась, за расстройством движения на дорогах. В Брюсселе уже замечается перелом настроения к Мышеге, задерживание ассигнований денежных сумм и согласование мероприятий. Рабочим об'является о возможной приостановке действия завода, за недостатком сырья. Выехать с Мышеги в Калугу на совещание—невозможно по служебной обстановке, к тому же бурный взрыв массы мог быть в каждый момент. Что происходило в это время в Калуге и дальше, Мышега точно знать не могла... Находчивость Комарова, отчасти разрежает атмосферу. Не имея возможности выехать с деньгами из Москвы, он покупает в подмосковной деревне крестьянскую лошадь с санями, полушубок, валенки и в полной амуниции угольщика, с возом угля выезжает в Москву, через казацкие пикеты, тыкавшие пиками в уголь, и тем же порядком, благополучно выбрался из Москвы, приняв вид беспечного чумазого угольщика развалившегося в санях (на бауле с деньгами). В своем виде угольщика Комаров прибыл и на Мышегу, привезя с собой деньги, кипы газет и еще заводского служащего техника-керамика бельгийца Бартель. Последний повествовал, как он во время восстания передвигался по Москве, под гул снарядов, между правительственными войсками и повстанцами, пользуясь личной неприкосновенностью, как иностранец, с задором рассказывал, как он помогал строить баррикады (бегая по конторе от стола к столу показывал, как он это делал), и как из за них „корошо стрелял из револьвера в лежеменов и лейтенанта пах, пах, катово“.

22 декабря в заводе было вывешено сообщение за подписью Пурбэ: „Об'явлением от 14-го декабря Заводоуправление предупреждало рабочих, что если скоро не восстановится правильное движение на железных дорогах, то запаса кокса не будет, а потому завод не по своей вине должен прекратить производство. В настоящее время кокса нет, в силу чего, начиная с 24 декабря 1905 года работа во всех отделах завода прекращается до 9-го января 1906 года“.

Мышега, бурно настроенная, поникла головой, но не пала духом...

Однако, теперь не только нельзя было расчитывать на содействие Калуги, но и в ней линию дальнейшего поведения,

на Мышеге, было не с кем обсудить. Товарищи частью уже арестованы, частью скрываются от преследований (Н. К. Костин некоторое время увертывавшийся от ареста, затем был ночью захвачен у себя на квартире, пытался бежать через чердак и был снят с крыши дома, оцепленного нарядом, с угрозой стрелять в него. Позднее из тюрьмы он переведен в арестное отделение Хлюстинской больницы, где в одной камере с ним находились Д. А. Филицын и эсэр Герасимов. Навещая их в этом больничном узилище, целыми компаниями приходившие, иногда, устраивали Н. К. и Д. А. прогулки домой, оставаясь сами в камере до их возвращения. Герасимов, находясь в последней стадии чахотки, не пытался выходить. После отсидки в тюрьме Н. К. был назначен к высылке в Сибирь, но затем, как туберкулезно-больной, был выслан в Рязань, потом в Тулу и редактировал в них местные газеты).

На святках группы рабочих угрожающе настроенные, идут к помещику Пасхалову в его „Колосово", к торговцам „Мошку", „Чинку", Савостину на Мышеге, к Рожнову в Павлово, захватывают в Средней паровоз, едут на нем на ст. Алексин, идут к лесопильным заводчикам на пристани, наводят всюду панику. Пасхалов в страхе бежит из своего Колосовского замка, не надеясь уже на помощь властей и своих „ингушей".

9-го января, явившись с утра в завод, рабочие увидали об'явление, что работы начнутся 3-го февраля. После переговоров с Пурбэ, уверившего, что завод начнет работать, как скопится запас сырья, состоялось собрание в одной из литейных „палаток", на котором сообщено было о расправе с пролетариатом и вождями его царской опричиной, и была произнесена речь, приуроченная к годовщине 9-го января 1905 года. Масса потребовала отслужить вренародную панихиду по убитым царем и двинулась на площадь поселка. Сняли с занятий в церковной школе учителя регента, приказав ему собрать хор, вызвали трепетавший церковный причт. С хоругвиями, крестом и иконами на площадь из церкви выступили два священника, дьякон, псаломщик—все в полном облачении и размещаются в окружении до двух тысяч народа. Слушается речь о „кровавом воскресеньи", устроенном царем Николаем Романовым питерским рабочим, не пощадившим

даже женщин и невинных детей, и поэтому здесь перед иконами предаваемом анафеме, проклятию"... Оратор заканчивает словами: „Религиозный дурман приучил нас смиренно переносить иго капитала, тиранию царизма. Пусть же эта всенародная панихида по павшим товарищам скажет им, что пролетариат расправится с царем-убийцей так же, как он расправился с ними и что пролетариат свергнет иго капитала". Затем, почти у всех появляются в руках зажженные свечи, и духовенство торжественно чинно служит полную панихиду. Священники поминают убиенных, дьякон громогласно, четко басит: „В борьбе за свободу павшим вечная память", После панихиды с пением—„Вы жертвою пали в борьбе роковой"... разошлись по домам.

Характерно отметить, что пристав, присутствовавший в это время в заводе, раньше, до Октябрьских дней, наводивший страх на большинство рабочих, теперь не показывался народу. Узнав, что пошли служить на площадь всенародную панихиду, он уже „просил и умолял" служить панихиду не на площади, а в церкви.

Малосознательная часть массы, еще накануне угрожавшая громить „Мошка", теперь уже оставила эту мысль и стала как бы сосредоточеннее, наконец, поняв главных врагов своих—царизм и капитал.

В половине января Пурбэ выехал в Бельгию за авансами и выяснить настроение хозяев, заметно колебавшихся дальше поддерживать завод. К этому времени многие из пришлого элемента уже ушли с завода, чувствуя неустойчивость его и страшась последствий бурного движения масс на нем. Однако, к началу февраля уже были взяты промысловые свидетельства на всех служащих до 1-го января 1907 года, а это успокаивало, говорило за то, что завод будет действовать. Иначе Пурбэ не стал напрасно тратить на выборку свидетельств крупные средства, говорили тогда.

3-го февраля завод начал работать. Пурбэ все еще не возвращался.

В солнечный день, во время обеденного перерыва работ, в заводе, дом № 38, окружила полиция. В квартире С. М. Гуслистова, производился обыск (Гуслистов, сочувствуя

С.-Д. оставался беспартийным). Почти все население завода собралось к дому. А. В. Шкапичев, захваченный в пивной, идет через толпу в дом, в сопровождении полицейских. Масса гудит... А. В. на ходу говорит: „товарищи, спокойствие. Ничего особенного. Ну возьмут меня на казенную квартиру и харч и только. Нас всех не переловишь"... В квартире его тщательно обыскивают. А. В. шутя отказывается разуваться. Сам пристав снимает с его ног огромные валенки, чтобы убедиться—нет-ли чего в них. Выводят... С крыльца, обращаясь к народу, обнажив свою, с густой шевелюрой, голову, А. В. Шкапичев говорит: „до свидания, товарищи, и все, все; не поминайте лихом". Женщины, подростки, дети в слезы... Вдруг гул...—„Отпустят"... Полиция сгрудилась, ощетинилась оружием. „Отпустить". Полиция смята, обезоружена... Да, это уже не безвольная толпа смиренных еще в 1903 г. Уступая напору бушевавшей массы, пристав ретируется, полицейские стушевываются, идут прочь от дома; на них не обращают внимания, так как Аким Васильевич свободен... Под восторженное ура, Шкапичев поднимается на крыльцо, сосредоточенный, не находя слов для приветствия, молча раскланивается и идет в свою квартиру. Рабочие расходятся на работу в завод, в приподнятом, ликующем настроении...

Всенародная победа над царской опричиной, была лебединой песней пролетариата Мышеги.

12 февраля, в обычный перерыв работ в заводе на масленницу, у „проходных" завода, за подписью Криллена (Пурбэ остался в Бельгии) об'явилось, что завод останавливается вследствие трудного положения и пред'явленных рабочими требований; рабочие приглашались 14-го получить расчет*).

С остановкой завода, Мышега опустела и замерла... Завод оставался затем в бездействии 7 лет. Закрывая завод на 2—3 месяца, капиталисты проводили локаут, полагая вновь нанять рабочих на пониженную плату, ожидая, что по открытии 1-й Государственной Думы положение в России станет для них устойчивее. С роспуском Думы бель-

---

*) Требования подразумеваются октябрьские.

гийцы стали уже ликвидировать дела завода и в 1912 году продали его русским капиталистам, которые пустили Мышегу в действие 15 февраля 1913 года. Завод начал работать частично, не возобновляя действия домны.

Рабочее движение на Мышеге в бурном 1905 году вылилось в своеобразную форму, обусловливаемую сложившимися тогда к тому причинами, особыми местными условиями и окружающей средой, совершенно отличными от сопутствовавших пролетариату крупных рабочих центров.

Вспышка на Мышеге запоздала, не дала яркого революционного эффекта, отчетливого политического пламени. Естественно, что Мышега, по положению и силам своим, и не могла играть заметной роли в общем рабочем движении. Но она все же сильно озабачивала власть, отчасти отвлекая к себе их внимание, ослабляя их действие в других местах.

Отрезанная пространством не только от авангарда революционного пролетариата крупных рабочих центров, но и от соседних рабочих масс Калуги и Тулы, рабочая Мышега, наводненная полупролетарской деревенской массой, сильно отставала от них в усвоении революционной сознательности.

Если в этих губернских городах, при наличии видных политических деятелей, с давних пор велась пропаганда идей марксизма в рабочих массах и уже существовали окрепшие С.-Д. организации и то, все-же, массовые революционные вспышки в них в большинстве были отражением активности авангарда пролетариата крупных рабочих центров. А отсталая Мышега, находясь одинокой в захолустье, наводненная крестьянской полупролетарской массой, не затрагивавшаяся вовсе пропагандой до вступления в преддверие 1905 года и затем только что начав верхушками своими втягиваться в подпольную обработку, разумеется, само-собою, не в силах была проявить своевременно политическую активность. Изолированная от общения с рабочими массами своего центра — Калуги, с момента возникновения всеобщей забастовки до окончания ее и не будучи осведомленной своевременно полно о ходе политического рабочего движения, рабочая Мышега, скрытно бурлившая до того, вски-

пела лишь по окончании железнодорожной забастовки, собственно поставленная на дабы черносотенными погромами. И политически незрелая рабочая масса Мышеги, естественно, иначе не могла вступить в рабочее движение, как с требованиями прежде всего улучшения своего материального и правового положения на своем заводе, слабо реагируя на политические требования, выдвигавшиеся ее верхушками и оставила таковые требования их в стороне, как только бельгийцы, владевшие заводом, исключили их как не относящиеся к ним — иностранцам.

Малочисленный, молодой, неуспевший окрепнуть С.-Д. кружок Мышеги под руководством и при содействии Калужской организации РСДРП, можно сказать, достиг положительных результатов за свою недолговременную деятельность. Молодой С.-Д. кружок интенсивной своей деятельностью спешил подравнять боевой фронт рабочей Мышеги, к действующим флангам революционного пролетариата. Ему некогда было и он оставлял открытым для себя оформление принадлежности к большевикам, или меньшевикам, тем более, что в его центре—Калуге в то время резкого деления на тех и других еще не было.

Остановка завода, последовавшая за 1905 г., прервала существование С.-Д. кружка Мышеги. Возможно, что самый факт остановки завода охладил революционный пыл Мышеги. Но процесс подготовительной подпольной обработки и само открытое движение рабочей Мышеги, обнаружили перед ее массой то, чего она доселе не видела, содействовали пробуждению крестьянства, революционизировали рабочую массу, внедряя в ее сознание мощь пролетарской солидарности в борьбе с самодержавием и капиталом, помогая усвоению и распространению идей марксизма, дав подготовленных участников дальнейшей борьбы на пути к победоносной пролетарской революции.

Николай Бонапарт.

В Мышегской организации летом 1905 года.

С 1902 года я состоял в Тульской организации РСДРП. В 1903 году был участником Тульской демонстрации. В 1905 г., 10 мая, (при содействии Н. Я. Райз[1]) я поступаю на Мышегский завод. В первые же дни я узнаю, что на Мышеге есть „свои ребята". Встречаю А. В. Шкапичева, А. Кондратьева и Ф. Шкаликова, от которых узнаю, что к ним ездит из г. Калуги интеллигент, что они получают литературу через Н. С. Бонапарт. Начинаю входить в подробности и узнаю, что А. В. Шкапичев и С. П. Зорин (последнего на Мышеге уже не было) побывали и в „рабочем университете", так звали тогда тюрьму (они сидели в г. Медыни).

Я, еще не имея квартиры, проживаю, где день, где ночь. Эти товарищи сообщили мне, что устроиться очень просто через Николая Семеновича Бонапарт, что и подтвердилось. Я получил квартиру в одном из бараков. Принимаемся за работу. Старый кружок ширится, растет до 15 человек. Не помню точно, какого числа, но помню в субботу, встречаю Н. С. Бонапарт, с ним из Калуги интеллигент. Начинается разговор о том, чтобы я принял организацию всю на себя, так как Н. С. неудобно стоять во главе организации в виду оторванности его от рабочих, как в некотором роде лица на заводе административного. На это я согласился и тут только понял, что Н. С. был организатором на Мышегском заводе. Фамилии, или клички интеллигента я не знаю, но помню, что он был студент Юрьевского Университета[2]).

У нас была нелегальная библиотека, которая хранилась под железнодорожным мостом заводской ветки и о которой знали немногие из кружка: я, Шкапичев, Кондратьев, Башов и Шкаликов.

15 июня мы уговорились с калужскими товарищами созвать массовку. Собралось около 50 чел. только приглашенные заранее, намеченные нашим кружком рабочие завода и были из г. Алексина служащие уездного земства.

Выступили человек пять. Тема речей была: японская война, рабочее движение на западе, о гнете царизма.

---

[1]) Труболитейный мастер, инженер бельгиец.

[2]) Н. К. Костин, которого на Мышеге выдавали за студента.

Из Калуги при мне приезжали трое новых товарищей. В первый раз двое очень молодых [1]), третий взрослый, который после посещал нас очень часто, почти всегда с тов. женщиной. (Как помню, одного фамилия Бриллиантов—он окончил Калужскую семинарию).

Мы правильно поставили дело в кружке, аккуратно вносили членский взнос. Что касается о собраниях кружка, то они проходили у нас каждый день, что очень беспокоило местную полицию во главе с урядником и «Ванькой маленьким», как его звали у нас и который не знал, что делать и сбился с ног. Становой пристав не замедлил нас навестить, сделал налет на квартиры, конечно, безрезультатно.

Ильин день, т. е. 20 июля, мы собирали снова массовку в лесу около Петровского стекольного завода. В глубоком овраге совместно с крестьянами из дер. Пушкино, собралось около 60—70 чел. Темы речей были: японская война, безземелье крестьян. По окончании пели революционные песни хором, настроение было очень бодрое. Калужские товарищи вдвоем спели нам очень хорошо Интернационал. Помню, рабочие и крестьяне были в очень повышенном настроении. Ко мне подошел крестьянин из дер. Пушкино, старик Козлов с вопросом «скоро ли будет бой».

В половине августа полицейская свора нас всех обыскала. У А. Кондратьева нашли брошюрку «Сущность конституции». Следом меня вызвали на допрос к приставу, который обвинял меня в соблазне молодых людей. (А. Кондратьев был очень молод). Пристав долго меня стыдил, отечески уговаривал. Я притворился, что ничего не знаю.

17 августа Николай Яковлевич Рауз зовет меня в укромный уголок и сообщает, что пристав пробалтнулся директору завода, что он ждет бумажку о моем аресте, а директор завода поделился с другими приближенными. Тут то я документы в карман и тягу в Москву. Я не мог лично зайти к Николаю Семеновичу, чтобы не выдать его своим посещением, так как уже знал, что за мной следят, ходят по пятам.

---

[1]) В. Н. Любимов. В. А. Вознесенский (Жор).

В Москве я поступил на завод быв. бр. Брамлей, попал в самую гущу революционной работы, был в Совете рабочих депутатов, участвовал в борьбе на улицах г. Москвы. В 1906 году был арестован и после тюрьмы был выслан из Москвы и Московской губ. В Бутырской тюрьме я встретил ж.-д. машиниста, фамилия его Казаков, он был переведен из Калужской тюрьмы.

С. Паничев.

В 1905 году на Мышегском заводе.

14-ти летним мальчиком мне пришлось работать на Мышегском заводе. Сначала я с группой мальчиков-подростков занимался витьем веревок, при чем для работы нам отведена была сушилка, служившая ранее для просушки трубочных стержней и других изделий, которые выпускались в то время заводом. В сушилке этой постоянно стоял смрад, было угарно от кокса, и в такой то атмосфере нужно было работать ежедневно по 11 часов в сутки, получая нищенское вознаграждение—6 руб. в месяц.

Знакомому с обстановкой подобной работы ясно, почему с такой легкостью зарождалась в среде рабочей молодежи ненависть к царскому правительству. Нам, работавшим в сушилке, неизвестно было, что происходит в цехах, но условия работы и там были не лучше наших.

Особенно плохо приходилось рабочим труболитейного и опочного цехов. Редкий раз литье обходилось без несчастных случаев. Оплата труда была ничтожная, при чем администрация, стремясь к увеличению норм выработки, в то же время и стремилась и к снижению расценок. Все это я узнал, когда перешол на работу в качестве ученика в медно-литейный цех. Узнал я также еще вот что: очень часто во время обеденного перерыва несколько литейщиков, в том числе и мой брат, который и сейчас работает на Мышегском заводе, собирались вместе, ставили меня у дверей следить, не покажется ли мастер или табельщик, а сами спускались в помещение, где находились топки для вагранок. Караулить таким образом приходилось мне около часа,

при чем в случае появления администрации, я извещал об этом рабочих свистком. Сначала, сторожа у дверей, я не понимал, зачем собираются литейщики, зачем они скрываются под землю к топкам и зачем нужны такие предосторожности, как караул у дверей, но, проработав в литейном цехе около двух месяцев, узнал, что там они читают какие-то листки, которые приносили на завод литейщики Шкапичев и Зорин. Спустя еще некоторое время я узнал, что на подобные чтения собирались не только литейщики нашего цеха, но и другие рабочие завода, при чем в летнее время собираются они каждое воскресенье в Петровских лесах, находящихся в двух верстах от Мышегского завода. Собрания эти происходили в строжайшей тайне. Рабочие в разное время отправлялись в лес, имея при себе корзинки, якобы для сбора грибов и ягод и к назначенному времени собирались в условное место в самой гуще леса близ ручья. На случай появления полиции для предупреждения собиравшихся устанавливались дозорные, которые в качестве наблюдательных пунктов пользовались высокими деревьями. Условными знаками в случае тревоги были свист или крик кукушки. На эти собрания обыкновенно приезжали агитаторы изТулы,привозившие с собойреволюционнуюлитературу и листовки и делавшие доклады по интересовавшим рабочих вопросам о событиях в Москве и Питере. Ими же давались ответы на все задаваемые собравшимися вопросы. Собрания начинались обыкновенно в 1 час дня и заканчивались в 5—6 часов вечера распределением между рабочими привезенных листовок. Я помню, что одна из листовок называлась «воззвание к крестьянам», она раз‘ясняла сущность царского режима, притесняющего крестьян непосильными податями, и власти помещиков в деревне.

С собраний рабочие возвращались с корзинами, на дне которых лежали листовки, прикрытые сверху или грибами или какими либо ягодами. Самому мне пришлось быть на этих лесных собраниях 6 раз.

Результатом их явилась наша работа среди крестьян, которая выразилась в следующем. 29 августа 1905 года в г. Алексине открывалась ярмарка. Накануне, т. е. 28 августа, ранним утром, когда крестьяне ехали на подторжье,

они по дороге встречали развешанные почти на каждом кусте листовки, также листовки и воззвания были расклеены по деревьям и красовались на крыльцах и дверях изб старост и десятских. Эта и была наша работа. В тот же день вечером мне пришлось нести много прокламаций в деревню Сьяново, где я жил. Прокламации были мною благополучно доставлены и спрятаны до ночи на огороде. Ночью же часов около 2-х мы с т. Тихоном Клоковым приступили к расклейке по деревне и на рассвете вышли на большую дорогу, ведущую к Алексину, где начали очень осторожно разбрасывать прокламации. Бросишь незаметно листок, а потом ногой откинешь его в сторону. Тут же мы наблюдали, как другие крестьяне поднимали прокламации с дороги и некоторые читали их по дороге, а некоторые складывали их и прятали, чтобы прочесть при удобном случае. Вскоре на листовки наткнулась и полиция, которая немедленно начала их отбирать. Старосты доносили урядникам о «неблагонадежных» лицах. Урядники рыскали по деревням, ища виновных в распространении прокламаций.

Однако, их старания не увенчались успехом и найти они не в этот день, ни в последующие никого не могли. Дней через 10 были произведены обыски на заводе у Шкапичева и других рабочих, но найдено ничего не было.

Эти лесные собрания, обсуждавшие вопросы о свободе, о положении рабочего класса, о движении питерских рабочих продолжались до октября, когда были перенесены на завод, где устраивались уже более или менее открыто. События же все назревали. Рабочие со дня на день ждали, что вот, вот, что-то произойдет. Их недовольство существующими на заводе условиями все возрастало и начало выражаться в требованиях экономического характера, пред'являемых к администрации, о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня. На одно из открытых собраний всех цехов завода вызван был директор, которому предложили подняться на одну из больших опок, чтобы все рабочие могли его видеть и слышать. С большой неохотой предложение рабочих директором было выполнено. На другую опоку взобрался Шкапичев, который от имени всех рабочих пред'явил директору следующие требования: 1) увеличить расценки на

литье, 2) допустить рабочих к участию в расценке литья, 3) сократить рабочий день до 9 часов, 4) отменить систему штрафования рабочих, 5) уволить некоторых мастеров литейного цеха, деспотически обращавшихся с рабочими при приемке литья, если был брак, хотя не по вине рабочего, вследствие чего контора работу не оплачивала.

После этого открытого собрания часто стали устраиваться небольшие сходки отдельных групп рабочих. Исключение составляли лишь одни старички, не решавшиеся присоединяться к общему рабочему движению из-за боязни репрессий, тем более что на заводе участились случаи обысков у рабочих и арестов. Так дело шло до издания манифеста 17/30 октября

В день получения манифеста, с утра еще разнесся слух, что изданным манифестом дается всему народу свобода, а днем после тревожного гудка все собрались, немного в приподнятом настроении. По прочтении манифеста начались речи, во время которых раздавались возгласы «За свободу пострадали питерские рабочие», «отслужить панихиду идем», после которых все двинулись с завода не в те ворота, через которые обычно входили и выходили рабочие, а в те, через которые ходило начальство и администрация завода. Подошли к церкви, поставили стол, вынесли из церкви хоругви, вызвали попа, заставили его служить панихиду.—После панихиды часть присутствующих пошла в церковь на заупокойную литургию, часть разошлась домой, а небольшая группа отправилась собирать у торговцев деньги на водку; когда кончилась церковная церемония, было уже закуплено 20 четвертей водки, которые были распределены по 1 четверти на 10 человек. Более сознательные рабочие в этой попойке участия не принимали. Зато очень активное участие в ней приняла местная полиция. Таков был первый день об'явленных свобод. На другой день рабочими были выбраны представители, пред'явившие категорические требования администрации завода, которые администрация не выполнила, ссылаясь на предстоящее закрытие завода, и на произведенное уже повышение заработной платы.

Какое это было повышение, видно из того, что я, будучи в то время подручным и получая 30 коп. за рабочий день с прибавкой стал получать 35 коп.

Во время переговоров с администрацией, которые продолжались около недели, на завод прибыли жандармы и полиция. В то время были арестованы Шкапичев и ряд других товарищей. Рабочие притихли. Администрация начала их расчитывать, и вскоре Мышегский завод был закрыт, при чем большинство рабочих остались буквально без куска хлеба. *)

И. Головкин.

20 лет тому назад.

(Воспоминание о движении учащихся в Калуге).

Если бы тогда сказали, что через 20 лет у калужского собора оторвут кресты, сбросят с колокольни его колокола, сотрут с его стен физиономии божеств, а внутри построят сцену, посадят оркестр и придут туда люди веселиться, никто не поверил бы этому.

Если бы тогда сказали, что через 20 лет ютящиеся в грязных щелях и закоулках Ямской, Подзавалья и Балдасов рабочие или приезжающие на базар мужики, все те, для которых самый грязный калужский кабак был единственным по тому времени общественно-доступным местом города, будут неограниченными и полновластными хозяевами и уверенными строителями новой жизни — никто, даже в подполье, не поверил бы этому.

Была тогда Калуга верноподданной и считалась богохранимой; верила господская Калуга в бога и чтила царя, и потому в ней попу был почет и уважение, купцу—почет и уважение, офицеру — почет и уважение и всякому паразиту — почет и уважение.

---

*) Примечание. Помещая воспоминания т. Головкина, редакция обращает внимание читателей на необходимость отнестись критически к этому материалу постольку, поскольку автор воспоминаний был в годы революции 15 летним подростком. Отсюда некоторое расхождение в освещении движения на Мышегском заводе у автора воспоминания и архивных данных.—Ред.

Грязные, как черти, шли на работу на заре, когда город еще спал, рабочие и грязные шли они на вечерней заре с работы; никто и не смотрел и не видел их.

Полбутылки казенки и горсть подсолнухов составляли праздник рабочего 20 лет тому назад, и городовой смотрел зорко, чтобы какой-нибудь сапожник, кузнец или мужик не пер „куда не надо“, чтобы не расползалась по городу мастеровщина. Даже чисто одетому солдату вход в общественные места — в городской сад, театр и т. д. был запрещен.

На паре прекрасных вороных в прекрасной карете ездил по городу его преосвященство епископ Калужский и Боровский („Владыко“). В шикарных колясках на рысаках носилось купечество и барство по калужским улицам. Гудели соборные колокола. Гуляло офицерство и чиновничество.

Прекрасный публичный дом воздвигал Бачинский к бессильной злобе соседней бандарши Румянцевой. Строился новый одиночный корпус губернской тюрьмы. „Боже, царя храни“ гремели оркестры двух Ингермандланских полков.

„Миром господу помолимся“—орал в соборе раскормленный Песоченский.

Блестели соборные кресты, блестели погоны офицеров, блестело шитье на мундирах губернской знати, ризы попов, драгоценности в украшениях „благородных“ женщин.

И переносимая из подвала в чулан, из чулана в сарай самодельная почти игрушечная типография призывала гибель на этот барско-купеческий, офицерско-поповский, монашеско-жандармский мир; и самым первом лозунгом выпускаемых ею „лям“ (прокламаций) был „Долой самодержавие“! Это было тогда важнее всего; о том, что через какой-нибудь десяток лет калужским тузам Терениным, Масленниковым, Капыриным и прочим будет просто сказано „катитесь отсюда к [illegible]“ никто не мог и думать.

„Демократическая республика“ была венцом всех политических стремлений тех лет, и никто не представлял себе, что менее, чем через 15 лет, этот идеал сделается реакционейшим пережитком политического опыта мирового пролетариата,

Тогда (в 1904, в начале 1905 года) для начинающего политически мыслить человека, овладеть исчерпывающей аргу-

ментацией даже против царизма не было таким уж легким делом. Достаточно сказать, что даже такая вещь, как „Экономическое учение Карла Маркса“ в изложении Каутского считалась нелегальщиной, и в 1905 г., когда после январьских событий в Питере зарево революции сделалось видимым уже со всех концов страны, у нас в Калуге эту работу Каутского печатали на гектографе в виде толстых тетрадочного типа томов. На гектографе печатали „Общество будущего“—главу из книги Бебеля „Женщина и социализм“ и вообще гектограф был тогда типичным орудием техники подполья — большинство прокламаций издавались на нем.

Первой прокламацией, имевшей широкое распространение среди учащихся Калуги (моя задача рассказывать главным образом о калужских школах в 1905 году) было, тоже гектографированное, письмо Гапона.

Это письмо для тогдашних учащихся имело не малое значение именно потому, что Гапон был поп, а авторитет попов был в обывательской среде совершенно не пререкаем.

Кто учился тогда в средних школах (соответствующих нашей 2-й ступени)? В мужской и двух женских гимназиях и реальном училище дети дворян, купцов и чиновников, в семинарии — попов, дьяконов и дьячков. Только в техническом (жел. дорожном) училище веяло пролетарским духом, да техническое и не было средней школой.

В средней школе рабочих не было не только, как правило, но и как исключение. В среднюю школу из деревни мог попасть ребенок, разве только кулака. Школа воспитывала тогда прислугу царскому режиму. От общественной жизни (которая и вообще то в России тогда была ничтожной и лишь в 1905 году начинала оживляться дыханием загоравшейся революции) учащийся изолировался. Усиленно изучали так называемый „Закон божий“,— галиматью вроде „Православного катехизиса“ и пр., историю царей и их приключений („История по Иловайскому“) и в отношении общественном кроме этих отживающих и вредных глупостей школой не давалось ничего.

Самая паршивая газета в руках учащегося, даже старшего возраста, считалась неуместной. Вынимать газету из кармана в школе было вызывом инспекции. Посещать

театр учащийся мог исключительно с разрешения инспектора — иначе налагалось наказание. Зато после пасхальных каникул, каждый „православный“ учащийся был обязан пред‘явить своему учебному начальству удостоверение от попа в том, что был у исповеди и „приобщился святых таин“. Это было необходимо; без этого учиться не позволили бы. И те, кто тогда уже нелегальным, конечно, путем—начинал учиться кое-чему путному, кто уже усвоил первые уроки марксизма, вынужден был проделывать унизительную церемонию и исповеди и причастия. Это унижение было ценой за право на учение.

Надзор существовал даже за домашней жизнью. „Педагоги“ шлялись по квартирам учеников, смотрели, чем они занимаются, что читают и т. д. Прогулка учащегося по городу после 7 часов вечера считалась незаконной; папироса — в его зубах — преступлением.

Конечно, жизнь в эти рамки не укладывалась. Были в Калуге пивные с особыми комнатами для учащихся, и пьянство процветало и в пивных и в трактирах, куда ходили, переодевшись, и на квартирах. Пожалуй, до 1905 г. почти вся энергия молодежи, накоплявшаяся в результате отвращения к полицейскому режиму школы и всей жизни, весь, так сказать, пафос протеста против полицейщины выливался в пьянство, озорство, хулиганство, и так называемый разврат, питомники которого под опекой полиции в виде „публичных домов“ существовали во всех частях города. Лоно этих гостеприимных мест служило иногда местом встречи школьника с „педагогом“, встречи во взаимных интересах того и другого заговорщически замалчивавшейся обоими.

Если вспомнить, что полицейский строй самодержавия, пытавшийся кровью рабочего класса погасить рождавшуюся революцию давил очень ощутительно и российскую буржуазию, то будет понятно, что и учащаяся буржуазная молодежь с ростом революции усиленно вовлекалась в нее. Начиная с конца 1905 г., энергия, накоплявшаяся в результате озлобления против режима в массах учащихся — начинает разряжаться иными, помимо озорства, способами; начинает возникать элементарная общественность.

Поскольку вся буржуазия все более и более оппозиционно, критически и вызывающе начинает относиться

к бездарному управлению страной, постольку протестующе настраивается и школа. Щкольный режим лишь часть общеполицейского, поэтому поводов для протеста не перечесть. Либеральная печать открыто ведет травлю бездарной педагогики и всей просвещенской системы правительства. Идеология ученического движения приготовляется общерусским либерализмом. Либеральную газету для учащегося есть смысл почитать уже не из одного профессионального интереса. Отыскивая в ней материал „по своей части“, он наталкивается на описание острых политических событий, например, о первомайских событиях в Польше. Недоговоренности газетных статей, намеки, пропуски, заставляют совместно догадываться о смысле событий, обсуждать сообщения газет; жадно ловить слухи, волноваться. В молодежи просыпается общественный интерес, общеполитическое любопытство.

Агитация социал-демократий удачно оформляет этот интерес, осмысливает это любопытство. Пропаганда партии организует группы по чисто политическому признаку. Хулиганские содружества, запьянцовские кампании отступают на задний план. Идет революция! Все живое навстречу ей. Все вопросы разрешаются под углом ее требований.

Социал-демократическую заразу в виде номеров „Искры“, брошюр: „Кто чем живет“ — Дикштейна, — „Коммунистического манифеста“, „Эрфуртской программы“ и пр., и разного рода прокламаций, как местной социал-демократической организации, так и ЦК партии, — в наше реальное училище занес ученик Володя Нахалов. Малый с характером врожденного конспиратора — он собрал вокруг себя группу живых ребят, и эта группа сделалась в училище кристаллом революционного образования. Это было в самом начале 1905 г. Уже перед молодым сознанием стоял ряд общественных тайн, о которых не смела говорить легальная печать, — ряд политических секретов, о которых либералы шушукались при закрытых ставнях. По стране ходили смутные слухи о великих событиях в Питере (9-е января), революционные издания вносили ясность в окружающую таинственность. Нахалов (пусть до конца дней не оставит его радость жизни!) был посредником между нами и подпольем. Через него мы получали материал, об‘яснявший нам смысл происходившего

в России и выводивший нас из калужской обывательской трясины, жившей слухами полицейского происхождения. Через него же мы получали такие общеобразовательные книги, считавшиеся тогда для нашего брата вредными, как: „История культуры“—Липперта, „Эволюция собственности“—Летурво, „Социальная жизнь животных“— Эспинаса. Да, всего только 20 лет тому назад, и эти книги, которые наш комсомолец не имеет никакой нужды и читать, к нам приходили хотя и легально изданные из подполья, вместе с „Фабрикой“—Дементьева и „Развитием капитализма в России“—Ленина.

Я бесстыдно наврал бы, если бы сказал, что, читая эти книги, мы понимали их. Этого не было, но читая их (а читать все, что получали через Нахалова, мы считали своим революционным долгом), мы все-таки ловили мысли, наиболее доступные для нас, при нашей убогой подготовке и нашем семнадцатилетнем возрасте,— говорили о них и этим достигалось кое-какое развитие. Впрочем, нельзя сказать, чтобы с доставлявшимися нам книгами, брошюрами и прокламациями мы были предоставлены самим себе. Почти одновременно с этим нас пригласили в „кружок“.

Первый раз собрание это проводил памятный калужскому социал-демократическому подполью „Касьян“[1]). Он прочел нам популярную лекцию на тему—„Что такое социализм“? Очевидно не превыкший к социал-демократической пропаганде среди ребят буржуазного происхождения, будучи к тому же сам духовного происхождения, он, чтобы бить наверняка, не остановился перед религиозными доводами в пользу социализма. Первым представителем учения, тезисы которого он собрался нам изложить, был, по его сообщению, Христос. 20 лет тому назад в этом ничего смешного не было. Тогда и этим приемом достигался успех. „Касьян“, во всяком случае, убедил нас.

Иначе вел пропаганду И. А. Голубев[2]). Иван Алексеевич (да будет весела его старость!) довольно сухо, но популярно

---

[1]) „Касьян“— партийная кличка Вас. Вас. Крылова — семинариста, выделенного из семинарского с.-д. кружка в начале 1904 г. для работы в калужск. группе РСДРП („из партийного прошлого“, вып. I, стр. 140)—Ред.

[2]) Ив. Ал. Голубев — член калужской группы РСДРП. Привлекался в 1903 — 1904 г. г. по т. н.—„Делу 24-х“.—Ред.

излагал нам начатки марксистского экономического знания. Марксистские принципы политической экономии и до сих пор представляются мне в том виде, как их он излагал. По его указанию и с его сдержанными комментариями я тогда прочел и усвоил „Коммунистический манифест“, „Экономическое учение К. Маркса“, в изложении Каутского, „Эрфуртскую программу“ и курс „Экономической науки“ А. А. Богданова.

Эти 4 книги, из которых первые три — тогда еще нелегальные--были китами тогдашнего марксистского образования.

Не один десяток учащихся и рабочих прошел через кружок Ивана Алексеевича, и Октябрь 1905 года в Калуге не мог не ценить в нем одного из энергичных и солиднейших работников — марксистов.

Усвоение начал политического знания, осведомленность из нелегальных источников о революционном движении делало из нас, небольшого сравнительно количества, живых ребят, порядочных агитаторов в своей среде. Еще зимой 1905 года мы, не имея оформленной организации, выпускали пару прокламаций на гектографе, самими сделанном. Одна из них была посвящена критике действий инспекции реального училища, другая представляла перепечатку известного письма Гапона.

Обе были напечатаны на четвертках листа писчей бумаги. Приблизительно в марте калужской организацией РСДРП[3]) была выпущена отпечатанная в типографии прокламация „К учащимся“ (в продольную четверть листа).

Появление этих прокламаций послужило началом, если еще не организованной, то уже сознательной борьбы учащихся со своим начальством, мыслившимся нами частью всероссийской власти. До сих пор мы ограничивались битьем стекол, пусканием в коридорах фейерверка и прочими шумными пустяками. Следует оговориться, что из калужских средних школ: реального училища, мужской и женской гимназий и семинарии, последняя вопреки своей замкнутости, еще до 1905 года, была в смысле революционности отдельных групп учащихся — передовой. Эта революционность прояв-

---

[3]) Калужской группой РСДРП. — Ред.

лялась в периодических бунтах семинаристов, вызывавших временное закрытие семинарии и исключение учившихся в ней целыми группами[1]).

Семинаристами тогда издавался очень приличный гектографированный журнал „Рассвет".

В остальных школах до 1905 года никаких признаков сколько-нибудь организованного брожения не было[2]). Не было и никакого общения одних школ с другими. То и другое началось после летних каникул 1905 года. До этих каникул весной представители отдельных училищ встречались друг с другом на загородных общих массовках, организовывавшихся социал-демократами.

К началу осени положение определилось. По всему фронту пролетариат России вел бой с царизмом. Сдержать напора масс правительство было уже не в силах. Ни январьский расстрел в Питере, ни первомайские побоища в городах Польши, ни Кишиневские и прочие погромы, ни Бакинская резня делу реакции не помогали.

Калужская организация Российской Социал-демократической Рабочей Партии была той радиостанцией разгоравшейся революции, через которую Калуга была связана со всем революционном фронтом. Несколько десятков человек-рабочих, и больше интеллегенции, составляли калужское социал-демократическое подполье. Несколько десятков человек, с которыми вело борьбу калужское губернское жандармское управление, об'единялось в „Сообщество, поставившее себе целью ниспровержение существующего строя".

Пролетариата на все население г. Калуги была только горсть. Это — главные мастерские Сызрано-Вяземской жел. дороги, да разбросанные по городу типографии, маленькие механические заводы (Киселева, Фонина, Бычевского), винный склад и все. Портные, приказчики и проч. организовываться начали уже после 1905 года, до этого времени к движению примыкали лишь единицы из них. И социал-демократическая

---

[1]) Последнее, перед 1905 г., волнение в калужской духовной семинарии было в ноябре месяце 1904 г. — Ред.

[2]) Автор не прав. В калужском техническом жел. дор. училище до 1905 года существовали кружки, находившиеся под руководством калужской группы РСДРП. — Ред.

организация в Калуге была мало рабочей. Но во всяком случае калужский участок всероссийского революционного фронта она держала с честью, и лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ сумела сделать понятным и привычным для трудящихся Калуги ко времени их выступления осенью того же года.

Помимо рабочих наиболее способными к массовому выступлению были учащиеся. Из служащих учреждений наиболее бурливо настроены были работники губер. земства, имевшего во главе „Красную“—в глазах губернатора—Управу с известными тогда в Калуге либералами—кадетами Обнинским (председателем) и Кашкаровым (членом Управы).

К осени либералы вообще, как во всей России, так и в Калуге подняли головы.

Учебный 1905-6 год начался в оживленной обстановке. Помимо участившихся общих массовок в бору и в Лаврентьевской роще, было проведено там же несколько общих собраний учащихся средних школ. Эти собрания не были особенно многочисленными, но самые активные элементы из учащихся делали на них первые шаги к совместной организованной работе.

Подготовка, проделанная до каникул социал-демократической агитацией и пропагандой давала себя знать. Кроме того большое значение имела явочным порядком развязывавшаяся печать; брошюры, читавшиеся нами весной в Женевских изданиях и выпускавшиеся на гектографе, в массе появились на рынке в издательстве „Буревестника“, „Молота“, „Донской Речи“ и пр.

Газеты делались все задорнее и задорнее. Мы уже наизусть знали все революционные песни и позволяли себе их петь (за городом).

В предчувствии великих событий прошел сентябрь. В конце его нами была выработана программа нашей борьбы с училищным начальством. Она была разработана в виде петиции и, собравшись толпой во время одной из перемен в корридоре, мы всучили ее нарочито вызванному директору Никульцеву П. Ф. Никаких политических претензий мы в этой петиции не выражали и ограничивались своими профессиональными требованиями, вроде права собраний, образо-

вания товарищеского суда, отмены обязательного ношения форменной одежды и т. п.

Как ни важны были сами по себе некоторые из наших требований, суть тогда была не в них, а в том, чтобы организуя на их платформе в целом довольно инертную и трусливую ученическую массу, вовлечь ее в общее движение. И это нам удалось.

В октябре из представителей отдельных школ был создан руководящий ученическим движением орган под названием „Социал-демократический союз учащихся гор. Калуги". На общих собраниях учащихся каждой школы было выбрано по два делегата, которые и образовали этот орган. Состав его был таков: от мужской гимназии: Сидоров и Фридберг, от женской — Троицкая З. и Жданова М. (впоследствии Лысова), от семинарии—Левин и Соколов, от технического училища—Покровский и Иванов и от реального училища—Нахалов и Билибин.

С образованием этого союза организованное выступление в обывательской Калуге до тысячи человек молодежи было обеспечено. Сами же делегаты, составлявшие исполнительную ячейку, почти целиком вошли в актив Калужской социал-демократической организации, неся, помимо организационной и агитационной работы в училищах, техническую работу при этой организации.

Центром работы в октябре и ноябре было техническое училище. Техники явочным порядком добились у себя всех свобод, которых добивались мы в своих школах; они сделались фактическими хозяевами всего здания. У них всегда можно было устраивать собрания, хранить литературу и оружие, печатать на гектографах прокламации и даже упражняться в стрельбе.

Проводя целые ночи над гектографированием воззваний в этом училище, я впервые познакомился с С. Д. Митиным [1]), который тогда назывался „Моховым" и был неутомимым работником по организации и технике. Он, гудел, как шмель, и вносил какую-то особенную торжественность в конспира-

[1]) Серг. Дмитр. Митин, „Мохов" — один из организаторов „Калуж. группы РСДРП" — Ред.

тивную обстановку этим своим гудением. 1905 г. в Калуге без таинственной, озабоченной и вечно деловой фигуры Сергея Дмитриевича представить себе совершенно нельзя. Казалось, что именно он спаивал (от слова „паять“, а не „поить“) отдельные тогда части Калужского революционного целого: рабочих, служащих и учащихся; всюду его можно было видеть, и в тоже время он был великим мастером конспирации.

Пополнение нами учащимися актива калужской социал-демократической организации совпало со временем, когда на почве политического оживления в рабочей Калужской среде „Калужскому Союзу РСДРП“, центральной фигурой, которого был присяжный поверенный Н. Х. Фосс,[1]) возникла оппозиция. Эта оппозиция организовала тогда „Калужскую социал-демократическую группу“, стремившуюся к демократизации местной социал-демократии, получившей в лице „Союза“ сильный интеллигентский уклон, который группировками учитывался, как отрыв от масс и вызывал с их стороны обвинения руководителей „Союза“ в „генеральстве“.[2]) Происходили тогда по этому организационному вопросу жаркие прения и даже выпускались воззвания к членам организации. В одном из них „Союз“ заклеймил „рабочую оппозицию“ наименованием „мелкотравчатых демогогов“. Самым серьезным из этих „демогогов“ был С. Д. Митин. Наш ученический союз был всецело на их стороне. Впрочем по мере развития событий в „Октябре“ „Группа“ и „Союз“ слились в общую организацию—„Калужский комитет РСДРП“;

Заседания делегатов нашего союза почти всегда бывали открытыми. На них обыкновенно приходили все желающие из наиболее активных ребят. Почти постоянными посетителями были кроме названных делегатов: из реалистов—Шноор В., Егоров Г., Добкин Н.; из гимназистов—Голицинский Е. А., Утянский; из техников — Кизик, Образцов М. („Воробей“); из семинаристов—Егоров Н. („Капитал“); из гимназисток—Кизик М.

---

[1]) Н. Х. Фосс — после февральск. революции — Калужск. Городск. голова и виднейший организатор Калужск. контр-революц. сил — Ред.

[2]) Автор дает не вполне верное освещение этому вопросу — Ред.

Только один раз на нашем заседании появился представитель „Союза“ партии. Да и тогда он был „покрыт“ часто посещавшими нас „групповиками“. Не везло у нас и эс-эрам, которые однажды в лице реалистов братьев Иулиана и Вячеслава Радиловых (боевых, в лучшем смысле ребят) пытались привлечь нас к своей программе. Все-таки дискуссии очень оживленные — по программным вопросам на ученических делегатских собраниях велись.

Слишком молодые политики, при том захолустные, да еще и подпольные — во фракционных вопросах партии мы разбирались мало. Считали себя меньшевиками. Большевизм с его тогдашней организационной линией демократического централизма считался нами бланкизмом. Впрочем, по тому времени, да еще накануне готовившихся восстаний, разбираться во фракционных тонкостях не приходилось.

В старших классах училища были группы в 5-10 чел. членов общеученического союза, которые „буравили“ людей своего класса и шумели на общеученических собраниях.

Приблизительно числа 10-го октября, вечером, после делегатского собрания, обсуждавшего общеученические требования, стало известно, что с завтрашнего дня начинается общая в городе забастовка. Из организации было сообщено, что забастовку начинают рабочие мастерских Сызр.-Вязем. жел. дороги.

Пришедши на утро в училище, мы приступили к уговорам своей публики не начинать занятия и расходиться. Это не удалось. Сдвинуть массу не удалось ни в начале занятий, ни во время первой перемены. Но помогли техники; во время второго урока они ворвались в училище и своим появлением в классах навели панику на педагогов, некоторые из которых бежали в учительскую комнату. Этим занятия были сорваны.

Общими усилиями выгнали самых инертных и трусливых и вышли на улицу. Была цель итти срывать занятия в мужской гимназии. Но уже по дороге встретили толпы гимназистов, которые забастовали сами.

Забастовка в мастерских началась с утра и толпа рабочих шла от станции к зданию Управления дороги. Требовалось сорвать занятия в Управлении, служащие

которого в массе были довольны инертны.[1]) Пошли вместе с веселым и независимым галдежом. Улицы представляли небывалое оживление. Против Управления собралась шумная толпа забастовавших рабочих, учащихся и служащих земства. Кричали с улицы смотревшим в окна управленцам и требовали их присоединения. Пытались проникнуть в здание, но не пропускала полиция, на помощь которой пришел отряд солдат. Солдаты выстроились цепью между забастовщиками и Управлением. Тогда к начальству Управления решили выбрать делегацию от толпы. Делегацию пропустили и после ее переговоров с кем то в Управлении, ее служащие кончили работу и стали выходить. Здесь же было организовано шествие от Управления через тогдашнюю плац-парадную площадь, и вверх по Никитской улице (теперь пр. Революции). Демонстрация была очень внушительной и многолюдной. Отряд солдат, вначале следовавший за демонстрацией, в ее конце потом оказался окруженным толпой и шел, имея вид демонстрировавшего. Конечно, солдат забросали прокламациями и всякой литературой. Эта была первая революционная демонстрация на улицах Калуги. Произошла она дней за 5 до памятного манифеста.

До 17-го октября, легализировавшего всевозможные „свободы“, по городу бродили забастовавшие, пытавшиеся организовываться в новые демонстрации и собирать митинги. Но полиция и войска деятельно разгоняли малейшую толпу. Войсками были заняты все учреждения, всюду ездили конные патрули стражников, казаков, артиллеристов.

Только по вечерам, большею частью в частных квартирах, посягать на которые полиция не решалась происходили собрания.

Прошла, наконец, крупная демонстрация уже на „законных основаниях“ 17-го октября.

Конец октября и ноябрь прошли в собраниях, совещаниях, докладах. Мы—учащиеся—пользовались правом собраний; правда, использовать это право должным образом

---

[1]) Управление Сызрано-Вяземской жел. дороги забастовало ранее мастерских — Ред.

мы не могли за недостатком опыта, отсутствием руководства и все-таки из-за опасения педагогов, присутствовавших, хотя и по нашему выбору на этих собраниях.

Делегаты нашего союза более занимались общепартийной (технической) работой. Полезный опыт октябрьских погромов побудил приступить к организации боевых дружин. Главную роль в этом деле играли техники. Дом, где жил высланный вскоре после того на север Е. А. Колесников (на самом краю Козьмо-Демьянской улицы, против церкви), сделался одним из самых оживленных центров разных собраний, в том числе и собраний боевой дружины. Во главе последней стоял А. И. Шалаев,[1]) умерший в 1907 году.

В техническом училище был организован вечер в пользу боевой дружины, привлекший очень много публики; программа вечера была исключительно революционная.

Но в общем, чем ближе к декабрю, тем разница между до октябрьским революционным настроением и ноябрьско-декабрьским становилась все заметнее.

Чувствовалось, что только что выступившие из подполья элементы все более и более изолируются той частью общества, которая до издания манифеста так одобрительно с виду относилась к этому выступлению. Именно либеральные буржуа в Калуге вроде Обнинского, Новосильцева. Мартынова и прочих кадетов явно довольствовались либеральными посулами правительства 17-го октября и на развернувшуюся теперь деятельность социал-демократии, наиболее ярко выразившуюся в работе Питерского Совета Рабочих Депутатов, смотрели уже враждебно. Работа и в училищах шла вяло; классовая природа учащихся давала себя знать. Буржуазное оживление сменилось буржуазным беспокойством.

И когда в Москве началось вооруженное восстание, в Калуге больше, чем во все предшествовавшие недели, чувствовалась изоляция революционного элемента обывательской массой. Полиция приободрилась — опасность ареста нависла над активными работниками. Приемы дооктябрьской конспирации вновь пошли в ход.

---

[1]) Неверно — Ред.

Подготовка декабрьской забастовки идет с полным сознанием опасности провала. В этой обстановке в Калуге создается Совет Рабочих Депутатов.

Союз учащихся в лице своего делегатского органа ведет настойчивую агитацию среди школ в пользу забастовки. Выносится решение об‘явить стачку—не в пример октябрьской—под политическим лозунгом. И был день, когда мы пережили, хотя и иллюзию победы пролетариата. Было это так. Поздним декабрьским вечером в дыру, где хранились несложные принадлежности нашей техники и где мы гектографировали сборник революционных песен, прибежал кто-то из ребят с кусочком бумаги и с предложением к утру напечатать возможно большее количество экземпляров. На клочке бумаги было написано в нескольких строчках известие, будто бы переданное по телеграфу из Москвы, о победе революции. Дословно значилось: „Кремль в руках революционеров. Дубасов в плену“.

С величайшим под‘емом на двух гектографах мы печатали эту весть до полного рассвета и с утра бросились разносить готовый материал.

Еле дождавшись начала сбора учеников на занятия, мы (в Реальном училище) собрали наиболее активную группу, выломали дверь в актовый зал и отчасти убеждением, отчасти даже силой стали собирать туда приходящих.

Располагая такими сведениями, как победа рабочих в Москве, нам ничего не стоило провести на общем собрании резолюцию в пользу забастовки „из солидарности с Московским пролетариатом“. И в то время, когда собрание наше расходилось по домам,—по его поручению я и Шноор оглашали принятую резолюцию перед педагогическим советом.

Это было последним делом нашего—„Союза“.

В этот же день были арестованы, посланные проводить митинг у рабочих железно-дорожных мастерских, Кизик и Любимов.

Забастовка в мастерских сорвалась. Начались аресты.

Н. Билибин.

РАБОТА В КАЛУГЕ
в 1902—4 г.

Я попала в Калугу в 1902 году осенью.

Для понимания дальнейшего необходимо остановиться на некоторых предшествовавших обстоятельствах.

Высланная из Москвы после 5-6 мес. тюрьмы в 1900 г., «до приговора» (административного) под особый надзор полиции, сначала в Нижний, я перевелась в Екатеринослав, где у меня были знакомые и где я могла немедленно принять активное участие в местном Комитете с-д. Только в 1901 году в мае приблизительно получился «приговор» — гласный надзор на 3 года с ограничением выбора местожительства, причем запрещались все университетские и фабричные центры, даже целиком фабрично-заводские губернии, так что оставалось выбирать захудалые города: Пензу, Калугу, Воронеж и т. п.

Благодаря плохой постановке дела в жандармском управлении, мне удалось остаться в Екатеринославе, где я уже потеряла право оставаться. Но вскоре, в начале 1902 года, я была арестована с рядом товарищей и просидела в тюрьме около 6 месяцев.

Но против нас не было достаточных улик. Несмотря на то, что состав с-д. комитета был достаточно известен, жандармы нас, членов комитета, выпустили всех в один день, без высылки и иных ограничений. Мы поняли, что нас оставляют для выслеживания организации, и большинство из нас раз'ехалось по другим городам.

Пришлось убираться и мне, тем более, что найти работу было мало надежды в городе, где я стала слишком известна жандармерии. Но, меняя город, я снова попадала в ограничительный список.

В этом году как раз были закрыты земские статистические отделения, где работала наша поднадзорная «подозрительная» братия. Связи партийцев были еще не велики, и выбор города, где бы можно найти работу через знакомых, был очень затруднен.

Из Воронежа, куда я хотела перебраться, писали, что там много «наших» без работы. Случайно один товарищ Ю. П. Кулябко, возвратившийся из командировки, посоветовал мне ехать в Калугу.

В поездке он встретил своего старого товарища, занимавшего в Калуге на железной дороге значительное место. Теплая встреча с ним гарантировала, по мнению Ю. П., что тот с его письмом примет во мне горячее участие и устроит. А так как на моих руках к тому времени очутилась, кроме дочери 8 лет, сестра, готовящаяся стать матерью, без всяких средств и поддержки, то я ухватилась за этот случай [1]).

Выбрав Калугу, на переезд надо было получить разрешение в Петербурге в Департаменте Полиции; я двинулась туда, условившись встретиться с сестрой в Курске, у нашей общей приятельницы Софии Львовны Левицкой-Аристарховой, высланной туда из Москвы.

В Курске были еще частью высланные, частью местные с.-д.: Аристархов, Леонид Карагодин, известные мне по Москве и др.

Не помню кто уж дал мне явку в Калугу и обрисовал тамошнее положение и работников. Там был Борис Васильевич Авилов, но он должен был скоро уехать. Как на более солидного из местной молодежи, мне указали на Разломалина. Помню, явку я получила в какую-то библиотеку или читальню, к служащей там Екатерине Рогановой. Через нее я быстро связалась с группой с.-д. молодежи. Прежде всего я побывала у тов. Авилова Б. В. Он сообщил мне, что массовой работы здесь нет и она мало возможна за неимением рабочих масс (кроме довольно крупных железно-дорожных мастерских) и слабости местной группы.

Он полагал, что задачей с.-д. в Калуге может быть в данное время — помощь рабочим центрам сбором средств, распространением нелегальной литературы и т. п. и работа среди местной молодежи.

---

[1]) Кстати сказать, т. Кулябко жестоко ошибся: этот его приятель оказался под башмаком жены, принимавшей попов в праздники, постившейся и т. д., конечно, он ничего для меня не сделал.—Авт.

Он также указал на Разломалина, как на более солидного из всех. Ознакомившись с группой с.-д., я в ней нашла, кроме Разломалина, Доброхотовых Веру и Михаила Петровича, временно жившего в Калуге, их брата (имени не помню), Голубева Ив. А., его товарища Н. И. Попова, вышеуказанную Екатерину Роганову и еще нескольких лиц (точно не помню). Все они составляли группу, связанную кассой (но я не помню, чтобы взносила взносы, может быть, потому, что долго была без работы), они встречались, читали, получали кое-какую (не систематически) нелегальную литературу. Голубев и другие товарищи имели связь с семинаристами, как будто вели там кружки. Вскоре я познакомилась и с рабочими жел. дороги Титовым и очень сознательным и еще более серьезным и осторожным Александром (фамилию не помню) [1]). Не помню, чтобы они участвовали в каком-нибудь заседании вместе с вышеуказанными товарищами. Общение между местными с.-д. было, вероятно, более частое, —я же встречалась с ними не часто, больше деловым образом.

Разломалин вскоре уехал в Киев, и собрания стали еще реже. Помню значительное собрание на моей квартире, кажется, даже два раза, в связи с приездом на праздники и от'ездом Разломалина.

Здесь он рассказывал, что делается в Киеве и вообще все политические и партийные новости. Мы со своей стороны рассказывали, что делается у нас. Обменивались мыслями, даже воспоминаниями. Не помню, или он привез нелегальную литературу, или мы поручали ему нам прислать, но нелегальные брошюрки и иногда номера „Искры“ были у нас и в момент его приезда (может быть, я привезла из Курска) [2]).

На этом же собрании был и рабочий Зотов, тоже имевший в прошлом неприятности с полицией, но не с.-д., а неопределенно — оппозиционный. Мне стоило некоторого труда познакомиться с ним. В Калуге были еще высланные с.-р.: Лев Александрович Печковский с семьей и Кролевец с женой и эсэрствующие, скорее расплывчатые народники—либералы Сергей Александрович Порецкий и Евгения Алек-

[1]) По всей вероятности Ал-др. Дмитр. Ивановым — Ред.

[2]) Потом Разломалин сказал жандармам, что эта была Екатеринославская литература, мной привезенная. Но это было неверно. — Авт.

сандровна Караваева, его жена. Знакомство с ними завязалось так же скоро, как во всякой ссылке, особенно с семьей Караваевых-Порецких, из-за дочери, которая скоро привыкла к их детям и слилась с их семьей. Эти последние, откуда то знавшие Зотова, долго не хотели его знакомить с эс.-деками, не сочувствуя их влиянию на рабочих. Пришлось дебатировать, уговаривать. А когда Зотов познакомился со мной и моей семьей, он стал почти ежедневным нашим гостем, тем более, что жил он где-то на чердаке без тепла и света, так что часто заночевывал у нас на полу.

Хотя я ввела его в кружок, но он не пытался войти в него активно. Это была своеобразная, оригинальная фигура, со своей упрямой логикой. Он вел агитацию путем раз'яснения библии и евангелия, которые хорошо изучил.

Если бы в Калуге шла систематическая работа, возможно, и он втянулся бы в нее, но таковой не было, а я, приходя усталая часов в 9-10, не всегда в силах была пропагандировать. Как я указала, почвы было мало, провинциальная оторванность тоже создавала не боевую атмосферу, сильных работников не было.

Лично, я, пробыв месяцев 5 без работы, в постоянных поисках ее, в домашней работе, наконец, кое-как устроилась с помощью вышеуказанных поднадзорных, но устроилась так, что работа еще больше безработицы затрудняла общественно-революционную работу.

Условия для заработка „поднадзорных“ были очень тяжелы, особенно для женщин. На железной дороге вообще платили женщинам 20 руб, в месяц, а поднадзорным было очень трудно устроиться, как на железной дороге, так и в земстве. В частных же предприятих не было связей. Но на 20 руб. при семье из 4 человек нечего было и думать прожить. Пришлось взяться за акушерство и массаж, которые я успела изучить в Москве, чтобы продержаться там и отчасти на случай ссылки.

До начала этой работы я пыталась расшевелить публику: говорили, обсуждали, познакомили с рабочими, но ничего определенного не выходило [1]).

[1]) Поэтому, вероятно, жандармы характеризуют меня, как влиятельную и активную.—Авт.

Я предлагала перейти к агитации—разброске прокламаций. Но Титов и Александр возражали, что в железнодорожных мастерских их так мало, что появление прокламаций поведет к аресту последних сознательных единиц. „Надо накопить большее число их“—говорили они, но как—не находили возможности. Мои ссылки на работу в Екатеринославе, на то, что прокламации выявят тот актив, который надо будет подготовить, и таким образом усилится группа сознательных рабочих,—встречали ответ: „Нас заберут при первой же прокламации“.

Оторванность от центров не позволяла нам знать, что этот вопрос стоит всюду принципиально. „Пропаганда или агитация“. Каждый из нас рассуждал только по своему разумению. Заниматься с двумя сознательными рабочими, могущими читать—мало было смысла. О том, что они могли бы заниматься с другими, как-то не догадывались. Очевидно, они это и делали помаленьку.

Расходились с решением искать выхода, подыскивать людей, давать литературу, которая получалась. Эти рабочие заходили ко мне беседовать, интеллигенция же бывала редко.

Искание людей скоро сказалось. Появился студент Татаров, жел.-дор. служащий Песоченский, оказавшийся потом провокатором. Они стали заходить ко мне и начали переговоры о совместной работе и т. п. Развиваемые ими планы и взгляды показались мне подозрительными, особенно сам Песоченский, и я постаралась от них отделаться, мотивировав занятостью, законспирировалась и не пригласила заходить Песоченского.

Оказалось, что т. Титов также познакомился с ними и получал от них литературу (исходившую от нашего кружка). На мои предостережения, что связь с нами для его работы достаточна, он говорил, что будет входить туда и сюда и смотреть. Через него я знала, что у них происходит.

Помню, как этот Татаров, желая расширить кружок, об‘единить с ним кое-кого и поговорить о возможной „работе“, пригласил в какой-то праздник к себе на квартиру, где должен был быть не то реферат, не то просто беседа по политическим вопросам. Я решила посмотреть—

в чем дело. Увидя стол с бутылками и закусками, я выразила свое удивление, сказав, что там, где мне приходилось работать, бутылки не допускались, и что-то еще на эту тему. И эта невинная фраза потом была пунктом обвинения в процессе, в переделке — „в той организации, где я работала" и т. д. Очевидно Песоченский был настоящим инициатором таких собраний.

Не помню точно, кто был на собрании. Без сомнения, это была наша молодежь. Но когда закусили и хотели начать беседу — пришел Песоченский, недоверие к которому было не только у меня. И обмен мнениями не то был сорван, не то я ушла, ибо прений не помню.

Вскоре от тов. Титова я узнала, что Татаров и Песоченский, а может быть и еще кто-нибудь с ними сделали печать „Калужский Комитет РСДРП", начали ею штемпелевать даваемую рабочим литературу, а может быть и данную жандармами. Они же собирались выпустить майский листок (была весна 1903 г.) от имени С.-Д. комитета.

Надо заметить, что наша с.-д. группа в 1902 г. до меня выпустила майский гектографический листок от имени Калужского с.-д. комитета [1]). Конечно, мы и в этом мае собирались выпустить такой же листок. Перспектива двух листков от одного комитета при большом сомнении в принципиальном содержании листка Татарова и К° представлялась мне совершенно нелепой и, следовательно, недопустимой. Об'единиться с ними также было невозможно. Не помню, совещались ли мы между собой и была ли я делегирована для переговоров с Татаровым, или я сама пошла с ними говорить, вероятно, первое. В квартире, где раньше жил Разломалин, а теперь Татаров с кем-то, где одна комната отделялась занавеской, я застала Татарова в первой большой комнате. Миссия моя была не из легких. Не показывая виду, что я из „Комитета", не указывая, что этот комитет готовит Майскую прокламацию, надо было доказать недопустимость употребления штемпеля „Калужский Комитет С.-Д." Лави-

---

[1]) Первомайская прокламация 1902 г. подписи никакой не имеет и о существовании С.-Д. Комитета в Калуге в ней не упоминается.—Ред.

руя между этими вопросами, я стала доказывать, что такую печать они не имели права изготовлять [1]).

Как известно, от первого до второго С‘езда партии ЦК не было, он был арестован. Отдельные кружки существовали самостоятельно. В такой глухой провинции мы ничего не знали о подготовлявшемся 2-м с‘езде. Извещение о нем мы получили только в 1904 г. в тюрьме и то оно провалилось при передаче мне т. И. Никитиным с мужского отделения на женское, так что я его и не получила. Но все же существовали неписанные правила традиции. Каждая серьезная группа держала связь с соседним городом, за границей знали, кто где работает—уже были агенты „Искры“ и т. д.

Никаких правил я не знала и доказывала, так сказать, от разума и здравого смысла.

„Какое право Вы имеете называться Калужским Комитетом? Комитет должен быть признан хотя соседними организациями. Как вы можете класть печать Комитета на чужую литературу? Представьте для ясности, что вы на „Русские Ведомости“ наложите печать свою и станете распространять. Что они скажут?“

Татаров путался в возражениях.

„Вы знаете, что в прошлом году была здесь майская прокламация за подписью Калужского Комитета, значит, есть какой-то комитет. Возможно, что он выпустит свою прокламацию и в этом году“. „Представьте, какую дезорганизацию и сомнение внесет в массу рабочих появление двух листков 1-го мая“, продолжала я. Татаров, совершенно неопытный в нелегальных делах, защищал свое право и на листок и на печать. Как помнится, добилась своего: они отказались выпустить листок и, как говорил мне т. Титов, печать была при нем разломана. Можно предполагать, что весь разговор был подслушан из другой комнаты Песоченским, ибо он оказался известным жандармам...

---

[1]) Этот „Комитет“ получил среди местных работников название „Пустого Комитета“. В него входили, кроме Татарова и Песоченского,— Строков, ветеринарный врач, товарищ Татарова и рабочие Титов, Суханов и П. Н. Баташов. — Ред.

Майский листок мы выпустили. Написан он был мной, где и в каком составе мы его принимали, не помню. Переписан он был на гектографе т. Екатериной Рогановой [1]); где был гектографирован, не помню. Разбросан нашими сознательными рабочими.

Все было проделано так конспиративно, что обстоятельства его выпуска остались неизвестными жандармам, тогда как все подробности выпуска прошлогоднего листка оказались им известны.

Крупным событием по тому времени была вечеринка для сбора денег в пользу известной южной забастовки 1903 г. Мы не могли не откликнуться на нее сбором денег.

Не помню, кто был инициатором, но мне, а еще больше местным с.-д. пришлось много поработать по организации ее.

Для этой цели об‘единились все с.-д., с.-р. и, просто, оппозиционная и сочувствующая нам публика.

Вечеринка состоялась в доме Колесниковых. Народу было много. Был и Песоченский, старавшийся всюду проникнуть за нами, воображая, что мы будем где-нибудь в комнате заседать или говорить что-нибудь конспиративное. В связи с этой вечеринкой, потом жандармы обвиняли меня „в об‘единении“ с.-р. и с.-д. [2])

К этому времени под‘езжали новые лица: Фосс с женой—калужане (с.-д.), с.-р. Высоцкий. Смутно помню, что мы встречались, спорили, вышла какая-то история, кажется, выходка с.-р. Высоцкого против меня. Был какой-то не то суд, не то обсуждение инцидента избранной комиссией.

Работа для заработка все больше отрывала меня от местной интеллигенции. Кролевцы уехали, я стала все меньше встречаться с с.-р. и не знала, что делается у них. Только Лев Печковский, подружившийся с моей сестрой, иногда заходил. Однажды он, или кто-то другой, привел ко мне товарища, бежавшего из ссылки, для оказания ему содействия и устройства ночлега (кажется у меня он и ноче-

---

[1]) Не помню также, в каком количестве он был выпущен, думаю, что 100—200 экз. Не помню рассказов о впечатлении, им произведенном. Может быть т. Титов или др. расскажут.—Авт.

[2]) Я думала тогда, что они просто пугали меня, но, очевидно, об‘виняли всерьез (см. биогр. словарь В. Невского).— Авт.

вал). Как будто говорили, что это был Махайский. Виделся он и с Фоссом. Для передачи денег или чего-то из одежды, каких-то адресов, он назначил мне встретиться у Л. Печковского. Я застала там и Песоченского. Мы с Печковским и приезжим ушли в садик, просидели там недолго. Песоченский не мог пойти за нами, но когда я прощалась с приезжим, он ответил мне что-то незначительное при Песоченском [1]). На мой вопрос Печковскому: „Что делает у него Песоченский,—тот отвечал,—что ежедневно со службы (оба служили на железной дороге) Песоченский приходит к нему и просиживает до самого вечера, не смущаясь выражением недовольства, игнорированием и т. п.". „Чтобы избавиться от него, я иногда ухожу к вам", — сказал Печковский. Я обращала его внимание на подозрительное поведение Песоченского, но тот по мягкости или боязни обнаружить себя ничего не предпринял. Однажды, этот Песоченский явился ко мне на квартиру, спрашивал Печковского или кого-то другого. Я приняла его так, что он больше не смел явиться, так как поведение его мне казалось все более подозрительным.

Уже после ареста и освобождения я узнала, что наша молодежь, группировавшаяся вокруг эсэров, несмотря на конспиративную опытность Печковского, собиралась летом за городом, где бывал и Песоченский, и где были разговоры об организации типографии... (это на большом собрании молодежи-то).

Как то оторвавшись из-за практики от прежнего кружка и раньше не собиравшегося систематически, я сохранила связь с рабочими. Тов. Александр сорганизовал кружок рабочих, больше молодых, человек 8—10, с которыми я пыталась заниматься в лесу.

Заговорили о книге,— политической экономии, брошюрах. Не помню, как оборвался этот кружок, вероятно, осенью. Ведь конспиративные условия тогда не позволяли приходить на квартиру к интеллигенту, особенно поднадзорному, тем более невозможно было собираться в квартирах рабочих.

---

[1]) Этот факт и переделанные слова в смысле „все будет сделано, как условились".—стали известны жандармам.

Цитируя описание этого факта, жандармы прочли дальше чем следует: „приезжий направился к вокзалу, за ним следовал Песоченский".—Авт.

Так пострадал, вероятно, тов. Александр, бывший у меня и как-то даже проводивший в квартиру электрический звонок, что стало известно жандармам [1]).

В общем, посколько я могла судить, нелегальная работа в Калуге в это время была слаба. Это очень тяготило.

Бежать за границу или перейти на нелегальное положение не было возможности из-за семьи; связи с товарищами также не было почти; переписка обычно обрывалась. Летом и осенью 1903 года я снова решила взяться за оживление нашего комитета, за усиление связи с рабочими, изыскание путей работы с ними.

В процессе этих начинаний я, все товарищи и масса молодежи вдруг были арестованы неожиданно для всех нас, без всякого повода [2]).

Об этом процессе стоит порассказать, так как в нем очень ярко отразилась роль провокации; создание процесса даже там, где ни сильного рабочего движения, ни сильной организации не было, и подпольная работа не приняла еще опасных для правительства размеров.

В одну из ненастных ночей конца октября или начала ноября я читала полученную „Искру". Поздно, часа в 2 ночи, я тщательно запрятала вне квартиры в подходящую щель (я старалась никогда ничего не оставлять „нелегального" в квартире на ночь, благодаря чему не попала на каторгу или на поселение, ибо жандармы не имели „вещественных доказательств") и легла спать.

Через несколько часов я проснулась от шума: надо мной стоял жандармский офицер, с обычной сворой для обыска со свечей в руках.

И до сих пор не представляю, как вошли они: звонка не было слышно, никто не отпирал, а я сама ночью запирала на крючок.

Спокойная за „чистоту" своей квартиры, я была удивлена, когде мне предложили „собираться". Семья моя, сестра с грудным ребенком, дочурка лет 8—9, несчастная обману-

[1]) Возможно нас выдавала и женщина, одно время помогавшая сестре в хозяйстве.—Авт.

[2]) Возможно, впрочем, что поводом были С.-Р-ы.—Авт.

[3]) Ночь на 25 октября 1903 г.—Ред.

тая девушка, умолявшая меня принять ее на время родов, только что оправившаяся от них и еще остававшаяся у нас,— смутила даже офицера. Ясно было, что я единственный работник. В доме было всего 5 руб., я ждала 3-х пациенток со дня на день и, уходя, заботилась оставлением адресов им других акушерок...

„Прошу передать, чтобы меня поскорее допросили",— сказала я офицеру,—„вы видите, кто здесь остается". „Да",— несколько смутился он.

Снова тюрьма, глухая, грязная,—каменный гроб... Безконечно длинные дни, полная оторванность от мира, от революционной борьбы, без которой нет смысла, нет цели в жизни...

Своеобразная борьба с тюремным режимом за свои „арестантские права", с собой за сохранение бодрости, работоспособности и за связь с товарищами.

Меня поместили в женскую тюрьму, отделенную от мужской особым двором, для чего перевели из самой меньшей камеры неполитических арестанток с детьми (обычно занимавших эту камеру), чем очень стеснили их всех в 2-х камерах.

Я привыкла уже к политической одиночке больших тюрем, с отдельной койкой. Здесь мне впервые пришлось устроиться на нарах, где раньше лежало 8 — 10 человек. Была ужасная грязь, бегали мыши. По сырым стенам катились капли, соль и сахар мокли и из-под пола иногда вылезали лягушки. Сплошной двери не было, одна решотка. Это больше всего беспокоило меня, всегда быть на виду, даже переодеваясь, моясь...

Не знаю была до этого в Калужской тюрьме политическая женщина, во всяком случае большинство ее обитателей таковой не видали и столпились у моей решотки двери. Надзирательницы первое время не препятствовали этому, и я старалась выяснить и завязать среди этих женщин будущую связь с товарищами, а может быть, и внешним миром.

На другой день меня перевели в мужской корпус и посадили в камерку, с которой бесцеремонно не снята была даже надпись «карцер». Я запротеставала. „Какое право имеете сажать заключенного в карцер, когда на это тре-

буется особое разрешение прокурора, даже при известном проступке?" Вскоре я пожалела о поднятом шуме, так как оказалось, что рядом сидят другие арестованные женщины: Вера Доброхотова и другая Вера Радилова.

Карцерный корридорчик 3—4 камерками находился в конце главного корридора, как то в бок от него, так что был далеко от дежурного надзирателя, что давало возможность иногда переговариваться.

Камера была крошечная с коечкой, парашей у двери и крошечным оконцем под потолком, так что даже днем было темно и с трудом можно было читать только, когда солнце светило в окно. На ночь ставилась лампочка у окошечка снаружи двери и небольшая полоса света от нее давала слабую возможность читать, держа книгу в этой светлой полосе. Асфальтовый пол подвала дополнял обстановку. Мой карцер был сыр, стены мокры. Прожить здесь несколько месяцев—грозило стать калекой. Другие две клетушки были несколько суше и теплее.

Я наскоро, выбирая удобные минуты, стала давать своим соседкам советы, как держать себя на допросах, указывая на необходимость отрицать знакомство, отрицать кажущиеся невинными факты, так как они потом могут повернуться, как подтверждение чего нибудь важного, [1]) учила азбуке перестукивания, кое-что расспросила. Причины ареста они также не знали. Но не успела инструктировать их хорошенько (пока не было ничего конкретного) как меня перевели снова в женскую половину.

Вечером на поверке начальник тюрьмы сказал мне: „Вы заявляли против помещения в карцере. Мы вас переводим в женскую, как только там приделают дверь. Вас предписано изолировать".

Они были не дураки.

Я была единственным опытным человеком, прошедшим уже 2 тюрьмы. В маленькой провинциальной тюрьме, строгая изоляция невозможна. Заключенные изобретательны и найдут пути сообщения. Они сговорятся, будут поддерживать друг друга—морально и материально. Поддержка

[1]) Тогда я еще не знала о системе полного отказа от показаний, применявшийся в больших процессах.—Авт.

даст возможность свести к нулю весь процесс. Они были правы. На следующий день меня перевели в прежнюю женскую тюрьму, где приделали деревянную дверь, прикрывавшую камеру изнутри за решоткой, а дверь нет.

Может быть, если бы я оставалась с молодежью, дело не приняло бы такого оборота, как оказалось.

Вызвали на допрос. На основании прежнего опыта, я усвоила себе такую тактику. От показаний я не отказывалась, чтобы выяснить из вопросов, что им известно, в чем заключается дело. Почти на все вопросы я отвечала: „не знаю, не помню", говорила, что меня зря оторвали от семьи и т. п.

Как потом мне говорил жандармский полковник, он после моего допроса его помощником кн. Туркестановым [1]) решил, что со мной не справиться и хотел просить кого нибудь из Москвы для моего допроса (может быть, и врал). Допрос не раскрыл мне, что известно жандармам и в чем заключается причина арестов, но поразил тем, что известны мелочи, указывающие на то, что кто-то из своих болтает. Например, было известно о собрании у меня по случаю приезда Разломалина, сообщалось, как я ввела из другой комнаты рабочего Зотова и звала его „Зотыч", как мы сидели и пр.

Прошло, не помню, сколько месяцев. Изолированная от мужского корпуса двумя дворами я не могла завязать никакой связи.

Гуляла я в своем дворике с одной из трех надзирательниц, большей частью с одной из них, кажется, Верой Ивановной. Она же ходила гулять и с другими политическими девицами на их двор. Мы с ней часто беседовали. Я вела осторожную пропаганду, не касаясь вопроса о других заключенных. По правилам надзиратели совсем не должны говорить с заключенными, но в провинциальных тюрьмах, где мало надзора, это не только не практикуется, но многие этого и не знают.

---

[1]) Кн Туркестанов не был помощником полковника Шлейфера—н-ка Губ. Жандармского Управления, о котором упоминает т. Адамович. Туркестанов был начальником Калужского отд. Самарск.-Жандармского Полицейского Управления на ж. д.—Ред.

Да и надзиратель тот же почти заключенный. Однообразные, бесконечные дни, тоска: рад поговорить, если начальство не слышит Однажды эта надзирательница передала мне записку от наших девиц. Они оказались смелее меня, и надзирательница оказалась податливой, как ни как—пролетарий. В записке девицы просили меня поехать на допрос: „так как 4 чел. все признали“, как писали, и мое молчание „задерживает окончание дела“.

Дело было плохо. Кое-что из того, что они признали, они сообщали. Кружок, т. е. „тайное сообщество“, который имел кассу, т. е. членские взносы, распространял нелегальную литературу, [1]) выпускал прокламации за подписью „Калужского с. д. комитета“ и т. д., все было установлено. „Состав преступления“ на лицо.

Оказывается, что как только меня изолировали, Веру Доброхотову, недавно болевшую, стали таскать на допросы. Эта Вера Доброхотова незадолго перед арестом поехала учиться в Москву на фельдшерские курсы, где начала работать в анатомическом театре. Это на ней болезненно отразилось. Ей всюду мерещились трупы, нервы совсем развинтились. Она приехала домой, и вот в таком состоянии, запертая в „карцер“, больная и неопытная, стала жертвой жандармов.

„Я была в таком состоянии“, рассказывала она мне потом, „что готова была быть даже с жандармами, чтоб не оставаться одной в этой камере-карцере“. И жандармы держали ее на допросе с утра до 11 часов ночи ежедневно с неделю.

Но начала, выдавать, повидимому, не она. Начал, как будто, Разломалин [2]). Во время арестов он был не в Калуге, а в Киеве; был привезен и сидел, кажется, даже не в калужской, а в уездной тюрьме.

Все, что делалось в Калуге, он знал. Все рассказывали старые товарищи в его приезд. Он мог показывать все данные и менее всего падало подозрение на него, как отсут-

[1]) У молодежи была найдена кое-какая нелегальщина, так как никто не ждал арестов, читали и держали просто на столе.—Авт.

[2]) Теперь это должно быть ясно по делам. Пишу по памяти, как сложилось у меня тогда.—Авт.

ствовавшего. А жандармы делали намеки, что выдает т. Голубев, державшийся, наоборот, хорошо.

Жандармы просто запугали и запутали неопытных и слабых людей, своими обычными приемами, облегченными присутствием провокатора. Так представляется мне дело.

Зная кое-что через Песоченского, говоря неопытному человеку, что „все известно", „даже мелочи", заронив сразу в его душу мучительное подозрение, что выдает, кто-то из своих, запугивая, приводя в отчаяние, обещая смягчение, если будет «искренным и откровенным», жандармы добивались кое-каких признаний и, имея их, обрабатывали следующего.

Вере Доброхотовой они сказали, что ее жених, Разломалин, пойдет в Сибирь, если она будет молчать. «Голубев признал, что много раз приносил вам нелегальную литературу»—лгали они, бросая тень на Голубева. «Неправда, только один раз приносил»,—срывалась Вера Доброхотова, возмущенная мнимым предательством и этим подтверждая «состав преступления» и т. д. Беседуя с жандармами до 11 часов вечера, она рассказывала разные мелочи, думая, вероятно, что это пустяки. Так стал известен жандармам мой рассказ о том, как я надула помощника Зубатова, вернее, как он сам обманулся, вообразив, что вызываюсь в охранку для предательства, когда я хотела узнать, что стало с моей сестрой, только что приехавшей провинциалкой, арестованной в моей квартире попутно, едва не сошедшей от этого с ума.

Из записок двух Вер я узнала, что они понаговорили жандармам много такого, что надо дать такие показания, чтобы хоть немного смягчить показания их. Так, например, Вера Радилова, оспаривая, что я с Кролевцем состояла в одном сообществе, стала уверять, что с.-р. и с.-д. всегда ругались (за точность слов не ручаюсь, но суть такова).

Мне пришлось писать длиннейшие рассуждения, что мы разных философских школ; один признает эволюцию, другой скачко-образное развитие и т. п. Не помню, я ли написала, чтобы меня вызвали на допрос или просто поехала на вызов; но помню, что пришлось писать очень много, чтобы смягчить и не задерживать, как просили девицы.

Меня тоже хотели всячески запугать, не останавливаясь перед подложными документами.

Мне сообщили, что над притолкой уличной калитки, где я жила недели за две до обыска, была спрятана печать комитета с.-р., которая, якобы, выпала, была подобрана детьми, потом представлена полицийместеру; бумагу об этом за его подписью мне пред'явили. Был ли это подлог или дело рук Песоченского, не знаю [1]). Мне пришлось писать длиннейшие показания, доказывать, почему это не могло быть чисто физически: расположение калитки, собаки и пр.

Покончив с допросами меня и обоих девиц перевели в мужской корпус, «под церковь», где раньше сидели мужчины, а мужчин перевели в «карцера» вместо женщин.

Меня посадили в одиночку в светлую и более нормальную, а обоих девиц в одну большую камеру напротив, так что мы могли иногда переговариваться, обмениваться записками между собой и даже с политическими мужчинами, нашими сопроцессниками: Голубевым и др., сидевшими теперь в карцерах, других теперь одиночек не было. Как обычно, при долгом сидении политических, надзиратели к ним привыкают: надзор и строгости слабеют. Как-то в Киевской тюрьме — надзиратели говорили заключенным: «Там жандармы як хотят, а мы свои ридны». Лишь бы не попасться «старшему», обычно и являющемуся главным начальником, так как начальнику тюрьмы не очень то приятно скандалить с арестованными [2]).

Эти дежурные надзиратели соглашались переносить из камеры в камеру пищу, а ее начиняли записками. Все сходило. Завелась даже переписка с „уголовными“. Один из них по прозванию „Орел“ [3]) (девицы прозвали) стал писать длинные письма моим девицам, изображая себя героем, заступившимся за честь женщины, покушением на полицей-

---

[1]) В делах Губ. жандармского Упр. имеются документы, подтверждающие факт нахождения печати „Калужского комитета ПСР“ в доме Александрова на Спасо-Жаровской улице, где жила т. Адамович.—Ред.

[2]) А тут и новый начальник либеральничал; по часам болтал с девицами во время проверки, задерживая всех служащих и еще не проверенный женский корпус, не ложившийся спать до проверки.—Авт.

[3]) Черненко.—Ред.

ского пристава и не пожелавшем пачкать ее имя указанием на суде причины покушения.

Как водится переписывающиеся влюбились друг в друга. До чего не доведет тюрьма. Так увлеклись, что забыли осторожность.

Как-то передали слишком уж маленький кусочек сыру, больше не было, — и записка попалась. Ее передали жандармам. Мы ничего не знали, девицы ждали со дня на день освобождения. Вдруг их вызывают в контору, меня приглашают в пустую камеру и учиняют жандармский обыск в тюрьме. Курьез.

Я всегда была крайне осторожна, так что и перехваченная записка не могла бы повредить—так осторожно писали, касаясь дела. Но у меня ничего не нашли. Девицы же хранили много записок. И все интимные записки попали в руки жандармов. Это привело к об'явлению Верой Радиловой „Орла“ своим женихом [1]). Вся эта история не надолго задержала девиц: их скоро выпустили, а меня перевели опять на женское отделение, так как из уездов перевели политических мужчин, частью рабочих.

Среди них был рабочий Иван Никитин (других не помню), калужанин, которого я не знала. Он был привезен откуда-то. С нашим делом не был связан. В нем сразу я узнала „настоящего“ товарища и, несмотря, на все трудности, мы сносились, хотя и не без репрессий и провалов.

Мне разрешили готовить на всех „политических“ у себя в камере на примусе, под честное слово не пользоваться пищей для записок, что я честно соблюдала.

Следуемые каждому из них 3 рубля сдавались мне, с воли кое-что передавали, и можно было коэ-как питаться.

Раньше, как только было арестовано чел. 30, Евгения Александровна Караваева и другие передавали нам передачу, принося чуть ли не каждый день на всех готовую пищу. Но люди в тюрьме сменялись, прибывали новые, их не хотели в тюрьме включать в старый список, а при допросе жандармский офицер невольно выболтал свой взгляд, что помощь политикам тоже можно счесть за преступление. Я на свидании

[1]) Потом они и поженились. Не знаю, чем кончился этот брак. Первое время его взяли под свое покровительство с.-р.—Авт.

передала Караваевой, что надо быть осторожнее, а то и прекратить это снабжение.

Вот и стала я варить пищу.

Уж кончилось лето, а конца процесса не было видно. Вышел закон Плеве, по которому политические подлежали не суду, а приговору Особого Совещания при министре внутренних дел. Дело грозило поселением, так как „состав преступления“ имелся по 126 и 129 ст. ст.: первые процессы давали поселение за две-три нелегальные брошюры. Старик жандармский полковник взволновался. Он раньше ездил успокаивать девиц; зашел как-то и ко мне, видно с какой-то целью. Проговорив немного, он предложил пойти во двор на крылечко. На крылечке он стал уверять, что ему тяжело, что он поедет хлопотать о неприменении закона Плеве и т. п. При этом употребил выражение: «Неправда ли слишком много мебели для столь тесной квартиры?» т.-е. слишком много арестованных для такой дыры, как Калуга. «Кто же виноват в этом?» с‘иронизировала я. Он стал доказывать, что он не виноват, напрасно его винят, указывают, что Песоченский провокатор, когда он также будет отвечать, как все и пр.

Я с любопытством смотрела и слушала его излияния. Чего он хотел? Убедить меня, ясно подтверждая мои подозрения о Песоченском, которые стали убеждением после допроса, где ясно видна была его роль, так как все ему известное было сообщено. Действительно ли мучился содеянным? Всего вернее, он хотел что-нибудь выспросить у меня.

Я иронически указала ему, что за дверью нас слушают надзиратели и мы с полковником стали бегать по двору, как на прогулке. Картина, достойная кисти художника. Вероятно „новый курс“ Святополка-Мирского уже чувствовался жандармами.

С применением — «манифеста» по случаю рождения наследника тюрьма опустела. Нас, политических, не освободили. Не без‘интересно указать несколько фактов отношения к нам других заключенных и администрации.

Через решетчатую дверь я могла иногда перекинуться несколькими словами с заключенными женщинами. Большинство из них сидели «за вино», т. е. за продажу водки с нарушением монополии. Воровок и убийц было всего 3-4.

Многие, особенно крестьянки, приходили с маленькими детьми, которых не на кого было оставить; некоторые должны были родить. Таким образом в тюрьме собиралось значительное детское население.

На детей выдавалось 3 рубля в м—ц, но часто матери берегли эти деньги и на обратную дорогу, и дети голодали, питаясь из общего, отвратительного котла, подвергаясь пинкам каждого, кому мешали в тесноте, невыразимо томясь неволей и одуряющим однообразием. Конечно, детишки подружились со мной, перемусолили все открытки с картинками, которые ко мне попадали, и жадно поглащали все, чем я могла поделиться с ними из своей скудной пищи.

Они приспособились открывать мою деревянную дверь и не один кусочек черного хлеба не мог укрыться от их глаз. „Тетя, что-то там у тебя лежит“ тянули они, и не было сил не отдать им свою порцию.

Приходилось оказывать услуги и взрослым (писать письма, шить, удалось добиться умывальника и ушата для воды на женское отделение, чего до того не было), а главное при всяком случае раз‘яснять, что такое „политические“ и чего они добиваются, за что преследуются.

Таким образом мы пользовались не только всеобщим, даже невольным уважением, не считая „старшего“ и некоторых особенно озверелых, ненавидящих нас, но часто и любовью. Так, одна женщина страшно хотела записать меня крестной матерью родившегося ребенка и очень печалилась, что не позволили. С риском наказания они подходили к моей двери. Старуха, помнящая крепостное право, говорила мне, ожидая освобождения по амнистии: „Если тебе что надо на волю, ты пиши. Я унесу; я в повойник зашью, не найдут“. Даже тюремный священник решился мне передать несколько слов от товарищей о том, где они будут класть записку. Его с агитировали товарищи, соприкасавшиеся с ним, как с библиотекарем. От него же я узнала, что убит Плеве. На волю кое-что я могла передавать на свидании, а с воли ничего получать не удавалось.

Мужчины, кажется, через тюремную больницу, находившуюся при общей женской, добыли кое-что, но передать мне на женское отделение не удалось. Мы не знали, что

делается на воле, и перспективы казались самыми мрачными. Осенью я заболела тифом.

Так как медицинская помощь была более чем плоха, фельдшер совмещал две службы и ругался, если его вызывали. Врач приезжал раз в неделю. Ему забыли передать обо мне, и пришлось ждать следующей недели, пока я, наконец, с недомоганием при температуре 39,5, сама сообразила, что это тиф и потребовала принятия мер. Все время я готовила обед и ужин на 8 чел. товарищей, проходив так почти до кризиса.

Когда врач, наконец, явился, я варила обед при температуре 40, за что получила запоздалый приговор. В Москву везти было поздно, в „арестантском отделении“ земской больницы женского отделения не было, и меня пришлось положить в общую женскую палату, а чтоб я не убежала, посадить туда же надзирательницу. И та же Вера Ивановна, которая раньше сочувствовала нам и передавала записки, вскоре стала врагом от этого заточения в больничной палате, почти без возможности отлучиться домой, так как оставшиеся в тюрьме две надзирательницы не могли управляться и иметь нормальную смену на отдых.

Со льдом на голове, без сна, мне долго пришлось бороться, чтобы добиться начальника и вызвать прокурора в больницу. Когда я, наконец, добилась прокурора, он категорически отказал в освобождении меня под залог, заявив, что речь могла бы итти о 20.000 руб. или о двойном имущественном залоге.

Можно было подумать, что я важнейший преступник по крупному процессу, и дело идет не в Калуге.

При общем сочувствии и внимании врачей я начала поправляться, несмотря на все эти волнения, я уже вставала, но главный врач Иван Иванович Дубенский, не разрешал жандармам „пред‘явить мне дознание“, как это полагалось по новому закону Плеве. Я не просила его об этом, боясь, что задерживаю формальное завершение этой стадии процесса и для других, тем более, что на свиданиях я уже знала о начинавшейся „эре“ Святополка-Мирского. Вместо 20.000 руб. меня и других соглашались выпустить за 100—200 руб. Но и их достать было не легко.

Тягостное состояние надзирательницы также торопило меня, и я, наконец, уговорила Дубенского разрешить пред'явить мне дознание в больнице.

Как рассказывал он мне потом, жандармы за время моей болезни чуть ли не ежедневно запрашивали, с кем я лежу в палате, что говорю, не веду ли агитации и т. п. и когда врачи меня хотели перевести в другую палату в виду того, что рядом со мной оказалась тяжело, непрерывно бредившая больная, а у меня и без этого никакими лекарствами не могли добиться сна, то жандармы воспрепятствовали, и врачи с трудом перевели эту тяжело больную.

При пред'явлении дознания они потребовали в начале присутствия главврача и т. д. Когда несколько жандармов пред'явили мне томы, с показаниями против меня, я почувствовала, что доктор был прав и что я слишком еще слаба, что бы все это переварить. Главное, это впечатления от откровенных показаний публики. Я несколько смутно помню эти показания; тогда я не могла сделать выписки, присутствие жандармов связывало. В голове шумело.

Тяжело поразили показания Разломалина и Татарова. В них не только говорилось то, что они знали, но и услужливо давались намеки: „литература“ привезенная, повидимому такой то и т. д., в этом роде.

Так вот, кто выдавал. Это было тяжелее самого обвинения. Боюсь ошибиться, но, кажется, жандармам хотели доказать, что в Калуге предполагалось покушение на Плеве, который ожидался на юбилей Калужской Гимназии, которую он окончил [1]). И вот идет допрос о каком-то приезжем, и допрашиваемый услужливо показывает: „повидимому с. р.“ и т. д.

Раз можно пред'явить дознание, то можно и перевести в тюрьму, предполагая, что я уйду туда на один день и меня освободят под залог. Но это затянулось, и я просидела несколько дней в тюрьме без подушки, денег и вещей, так как они уже были взяты из тюрьмы. Товарищи которым я варила пищу, теперь прислали мне обед, который я не решалась есть, пока не убедилась на другой день, что это прислали они, а не начальник из-за „любезности“.

---

[1]) Это хотели доказать не жандармам, а жандармы.—Ред.

Вот я и на воле... Это было около 1 октября 1904 г. [1]) Начиналась эпоха „доверия". Либералы, прежде боявшиеся, что их массировала „поднадзорная", теперь, наоборот, предпочитали мои услуги и я, с большим вредом для своего сердца, не медля стала бегать „по практике", чтобы поскорее подзаработать. Не успела, что называется очнуться от тюрьмы, попала на „банкет". Какой-то большой зал. Либеральные речи, пожелания. Я отвыкла не то что говорить, но и слушать за год тюрьмы; чувствовала себя здесь чужой, не вполне понимала значение их. В резолюции о разных „свободах" забывают о свободе стачек. Указываю Евгению Зосимовичу [2]), которого знала когда-то, как революционера. „Что же, уж опоздали" говорит он и никто не выступает за „свободу стачек". Дальше на подобных собраниях стали разбрасывать листки с.-д. Я начала искать „связей" и „ходов" в с.-д. организацию.

Не помню, к кому и через кого я попала. Это была молодежь, которая, несмотря на мое достаточно ясное прошлое, не хотела включить меня в комитет, заявляя, что „это хуже, что вы входили в прежнюю организацию". Было бы смешно, если не было бы грустно......

Повидимому, это была меньшевистская группа, так как помню из Орла мои екатеринославские товарищи, тов. Будрин П. А. с женой писали мне, что просили т. Кибрика сообщить в Калуге, что я могу быть самостоятельным работником и войти в комитет.

Потом, проезжая Москву, по пути в Петербург, я получила от этого Кибрика меньшевистскую явку. Повидимому, уж была более определенная связь организаций с Москвой. Пока шла эта переписка, время летело. 9 января 1905 года потрясло всех. Тов. Никитин уехал в Петербург с револьвером и застал картину разгрома, следы мозгов и крови на решетках Александровского сада....

Хотя я и не вошла в комитет, который не был близок с интеллигенцией, но со всей оппозиционно - революционной публикой встречалась. Появились новые лица, высланные

---

[1]) 30 сентября.—Ред.

[2]) Зосимович был врачем в Говардове.—Ред.

из Москвы, некоторые рабочие. Не ясна мне роль Фосса. Наиболее видный с.-д. он, как будто, стоял в стороне от организации, хотя был признан самым солидным и руководящим. Бывала у них, но не помню разговоров об оценке „банкетной эры" и т. п. Вообще не помню, чтобы публика разбиралась в происходящем. Возможно, что я мало встречалась и споры происходили без меня, но вернее, что еще не разбирались.

Разломалин прислал письмо с оправданием своего поведения на допросах. Фосс его читал в момент получения известий 9-го января. Было не до таких писем, я не читала его. Помню, что Фосс высказался против него. Выходило, точно организация отклоняла его аргументы, хотя этой организации я не видела.

Срок моего надзора кончился. Мы ожидали направления нашего процесса. Я собиралась вырваться в Питер; на нем, а не на Калуге базировала свою партийную будущую работу.

Вскоре нам об'явили, что дело наше прекращено—ссылки на манифест не было, и я уж в начале марта 1905 года уехала в Питер.

Может быть не безинтересно рассказать еще ряд фактов характеризующих Калугу, ее жандармские методы, да частью местную провинциальную „высланную" публику.

Как только я вышла из тюрьмы, пришли приветствовать меня в квартиру сестры, кое-кто из сидевших в тюрьме, новые высланные из Москвы и т. д. Среди них были высланные из Москвы Софья, [1]) видная социал-революционерка, рабочий, [2]) которого она старалась держать под своим влиянием, служащий, живший в одной квартире с моей сестрой. Потом появилась пожилая учительница, высланная из Москвы за содействие революционным организациям более близкая с.-рам и др.

Через некоторое время я поселилась с последней в маленькой квартире из 2-х комнат, что было дешевле и удобнее. Хренкова человек властный, любивший окружение покор-

---

[1]) Германова-Хренкова, покончившая с собой самосожжением в июне 1908 года.—Ред.

[2]) Решетов типограф. Оба—Хренкова и Решетов были арестованы в конце 1904 года.—Авт.

ными приверженцами, относилась ко мне очень хорошо вначале, в дальнейшем, видя во мне конкурента во влиянии на соприкасавшихся рабочих, [1]) вскоре переменила отношения, стала искать случая подорвать доверие ко мне. Такой случай скоро представился. Однажды в нескольких шагах от моей квартиры ко мне подошел какой-то подозрительный тип, назвал меня, сказал, что должен о чем-то поговорить со мной, просил итти домой, говоря, что там он мне об'яснит. Я решила, что это снова арест и старалась проверить карманы, нет ли записки с адресом. Когда мы вошли в холодную переднюю, он дальше не пошол и стал мне излагать, что он давно по Москве меня знает, хочет меня предупредить, что жандармам все известно, что здесь собираются поставить типографию и т. д., что пока он следит один, то это ничего, но когда решат „ликвидировать", он предупредит и т. д.

Мои попытки прервать этот разговор без резкого оборота не удавались. Он повторял, что ведь он ни о чем не спрашивает, а сам сообщает мне разные сведения.

Действительно он ничего не спрашивал, а рассказывал интересные вещи. На мое замечание, для чего он пришел и почему говорит, что хочет помочь революционерам, он начал рассказывать о положении филеров, об их эксплоатации и т. д. Все это, говорил, конечно, сбивчиво, перескакивая с одного на другое. Не могу точно проанализировать, почему я не прогнала его. С одной стороны, я заинтересовалась его сообщениями, его изложением методов филерской работы, которые кое-что открывали и совершенно ничего от меня не брали, с другой стороны, заинтересовало то, что и в шпионской среде идет какое-то брожение. Я слишком была уверена в себе, чтобы опасаться сказать что-нибудь лишнее. Не веря в его искренность ни на минуту, я хотела понять, в чем тут дело: зачем он пришел, зачем его послали сюда. С другой стороны, может быть, некоторая мягкость характера мешала резко оборвать его. А он все излагал, о ком его запрашивали жандармы, что он в благоприятном смысле дал отзыв о моей сестре и ее квартиранте, что они „регу-

[1]) Не могу припомнить фактов, но какие-то столкновения, расхождения были, кажется; ее приближенные рабочие стали бывать у нас; критически отнеслись к с. р. и т. п.—Авт.

лярно ходят на службу", в лавочку и пр. и, что, следовательно, между ними нет революционной связи, что он потерял из виду, высланного из Москвы рабочего (о котором я выше упомянула), так как он живет в глухом окраинном переулке, где невозможно долго стоять филеру, а то поколотят, пожалуй. Сообщил, что видел, как со свечей ходили у Софьи на чердак, что это было принято за прятанье чего-нибудь нелегального (как раз я узнала об этом факте хождения на чердак, из-за подозрения, что там что-то случилось) и т. д. Он успел рассказать мне все мои „жандармские" клички, слежку и арест в Москве; слежку в Екатеринославе, где благодаря искусным способам переодевания в большой платок в чужом парадном ходе, я ускользала из виду и что за утерю меня он был оштрафован проверяющим старшим филером [1]). Все соответствовало действительности и очень заинтересовало меня. Теперь, когда мы имеем в руках жандармские архивы, видим, как велись их записи, становится ясным, что он изучил московские и екатеринославские. Тогда же мне казалось это очень странным, но вместе с тем раскрывало их способы и указывало методы борьбы с ними. (Между прочим, он рассказал, что если наблюдаемый опустит письмо в почтовый ящик, то он во чтобы то ни стало найдет его).

Во время наших разговоров вернулась моя сожительница—учительница, и все звала меня уйти в дом, чтобы не простудиться.

Я же совсем не хотела впустить в дом этого шпиона, надеясь скоро отделаться от него. На вопрос, как он решается говорить все это мне, он сказал:—„Я вас знаю, вы никогда никого не выдавали, не выдадите и меня". Он тут же просил его не выдавать, „а то петля". Наконец, я отделалась от него, конечно, ничего ему не обещав, сказав, что я ничего и никого не знаю. Несмотря на это он указал, что его можно найти близ квартиры Софьи — эс-эр-ки [2]), если понадобится.

---

[1]) Он ждал меня у дома, куда я вошла, не узнав меня, так как я вышла обратно накрывшись большим платком, который обертывала вокруг себя под юбку. Войдя в парадную дверь дома,—вытащить платок дело одной минуты. Все это было верно.—Авт.

[2]) Хренкова жила на Дровяной площади в д. Серегина.—Ред.

Конечно, я рассказала тотчас об этом случае всем заинтересованным; той же Софье, рабочему, которого искала и не могла найти, Фоссу и вообще более серьезной публике, считая лишним широкую огласку.

Какую цель преследовала жандармерия, прислав его, я не знаю. Едва ли они могли надеяться выведать что-нибудь у меня. Скорее всего они через меня хотели напугать с.-р., заставить перенести свои подсобные работы для Москвы в другое место.

Может быть, теперь в жандармских архивах есть ответ на эти вопросы. Во всяком случае этот шпион выдал нам себя. Все наши узнали его, и он стал менее опасен.

Мы уж забыли об этом инцинденте, никто не видел в нем опасности и не высказал ничего о моем способе разговора с ним.

Через некоторое время, вечером, у калитки, позвонили[1]). Я пошла отпирать. Женщина, обслуживавшая нас, пошла тоже на звонок, опередив меня. Звонивший оказался тем же филером, он спросил акушерку и, когда я узнала его во дворе, то решила, что неудобно было при служащей об'ясниться с ним. Он прошел за нами в дом, в мою комнату, через дверь которой все было слышно соседке.

Снова мне сразу не удалось отделаться от него, и он успел просидеть несколько минут, рассказывая, как он ловил с'езд не то в Минске, не то в Белостоке. Выпроводив его категорически, я рассказала об этом визите снова 3—4 человекам.

Вдруг София созывает всю „свою“ публику в квартире Караваевых-Порецких, не говоря о цели собрания, только назвав несколько серьезных имен, которые будут.

Собралась «вся колония», сказали бы мы языком ссылки. Здесь это были все революционно-оппозиционные элементы, но не оформленные ни в какую организацию, что было иногда обычно и естественно, расслоение произошло позже. Помню, что был Николай Христианович Фосс, Иван Никитин, Вера Доброхотова, Татарова; вообще довольно большая комната была полна.

---

[1]) Я, как акушерка, провела звонок, так как наш дом был в глубине двора.—Авт.

София обрушилась на меня с обвинением, чуть ли не за сношения с полицией, доказывая, что должна была задержать у себя этого шпика; послать к ней и другим товарищам. Они бы пришли и убили его у меня. Она обвиняла меня в том, что скрыла второй визит. Поднялись шум и прения. София кричала, что если молодой Татаров по моим словам, держал себе плохо на допросах, то ему, молодому, это простительно, а вот все зло в такой, как я, которой не простителен этот факт.

Татаров и подобная ему кампания поддерживали ее. Выяснилось, что Фоссу и другим я сообщила о визите шпиона, так что обвинение было не обосновано. Спорили о том, можно ли быть в себе уверенной, что ничего в разговоре не выболтаешь или не надо ни слова было говорить со шпионом. Предложение послать за товарищами для убийства в нашей квартире было явной нелепостью для всех. Караваева стала резко протестовать против обманного использования ее квартиры.

„Мы все хорошо знаем Евгению Николаевну, как старого испытанного работника, на деле доказавшего себя. Я никогда бы не дала квартиры, если бы знала, что будет такой порядок дня“. Ее горячее выступление как-то охладило публику. Многие стали уходить. Собрался уходить и рабочий Никитин. „Куда же Вы? Вы должны защитить меня, дать отпор, мне же неудобно самой защищаться,“— сказала я ему, зная, что он также возмущен обвинениями.— „Э, ну их к черту! не обращайте внимания,“—сказал он. Так ничем и не кончилось это собрание,—эта эсэровская выходка против меня. Хотелось поскорее вырваться из этой дыры, на массовую работу. Как только прекратили наше дело, большинство уехало. Никитин в Москву, я в Питер.

Та же Е. А. Караваева, у которой жила моя девочка, пока я сидела в тюрьме, сказала мне: „Конечно, поезжайте, дочь пока оставьте у меня У меня их шестеро. Я не могу непосредственно служить революции. Буду полезна тем, что развяжу Вам руки...“ Это облегчило меня.

С несколькими рублями в кармане я уехала в Питер, где было много товарищей, работавших со мной в Екатеринославе. Тут я узнала точнее, что есть большевики и мень-

шевики. „Вы, конечно, большевичка“, сказал мне товарищ Юрий Павлович Кулябко, не принимавший при мне активного участия в организации в Екатеринеславе, но помогавший ей и знавший нас всех очень хорошо. Да, в оттенках взглядов и методах работы до 2-го с‘езда уже проявлялся большевизм и меньшевизм. Была борьба их, только завершившаяся, оформившаяся на 2-м с‘езде. Прочитав несколько номеров нелегальных газет и брошюр обоих направлений, я без колебаний оправдала предсказание Ю. П. Кулябко: я нашла в большевистских статьях свои взгляды, свое понимание революции. В Питере я без труда вошла в большевистскую организацию, оставаясь в ее рядах до сих пор.

Евгения Адамович.

Умершие, но не забытые.

К 20-ой годовщине 1905 года мне бы хотелось воскресить в памяти калужских рабочих образы трех хорошо знакомых многим из них, умерших товарищей — старых работников, старой Калужской „Группы“: Ивана Алексеевича Сергиевского („Ванька Серый“), Василия Васильевича Крылова („Касьян“) и Николая Ивановича Попова („Моща“).

У молодых товарищей пожалуй может возникнуть вопрос: что собственно сделали такого особенного эти три работника? Ну, организовывали кружки, вели пропаганду, агитацию, кое-что печатали—стоит ли об этом вспоминать?

Для этих молодых товарищей (молодых по политической работе; по годам они могут быть и почтенного возраста) полезно напомнить место и время, где и когда происходила незаметная муравьиная работа „Группы“.

Место — мелкий губернский город, где все знают в лицо друг друга, где каждая вновь прибывшая личность уже обращает на себя внимание („чей же это“?), где меняй партийную кличку хоть каждый день, каждый знает, кто под этой кличкой в действительности числится; город, где вся улица знает, кто и в какие часы выходит из дома, и кто к кому заходит, где все, за отсутствием общественных инте-

ресов, страшно любопытны. Не успела напр. Е. Н. Адамович переехать на квартиру на Успенской улице (теперь пр. Бебеля), на другой же день наша кухарка сообщила: „рядом переехала акушерка..... в бога не верит.... ни одной иконы нет“.... Время — рассвет полицейского режима. Жандармы, городовые, филеры казенные и сыщики-добровольцы, доносчики тайные и явные, действующие и за страх и за совесть, перлюстрация писем, и как венец всего — провокаторы....

Если принять все это в расчет, окажется, что „Группа“ в данных условиях места и времени сделала все возможное: положила начало крепкой рабочей организации и успешно развивала классовое сознание рабочих, борясь и устно и путем печати на два фронта — с правительством и эсерами, влияние которых на рабочих, благодаря этой борьбе, в Калуге равнялось нулю, чем немногие города могли похвалиться в то время.

Три товарища, о которых ниже пойдет речь, были видными членами „Группы“. Кроме того, они гораздо раньше ее возникновения вели долгую и напряженную работу среди учащихся г. Калуги, вырабатывая будущих марксистов. В этом их огромная заслуга, и их имена не должны быть забыты: они „видели дальше других и хотели сильнее других!“.

I.

Иван Алексеевич Сергиевский — сын священника села Сляднева, (недалеко от ст. Суходрев). Его я знал очень давно, года с 1897 г., когда ему было лет двенадцать. Старший брат его Константин, в то время ученик 2-го класса семинарии, состоял в нашем семинарском кружке, который существовал только второй год и насчитывал всего 11 человек членов. Маленький Сергиевский вырос под влиянием брата, читал книжки по его указанию, и, конечно, не проходили мимо ушей злые и часто довольно меткие замечания К. Сергиевского по адресу „народников“. Когда я уже окончил семинарию, К. Сергиевский неоднократно говорил мне про брата: „хороший мальчишка растет“. В 1901 году, когда я вернулся из Харькова в Калугу, из „мальчишки“ образовался уже очень серьезный вдумчивый юноша, усиленно

поглощавший легальную и нелегальную марксистскую литературу, не ограничивавшийся притом „целиком работой внутри кружка“, а руководивший одним из подготовительных кружков и усиленно вербовавший новых и новых членов. В 1902 году И. А. становится во главе семинарского кружка и вместе с братьями В. В. и А. В. Крыловыми, А. П. Лихачевым и др. ведет агитацию за обязательное участие в общеполитическом движении.

Наряду с этим им ведется усиленная пропаганда марксизма и ожесточенная борьба с эсеровщиной, которая вносится как наезжающими студентами, так и, в особенности, проживающим в это время в Калуге А. Д. Высоцким.

Летом 1903 года И. А. знакомится с рабочим ж. д. мастерских Титовым („Титыч“) и сейчас же пользуется этим ценным знакомством — заводит связь с небольшим кружком рабочих ж. д., группировавшихся вокруг „Титыча“.

В один из летних дней в городском бору, за сторожкой в сторону монастыря, небольшая группа рабочих ж.-д. мастерских разных цехов (А. Карев, Н. Серганов, А. Карандасов, Н. Галкин, В. Баташов, А. Константинов и Титов) долго ищут „Ваньку Серого“. Обещал притти, а нет его. И уже тронулись было по домам, когда на лугу перед бором увидали поднявшуюся из травы фигуру и, присмотревшись, узнали „Серого“. Настолько еще мало были знакомы, что прошли мимо него в бор и друг друга не признали. Повернули все вместе назад, и состоялось первое собрание кружка рабочих калужских ж.-д. мастерских, положившее начало крепкой с.-д. рабочей организации. На этом собрании И. А. Сергиевский, он-же „Серый“, много говорил о необходимости для рабочих прочной и тесной организации. А так как первая организация в условиях полицейского режима немыслима без самой строгой конспирации, то и этой последней было отведено подобающее место.

Члены Калужского кружка семинаристов по части конспирации были великие мастера, да и иначе не могло и быть: кружку угрожали не только жандармы, но и некоторые из „благонамеренных“ товарищей. А кроме того во всякий час дня и ночи на семинарскую квартиру-коммуну (обычный тип семинарских квартир) могла нагрянуть семи-

нарская инспекция и перерыть все с низу до верху, а в постный день слазить даже к хозяйке в печь и посмотреть, что готовится для нахлебников на обед или на ужин (между прочим: на квартире, где жил Сергиевский и Крыловы, д. Низяевой в ограде Благовещенской церкви — всегда для таких случаев имелась в постные дни конспиративная селедка).

Благодаря самой строгой конспирации, семинарский кружок, существовавший с 1896 года, не знал провалов, несмотря на очень широкую деятельность. В отношении конспирации кружок был великолепной школой для будущих революционеров. А о такой именно деятельности мечтало и к ней готовилось все руководящее ядро кружка. Книжка — „Как держать себя на допросах“—не прочитывалась, а буквально изучалась. Поэтому очень естественно, что „Серый“, один из лучших учеников по конспирации среди семинаристов с первого же собрания начал обучать любимой науке и рабочих.

С этого времени начинаются правильные кружковые занятия И. А. Сергиевского с рабочими. Изучается политическая экономия, ведутся беседы по текущему моменту. Как пропагандист и агитатор „Серый“ был незаменим. Ясный, простой язык, уменье захватить слушателя, уменье сразу войти в круг повседневных интересов рабочего. На собрания он почти всегда приходил с газетой, прочитывал какое нибудь сообщение, какую нибудь корреспонденцию и сейчас же ставил прочитанное в связь с обще-политическими и социальными условиями русской жизни.

В 1904 году Сергиевский становится членом „Группы“, основанной Митиным, Фетисовым и Лихачевым. Фактически в работе „Группы“ он принимал участие и раньше, как и остальные руководители семинарского кружка, обсуждая с А. П. Лихачевым („Петрович“) каждый шаг в общественной работе. Сергиевский, Крыловы, Лихачев, Ждановы были одно целое, одна коллективная личность.

В воспоминаниях С. Мохова [1]) уже указывалось, как на одном из заседании „Группы“ Сергиевский выступил против своеобразного „богоискательства“ Зотыча (очевидно,

---

[1]) См. сборник „Из партийного прошлого“ вып. I и II—Ред.

подпадавшего под влияние некоторых „блаженных“ интеллигентов), противопоставив религиозным бредням изложение сущности материалистического мировоззрения.

Осенью 1904 года И. А. покидает семинарию и поступает корректором в Земскую типографию. Деятельность „Группы“ между тем растет. Гектографа оказывается недостаточно. Значит, надо ставить „типу“..... Осталось яркое воспоминание в моей памяти об одном из вечеров, когда мы с Сергиевским, шагая по Садовой (теперь Театральная) взад и вперед, обсуждали детали похищения из Земской типографии шрифта. Между прочим было решено, чтобы не было ошибки в потребном количестве разных букв для набора (известно, что одних букв требуется больше, других - меньше, но в какой пропорции? Этого мы не знали), „смыть“ прямо две доски уже готового набора.

„Группа“ получила шрифт для типографии.

Помимо занятий с рабочими „Серый“ не бросает и работы среди учащихся: ведет занятия с кружком техников, держит связь с семинарией.

С весны 1905 года начались массовки. Главный элемент на массовках, устраиваемых „Группой“ — рабочие. Сергиевский и тут является постоянным докладчиком по текущему моменту, и тут имеет огромный успех. Конечно, одним текущим моментом он ограничиваться не мог. Приходилось не только бить врагов справа, но и сечь „друзей“ слева. Такой экзекуции неоднократно подвергались эсэры.

Осенью 1905 года И. А. Сергиевский уехал в Вятку и больше уже не вернулся: неизвестно, в силу каких причин он застрелился. За все время своей деятельности он был арестован только один раз и находился под арестом только один день. Я услышал про его арест от него самого, когда он прямо из тюрьмы пришел ко мне в Контрольную Палату и принес вещественное доказательство проницательности калужских жандармов — тюремный паек черного хлеба.

II.

Василий Васильевич Крылов, также, как и Сергиевский, был сын священника из села Николо - Дол. В 1901 году

я застал его живущим в семинарской коммуне. Уже тогда В. В. увлекался изучением теории исторического материализма. Целыми вечерами велся разговор по поводу статьи Кирсанова „О роли личности в истории“, прочитанной в „Научном Обозрении“. Так как в то время известной книги Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ достать в Калуге было нельзя (1-е издание было библиографической редкостью, 2-е было выпущено только в 1905 году), пришлось знакомить „коммуну“ с Бельтовым, по сделанным мною ранее выпискам из этой книги. С „Манифестом коммунистической партии“ население „коммуны“ уже познакомилось по экземпляру, отпечатанному на гектографе еще в 1899 г. членами семинарского кружка братьями Панютиными (тогда же ими были отпечатаны „Письма Энгельса о России“ и перепечатан фотографическим способом портрет Маркса. Все эти издания разошлись и за пределы семинарского кружка).

С 1902 года В. В. Крылов, еще в семинарии известный под именем „Касьяна“, становится одним из руководителей семинарского кружка. Влияние его на товарищей было огромное. Гораздо позже мне признавался один из окончивших семинарию в том, как он и мои два одноклассника в 1897 году, нацепив фальшивые усы, следили с целью доноса за нами „толстовцами“ (тогда это была „высшая мера“ революционности. О марксистах не члены кружка и не слыхали). Впоследствии этот самый доброволец-филер сделался исключительно под влиянием „Касьяна“ убежденным марксистом.

Главная доля борьбы с эсэровщиной в семинарии принадлежала В. В. Крылову, и результаты этой борьбы были на-лицо: эсэров в семинарии можно было пересчитать, не прибегая к двузначным цифрам.

В „Группу“ В. В. официально вступил только в конце апреля 1904 года, но, по словам С. Мохова, „несмотря на свое позднее выступление в „Группу“, занял в ней до конца, одно из видных мест по своей широкой и серьезной марксистской подготовке“. Думаю, что под словами т. Мохова без всякого колебания подписались бы все уцелевшие сейчас члены „Группы“.

Старые „симпатии“ к эсэрам у „Касьяна“ не заглохли. И он на массовках очень часто выступал по „аграрному вопросу“. Слишком слабые по части теории вообще, а в Калуге в особенности (единственно крупной величиной за все время был А. Д. Высоцкий, но он еще с 1903 г. исчез с Калужского горизонта), они выписывали гастролеров из центра, до Бунакова включительно. Обыкновенно такие „знатные иностранцы“ с одним и тем же докладом выступали в целом ряде городов, и мне один товарищ передавал, что речь Бунакова он с удовольствием слышит второй раз в тех же самых словах, и с теми же самыми жестами. Не знаю, как уносили ноги эсэровские витии из др. городов, но в Калуге им показали, что даже „Непобедимого“ (кличка Бунакова, как видно, человека величайшей скромности) не так уж трудно победить, пользуясь хорошо отточенным оружием марксизма.

В 1905 году Крылов окончил курс семинарии и уехал в Харьковский Ветеринарный институт. Но связь с калужской организацией он не терял. В 1906 году на маевке он опять чистит эсеров...

В 1907 году осуществилась, наконец, мечта калужской «группы»: в Калуге начинает выходить своя газета «Калужский рабочий“ и „Касьян“, конечно, принимает в деле издательства газеты самое близкое участие. Статья в № 1 „Кто победит“ принадлежит не мне, как ошибочно почему то предположил Д. И. Малинин (в № 99 „Коммуна“ за 1925 год), а В. В. Крылову (подпись Лийлов представляет собою соединение концов слов Василий Крылов), хотя статья эта по основной мысли вполне совпадает с написанной мною передовой для того же № 1 („От редакции“). Участвует в это время „Касьян» и в „технике“. Вообще каждый раз по приезде из Харькова в Калугу, „Касьян“ продолжает работу в Калужской организации РСДРП, продолжает работу и в деревне, где у него имелись хорошо налаженные связи. О работе в Харькове мне ничего не известно, хотя и знаю, что „Касьян“ не мог не работать.

Среди рабочих ж.-д. мастерских В. В. Крылов был хорошо известен, и мнение о нем составилось вполне определенное. В 1907 году он рабочими был выдвинут канди-

датом в делегаты на Лондонский с'езд, но в силу некоторых соображений сам снял свою кандидатуру.

Хороший конспиратор „Касьян“, сумел уцелеть несмотря на большую и широкую работу, ни разу не попал в лапы жандармерии и, благополучно окончив Ветеринарный институт, получил на юге место ветеринарного врача.

В империалистическую войну умер от сыпного тифа.

III.

Николай Иванович Попов (Мощa) был много старше Сергиевского и Крылова. Сын бухгалтера Управления С.-В. ж. д. он окончил Калужское Реальное училище приблизительно в 1897 году.

По части «ущемления» учащихся Калужского Реальное училище мало чем уступало семинарии, а кое в чем и превосходило его. Я помню случаи, когда во время летних каникул в какой-нибудь праздничный день на квартиру реалиста являлся сторож и вручал приглашение „пожаловать“ к инспектору. Ученик являлся и его заключали в карцер за то, что он появился на бульваре в «смешанной форме» (серые зимние брюки и белая летняя куртка или в пальто в «накидку»). В 1895 году за участие в рукописном юмористическом журнале, самого невинного характера был исключен из 6-го класса 2-й ученик.

Каждый реалист обязан был носить при себе «билет», где были пропечатаны все правила поведения (до поклонов при встрече с г. начальником губернии включительно), и этот билет должен быть пред'являем в случае нарушения какого нибудь пункта, не только своему надзирателю, но и администрации других учебных заведений. Отношение учителей к ученикам было чисто формальное, бездушное, отношение чеховских человеков в футляре.

Естественно, что такая постановка «воспитания» порождала оппозицию. Под влиянием старших товарищей-студентов (главным образом технологов) реалисты кое-что почитывали, кое о чем подумывали.

Н. И. Попов, кроме того, вырос в такой семье, где детям предоставлена была полная свобода. Отец его был для детей старшим товарищем. И еще за долго до окончания курса

Н. И. увлекается серьезным чтением. Иногда отец приносил кое что и из «запрещенного»: помню письмо Цебриковой к Александру III, „Евангелие“ и «В чем моя вера» Л. Н. Толстого. С 1897 г. стала появляться и революционная литература. Читались новые журналы из богатой ж.-д. библиотеки, сочинения Писарева, Шелгунова оттуда же. Организованного кружка реалистов в этот период не было. Просто заходили друг к другу, делились новостями и книжками, Но в результате создавалось настолько определенное политическое настроение, что во время коронации Николая II, реалисты резали царские портреты и вензеля, выставленные обывателями на окнах.

Окончив реальное училище Н. И. Попов вступил в Петербургский Технологический институт, но пробыл там только один год.

Приехав из института уже политически подросшим, отбыв год военной службы вольноопределяющимся в артиллерии, потом прапорщиком, Н. И. поступает в Земскую статистику. В это время он уже берется за «Капитал», изучает основательно все три тома. Вдумчивая усидчивая работа и колоссальная память сделали из Н. И. Попова прямо таки живой справочник по Марксу. В 1902 году мы с ним часто заходили к самому видному в Калуге с. р. А. Д. Высоцкому, в спорах с которым я брал на себя «философскую» часть, а Н. И. крыл «Капиталом». Бывало не только приведет цитату, но назовет и страницу. Высоцкий проверяет по книжке: «верно»! Еще в 1901 году я ввел Попова в кружок, в котором главную роль играли Разломалин и Е. М. Роганова.

Кружок до 1901 года главным образом занимался добыванием нелегальной литературы и взаимным ознакомлением членов по части политических новостей. Литература распространялась не только между членами кружка, но и между надежными лицами из служащих различных учреждений. Попадала она и к семинаристам. Но ни одного семинариста в кружке не было; я познакомил двух или трех только с Разломалиным. На гектографе, который был изготовлен, если не ошибаюсь П. Н. Баташовым были напечатаны мной только «Пауки и мухи» Либкнехта и то в очень незначительном количестве экземпляров.

К маю 1902 года кружком была выпущена прокламация. Печатана на гектографе при ближайшем участии Н. И. Попова на квартире его товарища по реальному училищу А. М. Ларина (б. Никольская ул.) в четверг на страстной неделе, когда домашние Ларина слушали в церкви «12 евангелий». Эта прокламация потом была передана для распространения в ж.-д. мастерских через Разломалина Баташову.

С лета этого же года начала, при посредстве Б. В. Авилова, регулярно получаться прямо из-за границы «Искра» на аптекарский магазин П. П. Канинг вместе с прейскурантами. (С «Зарей» дело было хуже; иногда книжка давалась только на день). Одновременно через А. Д Высоцкого Калуга, стала аккуратно снабжаться «Революционной Россией», вносившей много путаницы в еще неокрепшие мозги молодежи. Н. И. Попов не мало способствовал рассеянию эсэровского тумана. Когда Высоцкий, имевший преувеличенное представление о силах нашего кружка и думавший через него связаться с рабочими и семинаристами, предлагал „об'единиться", против этого предложения решительно восстал Попов. Тщетно Высоцкий давал нам взятки в виде «Эрфуртской программы» и «Что делать» Ленина. «Эрфуртскую программу» взяли, „Что делать" прочитали, но об'единяться не стали. Помню одно собрание нашего, очень тогда маленького кружка у Е. Н. Адамович. Было заслушано предложение об'единить свои силы для взаимных услуг, а также попутно систематически заняться критическим разбором «Манифеста коммунистической партии» и друг. произведений.

Вот тут то и выступил во всеоружии своих знаний и огромной памяти Н. И. Попов. Целым рядом цитат из „Зари" и „Искры" и „Революционной России" он указал, какая непроходимая пропасть лежит между с.-д. и с.-р., указал также, что означает в настоящее время „критический разбор". Речь была очень убедительна для всех. Одна из юных марксисток вымолвила классическую фразу: „в таком случае, господа, давайте лучше будем социал-демократами". И лестное предложение хитроумного эсэра было провалено. Другая попытка Высоцкого об'единиться тоже провалилась. Он предложил нам с Поповым привести с собой семинари-

стов и вместе „поговорить о терроре“, обещав с своей стороны привести своих знакомых рабочих и учащихся. Обсудив предложение, мы захватили с собой №№ „Искры“, где была статья „Революционный авантюризм“ и явились на собрание в квартиру с.-д. Кнутова (товарища Попова по статистике) втроем Попов, Адамович и я. Оказалось, что и Высоцкий привел рабочих и учащихся в таком же количестве: там были с.-р.—жена Высоцкого, Кролевцы, Печковский и еще кто то.

После доклада Высоцкого мы не стали „Искры“ вытаскивать, решив, что самое лучшее отправиться по домам „на спокой“. Вот и все о предполагавшемся слиянии Калужских с.-д. и с.-р. Откуда взяла О. Чаадаева легенду о решении кружка „связаться хотя бы даже с эсэровским центром (стр. 9 вып. II Сборника „из парт. прошлого“), не знаю. Если бы такое решение было, то Попов и я вышли бы из кружка.

В 1903 году текст майской прокламации был составлен Н. П. Поповым и мной[1]). Мы же и печатали ее на квартире Кнутова и затем, передали П. Н. Баташову для распространения.

Осенью 1903 года Н. И. Попов был арестован вместе с другими членами кружка. На допросах жандарма выцедить от него ничего не удалось.

Освободившись осенью 1904 года из Жиздринской тюрьмы, я застал Н. И. Попова уже членом „Группы“ занимающимся с кружком пропагандистов и известным уже калужским рабочим под кличкой „Моща“.

Как в этом, так и в следующем году он выступает на массовках, на дискуссиях с с.-р., ведет работу с рабочей организацией, с кружками повышенного типа, но исключительно с теми, которые примыкают к „Группе“.

Вопреки утверждению О. Чаадаевой („Из парт. прошлого“ вып. I, стр. 10) Н. И. никогда в „Союзе“ не работал, точно также, как никогда не служил в казенном учреждении (стр. 13, там-же).

---

[1]) И. А. Голубев повидимому ошибается. Он составлял прокламацию к 1 мая, не в 1903 г., а в 1902 г. В 1903 г. ее составляла Е. Н. Адамович.—Ред.

В 1906 году Попов кроме того участвует в выборной кампании в Государственную Думу, входит в комитет с правом совещательного голоса. В 1907 году, кроме обычной работы среди ж.-д. рабочих в качестве пропагандиста он вместе с Баевским ведет работу и среди солдат. Бывший вольноопределяющийся, он чувствует себя среди них, как рыба в воде. Увлекается технической стороной вооруженного восстания. Также, как и В. В. Крылов он был выдвинут в числе кандидатов на Лондонский с'езд.

Усиленная работа над собой и над другими, калужская тюрьма, наступившая реакция и гибель дорогой для него организации окончательно подорвали его физические и умственные силы. После смерти Калужской организации вскоре умер и Н. И. Попов.

И. Голубев.

Калужский Социал-Демократический Союз [1]).

(1905 год).

Начало Союза можно отнести ко времени, сравнительно очень отдаленному от того момента, когда Союз выступил, как партийная организация. Это было лето 1903 года. В это время между целым рядом лиц преимущественно из учащихся завелось знакомство на почве политических интересов. Было решено придать общению организованную форму в виде кружка для совместных занятий по изучению марксизма и социал-демократической программы. Выбор предмета, конечно, об'ясняется тем, что члены этого кружка до образования его были знакомы с социал-демократическим движением и были сторонниками именно этих революционных идей. Кружок начал свою деятельность приобретением книг по экономике и рабочему движению (легальных) и устройством собраний. Два собрания с замечательной точностью описаны историком революционного движения в Калуге

---

[1]) Из „Партийного прошлого“, вып. I, стр. 123.

С. Моховым[1]) Более обширным и сплочённым этот кружок стал с осени, когда его руководителем стал Н. Х. Фосс, самый популярный и влиятельный с.-д. в Калуге. Собрания были довольно частые. Как основное руководство для ознакомления с марксизмом была выбрана книга Богданов— „Краткий курс экономической науки“—настольная книга каждого социал-демократа в то время. Помимо вопросов, связанных с этой книгой, в кружке делались доклады и по другим вопросам. Особенным вниманием пользовался вопрос аграрный, который в описываемое время разделял социалистический лагерь на две партии и вопрос о роли интеллигенции в революционном движении. Попадала в кружок и нелегальная революционная литература (между прочим— „Что делать“ и „Задачи с.-д. в России“—Ленина).

Осенние аресты многих лиц, в том числе и членов кружка, уменьшили его численность, но ядро его сохранилось и занятия продолжались всю зиму. Было у членов кружка и знакомство с рабочими, но систематически пропаганды среди них кружок не вел. Весной (1904 г.) к кружку примкнули новые лица; вследствие возможности устраивать собрания за городом, собрания стали многочисленнее. Обычное число присутствующих на собраниях 25—30 человек. Об этом периоде можно сказать, что кружок перешел к более широкой пропагандистской деятельности.

Осенью 1904 года политическая жизнь в России пробудилась и проявилась в открытых политических выступлениях в виде банкетов. Калуга не осталась в стороне. Среди элементов Калужского общества, которые участвовали в банкетах и собраниях, были и члены кружка. События властно направляли членов кружка к политической дея-

---

[1]) Приступая к истории Союза, автор считает нужным предупредить читателя, что многие обстоятельства из партийного прошлого Калужской губернии, которые были бы необходимы для уяснения роли Союза, он опустил, имея в виду, что эти обстоятельства подробно изложены в изданных сборниках—„Из партийного прошлого“,—особенно в статьях С. Мохова—„Из истории возникновения и деятельности Калужской группы РСДРП“ и Чаадаевой —„К характеристике развития Калужской партийной организации“ и „Развитие с.-д. движения в Калуге“.— Читатель будет более удовлетворен статьей о Союзе, если возьмет на себя труд прочитать эти статьи, если он не сделал этого раньше.

тельности и созданию партийной организации. Но это дело задержалось, вследствие от‘езда многих членов кружка из Калуги.

В это же самое время в Калуге окончательно сформировалась, как активная партийная организация, Калужская группа РСДРП, история которого подробно рассказана в I-м выпуске—„Из партийного прошлого“—С. Моховым.[1]) По его словам—„к началу 1905 г. Группа была в апогее своей славы и силы“.

Группа эта состояла из незначительного количества лиц, большею частью из учеников местной духовной семинарии и ж.-д. технического училища, держалась очень замкнуто; никто из интеллигентского кружка к ней не присоединялся.

Между тем политическое движение росло, шло на под‘ем, захватывая в круг своего влияния все большие круги населения и самые разнообразные слои.

Собравшийся в Калуге в январе с‘езд членов учительского общества взаимопомощи сделался местом открытых революционных выступлений при ближайшем участии членов Группы и кружка. На с‘езде были разбросаны прокламации Группы.

В такой момент тяжело было оставаться пассивным для людей, которые были сторонниками революционного движения. Достаточно было небольшого усилия, чтобы привлечь таких людей к организованному участию в революционной работе.

Так как замкнутость Группы делала попытки членов кружка примкнуть к ней неуспешными (эта попытка исходила от приезжавшего тогда в Калугу представителя ЦК партии Кибрика, считавшего существование двух партийных организаций в одном городе ненормальным), члены кружка, автор этих воспоминаний и Н. Х. Фосс, решили создать независимую от Группы партийную с.-д. организацию. Инициатива этих лиц была поддержана многими членами кружка, проживавшими тогда в Калуге.

За создание новой организации имелись веские основания; наличность в Калуге людей среди интеллигенции

---

[1]) „Из партийного прошлого“.—Вып. I, стр. 158.

с.-д. ориентации, желающих принять активное участие в революционной работе; незначительный размер деятельности Группы, оставлявшей много „непочатых углов“—для революционного воздействия; „Группа“ не была комитетом партии, почему основание второй организации не могло оказаться в противоречии с партийной дисциплиной.

Приступая к основанию с.-д. организации, инициаторы этого дела не могли, конечно, оставить без учета возможности направить деятельность новой организации в среду рабочих. В этом отношении дело было небезнадежно. Связи с рабочими имелись. У автора этих строк было знакомство с рабочими Земской типографии. Из числа рабочих этого предприятия был завербован для работы в новой организации В. С. Борисов, высоко-интеллигентный рабочий, ставший постоянным и деятельным членом Союза.

Имелись связи и в железно-дорожных мастерских. Случай, который дал возможность завести эти связи был таков: студент Университета С. Н. Гайгеров, сын рабочего, имевший знакомство среди ж.-д. рабочих, организовал самостоятельно кружок рабочих для ознакомления рабочих с революционным движением и с.-д. программой. Автор этих воспоминаний был приглашен Гайгеровым для участия в кружке в качестве докладчика, что дало возможность познакомиться с рабочими. На собраниях этого кружка, происходивших на квартире Гайгерова на Ямской улице, приходило человек 10. По имени помню только двух В. Баташова и И. П. Тоболина. Последний потом принимал участие в работе Союза и был членом его комитета.

Помимо связей с рабочими в городе, при основании Союза, имелась возможность завести связи на Дугненском заводе, где учителем школы был с.-д. В. М. Бриллиантов, впоследствии арестованный с типографией Калужского комитета.

Таковы были перспективы Союза. Остальное должна была дать революционная энергия членов Союза. Будущее не обмануло организаторов Союза. Окончательно сформированный к маю месяцу под именем—„Калужского С.-Д. Союза“ признанный ЦК партии, Союз развил энергичную деятельность, развившуюся в контакте с нараставшим буквально с каждым днем революционным движением.

Так как число активных членов Союза с самого начала было значительным, приблизительно не менее двадцати человек, и решать все вопросы, которые выдвигала практика повседневной работы, на собраниях всех членов Союза было бы затруднительным; из числа членов Союза был избран комитет из трех человек, который должен был руководить деятельностью членов союза и выполнять непосредственно те дела, которые требовали особой конспирации (сношения с центральными организациями партии, получение нелегальной литературы, приобретение и установка типографии).

Здесь будет уместно рассказать о попытке соединения Группы и Союза. Этот эпизод рассказан и в вышеупомянутой статье С. Н. Мохова [1]), но то, что о нем сказано, не вполне соответствует действительности. Автор этих воспоминаний решается утверждать, что об'единение Группы и Союза состоялось, но было кратковременным. Был выбран общий комитет из шести человек по три человека от Группы и от Союза. Об'единение оказалось не только бесплодным, но и вредным, так как непосредственно по об'единении начались „трения“, придирчивая и враждебная критика членов Союза со стороны членов Группы, особенно Сергиевского. На одном из собраний пропагандистской группы нападки приняли такой враждебный характер, что присутствующий член (от Союза) предложил созвать собрание об'единенной организации и обсудить вопрос о возможности дальнейшего об'единенного состояния организации. Собрание состоялось, но после окончания его участники уходили раз'единенные на прежние две организации. Никто из членов Союза не предпочел Группы, также и члены Группы—Союз. Так как периферии Группы и Союза не были об'единены в течение тех двух или трех недель, когда действовал об'единенный комитет, то раз'единение прошло гладко, и Группа и Союз продолжали до ноября оставаться раз'единенными.

О причинах этого продолжительного конфликта прежде всего следует сказать, что программных или тактических

---

[1]) „Из партийного прошлого“.—Вып. I, стр. 166 и 167.

разногласий между Группой и Союзом не было. Это подтверждено и в статье С. Мохова[1]). Обвинение в малодеятельности Союза также не имело оснований. Что же разделяло членов двух групп? Личные особенности членов Группы, таково мнение автора этих воспоминаний. Во-первых все это были юнцы, только что оставившие школу, необеспеченные, с отщепенской психологией, что особенно относится к тем из них, которые вышли из среды духовенства и хотя обучались в городе, но жили без общения с городским населением, даже с учащимися светских школ, как отдельная каста.

Свойственные этому возрасту крайности, преувеличенный ригоризм и демократизм, часто напускной, стоило послушать их жаргон, любимые словечки. В подтверждение правильности характеристики можно сослаться на свидетельство одного из членов группы, именно С. Мохова, который в своей статье искренно и живо передает о том самочувствии, которое он и его товарищ Фетисов испытывали, когда попадали в среду взрослой интеллигенции. Особенно характерен рассказ о вечеринке в доме Колесникова [2]); хотя кружок и потом Союз состоял из трудовой интеллигенции, но и в среде ее юные рыцари классовой борьбы чувствовали себя не в своей тарелке и считали представителей ее слишком буржуазными.

Отличавшиеся от остальной интеллигенции члены Группы по отношению друг к другу были очень схожи, что усиливало их тяготение к обособлению.

Вот в кратких чертах причины, которые сделали невозможным совместную деятельность людей с одинаковой идеологией, но с разными чувствами.

Деятельность Союза выражалась в распространении революционной литературы, устройстве собраний, массовок, организации кружков для подготовки лиц для партийной работы и в создании рабочих организаций. О каждом из этих видов деятельности дальше будет сказано отдельно.

Что касается распространения революционной литературы, то нужно сказать, что с выпуском собственных про-

[1]) „Из партийного прошлого“.—Вып. I, стр. 165.

[2]) „Из партийного прошлого“ вып. I-й, стр. 122—125, 127.

кламаций дело в Союзе обстояло неблагополучно. Была выпущена прокламация к 1-му мая, размноженная на гектографе и, кажется, еще одна или две. Недостаточный выпуск прокламаций об'яснялся отсутствием типографии. Размножение на гектографе плохо удавалось и для достаточного числа экземпляров требовалось много работы. Союз без замедления озаботился постановкой типографии и вошел в сношения с Московскими организациями. В Калугу был немедленно прислан наборщик и была обещана типография. Наборщик некоторое время жил в Калуге (в квартире Купецкой), но типографии не дождался. Обладая искусством гравера, он сделал для Союза прекрасную печать. Типография же не была доставлена из за слишком высокой цены, которую потребовали специально приезжавшие для переговоров о типографии в Калугу товарищи из Москвы. Одним из приехавших был товарищ, который потом часто приезжал в Калугу, он получил кличку „Перепел" и пользовался всеобщими симпатиями членов Союза, да, кажется, и Группы.

Итак, с прокламациями дело обстояло неважно. Но этот недостаток компенсировался большим количеством литературы как заграничного издания, так и листовок Московского комитета партии, которую Союз, благодаря своему члену В. А. Вознесенскому, получал в большом количестве и щедро распространял как в городе, так и в уездах. Союз регулярно получал „Искру" и менее обильно „Пролетарий".

Массовки Союзом устраивались часто, для чего использовывались разнообразные места в окрестностях Калуги: за рекой возле Сытинских дач, в лесу возле Старо-Московского большака, около села Борщовки. Собрания были всегда достаточно многолюдны. Оповещение о собраниях лежало на обязанностях всех членов Союза. Каждый член делал это в отношении близкого ему по условиям жизни и особенно службы контингента граждан. Всегда принимались энергичные меры для оповещения и приглашения на массовку рабочих, что считалось задачей первейшей важности [1]). Хотя рабочие больше тяготели к Группе, с которой у них было больше личных связей, но на массовки Союза они

---

[1]) См. „Из парт. прошлого"—вып. 1 ст. С. Мохова стр. 166.

всегда приходили. Из служащих городских учреждений наибольшее число регулярных посетителей массовок приходилось на служащих Управления дорог, где служили несколько активных членов Союза (Костин Н. К., Никифоров А. Д.). Посещали массовки и служащие в Калужских магазинах, связь с которыми Союз поддерживал через М. К. Топильского.

На массовках Союза докладчиками Союза выступали наиболее часто Н. Х. Фосс и В. А. Вознесенский. Обычными темами речей были обзор революционного движения и его отдельные эпизоды; вопросы программы и особенно аграрная программа, предмет нападок с.-р. и недоумений многих сторонников с.-д. партии. Трудно было защищать „отрезки". Две массовки были посвящены вопросу о расколе в партии, на 3-м с'езде, по получении брошюр с постановлениями 3-го с'езда и конференции меньшинства.

О значении массовок нужно сказать, что они были значительными выделяющимися моментами в партийной деятельности. Они были показателями успеха, популярности организации и ее качественного роста. Эти же массовки были одним из могучих средств пропаганды и агитации, так как на массовках осуществлялось разное об'единение сторонников революционного движения, вообще раз'единенных, в возбуждающей атмосфере пылких революционных речей и дебатов, поддерживавших в людях симпатии к революционному движению. Поэтому устройство массовок требовало от членов Союза большого труда и энергии, наградой за которые был успех массовки.

Союз не ограничивался деятельностью в Калуге и упорно работал над проникновением в уездные промышленные центры, где были заведены знакомства, через которые распространялась литература и делались попытки завести хотя бы небольшие организации. Наиболее организованные сношения у Союза были установлены с Дугненским заводом и Кондровской и Троицкой писчебумажными фабриками. В эти пункты члены Союза выезжали не раз. Связь с районом Дугненского и Мышегского заводов поддерживалась через члена Союза В. Вознесенского и Роганову. Для сношения с Троицкой и Кондровской фабриками был пригла-

шен один из рабочих Бровцев, который оставил работу и получал средства к жизни от Союза. Он поддерживал связь с этими пунктами, возил туда литературу и устраивал собрания, на которые выезжали члены Союза. В памяти автора этой статьи живо сохранилось первое организационное собрание. Собрание было созвано в лесу. Пришло человек сорок рабочих. Прием был радушный; после собрания нельзя было отказатьоя от умеренной выпивки и закуски.

Такова в общих чертах деятельность Союза. Нельзя умалить ее значения, если принять во внимание краткость существования Союза (май—октябрь) и те трудности, которые были сопряжены с деятельностью, которая в одно и то же время требовала расширения и соблюдения конспирации. В описываемое время стремление к расширению преобладало во вред конспирации.

Осенью в члены Союза вступили новые члены: Юрий Сидоров, Генерозов и Данилова. В это время Союз уделил не мало внимания упорядочению организации, и более близкому участию всех членов Союза в ответственной работе, уяснению фракционных разногласий и самоопределению в этом отношении членов Союза, а также и ближайших задач.

В этом пункте повествования автор считает нужным дать характеристику отношения Союза и его членов к вопросу о „большинстве" и „меньшинстве" в с.-д. партии, после раскола на третьем с'езде. Это тем более необходимо, что историки Калужского партийного прошлого, С. Мохов и О. Чаадаева, касаясь Союза, указывали, если не на определенную принадлежность Союза к „большинству", то на несомненный уклон в эту сторону [1]).

Эти указания в общем правильны. Чтобы осветить эту сторону Союза автор считает должным сказать следующее: сущность партийных разногласий мало была известна большинству калужских социал-демократов. Еще до образования

---

[1]) Из „Партийного прошлого" вып. 1 ст. С. Мохова, стр. 157, 161, 165. О. Чаадаева. Предисловие стр. 114, 15, 16, вып. 2-й ст. Чаадаевой стр. 17; ст. Мохова стр. 69.

Союза, в кружке имелись такие книги, как протокол 2-го с'езда, книга Ленина—„Шаг вперед, два шага назад“, но эти книги были мало использованы членами и остались для многих непонятными. Когда возникал Союз, вопрос о фракционном самоопределении не поднимался. В более ясной форме этот вопрос стал перед членами Союза, после получения сведений о результатах третьего с'езда.

Вопрос стал определенно: к кому присоединиться? Большинство членов Союза высказались за „большевиков“, в частности по вопросу о членстве. Но так как самые существенные вопросы разногласий (о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению) оставались для некоторых членов, а может быть даже и для многих неясными, Союз не выносил определенных решений по этим вопросам и не понуждал членов к единомыслию. Такой образ действий Союза сохранил единство его членов и предотвратил раскол, который в Калужских условиях не принес бы пользы.

Но, как сказано выше, большинство членов Союза, высказалось за постановления третьего с'езда, после чего комитет Союза принял меры для установления твердой связи с Московским комитетом и ЦК. В августе месяце в Калугу приезжал член Московской организации партии и на собрании членов Союза раз'яснил тактику „большинства“ и отличие его от „меньшинства“.

Возвращаюсь к дальнейшей истории Союза. Наступили октябрьские дни. Бурный характер событий захватил всех. В такие моменты долг и главная задача всякой партийной организации—не поддаться захватывающим впечатлениям, сохранить дисциплину и возможность действовать организованно. Удалось ли Союзу быть на высоте положения? В значительной мере удалось. Союз выступал в происходящих событиях, как организация, особенно в железнодорожной забастовке и в деятельности руководившего ею комитета.

Но многие члены были увлечены событиями, оторвались от организации и действовали самостийно там, куда их заносил бурный поток обстоятельств, но не один из них не остался в стороне, в роли зрителя.

Весьма напряженной была работа Союза по выпуску прокламаций, которую самоотверженно выполняла, часто одна, Е. М. Роганова. Прокламации размножались на гектографе, и, чтобы удовлетворить потребность в них, приходилось работать упорно с раннего утра до поздней ночи.

Дни Союза, как самостоятельной организации, приближались к концу. События требовали об'единения организаций. Последнее дело Союза до об'единения, которое заслуживает быть особо отмеченным, это устройство типографии. Неудачное предприятие в начале деятельности Союза, о чем рассказано выше, на этот раз увенчалось успехом, типография была организована усилиями В. Вознесенского при участии членов союза В. С. Борисова и В. М. Бриллиатова. Типография была солидно оборудована, но работала она уже не для Союза, а для Калужского комитета РСДРП, который образовался из соединения Группы и Союза в начале ноября.

На этом автор должен закончить свое повествование, чтобы не выйти из пределов темы, выраженной в заглавии этой статьи.

С. П.

О Калужском Союзе Р. С.-Д. Р. Партии.

Летом 1905 года в Калуге велась энергичная работа соц.-демократической организацией. Были завязаны тесные сношения с рабочими жел.-дорожных мастерских и винного завода; посылались агитаторы в Мышегский чугунно-литейный завод (близ Алексина), устраивались частые массовки за рекой или за линией железной дороги.

Был организован большевистский союз Соц.-Демократ. Партии [1]. В комитете этого союза, кроме меня, были следующие лица: Николай Христианович Фосс (адвокат, хорошо образованный, недюжинный оратор и организатор), Сергей Николаевич Преображенский (студент-юрист), Владимир Александрович Вознесенский (партийный работник), Василий Николаевич Любимов (студент), рабочий жел.-дор. мастерских Титов, типографский рабочий Борисов.

---

[1]) Калужский Союз РСДРП.—Ред.

Большое влияние имел наш союз среди рабочих, учителей и учащихся. Мне была поручена организационная и пропагандистская работа среди учащихся, учащих и работниц. У меня был склад нелегальной литературы, и много, много молодежи пользовалось из моей сокровищницы. Всюду у нас были пропагандистские кружки. С учащимися (главным образом были семинаристы и техники) мы читали Энгельса—„От утопии к науке“, Бельтова—„К вопросу о монистическом взгляде на историю“, Каутского—„Изложение учения К. Маркса“, №№ нелегальных газет „Вперед“, „Искры“ и других заграничных революционных изданий, делали рефераты о прочитанном.

Пользовались всякими легальными и нелегальными собраниями учительского общества взаимопомощи и выступали там с речами. Устраивали на массовках диспуты с меньшевиками и эсэрами.

Среди работниц также были кружки, в которых велись беседы по истории революционного движения, знакомили с элементарными понятиями по полит. экономии („Кто чем живет“, „Пауки и мухи“ и др.).

Помню хорошо одну поездку в Мышегский завод с тов. Владимиром (Вознесенским). Связь с этим заводом только что налаживалась. Приехали туда, отыскали квартиру одного из рабочих, сообщили ему о цели нашего приезда.

С предосторожностями, чтобы не навлечь подозрений, провел он нас в ближайший лесок, а через час привел туда же группами человек 30 рабочих. Как жадно слушали они наши речи, с какой благодарностью провожали нас, когда мы, организовав у них комитет и дав определенные задания, уезжали от них.

В наших массовках принимали участие и беспартийные, и либералы, и эсэры, и меньшевики. У меня сохранились фотографические снимки, сделанные во время этих массовок товарищем Владимиром, всех участников. Так, на одном снимке мы видим следующие лица: Елена Купецкая, Клавдия Шарапова, Парецкий Сергей Александрович с женой и дочерьми, Циолковская, Н. Хр. Фосс, Журавлевы (земские служащие), Никитин М. П. (статистик), Преображенский, Попов Н. И., Доброхотов Г. П., Громова В. И., Маня Щепе-

това, Е. А. Колесников (студент), Лариса Ник. Фосс, Пшенай Семен Мак., Аня Пшенай, Клавд. Нахалова, Сиротина О. И., В. А. Леульт, В. П. Доброхотова, сестры Колесниковы Нина и Глафира, В. В. Остроумова. На другом снимке: Лихачев (с.-р.), только что вернувшийся из Сибирской ссылки 45 лет, по виду совершенно седой старик, Лещенко Дм., Квитко, Никифоров, Разломалин, Роганова, Вознесенский.

Быстро промелькнуло в полном смысле „Красное лето", приближался сентябрь.

Издание манифеста, целый ряд манифестаций, призрачные свободы.

Дня через 2—3 после манифестаций с флагами и революционными песнями начались другие шествия. То была черная бессмысленная толпа с портретами царя, хоругвями и иконами... Шествие кончилось избиением евреев, студентов, интеллигенции. Умер после побоев (кажется, один) студент Радилов Дионисий, много было раненых и побитых, но мало-по-малу наступило успокоение.

Мы, члены комитета, взялись за организацию марксистского книжного магазина „Маяк" [1]). На паях, внесенных нами, закупили книжки боевых в то время изданий: „Молот", „Донская речь", „Просвещение", „Буревестник", „Свободная Россия" и др. и начали торговлю. Бойко развивалась она: каждый день продавалось мелких брошюр по 10—20 книжек на 80—90 рублей, брали нарасхват; наш „Маяк" являлся местом собраний всех передовых революционных слоев Калужского общества; здесь устраивались и партийные свидания и велись необходимые переговоры; книг не хватало.

В начале декабря я была командирована в Москву за книгами. Я приехала к своему другу Варе Коровиной и была поражена царившим в Москве настроением: там шла подготовка к восстанию, устраивали склады оружия, готовили красных сестер милосердия, намечали санитарные пункты на случай избиения; шопотом передавались слухи о готовящейся забастовке железнодорожников, ожидались аресты среди моих друзей. Они меня убедили ехать обратно 6-го декабря, так как надежной квартиры у них не было, а быть

---

[1]) „Маяк" был открыт в декабре 1905 года.—Ред.

арестованной зря и загубить начавшееся живое дело в Калуге, они не рекомендовали. Как ни тяжело мне было покидать Москву в этот решительный момент, как ни грустно было расставаться с друзьями, но я, получив необходимые книги, уехала обратно в Калугу с определенными директивами и в Калуге провести восстание.

Е. М. Роганова-Вознесенская.

Воспоминания о былом.

Я родился в 1870 году в деревне Быково, Детчинской волости, Малоярославецкого уезда.

С 1884 года работал в Москве учеником и мастером в музыкальной мастерской Кондратьева. В мастерской, неграмотные мастера заставляли меня, как ученика, читать газету „Московский Листок“, в которой в то время писали о действиях социалистов за границей.

На мои вопросы — кто такие социалисты — мастера отвечали, что это самые скверные люди, которые не признают бога, идут против царя и вредят всему народу. В свободное от работы время я учился играть на кларнете у В. П. Розанова, сын которого Сергей Васильевич играет в данное время первый кларнет в Московском большом государственном театре.

В их семействе мне об‘яснили о партиях в Германии: консерваторов, социалистов и клерикалов. Мне хотелось узнать больше о социалистах и в особенности от студентов, потому что мне говорили: „социалисты большею частью бывают из студентов“. В семействе Розановых пришлось мне увидеть и студента М. П. Доброхотова, с которым меня познакомили, но говорить с ним о социалистах при первой встрече было неудобно, а вторично встретиться у них с ним не пришлось.

В мае 1890 г. я женился в деревне и с женою уехал в Москву. Так как на мой заработок вдвоем жить было невозможно, то жена поступила в прислуги. Несмотря на это все таки посылать в деревню мы не могли. Поэтому по совету отца в 1891 геду мы уехали в деревню.

Летом работали по земледелию, а осенью я поступил на бумаго-оберточную фабрику Баскакова, которая находилась в 2-х верстах от нашей деревни, в качестве слесаря, приказчика и табельщика в одно и то же время.

Работал с 5 часов утра до 8 часов вечера с часовым перерывом на обед (за эту же плату работали в праздники).

Однажды весною в 1896 году в одном из отделений фабрики не была еще подготовлена работа и рабочие сидели в ожидании работы.

Я тоже сел с ними. В это время вошол хозяин и приказал, чтобы я записал себе штраф в 25 коп. Я штраф принять отказался и за это был уволен.

Лето проработал в деревне, а осенью поступил слесарем в вагонный цех Главных мастерских Сызрано - Вяземской ж. д. в Калуге.

Однажды в мастерских жандармский ротмистр собрал рабочих и прочитал им прокламацию, в которой указывалось на претеснение рабочих мастерами и монтером Броневским и которая требовала увольнения Броневского.

Ротмистр решил, что эта прокламация написана не здешними людьми и привезена из другого города, так как фамилия монтера была написана неправильно — вместо Броневский Борневский, и считая, что рабочие Калужских мастерских не причастны к данной прокламации, предложил: „если кто имеет такую прокламацию, пусть передаст ее ему, или опустит в ящик канцелярии начальника мастерских без всякой боязни, ибо у ящика никакой охраны не будет“.

В каком году, не помню, во время работы в том же цехе ко мне подходит один рабочий и спрашивает—„Ваша фамилия Титов?—Получивши положительный ответ, он предложил поговорить наедине. По выходе из мастерских он осмотрелся и спросил — „Вы, знаете Доброхотова?“ — „Михаила Петровича? — спросил я. Он предложил не говорить о нем так громко, потому что он находится в ссылке здесь, в Калуге. Я с удивлением спросил: — Разве он негодяй? — Он ответил: „Да разве ссылают только негодяев? Ну, ладно, по окончании работы пойдем со мной, я все тебе разскажу“.— Это был слесарь Виктор Петрович Плотников, мать кото-

рого торговала, имея на окраине Калуге свой домик, где мы и собирались.

Плотников меня ознакомил с вопросами о том, чего хотят социалисты и как с ними борется правительство. Читали о восьмичасовом рабочем дне, нелегальные брошюрки на разные темы, читали Шелгунова — „Пролетариат в Англии и во Франции". — Беседовали о сверхурочных работах, о царе, о боге. В этих беседах принимал участие один товарищ, квартировавший с Плотниковым, как видно высланный из Тулы, и имеющий понятия о политической борьбе. С ними мне приходилось бывать в бору на нелегальных собраниях, где неизвестные мне лица читали лекции по политической экономии. После говорили, что будто это были ссыльные — Луначарский и Богданов, а верно не знаю. Там я познакомился со строгальщиком Калужских мастерских Александром Дмитриевичем Ивановым, который проживал в собственном доме на Солдатской улице. С Ивановым мне пришлось быть в семействе Доброхотовым и встретиться с М. П. Доброхотовым. Через Иванова я получал „Искру" и другую нелегальную литературу, а для расклейки и разброски гектографированные прокламации Калужского комитета РСДРП [1]). С Ивановым читали воззвания Зубатовской организации, призывавшие к экономической борьбе, к которой Иванов и я относились отрицательной. И их мы не распространяли. После Иванов познакомил меня с акушеркой Евгенией Николаевной Адамович, высланной из Екатеринослава. Как заметно она руководила всей работой в Калужском комитете. У нее я встретил Николая Христиановича Фосс, присяжного-поверенного. В то время революционная работа веласх больше среди интеллигенции и учащихся — рабочим же уделялось мало внимания. Это меня не удовлетворяло однако. Сам я, за недостатком знаний, не мог много дать рабочим, и поэтому искал знакомства среди других интеллигентов. В начале 1903 года через рабочих Суханова и Баташова, я познакомился со студентом Татаровым и ветеринарным врачем Страховым и служащим Управления С.-В. ж. д.

---

[1]) Комитета в то время не было — Ред.

Песоченским. Собирались мы раза два в квартире Татарова и несколько раз в трактире. Однажды во время собрания в квартиру Татарова заявился нищий, говоривший, что он административно высланный, он нам показался подозрительным, а Татаров уверил, что он его часто посещает и ничего опасного нет. Мы обсуждали, как наладить работу среди рабочих, и пришли к тому, что нужна литература и деньги. Денег рубля три мы собрали (меня выбрали казначеем), а Баташов вызвался найти литературу в Туле, где у него были какие то связи. Литературы Баташов не достал, а от Татарова, Страхова и Песоченского, кроме революционной болтовни, я ничего не добился. На условленные собрания за городом они не являлись. В марте у меня прекратилась всякая связь со Страховым и Татаровым. Песоченский частенько приходил к Суханову. Однажды он в моем присутствии принес нелегальную литературу и предлагал ее распространять среди рабочих, за прочтение каждой брать по 5 коп., чтобы из этого составить фонд для дальнейшей закупки литературы. А для большего сочувствия и доверия масс, он предлагал ставить на литературе печать Калужского комитета РСДРП., которую сделал Петр Суханов. Я был возмущен таким приемом подделки печати и присвоения без всякой санкции прав Комитета., о существовании которого я знал, но от них скрывал, не доверяя им.

После этого я порвал всякую связь с Песоченским и об этом сообщил Адамович, которая сказала, что их мнение о Песоченском подтверждается (будто он провокатор) и хотела принять меры к удалению его со службы. Я предложил лучше убедиться, а то обидно, если невинного уволят.

Осенью 1903 года, с согласия Адамович, я с бывшем толстовцем рабочим Прохором Зотовым вошол в кружок учащихся, недовольных малым руководством опытных товарищей, примыкавших, как мне известно, к Калужскому комитету РСДРП.

Знал ли данный кружок о существовании Калужского комитета, для меня не было известно. На первом собрании этого кружка поручили каждому участнику собрания составить прокламацию, призывавшую рабочих к борьбе про-

тив капитала и самодержавия. На следующем собрании должны были из всех прокламаций выработать одну и распространить среди рабочих. С этого собрания я направился к Адамович, а Зотову сказал, что иду в театр. Идя с Зотовым в одном направлении, к театру, встретили Песоченского с каким то военным. Песоченский остановил меня, военный и Зотов потихоньку пошли дальше в противоположных направлениях. Песоченский предложил мне разбросать имеющиеся у него прокламации, которые он с военным разбрасывал. Я взял часть прокламаций, догнал Зотова, об'яснил ему в чем дело и дал часть прокламаций для распространения. Остальную часть я принес к Адамович. Адамович просмотрела их и признала вполне пригодными для распространения, а узнавши, что я их получил от Песоченского, высказала мнение, что с принятием мер против Песоченского нужно обождать. Прокламации были разбросаны.

По прошествии некоторого времени, в ночь на 25-е октября 1903 года, у меня был произведен обыск, найдены журнал „Жизнь", „Что делать"—Ленина, эсэровская и другая нелегальная литература. Я был арестован и заключен в одиночку, под церковью, в Калужскую Губернскую тюрьму. На другой день я узнал, что здесь же в одном корридоре со мной сидят в ту же ночь арестованные Печковский (эсер). Чистяков (с.-д.), а в другом общем корридоре Баташов. Через несколько времени нам удалось узнать, что на женском дворе есть тоже политические: Адамович, Доброхотова Вера и Радилова. С Печковским я раньше встречался на одной вечеринке либеральной публики, на которой занимались чаепитием и брюзжанием против политики министра Народного Просвещения. Там же встречал и Радилову.

Из тюрьмы возили нас на допрос в жандармское управление. Особенно много раз возили к допросу П. Баташова. Ему давали в камеру писать ответы на вопросы. Он вообще любил много говорить, но по делу в сущности ничего не говорил, а больше плел „околесицу", как он сам выражался. После допроса, через канализационную трубу, проходящую под наши камеры, рассказывал нам всем, о чем его спрашивали жандармы и узнавал от жандармов о заключенных в других тюрьмах, привлекаемых по одному с нами делу.

На допросе я больше отделывался незнанием или словами „не помню“. На вопрос, откуда я взял нелегальную литературу, я солгал, заявив, — что при возвращении из деревни после праздника на работу, в вагоне один пассажир читал газету, а я у него спросил, „что хорошего в газете?“. — Он ответил, что хорошее в газете не пишут, а если хочешь узнать хорошее, то почитай вот эти книги — которые и дал мне. После жандармы решили, что это все идет из Киева. Через две или три недели нас с Баташовым перевезли в Медынскую уездную тюрьму, где мы встретили Разломалина, которого жандармы увезли в Калужскую тюрьму. Через уголовных мы узнали, что в других тюрьмах сидят: Татаров, Страхов, Песоченский, Никитин, Голубев, владелец аптекарского магазина Канинг и много других, фамилий которых не помню — всего более двадцати человек. Многих из них после допроса освободили, некоторых освободили после двух - трех месяцев, а остальные: Адамович, Голубев, Печковский и еще кто - то из интеллигенции и мы трое рабочих — я, Баташов и Никитин продолжали сидеть. Через месяц сиденья в Медынской тюрьме, где было очень холодно, грязно, худые полы и множество крыс, по нашей просьбе нас перевезли в Жиздринскую тюрьму. В Медынской тюрьме после нас оставался с. - р. Исаак Дубинский из Одессы (в 1905 году он, по сведениям из газет, был расстрелян в Одессе за покушение на околодочного). В то время в Жиздринской тюрьме сидели в одиночке: Лазарев из Бежецка, Табашников, Фетисов, Евтеев из Людинова и из Калуги Голубев.

За разговор через окно с вновь прибывшими арестованными — я и трое людиновцев были наказаны: нас лишили курения табаку, прогулки, книг и права писать письма.

Мы решили об‘явить голодовку. Людиновцы сидели трое в одной камере, а я в одиночке. Я им постучал, чтобы они вопрос о голодовке получше обсудили, что им троим труднее притти к определенному решению. На утро следующего дня они решили голодать — и мы об‘явили голодовку. Прошел один день — мы держались твердо. На другой день один из людиновцев не выдержал, стал есть и этим соблазнил и остальных сидящих с ним в одной камере. —

Табашникова и Фетисова. Я один продолжал голодовку. На пятый день моей голодовки — мне разрешили прогулку, и старший надзиратель обещал доставлять табак и упрашивал прекратить голодовку. Об этом я рассказал Голубеву и Баташову. Они мне также посоветовали прекратить голодовку, так как продолжать ее из за принципа не разумно, потому что тем, чего меня лишили, я фактически пользовался. Я последовал их совету. Попросил врача и он прописал мне больничную пищу.

Изредка через надзирателя получали газеты, мы и из них знали о войне с Японией.

Через год после ареста все калужане были освобождены из тюрьмы под залог. Остались лишь мы с Баташовым, как не имеющие средств для внесения залога. Мой отец и жена обивали пороги в поисках денег.

Через месяц собрали сто рублей, а нужно было двести. Помогла в этом калужская интеллигенция—передала через Ивана Константиновича Никитина деньги, и я 12 декабря 1904 года был освобожден из тюрьмы. П. Н. Баташова жандармы недели через две были вынуждены освободить без залога [1]). После тюрьмы я делал попытки занять свою прежнюю должность слесаря на Сызрано-Вяземской ж. дор. Мне многие сочувствовали, а на работу все-таки не брали, ссылаясь на препятствия со стороны жандармского управления. Я жил в то время в деревне, за 35 верст от Калуги, но часто ездил в нее и бывал у Е. Н. Адамович. Но скоро она куда-то уехала.

В начале января 1905 г. со мной встретился из кружка учащихся Иван Алексеевич Сергиевский и назначил мне свидание для секретных переговоров. Свидание было назначено на бульваре. Здесь он мне заявил, что меня кооптировали в Калужский комитет РСДРП для того, чтобы я поправлял составленные прокламации, заменяя непонятные для рабочих слова более понятными. В комитете в это время было два разных течения, которые получили свое начало в период моего сидения в тюрьме: меньшевистское и большевистское или мягкотелое и твердокаменное. Меньшевист-

[1]) По требованию прокурора Кал. Окр. Суда.—Ред.

ского течения придерживались товарищи, примыкавшие к кружку учащихся, а большевистского сторонники прежнего Калужского комитета, которые для меня были более авторитетны. При обсуждении каких-либо вопросов мое мнение всегда склонялось к точке зрения большевиков, не смотря на то, что меньшевики упрекали большевиков в „генеральствовании“. Я из прошлого опыта знал, что сами массы неподвижны, частенько не сознают своего тяжелого положения и не имеют потребности бороться за уничтожение его. Передовым революционерам приходилось сначала обрисовать рабочим их тяжелое положение, а потом уже указывать способы борьбы за его улучшение и итти впереди в этой борьбе. И получалось, что „генералы“ или большевики бросали лозунги в массу, проводили их в сознание, а потом и вели массу на борьбу, руководили ею и командовали.

В феврале жандармское управление возвратило мне мой залог и разрешило поступить на железную дорогу.

Здесь велась уже работа: собирали летучие митинги, знакомили с борьбой рабочих в Петербурге, Москве и др. городах. В то же время вокруг Калужского комитета сорганизовалась интеллигенция. Кроме Фосса, Сергиевского и меня вошли в комитет Преображенский, Екатерина Макаровна Роганова и еще (фамилии хорошо не помню), кажется, Никольский. Принимали участие в работе, не входя в комитет: Любимов, Попов Н., Чистяков и много молодежи из семинаров и техников.

В течение лета 1905 года нам удалось сорганизовать в железно-дорожных мастерских несколько ячеек. В каждую ячейку был назначен организатор, установлены процентные отчисления, создана нелегальная библиотека, заведывание которой было поручено мне. Создался фонд для помощи политическим и их семействам; для более удачных добровольных пожертвований привлечены были в мастерских бригадиры. Все собранные ими во время получки деньги подсчитывали на нелегальном собрании бригадиров, где им приходилось доказывать, что собранные деньги нужно передать в Калужский комитет РСДРП, который, имея больше опыта, сумеет лучше использовать эти средства и будет

давать ежемесячно отчет (при этом был показан им отчет за прошлый месяц). Почти все бригадиры из‘явили желание вступить в члены партии, но им об‘яснили, что приняты в члены партии могут быть только такие товарищи, которые знают задачи партии, знают ее программу и докажут свою преданность партии, что для этого вообще нужно подготовиться и что тогда уж члены партии рассматривают, кого можно принять. Пока предложили им быть членами-соревнователями. Некоторые из них здесь же внесли членские взносы и передали пожертвования в распоряжение комитета. Среди бригадиров и рабочих пользовался большой популярностью тов. Гуров. Популярность его об‘яснялась некоторою сдержанностью во время забастовок, смягчением резких требований. В дальнейшем он стал примыкать к нашей организации и выступал на нелегальных митингах 1905 года. Калужским комитетом мало уделялось внимания рабочим.

Мне пришлось обращаться к учащимся, где я вошел в группу и в то же время сообщал в комитет о том, что творится в группе. В начале осени проводились вечерами на окраинах Калуги собрания и митинги с рабочими винного склада. Там больше выступал П. Н. Баташов. Им были сорганизованы работницы винного склада, но они близкого участия в нелегальной работе не принимали. Во время всеобщей железно-дорожной забастовки в октябре в наших руках был телеграф. В мастерских были избраны делегаты, которые ходили в Управление дороги, где среди служащих создалось два течения, одна часть пред‘являла одни экономические требования, а другая часть и политические. С появлением манифеста 17 октября начались открыто митинги в городском саду и на старой площади. После митинга демонстранты с красными флагами направились к дому губернатора, по пути встретили небольшую группу с национальными флагами. Произошла стычка. После этого в первый праздничный день утром у собора собрались организованные полицейские и истинно-русские люди из торговцев, босяков и крестьян, с портретом царя. Получив благословение от епископа и назидание от губернатора, которым, говорят, было дано каждому на водку по 50 коп.,

отправились громить квартиры указанных в их списке студентов и рабочих, а также и магазины торговцев, у которых дети были студентами. На площади прочитывали фамилии и адреса назначенных к избиению, в число их попал и я, Иванов А. Д. и другие рабочие, живущие на окраинах. Для большей успешности погрома у меня за ставни окон положили иконы и говорили, что Титов выбрасывает иконы. К этому делу был причастен сторож мастерских Никифор Степанович Викулов, бывший городовой, у него я раньше квартировал. Хозяйка моей квартиры, из-за боязни разгрома ее дома, требовала покинуть ее квартиру. Вечером и ночью этого дня всякий шум на улице заставлял меня с семейством скрываться за домом, на огороде. На утро я вышел на работу. Рабочие, ходившие за покупками в лавочку к завтраку, слышали от лавочника, что на сегодня назначено громить и убивать рабочих, живущих на окраинах, в том числе и меня.

По совету товарищей и вагонного механика Самгина, который позвал меня в контору и сказал: „Люди—звери, ни за что вас убьют. Лучше уезжайте куда-нибуд и оставьте товарищам ваш адрес, когда успокоится—они вас известят и Вы приедете“,—я уехал в деревню, а часов в 12 этого же дня было введено военное положение.

На второй же день меня известили, и я вернулся обратно в Калугу. Под влиянием агитации черносотенцев из „Союза истинно русских людей“—и распространяемых списков о избиении революционеров, отсталые рабочие а в особенности котельщики были враждебно настроены против нас. Они заготовили пики на случай нашего выступления. Несмотря на это, мы стали официально вести запись в профессиональный союз; подписной лист более чем с сотней записавшихся передан был в бандажное отделение. Там этот список был сожжен, и на наши требования о возврате его нам угрожали избиением. Когда было получено из Москвы извещение о декабрьском восстании, в моей квартире обсуждался вопрос о насильственном прекращении работ на железной дороге и мастерских; на сознательное прекращение работ—надежды не было (в обсуждение данного вопроса участвовать мне не пришлось, так как я был занят

в постановке в рабочем театре при мастерских пьесы „Плоды просвещения“).—Было решено пригласить из воинских частей сознательных солдат, переодеть в шинели учащихся и итти в мастерские силой снимать рабочих. Снять рабочих не удалось потому, что среди солдат оказался вольноопределяющийся Стефанович, который до поступления на военную службу работал в мастерских токарем. Рабочие его узнали и не зная, что он уже в мастерских не работает, сочли, что он и все другие с ним пришедшие переодетые в шинели рабочие, а не солдаты. Видя в этом обман, задержали их и передали жандармам. После этого около сорока рабочих, в том числе и я, были вызваны на допрос в жандармское управление.

В феврале или в марте 1906 г. арестовали Иванова А. Д., Тоболина И., Гаврилова, Баташова В. и других. Иванова и Тоболина выслали в Нарымский край, Гаврилова, кажется, в Тулу, а Баташова в конце апреля освободили. В это время был арестован и Н. Х. Фосс. Благодаря разным связям Фосса освободили с условием, чтобы он уехал за границу. В это время подготовлялся с‘езд партии за границей. От Калужской организации намечали на с‘езд или Фосса, если ему удалось бы по освобождении уехать за границу, или меня. В то же время в первый раз в Калужской организации были произведены демократические выборы членов Калужского комитета. Выборы производились ночью в лесу при свете костра. Подсчитывались поданные записки выбранным общим собранием, доверенным лицом, которое должно было сообщить каждому выбранному о его избрании, но не имело права говорить кому-либо из избирателей о том, кто избран. В комитет были избраны: я, Гуров, Карев, остальных не помню [1]).

---

[1]) Не безинтересно будет вспомнить о кружке „социалистов“, которым руководил техник Иванов. Задачей их кружка было изучение программ социалистов-революционеров и социал-демократов. После изучения каждый мог избрать себе ту или другую партию по желанию. Мне пришлось разубеждать в нецелесообразности их кружка и приглашать их вступить в какой либо из рабочих кружков, где они могут при помощи более опытных руководителей разобраться в направлении той или другой партии. Мне кажется, что они примкнули к с.-д.—Авт.

В день первого мая 1906 года комитетом не были заготовлены прокламации и мы с Петром Сухановым готовили их на примитивном мимеографе, сделанным столяром Климовым. Когда прокламации были готовы, „маевка“ была уже сорвана и публика возвращалась обратно.

В ночь на 1-е июня я, Гуров и Циглер были арестованы и направлены в Калужскую тюрьму. В тюрьме перед нашим арестом были произведены расстрелы уголовных. У начальника тюрьмы явилось угрызение совести, когда проходил мимо нашей камеры. Он узнал меня и говорит:— „Ведь вот вы знаете меня по Медынской тюрьме, я разве притеснял вас, если вы вели себя как подабает, а здесь вот пришлось применять оружие“.—Я молчал, он постоял и ушел.

В Калужской тюрьме мы встретили Бриллиантова, арестованного при провале типографии. На первый или второй день к нам явился от губернатора чиновник особых поручений и спросил—желаем ли мы освободиться из тюрьмы под поручительство рабочих и взял с нас в этом подписку, в которой по внезапности такого предложения я написал что то несуразное. Он обещал нас скоро освободить. В это же время вызвали Гурова к телефону и он переговаривал с Баташовым, который находился в канцелярии губернатора. Мы ждали освобождения. Около 12 часов ночи нас вызвали в тюремную контору к ожидавшим нас жандармам. На вопрос Гурова, куда нас направляют, жандармы ответили— „дальше Калуги не будете“. Проделавши все формальности нас вывели из тюрьмы, посадили каждого на отдельную пролетку, а против каждого поместили по два жандарма. Кроме того, по 4 верховых стражника окружали каждый экипаж. Кортеж направился по направлению к центру города. Доехав до Лебедянской улице, где находилось жандармское управление, не остановились и продолжали ехать дальше, к Оке, а затем берегом Оки через Ячейку в бор. В бору остановились. При свете фонарей нас пересадили на три почтовые тройки, окружили каждую тройку восемью конными стражниками и двинулись дальше. К утру приехали на станцию Воротынск М.-К.-В. ж. д., здесь угостили нас чаем, а по прибытии поезда из Москвы усадили в отдельное

купэ в обществе жандармов. Когда я пошел в сопровождении жандармов в уборную, то увидал, что весь вагон занят стражниками. В Жиздре по дорогу в тюрьму наши экипажи сопровождали по два жандарма и по 10 конных стражников. В Жиздринской тюрьме нам об'явили постановление особого присутствия при „Господине министре внутренних дел“ о высылке в Нарымский край: Гурова и Титова на пять лет, а Циглера на четыре года. Отправку назначили с первым этапом через два дня. В это время из Калуги приехали мать и отец Циглера и, узнав о нашей ссылке, вернулись в Калугу и сообщили об этом рабочим. В результате этого возникла демонстрация, встреча и проводы нас на ст. Тихонова Пустынь М.-К.-В. ж. д., в шестнадцати верстах от Калуги. Поразительное зрелище представляла эта демонстрация: по одну сторону поезда вооруженные представители самодержавия, по другую сотни безоруженных рабочих, воодушевленных сознанием необходимости борьбы против векового гнета царского самодержавия. Здесь были даже старые бородатые котельщики, которые раньше по своей темноте и несознательности угрожали нам при наших выступлениях самодельными железными пиками. Теперь они стояли у вагона и плача просили у нас прощения за прежние их противодействия нам, говоря:—„Вы простите нас, мы думали раньше, что вы наши враги, а теперь поняли, что враг наш та власть, с которой вы боретесь, и мы готовы разломать вагон и освободить вас“. На это Гуров отвечал им: „Ваше желание разломать вагон не принесет нам пользы. Когда вы будете освобождать нас, вооруженная сила будет противодействовать, и нас первых, как виновников вашего возбуждения, убьют и вы лишитесь нас. Лучше не распыляйте ваши силы в мелкой будничной борьбе, а готовьтесь к общему выступлению всех рабочих“.—„Грудью постоим, Михаил Иванович!“—кричали котельщики.

К нашим окнам поднимались товарищи, и мы через решетку окна целовались с ними, прощаясь. Подняли моего отца и жену, которых рабочие привезли из деревни. После этого я попросил товарищей: „Если когда будет крайняя нужда у моей жены с двумя детьми, то вы ей помогите. Я знаю, что без крайней нужды она вас беспокоить не будет“.

Мне отвечали: „Будь покоен, тов. Титов, мы их не забудем“, и они свое слово сдержали.

Под звуки революционных песен поезд тронулся; замелькали станционные постройки, исчезла живая кипучая картина протеста против насилий самодержавия, а в нашем мозгу еще слышались проклятия и призывы рабочих к борьбе против самодержавия. В вагоне оказалось много разной снеди, одежды, денег, записок и писем. До самой Москвы читали каждый в отдельности, не слушая один другого, и нельзя было сосредоточиться. Перед нами все еще стояла картина Тихоновой Пустыни.

В ссылке пробыл я до конца октября 1907 года, когда в волости села Тогур об‘явили мне постановление особого присутствия при „Господине министре внутренних дел“ о том, что ссылка Гурову и Титову сокращена с пяти лет до одного года; Циглеру с четырех до трех лет.

3 ноября в сопровождении стражника я отправился в село Колпашево, где возвращающихся из ссылки набралось семь человек. Оттуда нас на трех тройках в сопровождении стражников повезли в Томск. Мороз и быстрая езда не давали возможности любоваться природой. Всех нас одолела какая то сонливость, а во время остановок вследствие изменившихся условий охватывало мечтательное настроение, поэтому и окружающее не интересовало. Были попытки со стороны стражников побеседовать с нами и рассеять наше мечтательное настроение, но эти попытки всегда прерывались какими-либо резкими и колкими ответами. В Томске нас поместили в каталажку для ночлега. Утром, проделав все формальности у исправника, мы получили проходное свидетельство, совет исправника не оставаться в Томске во избежание опять попасть в каталажку и его раз‘яснение, что денег на возвращение не полагается. По совету возвратившихся из побега товарищей мне удалось получить в переселенческом управлении отношение в кассу для получения железно-дорожного билета до Калуги за четверть стоимости.

По возвращении на родину я сменил проходное свидетельство на паспорт и подал в Управление С.-В. ж. д. прошение о принятии меня на прежнюю должность.

До получения ответа я жил на родине в деревне Быково и изредка приезжал в Калугу, где останавливался обыкновенно у Сухановых и у Плотникова, который, пока я был в ссылке, вернулся с военной службы. Плотников ко мне относился доверчиво. Однажды в его доме было заседание Калужского комитета РСДРП, в котором и я принял участие. Обсуждался вопрос о переизбрании комитета вследствие того, что многие члены комитета стали уже известны жандармам.

Много дебатировали, не находя подходящих лиц, и, наконец, пришли к заключению, что переизбрать комитет нельзя. Решили просто выпустить прокламацию с указанием, что комитет переизбран и этим отвлечь внимание жандармов от настоящего комитета. Против такого решения я протестовал, называя такую прокламацию фальшивой, способной внести дезорганизацию в среду активных работников, которые не избрали комитета, а комитет как то помимо их был переизбран. Когда мне пришлось говорить наедине с одним из участников этого собрания, то он мне пожаловался: „Вот, мол, собрались большевики и проделывают такие аферы,—не подозревая во мне большевика“. Во время другой моей поездки в Калугу я был приглашен на собрание, где обсуждался вопрос о связи с Московской организацией меньшевиков. Я указал, что до моей ссылки Калужский комитет поддерживал связь с ЦК, обсуждал резолюции большевиков и меньшевиков и всегда принимал резолюции большевиков, был большевистским и что сейчас, если строго рассматривать нашу организацию, то она не имеет достаточного сознания, голосуя за те резолюции, за которые поднимает руку Голубев (меньшевик). В дальнейшем решили выбрать для связи такого товарища, который меньше потребовал бы расходов, не терял бы своего заработка и отсутствие которого не было бы заметно из Калуги для жандармов, так же как и на месте работы. Подходящим кандидатом оказался я, как безработный, и как не живущий в Калуге. Против моей кандидатуры высказался Плотников, который заявил: „Я вполне доверяю тов. Титову, но послать его можно было бы, если бы он был немного поправее“.—Я возражал, что бояться моей левизны нет никаких оснований

и что на мой взгляд всякое поправение раз от разу сведет нас до черной сотни. В этот раз за поздним временем выборов произвести не удалось. В дальнейшем меня больше не приглашали, и я редко бывал в Калуге.

В последнюю поездку я обратился к Н. Х. Фоссу, как к бывшему члену Калужского комитета большевиков. Но оказалось, что Фосс уже сдал свои большевистские позиции. Мое предложение о ведении нелегальной работы среди рабочих он счел лишним, сказав, что за время революции рабочие все узнали. „Разве мало было разных собраний и выпущено литературы. Дальнейшая работа должна вестись легально в рабочих клубах и других легальных организациях, где можно читать рефераты и т. п.“, сказал он. Разубедить его мне не удалось, и поэтому я просил его только в том случае, если рабочим придется самим составить прокламации, исправлять в них безграмотность. На это он согласился. Об этом я сообщил некоторым товарищам, которые принимали участие в нелегальной работе, а сам, за ненахождением работы, по своей профессии поступил невдалеке от своей деревни лесным сторожем, и потерял всякую связь с Калугой. В конце 1909 года мне с двоюродным братом опять пришлось работать в Калуге—исправлять музыкальные духовые инструменты в 9-м или 10 полку, стоявшем в Калуге. Я сделал попытку повести нелегальную кружковую работу, но об этом узнали некоторые из прежних товарищей, и через тов. Карева предупредили меня, чтобы я оставил эту работу, так как будто бы о ней уже известно калужским жандармам. Вскоре после этого я получил приглашение исправлять музыкальные инструменты в 4-м Капорском полку в г. Смоленске, куда я и уехал.

Ф. Титов.

Военная организация и боевая дружина 1905 года в гор. Калуге.

Опустившись в подполье, в кружок или активно действующую партийную нелегальную организацию, с первых же дней всякий теоретически усваивал, что начатая борьба с самодержавием и буржуазией в конце концов непременно разрешится широким движением народа во главе с пролетариатом, иначе говоря,—революцией. Массовое движение рабочих юга России 1903 года и расправа с ним Правительства, кровавые события западного края 1904 года, демонстрация Петрограда и военная авантюра Правительства на Востоке, либеральный „бунт“ петиций земских деятелей и пр., практически рассеивали всякие иллюзии,—что революцию можно „сделать“ победоносной с голыми руками. Всенародное вооруженное восстание в процессе широкого стихийного движения,—вот что должно было победить по представлению партии.

Несомненно, что при этих условиях вопрос о пропаганде среди войск являлся первоочередной задачей, которую посильно сделала попытку осуществить в г. Калуге 1905 г. местная организация, именовавшаяся в то время „Калужской группой“.

Военная организация.

С 1903 до 1905 года *Калужская группа* Р. С. Д. Р. П. при всяком случае распространения прокламаций, не проходила мимо казарм.

Не раз мне лично приходилось в ночное время перелезать заборы или с помощью товарища взбираться к форточкам казарм и забрасывать спящим солдатам десяток листков, как местного, так и центрального издания. Живой связи с солдатами не было и результатов наших листков мы не видели, а между тем в числе листков были издания Ц. К. партии о войне 1904 года, обращенные непосредственно к войскам.

В конце 1904 года в „222 Шацкий“ полк вольноопределяющимся поступил будущий член военной организации

И. И. Стефанович, к сожалению в то время не принимавший участия в работе партийных организаций.

„Группе“ удалось установить связь с войсками и создать военную организацию только в средине лета 1905 г.

Первой ласточкой был столяр—солдат военного госпиталя, что на Тульской улице, по фамилии Егоров. До лазарета он служил в нестроевой роте 9-го ингерманландского полка, ушедшего на войну. Связь с ним установилась через семью Троицких, проживавших по Горшечной улице против казарм 3-й артиллерийской бригады. К Троицким была вхожа жена Егорова — Катя Васильевская, она то и дала адрес мужа Первая моя встреча с Егоровым произошла в саду при госпитале. Из разговоров с ним выяснилось, что недовольных войной, начальством, вообще службой и революционно-настроенных, но мало сознательных,—довольно много во всех казармах, для революционной работы их надо только с организовать. К моему удивлению мне показалось, что Егоров не так дорожит конспирацией и боится будущей работы среди товарищей солдат, как это приходилось иногда замечать среди даже рабочих.

На первый раз мы уговорились с ним в ближайшее воскресенье за рекою устроить первое собрание нескольких солдат из разных частей. Между свиданием и собранием, у Троицких я встретил еще одного конвоира 83-й артил. бригады по фамилии Верещак, за которым потом укрепилась кличка „Мак“.

„Мак“ был совсем славный парень: без страха и трепета он, чуть ли не в первое свидание со мною, попросил дать ему „бомбу“ для расправы с одним офицером. На мои возражения против террора и все доказательства нецелесообразности этих мер до поры до времени,—пока не построим сильную организацию, долго и горячо возражал и помирился с видимым сожалением, что заговорил об этом именно со мною, социал-демократом.

Дальше работа пошла обычным порядком: создался небольшой кружок по чтению и распространению нелегальной литературы. Попытки провести чисто военную „массовку“ не удавались, вследствие большой службы по гарнизону и трудности конспирации. Дело в том, что гор. Калуга, как

и в настоящее время, был настолько тихий и небольшой город, что какое-нибудь открытое выступление, сразу делалось достоянием „кумушек“ и разносясь по городу, делалось известным кому „надлежало“ блюсти крамолу. Появление, например, Александры Александровны, или Зинаиды Александровны Троицких (последняя 5 или 6 кл. гимназии) в сопровождении возмужалого, высокого роста и крепкого сложения кавалера в артиллерийском мундире „нижнего чина“, сразу способно было вызвать толки не только соседок, но и встречных беспартийных „добрых знакомых“; делалось подозрительным во всяких смыслах, а попасть на глаза жандармам, где нибудь по пути в лес на массовку, значило наверняка себя скомпрометировать. Такие вещи мало заметны лишь в больших городах — как Москва, где мне в 1906 году приходилось без намека на провал устраивать митинги среди дня на дворах и даже на улице около типографий Чичерина и Машистова. — Отзвонил и ушел вместе с толпою рабочих, из которых даже самые близкие не всегда знали, где ты живешь и совсем не знали твоей подлинной фамилии; в Калуге же почти всякая встречная „кумушка“ могла рассказать твою родословную. Вот почему вообще-то так конспирировались организации в глухой провинции, а в частности в Калуге, и многим теперь кажутся смешными или непоследовательными в вопросах организационного демократизма.

Одновременно с этим, но совершенно независимо от нас бывший солдат 9-го полка — Баевский на углу Московской (ныне ул. Революции) и Васильевской имел портновскую мастерскую. Связь его с солдатами, (вначале по преимуществу — евреями) подерживалась старыми знакомыми по национальности и ремеслу. Будучи сознательным социал-демократом, он эти связи использовал в целях пропаганды и создал вокруг себя кружок активных агитаторов и распространителей нелегальной, революционной литературы. Знакомство членов группы с ним завязалось еще весной 1905 г. (не ручаюсь за достоверность), но организационной связи не устанавливалось до Октябрьских событий. В октябре—ноябре 1905 года, группа при слиянии с Союзом избрала полем своей деятельности рабочий железно-дорожный район,

работу среди войск, союз учащихся и боевую организацию (дружину). Последняя по характеру своей деятельности в перспективе должна была выступить совместно с военной организацией.

Когда двери Группы и Союза взаимно широко открылись для совместной работы и всем стали видны все конспиративные уголки обоих организаций и их связей, произошли естественно перегруппировки связей, знакомств и распределение сил. Революционный под'ем и размах работы вовлек в организацию даже и тех одиночек, что скромно вели незаметную работу по своим уголкам.

Энергичным и деятельным вошел в военную организацию И. И. Стефанович, проживавший в казармах у Московских ворот в 2-х шагах от Баевского. В квартиру рядом с Баевским с Дровяной площади переселился т. Максимов, по профессии ретушер фотографии Адамович. Его квартира обратилась в штаб военной организации удачно законспирированная соседством Баевского. Постовой полицейский у самого почти дома квартиры Баевского давно уже привык к посещению его солдатами. Члены военной организации обычно проходили через двор или квартиру Баевского к Максимову и тем же путем выходили обратно. Комитет военной организации состоял из Баевского, Максимова, Стефановича, Попова Н. И., меня, от артиллеристов—Верещак-„Мак“, из Загородносадских казарм один представитель и от Московских то же один или два с ныне забытыми фамилиями; частым гостем бывал техник Кизик, работавший в рабочем жел.-дор. районе.

Организация быстро росла и к декабрю насчитывала до 30 человек в различных кружках, правда не функционировавших правильно по причинам постоянных нарядов в караул на гарнизонную службу и так наз. домашних нарядов по полку и в ротах. К тому времени казармы были переполнены задержанными из мобилизованных, в массе которых росло недовольство,—как на начальство, призвавшее их под ружье, так и на революцию, мешавшую их возвращению домой,—по об'яснению того же начальства, и обывательским толкам. Военная организация старалась раскрыть глаза массе на действительное положение вещей, но к сожалению техника ее была слаба. Калужский комитет также

не справился с задачей постановки нелегальной типографии, которая могла бы войскам уделить время на издание листовок, литература распространялась Центр. изданий в 2—3-х сотнях экземпляров. Работа по характеру своему и условиям во многом и в корне разнилась от привычной работы среди рабочих. У самых активных членов не было достаточных знаний солдатской жизни и психологии; чтобы овладеть вопросами, — требовалось время, а события не ждали, с страшной быстротой, катясь к декабрьской катастрофе. В то время, когда у большинства солдат настроение сосредоточилось на мысли — „домой“, мы призывали: — „останься для революции“, лозунг, который был приемлем разве только на определенном уровне революционного сознания. Несмотря на это, организация все-таки росла и не без ее влияния одна из рот пассивно вела себя при командировании ее в Козельский уезд на усмирение аграрных беспорядков.

Затронуто было и офицерство, но скорее шкурно, чем революционно. Исключение представлял из себя Штабс-Капитан Кнутов, отказавшийся по убеждению ехать на фронт и до суда прикомандированный к 3-му баталиону Шацкого полка в Калуге. Этот, — весьма милый и столь же уважаемый человек впервые появился, как хорошо знакомый Н. Х. Фосса, к которому часто заходил. Последний устроил нам специальное свидание у себя, но к сожалению вовлечь его в организацию не представлялось возможным, так как появление его на нелегальной квартире нельзя было конспиративно обставить; поэтому его работа среди войск проходила в легальных формах беседы с солдатами во время военных занятий и помощи боевой дружине в изготовлении бомб. Теперь мне кажется, что мы его могли бы с большим успехом использовать в подготовке боевой дружины по тактике ведения баррикадных и партизанских боев в городе, но этого мы не умели просто по своему неведению военного дела.

Наше представление в то время о победоносном вооруженном восстании упиралось главным образом в вопрос всеобщего вооружения, а не в уменье вести бой и вопрос о захвате оружия представлял из себя большую цель, чем какое-либо обучение тактического характера.

После месяца кружковщины и влияния на войска со стороны, резко почувствовалась необходимость переходить к открытой пропаганде среди широких масс. Первая попытка провести открытый митинг была сделана в начале декабря в Московских казармах во время дежурства по роте И. И. Стефановича. Выступая открыто, он безусловно жертвовал собой и надо удивляться его присутствию духа и смелости, когда он первый, при входе на митинг к-ра баталиона, вместо обычного рапорта преподнес ему словесное заявление протеста в присутствии 2-х баталионов солдат. [1])

Если бы этот митинг преследовал элементарные цели открытой агитации и стремился бы приучить массу спокойно выносить присутствие и выслушивать речи ораторов, то его можно было считать вполне удачным: тут и сочувствие аудитории, и комическое происшествие с к-ром баталиона (с его испугом и бегством), все обошлось как нельзя лучше; все показывало на то, что войска уж не те, что были 1—1½ месяца тому назад, — но дело в том, что это выступление было началом к тому, чтобы через несколько дней вызвать эту массу на открытое выступление и поддержку, ожидавшегося вооруженного восстания. События в центральных городах опережали нас на целых два месяца, поэтому результат митинга не удовлетворял наших целей. Впрочем нам это было понятно и свои действия мы рассматривали, как долг партийной дисциплины, с надеждой: —„чем чорт не шутит, а может быть будет удача“...

В то же время организация, сама по себе, обсуждала вопрос о неожиданном захвате складов оружия, которые были расположены на окраине города в поле в сторону Киевской водокачки (тогда еще не существовавшей) и городских боен.

Как известно, удачи не было; мастерские жел.-дор. не снялись с работ, а с их помощью предполагалось вызвать на улицу и солдат, что было весьма возможно и пожалуй легко осуществилось бы. Первая же неудача повлекла за собою все остальные и в первый же день вывела из строя многих товарищей: Любимов и Кизик были арестованы

[1]) Это событие мною описано во 2-м сборнике воспоминаний подробно, а потому здесь не приводится.—Авт.

на месте в мастерских, Стефанович И. И., выступавший на митинге на „канаве“ с призывом к вооруженному восстанию, должен был немедленно скрыться. За ним последовали: Максимов и я, розыскиваемые жандармами. Московское восстание было подавлено и с нашим от‘ездом туда, вся тяжесть работы военной организации свалилась на одного Баевского. Последовавшая в начале 1906 г. демобилизация, многих из сознательных товарищей возвратила по домам, оставив разрозненные ряды менее активных и сознательных товарищей.

Военная организация редела, но не уменьшалась вера, оставшихся товарищей в успех.—Люди, всерьез решившиеся в декабре произвести нападение на склад оружия, не могли так скоро упасть духом и, только к концу лета 1906 года после ареста и ссылки Баевского, организация расклеилась. Вследствие больших провалов вообще по Калужской организации, работу в войсках некому было взять на себя, но зато рабочая организация в несколько раз разрослась, так, что небольшая горсточка интеллигенции совершенно в ней потонула. При возвращении моем из Москвы поздней осенью 1906 года в Кал. Губком входили 1 или 2 интеллигента. Попытки последнего, из 2—3-х связей с солдатами одиночками, создать военную организацию, не удались.

Боевая дружина.

Боевая организация или дружина в г. Калуге создалась, говоря с оговоркой, не по заранее обдуманному намерению, а в силу стечения известных обстоятельств. На десятках летних массовок не раз говорилось о близости революции, о вооруженном восстании, но о создании какой-либо спецефической организации, для подготовки в Калуге вооруженного восстания, никто не думал и не говорил вплоть до погромов в октябрьские дни. Некоторые из наших тов. интеллегентов имели у себя „модный браунинг“, но скорее на всякий случай,—как красивую принадлежность домашнего обихода, чем с каким-либо серьезным ожиданием применить его в дело восстания.

Столкновение в проезде бывш. Владимирского сквера демонстрации с патриотической манифестацией и рукопашная стычка, закончившаяся выстрелами со стороны „патриотов“, сразу поставило вопрос ребром. Начавшийся погром *по списку,* в котором на очереди стояла кв. Радиловых, вынудил нас спешно взяться за оружие (см. 1 и 2 сборн.).

Первая „мобилизация“ оружия дала очень небольшие результаты,—что то около 10 револьверов,—по преимуществу малоколиберных „Бульдогов“. Надо было приобретать оружие, а средств не было. С первых же дней погрома вошли в сношение с Социалистами-Революционерами, у которых имелось несколько берданок, 2 ящика патронов к ним и 5—6 шашек. С этим,—почти хламом, мы начали действовать. Кто-то поехал в Тулу установить связь с оружейным заводом в целях приобретения оружия, кто-то из приказчиков магазина Билибина предлагал нам оптом около сотни „Смит-Вессонов“ то же малого калибра и по случаю довольно дорого,—предлагали,—а денег не было. Оставалось открыто начать сбор на оружие. Шалаев—служащий Управления ж. д. сделал попытку собрать средства в среде „либеральной“ буржуазии и интеллегенции в самые дни погрома, но они,как обалдевшие боги после всемирного потопа древней легенды, сидели, „поджав хвосты“ и выли, боясь—и погрома, и полиции:—а что как узнают, что они „помогали“?! Более верный путь избрала пролетарская молодежь. Буквально в 24 часа был организован в Техническом училище музыкально-вокальный вечер,—как гласила рукописная афиша. У кассы с об‘явлением,—*„сбор на оружие“*,—продавались портреты героев и убитого погромщиками с.-р. Радилова. Не помню на какие средства был с‘организован и буфет с чаем, фруктами и пр. Всем хватило и ролей, и работы. Вечер посменно охранялся со стороны обоих переулков (Куков и Черновский) отрядами вооруженных техников; со второго этажа общежития были забарикадированы окна в сторону Ильинской улицы. Дежурный пост сидел у баррикад с основным оружием—берданами и лучшими револьверами.

В декламации выступали: с.-р. Н. Г. Потанин, А. А. Троицкая, несколько учеников техников. Прочел свой рассказ

Иосиф Ив. Стефанович,—брат вольноопределяющегося Стефановича; соло,—„Тюрьма осенней ночью“ или „Слушай“,—выступил часовщик—Смирнов; пела под рояль консерваторка Соколова, несколько дуэтов и т. д.,—все из революционного репертуара. Вечер прошел с большим под'емом, а когда стихли последние звуки музыки и топот на парадном ног уходивших гостей, небольшая группка боевиков техников в бывшей комнате Надзирателя, печатала прокламацию и упражнялась в стрельбе в цель до рассвета. С этого дня Техническое училище обратилось в главный штаб боевой дружины.

По своей организации дружина делилась на 3 района: Вокзальный—по преимуществу из рабочих; 1-й городской—по преимуществу из техников и 2-й городской, охватывавший район центра города от ул. Революции (бывш. Никитская) к Театру и Загородному Саду, из разных служащих.

Организационное оформление произошло за 2—3 дня до памятного всем вечера в Технич. училище на общем собрании дружинников с 3 или 4-мя представителями соц.-рев. Деление на районы было принято в целях удобства разведки, связи и патрулирования в тревожное время, а так же для упражнений в стрельбе. Для боевых действий предполагалось централизованное управление или командование.

Начальником дружины был избран я, помощником и заместителем Максимов-„Клим“. Старшим вокзального района—кто-то из рабочих, 1-го городского—техник Иванов и Кизик и 2-го городского К. Д. Введенский. Привокзальный и 1-й городской район в свою очередь разбивались на десятки. На время боевых действий Введенский, Иванов и Кизик становились во главе десятков. Десятки не были округленными и там, где число не достигало двух десятков, считалось за один. Социалисты-революц. заявили, что на случай действия и подготовки они вольются в нашу дружину по районно, не выделяясь в какую-либо самостоятельную дружину и будут признавать наше командование. В виду того, что таким образом организация являлась до некоторой степени межпартийной, было доведено до сведения Губкома, который с этим согласился.

Все „начальствующие“ лица были избираемы общим собранием начиная с десятского и кончая нач. дружины. Надо заметить, что сплоченность и преданность делу были настолько велики, что даже при тогдашней доступности в дружину, не было ни одного случая провокации. Явление провокации в Калужских организациях началось только с 1906 г. прежде всего у С.-Р., начиная с служащего в Земстве Баклашова; Н. Г. Потанина с своей сестрой-телеграфисткой (Анна Георгиевна) и потом уже перешло в нашу среду в 1907 г.

За свое краткое существование дружина энергично готовилась к боевым действиям. 1-й Городской район обучался стрельбе непосредственно при своем штабе—техническом училище, где по вечерам стекались дружинники и в больших длинных комнатах общежития стреляли в табуретки положенные на бок сиденьем, в чертежные и классные доски с нарисованными на них фигурами и даже просто в стену. Туда же часто заходили рабочие Привокзального района узнать новости, о предстоящих собраниях и разок другой стрельнуть в цель.

Буквально дни и ночи кипела жизнь в училище. Многие товарищи там и ночевали. Полиция боялась показаться в Куков и Черновский переулок, так как товарищам нравилось иногда, встретясь у парадного, просалютовать друг другу выстрелами. Конечно, какой-либо обыск в училище без боя не обошелся бы. Пришлось и мне лично провести там несколько ночей после провала на ж.-д. мастерских на митинге, почему, при обыске 13 или 14 декабря у меня на квартире, меня на лицо не оказалось.

Другим районам приходилось для стрельбы ходить куда-либо в лес. Не обошлось и без печального случая: однажды т.т. Максимов, Введенский, Нахалов-„Аграрий“ и др. практиковались за рекой; у т. Тулинова произошел затяжной выстрел. После удара курка на капсулю выстрела сразу не произошло, по неопытности он повернул дуло к лицу, а в это время произошел выстрел в голову и товарищ остался на месте. Один из техников, кажется Соколов, неся револьвер в кармане, как-то нечаянно щелкнул курком на углу ул. Ленина и площади—раздался выстрел, пуля к счастью прострелила ногу выше колена, не задев кости.

Постовой городовой озирался кругом, а товарищ в кампании с кем-то из техников продолжал шагать, подавляя боли. Во время вечера в техническом училище такая же история чуть не произошла с М. И. Образцовым, который у кого-то из интеллегентов достал на время браунинг, зашел в подвальный этаж на кухню показать тов., как он заряжается и разряжается и неожиданно спустил курок после из'ятия из пистолета обоймы; выстрелом пробило ему брюки.

На небольшие средства, которыми располагала дружина, нельзя было приобрести сколько-нибудь сносного оружия. Самой крупной были 3 нагана и 2 бульдога; остальное пополнялось большею частью самовооружением дружинников теми же Смит-Вессонами и Бульдогами.

Конечно, выступать открыто с таким оружием против войск вооруженных 3-х линейными дальнобойными винтовками, более скорострельными, чем наш Смиты, было бы, с чисто военной точки зрения, смешно. Мы и сами это чувствовали, что войны мы вести не можем, а поэтому готовились главным образом к партизанским действиям т. е. нападению на воинские команды и патрули неожиданно в зависимости от обстановки: из за забора с разных сторон, из окон домов, бросанием бомб в команды, в казармы и т. д., что делало бы нас неуловимыми, но страшно изнуряло бы и деморализовало войска. По опыту событий за лето 1905 года мы знали, что для победы над войсками часто нужна не сила и не физическое истребление их, а стойкость и затяжной характер движения, под влиянием которых войска начинали обычно колебаться, разбредались, бросали оружие или даже переходили на сторону восставших.

В тесном контакте с военной организацией составлялся общий план захвата оружия и перевооружения на случай забастовки и призыва к восстанию.

Конечно, заниматься одним вооружением и практической стрельбой в то горячее, бурное время было слишком мало, да и скучно. У всех кроме того кипело сердце жаждой мести за погибших и побитых во время погрома товарищей. Но признавая в теории террора по отношению к отдельным представителям контр-революции, все же не хотелось оставить без ответа погромных действий пристава Лаврова.

Самооправдаине было в том, что террористическим актом против Лаврова ,мы шли навстречу удовлетворению нравственного возмущения широких слоев населения, а кроме того считали, что открытый бой уже начат и дело только в форме и формулировке действий, а не в принципе. Затея снять Лаврова встретила горячий отклик среди т. боевиков. Быстро с'организовалась группа из т. Максимова, Образцова, Кизика, Иванова, Савина, Шалаева, меня и др. Два раза было организовано покушение, но повидимому Лавров был осторожен или предупрежден. Дальнейшие события с провалами, арестами и от'ездом многих не дали довести этого дела до конца, а в начале 1906 года Лавров был переведен в Жиздру, где своей деятельностью многих устроил на каторгу, говорят, даже безвинно.

Стоило мало-мальски организоваться дружине, как сейчас же среди наших товарищей женщин возникла мысль по созданию революционного красного креста. Циолковская Л. К., Ломакина М. М. и Троицкая А. А. пригласили меня на квартиру к последней и прямо поставили мне вопрос об организации отряда красного креста. Как всегда у женщин, так и в этом случае, у них было столько неподдельного энтузиазма, что глядя на них,—с каким упованием и решительностью приступили они к переговорам,—видимо приготовив аргументы на всякие могущие последовать возражения, я невольно залюбовался ими, сделал глубокомысленный вид, наводящий на сомнения, чтобы дать им побольше доказывать и конечно во всем согласился с ними, условившись об общем собрании на следующий день. На следующее собрание пришли еще З. Троицкая, Рогова, Матвеева А. и кто то из женщин винного склада. Мне пришлось информировать собрание о положении дел. Стало известным, что Л. Фосс также организует красный крест и решили слиться с ними, держась все-таки друг друга.

В конце ноября стало тревожно. С улицы, из учреждений, с базаров, приходили слухи, что „черные сотни“ готовятся к новому погрому. Через 2—3 дня мы стали созывать дружину и упражняться в патрулировании. Красный комитет выпустил прокламацию с призывом граждан к спокойствию, заявляя, что в его распоряжении

имеются оружие и бомбы, чтобы не допустить кровавого разгула бандитов.

Губернатор так же выпустил воззвание, обещая охранять спокойствие, но не позже 7—9 часов вечера.

В особенно тревожный день, чуть-ли не 10-го декабря, с утра пришлось созвать всю дружину с красным крестом в квартире зубного врача Б. в д. № 2, по Октябрьскому проспекту.

Часть красного креста во главе с Л. Фосс оставалась у нее на квартире и держала с нами связь. По всему городу были рассеяны наши парные патрули, по заранее намеченному маршруту со сменой через 2 часа. День прошел спокойно. Все были сосредоточены и серьезны; чувствовалось, что наступает решительная минута, никто не думал, что в ближайшие дни нас ждет столько неудач.

Как часто бывает, что ожидаемое с часу на час известие, нас поражает больше чем неожиданное, — так и на этот раз, — как гром грянул над нами известие о Московском восстании.

С горьким чувством сделанной ошибки и в то же время с решительностью и энергией, заставляющей временами забывать действительное положение дел, мы бросились к массам с призывом — „к оружию“.

Митинг в казармах у Московских ворот, предварительный митинг в квартире Дурасова по Козьма-Демьянскому переулку, созванный из ж.-д. рабочих, открытый митинг на следующий день в токарном цехе ж.-д. мастерских и в сборном на „канаве“, не дали ожидаемых результатов. План, тщательно разработанный, снять мастерские, депо, затем солдат из казарм, Управление ж. д.—с самого начала сорвался.

Когда через 2—3 дня выяснилось окончательно, что дело не поправимо, многие перешли на нелегальное положение, а остальные со дня на день ожидали арестов. Постепенно арестовано было около 30 человек, половина из которых потом были сосланы на 3 года в Нарым.

Кизик и Любимов были арестованы еще в мастерских после митинга. Стефанович и Максимов с оружием в руках, пробив себе дорогу через толпу и скрывшись от преследо-

вания взвода солдат, должны были немедленно перейти на нелегальное положение; я, зная все входы и выходы в мастерских и будучи в штатском, легко затерялся в толпе и благополучно избег ареста на месте. Обыск в ту же ночь у меня на квартире ничего не предвещал хорошего. Затем через несколько дней по очереди беспаспортными мы перебирались в Москву, оставив военную организацию на руках Баевского и Попова Н. И. (Моща). В боевой дружине постепенно миновала надобность. Техническое училище было закрыто и, как беседка бабушки в „Обрыве“, так и этот главный штаб дружины, был разорен уже после пережитой трагедии. Среди пустующих комнат оставался лишь один из учеников N, в тиши составлявший рецепты бомб, но и тот был выселен при обыске в училище. Знаменательно, что этот обыск был произведен после того, как полиция и жандармы основательно убедились, что ученики раз‘ехались по домам. То было в конце января 1906 года.

Последствия существования военной организации и боевой дружины сказались потом в том, что, не знаю кем персонально, были похищены 3 ящика винтовок, которые в конце лета 1907 года были запроданы Елисаветпольской с.-д. организации.

При переезде в Москву в декабре 1905 года мы еще застали догоравшую Пресню с остатками фабрики Шмидта, обломки баррикад по Каретно-Садовой, расстрелянные окна и пробитые стены на многих домах и улицах. Партийные организации в Москве пострадали не меньше чем у нас. Происходила массовая смена партийных работников: Московские уезжали, передавая работу приезжим товарищам. Мне с Стефановичем посчастливилось устроиться на фабриках в качестве рабочих (Мориц-Пальм и Киббель), Максимов через бюро Иосифа Покорного выехал в Моршанск. Я оставался в Москве до осени 1906 г. Стефанович через год был где то арестован, сослан в Сибирь и там погиб в тайге, заблудившись на охоте. Максимов в Моршанске сразу вошел в партийную организацию, даже наладил связь с какой то воинской командой, но к весне провалился и спешно перебросился в Смоленск. Закваска боевика и военного организатора сказалась и там. По приезде

в Смоленск он взялся за работу среди войск. Судя по его письмам летом 1906 года дела у него шли хорошо, каждое письмо заканчивалось усиленными просьбами ехать к нему. В это время мне пришлось участвовать в боевой организации типографщиков в Москве. (Руководил ею бывший офицер японской войны Кнутов).

Мне было поручено разработать вопрос минирования улиц на случай боя. Нередко целыми днями я просиживал в Румянцевской библиотеке за военной литературой. Занятие по тому времени оказалось на столько интересным, что на 2 месяца задержало меня от поездки в Смоленск. За лето было верстах в 60-ти от Москвы организованы 2 или 3 маневра дружины. Само управление ею, построение связи между частями и занятия по тактике боя в городах,—для меня были интересной новостью; хотелось пройти эту школу и явиться в Смоленск с некоторой подготовкой.

В конце сентября я выехал в Смоленск, но за 2 часа до моего прихода Максимов был арестован жандармами и сослан в Олонецкую губернию.

В декабре 1906 или январе 1907 г. он бежал из ссылки и только в 1913 году дал знать о себе из Хивы, где работал в фотографии в Новом Маргелане. С тех пор о нем не было вестей.

Баевский после ссылки вернулся кажется в Тулу и чуть-ли не умер в 1913 году.

Н. И. Попов (Моща) умер в 1914 году.

Кизик после ссылки вернулся на родину в западный край и в настоящее время чуть ли не в Минске.

Егоров после смерти жены—Кати Васильевской и по окончании военной службы работал по специальности столяром и также умер в 12 или 13 году.

О Верещаке (Мак) после его от'езда на родину ничего не известно.

Штабс-капитан Кнутов в январе 1906 г. за отказ в 1904 г. поехать на фронт был передан Московскому военно-окружному суду, лишен чинов и приговорен к 3-м годам военной тюрьмы, но успел скрыться за-границу.

С. Митин.

ОТДЕЛ III.

Материалы и документы.

Копия.
Секретно.
Циркулярно.

Командирам частей войск Калужского гарнизона. Инструкция на случай беспорядков в г. Калуге и ее предместьях.

I. Город Калуга с предместьями делится соответственно войсковых частей, на три участка, означенные на приложенном плане:

а) первый подчинен командиру 222 Шацкого пехотн. полка и ограничен: с севера вокзалом железн. дор. и железнодорожными мастерскими (№ 62, 84, 89) [1]) с запада кладбищем городским (№ 56) и Васильевской улицей, с юга Садовой (от нового торга), Теренинской и Выгонной. Окрашен на плане розовой краской;

б) второй подчинен командиру 9-го запасного пехотн. баталиона и занимает западную часть города и западные предместья, ограниченный с востока, беговым кругом, кладбищем (№ 56) Васильевской улицы и оврагом (от Садовой улицы до реки Оки); окрашен на плане синей краской. Овраг включается в район оберегаемой местности второго участка;

в) третий подчинен командиру 10-го запасного пехотн. баталиона и занимает юго-восточную часть города и его предместья... от вышеупомянутых оврага, Садовой, Теренинской и Выгонной ул.; окрашен на плане желтой краской.

II. Предварительные меры с 14 января назначать ежедневно от 222 Шацкого пех. полка одну роту в 40 рядов на ст. Калугу в распоряжении коменданта станции, которому озаботиться разместить таковую по своему усмотрению

---

[1]) №№ указывают обозначение на плане.—Ред.

в соответственном месте (теплом), мотив официальный, наблюдение за порядком при проходов эшалонов маршевых команд.

Для рассылки донесений в распоряжение коменданта ежедневно с 14 января назначать на ст. Калуга 4 конных вестовых от казачьей сотни.

Командирам частей озаботиться, чтобы заблаговременно при частях были заготовлены караульные патроны.

III. С возникновением беспорядков, в зависимости от их интенсивности, принимаются следующие меры в г. Калуге.

Первое положение:

а) казачья сотня по указанию Полицийместера города высылает патрули и раз'езды. Обо всем замеченном немедленно доносится командиром казачьей сотни начальнику гарнизона и Губернатору;

б) для ординарческой службы от каждой батареи 58 артиллерийской бригады назначается по 5 конных вестовых (в том числе 1 фейерверкер), которым немедленно прибыть: от 1 и 2 батареи в распоряжение командира Шацкого пехотного полка в казармы у Московских ворот (№ 29), от 3 и 4 батареи в распоряжение командира 9 запасного баталиона в Ерохинские казармы (№ 31), от 5 и 6 батареи в распоряжение командира 10 запасного баталиона в Николаевские казармы (№ 36);

в) во всех частях должны быть на готове те команды, которые потребуются при втором положении;

г) роте, находящейся в распоряжении коменданта ст. Калуга быть готовой следовать для охраны винного склада у вокзала жел. дор. (№ 79).

Второе положение:

а) все свободные от раз'ездов казаки (не менее 1/2 сотни) на рысях при офицере идут к винному складу и вокзалу, где поступают под начальство командира Шацкого полка и действуют согласно его распоряжениям;

б) рота на ст. Калуга немедленно принимает под свою охрану винный склад (№ 79);

в) 222 Шацкий полк выставляет из Московских казарм (№ 26 и 30) три заставы по роте в 50 рядов: одну в начале Боровской улицы, одну у средней без'имянной, (у общественных кузниц № 83) и одну роту вначале (считать от Московских казар) Ямской улицы;

г) 9 запасному баталиону иметь на готове в Ерохинских казармах 3 роты (по 50 рядов). Выставить заставы: к Земской Управе 50 человек, у кладбища, где столовая для бедных (№ 27) и рабочий дом[1] (№ 28) 100 человек;

д) 10 запасному баталиону иметь на готове в Николаевских казармах (№ 36) 2 роты по 50 рядов.

Выставить заставы: к дому Губернатора (№ 2) 30 чел., к присутственным местам (№ 3), Казначейству, Губернской типографии, почтовой конторе (№ 10), Управлению Сызрано-Вяземской жел. дор. (№ 5) 120 человек при офицере, к гостинному двору (№ 9) 50 человек, к городской управе (Малютинскому банку, Коровенской кассе) 40 человек, Орловскому банку на Никитской улице (№ 105) 20 человек, к отделению Государственного банка (№ 20), к соседнему ссудо-сберегательному обществу 50 человек, к тюрьме (№ 40) 50 человек при офицере;

е) от каждой батареи 58 артиллерийской бригады выслать на рысях по 10 нижних чинов конных, вооруженных шашками и револьверами при офицерах (по одному на 2 батареи), в распоряжение и в те же места, указанные в первом положении в пункте б.

Третье положение:

а) от 9 запасного баталиона выслать роту в 300 человек к Московским казармам Шацкого полка, которой поступить в распоряжение командира Шацкого полка;

б) в общий резерв выделить от 9 и 10 запасных баталионов по одной роте, каждая в 300 человек (им немедленно прибыть на плацпарадную площадь (№ 8).

От каждой батереи 58 артиллерийской бригады в общий резерв выслать по 5 конных вестовых, вооруженных шаш-

---

[1]) Очевидно—„Рабочий дом“.—Ред.

ками и револьверами, при 2-х офицерах, (по одному от дивизиона).

Общий резерв поступает в распоряжеиие начальника гарнизона и без его распоряжения никуда не высылается;

г) начальникам районов в случае надобности принять под охрану винные лавки; на плане оне обозначены зелеными кружками.

IV. Начальникам частей принять меры к охранению находящегося в их ведении казенного имущества, для чего выставить из оставшихся людей караулы при офицере.

V. Начальникам районов при выставлении заставы установить постоянную с ними связь через конных вестовых.

Эти начальники являются ответственными при выполнении указанных этою инструкциею мер.

VI. При употреблении в дело оружия руководствоваться правилами указанными уставом гарнизонной службы (изд. 1902 г.) при призыве войск для содействия гражданским властям. С этими положениями теперь же основательно ознакомить г. г. офицеров. Напоминаю, что надо уважать себя и своеоружие: или им не действовать вовсе или метко действовать.

VII. Начальникам районов немедленно сделать все подробные распоряжения и расчеты по высылке вышеуказанных команд.

VIII. Распоряжения о принятии вышеуказанных мер исходят от начальника гарнизона, но могут быть для ускорения дела даны непосредственно губернатором, при чем означенные распоряжения сообщаются начальникам частей (командирам Шацкого полка, 9 и 10 запасных баталионов, 58 артилерийской бригады и казачьей сотни) по телефону. При порче телефона через конных вестовых—письменно.

В сообщениях указывается только: „такое-то положение“.

По получении подобного указания начальники частей принимают соответствующие каждому положению меры, указанные данной инструкцией. Если будет дано указание прямо о втором или третьем положении, то принимают и все меры первых положений.

IX. Начальникам районов иметь в виду, что при втором положении выставляемые охранительные команды надлежит

предварительно поместить в укрытых помещениях, для чего теперь же войти в соглашение с начальниками тех учреждений, которые будут подлежать охране. Наружную охрану выставить, когда явится к тому необходимость.

X. Если по распоряжению Губернатора потребуется выслать часть войск на одну из фабрик вне гор. Калуги, то 222 Щацкому полку для этого отправить по означенному указанию один баталион (в 300 человек); в этом случае все караулы, выполняемые означенным полком, нести 9 запасному пехотному баталиону, немедленно произведя смену караулов. В означенный баталион немедленно передать росписание караулов.

XI. С передачей полномочий гражданским начальством военному, эти полномочия остаются за последним до полного прекращения беспорядков хотя бы это длилось несколько дней.

Дело полиции при этом сообщать о месте беспорядка, а как действовать против нарушителей порядка—дело военного начальства.

XII. На основании этой инструкции в каждой части войск выработать немедленно подробные частные инструкции для каждой высылаемой команды, с которой ознакомить предназначенных с командами офицеров и унтер-офицеров.

Подписал: Начальник Гарнизона гор. Калуги
генерал-майор Мезенцев.

№ 17
14 января 1905 г.
г. Калуга.

Примечание: в деле № 27 за 1905 год канцелярии Калужского Губернатора по 2-му столу, из которого заимствован данный документ, непосредственно за ним же имеется подшитым другой его экземпляр в несколько измененной редакции.

Прежде всего они отличаются друг от друга тем, что первый документ литографирован с рукописного оригинала; второй с отпечатанного на пишущей машинке; первый имеет дату, второй не датирован, и установить точно момент его издания по делу невозможно.

Но судя по тому, что как и указано выше, второй экземпляр документа подшит в деле непосредственно за первым, а далее подшита переписка в хронологическом порядка—можно думать, что и второй экземпляр относится к январю месяцу.

Редакционные расхождения заключаются в следующем:

1. Отсутствует в п. II выражение „для рассылки донесений в распоряжение коменданта ежедневно с 14 января назначать на ст. Калуга 4 конных вестовых от казачьей сотни“.

2. В разделе, озаглавленном „первое положение“, в п. б указано «назначается 6 конных вестовых», а не 5, как указано в публикуемом экземпляре и далее пункт этот имеет добавление «и по 1 конному вестовому от батареи (всего 6 человек) в распоряжение уездного воинского начальника».

3. Пункт „г“ этого же раздела дополнен словами (после № 49) „выслав немедленно ко входу склада 12 нижних чинов при унтер-офицере.

4. В разделе „второе положение“—пункт „а“ начинается так: „Все раз‘езды казаков присоединяются к своей сотне (взамен высылаются командирами 9-го, 10-го и Шацкого полков раз‘езды по мере надобности от присланных конных артиллеристов) и затем уже следуют слова: „все свободные от раз‘ездов казаки“ и т. д.

5. Пункт „в“ этого же раздела кончается словами „прикрыв собою расположенные там две винные лавки“ и п. „д“ дополнен к дому Вице-губернатора (Золотаревская ул. у Каменного моста) 30 чел. к архирейскому дому (Богоявленская ул.) 20 чел.

В делах полицийместера г. Калуги случайно попался нам также экземпляр „инструкции“, но датированный уже 10-го октября 1905 г.

Существенным его отличием от январьских редакций «инструкции» является:

1. Отсутствие описания участков в пункте 1;

2. Новая, следующая редакция п. VIII—право призыва войск принадлежит Г. Губернатору, началь-

нику гарнизона (§§—22 устава гарнизонной службы приложение 11 к § 2), Полицийместеру и исправнику (§§ 7 и 8 тех же правил) с извещением в то же время начальника гарнизона и начальников призываемых частей (§ 11). Распоряжения сообщаются по телефону, или при порче его через посланных доверенных лиц письменно (§ 12).

В этих сообщениях достаточно указать только: «такое то положение».

3. Тоже новая редакция п. XI.

„Определение времени, когда войско должно приступить к действию оружием зависит от усмотрения гражданского начальства (§ 16); без означенного указания войскам прибегать к действию оружием в крайней необходимости точно указанных в § 18 правил о призыве войск. Начальники частей войск, получившие указание прибегнуть к действию оружием, распоряжаются самостоятельно. Вообще при употреблении в дело оружия строго руководствоваться §§ 12—22 вышеупомянутых правил“.

Ред.

Отпуск секретно.

М. В. Д. Калужского губернатора по канцелярии 16 января 1905 года № 123 г. Калуга.

Министру внутренних дел.

Вследствие шифрованной телеграммы, от 11 сего января, считаю долгом довести до сведения Вашего Сиятельства, что мною приняты следующие меры к предупреждению могущих возникнуть беспорядков во вверенной мне губернии

1) В районах губернии, где расположены фабрики и заводы, усилено наблюдение за настроением мастеровых и рабочих, причем чинам полиции предписано особенно следить за вновь прибывающими в эти местности подозрительными лицами и, в случае малейшего проявления с их стороны агитации среди рабочих, задерживать их, возбуждая против них судебное преследование в установленном

порядке. Кроме того я вместе с сим вхожу с представлением к его Императорскому Высочеству Главнокомандующему войсками Московского военного Округа, указать мне те части войск, которые могут быть потребованы, в случае необходимости в войсках, для более отдаленных от Калуги фабрично-заводских районов, например для Жиздринского и Боровского уездов, так как количество местных войск Калужского гарнизона нельзя считать достаточным в случае одновременного вызова войск в означенные уезды и в ближайшие в Калуге местности, также с фабричным населением.

2) Для сохранения порядка и предупреждения могущих возникнуть беспорядков в г. Калуге, где в настоящее время сосредоточено значительное число призванных из запаса нижних воинских чинов и где имеются железно - дорожные мастерские (около 1500 рабочих), я исходатайствовал еще ранее пред Августейшим Главнокомандующим войсками Московского Воднного Округа о командировании сотни казаков, которая и прибыла сюда 10 минувшего декабря. Затем 13 сего января мною было созвано под моим председательством особое совещание с военными властями для выработки совместных действий на случай призыва войск при возникновении беспорядков в Калуге.

В совещании этом приняли участие:

1) Калужский Вице-губернатор князь Голицын.

2) Начальник гарнизона генерал-маиор Мезенцев.

3) Командир 1 дивизиона 58 артиллерийской бригады полковник Булаш.

4 Командир 2-го дивизиона той же бригады полковник Анушкин.

5) Командующий 222 пехотным Шацким полком подполковник Юркевич.

6) Командир 9-го запасного баталиона подполковник Корицкий.

7) Командир 10-го запасного баталиона подполковник Кабанов.

8) Комендант ст. Калуга поручик Молчанов.

9) Губ. инженер статский советник Савицкий и

10) Калужский полицимейстер статский советник Трояновский.

Этим совещанием составлен подробный план города Калуги с обозначением на нем тех правительственных, общественных и частных учреждений, которые подлежат особой охране в случае беспорядков; начальником гарнизона по этому поводу издан секретный приказ по гарнизону, а начальники отдельных воинских частей снабжены этими планами на г. Калугу с нанесением на них района подведомственному каждому начальнику.

3) Начальнику Калужского Отделения Самарского Жандармского Полицейского Управления железных дорог мною преподаны указания по поводу совместных действий его и чинов полиции, по наблюдении за лицами прибывающими по Сызрано-Вяземской ж. д. на те станции, которые примыкают к фабричным районам Тарусского и Медынского уездов.

Дальнейшие мероприятия мною будут приниматься, смотря по обстоятельствам и самые решительные к подавлению всякого беспорядка.

Подписал губернатор **А. Офросимов**.

Скрепил: Управляющий Канцелярией (подпись.)

Верно: **М, Баталин**.

Примечание: данный документ заимствован из. д. № 27 второго стола Канц. Калуж. губернатора за 1905 года. Помещаемая ниже «инструкция на случай беспорядков в г. Калуге ряде предместий“ является результатом упоминаемого здесь совещания.—Ред.

———

К рабочим мастерских Сызрано-Вяз. ж. д.

Братья-товарищи! Потрясающие события произошли десять дней назад в Петербурге. Подлый царь и его гнусные министры залили улицы столицы кровью трех слишком тысяч рабочих, их жен и детей, виновных лишь в том, что они вздумали мирно просить царя обратить внимание на насущнейшие нужды угнетенного народа. Дело было так. 8-го января священ. Гапон от лица ста слишком рабочих отправил к царю письмо, в котором просил, чтобы царь вышел к рабочим и выслушал их заявление о вековых нуждах народа. В час ночи священ. Гапон был уведомлен, что царь с рабочими говорить **не желает**. Несмотря на такой ответ, прямо показавший, что царю нисколько не дороги интересы стамиллионного народа и что ему нет ровно никакого дела до каких то там народных нужд, рабочие решили итти на следующий день к Зимнему дворцу и там ждать своего царя-батюшку. Утром 9-го громадные толпы народа потянулись к дворцу, причем впереди тащили портрет царя—в сердцах рабочих еще держалась вера в него. Но эта смешная надежда на царскую честность была непродолжительна; те самые пули, которые поразили рабочих, несших царский портрет, убили и последнюю веру народа в царя; 9 января она навсегда погасла под пушечными залпами и сабельными ударами, которыми наградил царь своих „верноподданных“. И это уже не в первый раз царь отвечает зверской расправой на справедливые требования рабочих. Всем известны бойни на улицах Домброва, Ярославля, Батума, Ростова, Златоуста, на Тихорецкой, за которые царь торжественно благодарил убийц. Громадная толпа трудящихся подходила к царскому трону с требованием хлеба и прав, а со стороны царя единственным ответом на это были пули, нагайки, кулаки, ссылка. Эта рабочая армия никого не хотела убивать, она требовала лишь, чтобы ее перестали морить голодом и угнетать непосильной работой, чтобы ее перестали мучить полицейскими кулаками и жандарскими застенками, чтобы ей дали права, дали участие в управлении страной, в издании законов,—однако справедливость этих

требований не помешала царю 9-го и 10-го января искалечить, пустить по миру и даже убить целые тысячи рабочих.

Товарищи! Нам не нужно царя, который с зверской жестокостью проливает кровь ни в чем неповинных граждан, который даже не желает выслушать свой народ, который с беззастенчивой наглостью травит всех рабочих, в своих жалких лачугах обсуждающих пути к улучшению своей жизни, а в то же время щедр и милостив к расхитителям народного труда—капиталистам.

Вместе с товарищами-рабочими Петербурга, Москвы, Риги, Ревеля, Ковно, Баку, Саратова и других городов мы единодушно должны требовать и добиваться всестороннего улучшения своего положения, полной свободы в защите своих экономических и политических интересов.

Мы требуем:

1. Чтобы существующие верховные государственные учреждения России были заменены парламентом, облеченным верховной законодательной властью избранным от всего народа и перед ним ответственным.

2. Чтобы было установлено всеобщее, прямое, тайное и для всех равное право выбора в парламент при полной свободе выборов.

3. Полной и безусловной свободы всех союзов для защиты экономических и общественных интересов и для удовлетворения всех умственных запросов рабочего народа.

4. Свободы стачек, т. е. отмены всех тех законов, которые преследуют стачки городских и сельских рабочих и предают стачечников уголовному суду за нарушение договора о найме.

5. Полной, безусловной свободы всяких собраний, свободы слова и совести, т. е. свободы для каждого гражданина высказывать открыто какие угодно религиозные и политические убеждения.

6. Безусловной неприкосновенности жилища, личности и переписки граждан.

7. Замены постоянного войска народным ополчением.

8. Немедленного прекращения войны.

Кроме того, мы требуем:

1. Восьмичасового рабочего дня.

2. Повышения заработной платы.

3. Установления расценков при участии рабочих.

4. Надзора органов местного самоуправления с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, сдаваемых рабочим предпринимателями.

5. Запрещения ночной работы без всякого исключения, кроме тех случаев, когда это безусловно необходимо в общественных интересах, запрещение сверхурочных работ.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма.

7. Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду.

8. Выдачи государственной пенсии престарелым работникам.

Калужская Социал-Демократическая группа.

Январь 1905 года.

К телеграфистам Сызрано-Вяземской ж. д.

Товарищи! Скучно, однообразно течет наша тяжелая трудовая жизнь. Проходят дни, месяцы и годы, а в нашем темном царстве не замечается и следа какого-либо изменения к лучшему. Сидение по целым часам у телеграфного станка, постоянное напряжение нервной системы во время работы в конец истощают наши силы и губительно отражаются на нашем здоровье. Продежурив в общей сложности 18 часов в сутки, с отуманенной головой, мы плетемся домой и думаем только о том, как бы добраться до постели и отдохнуть от изнуряющей работы. Но и это нам не всегда удается: нередко нас заставляют работать еще и сверх положенного, **сверх 18-ти часов** (!!) Заболеет ли или не придет по каким либо причинам кто из служащих—его обязанности заставляют отправлять того, кто предшествующую ночь только что провел без сна за работой. И за этот-то каторжный наш труд, за бессонные ночи мы получаем всего на всего несчастные 20 рублей, на которые нельзя по человечески жить, которых едва хватает на полуголодное существование. На какие же средства удовлетворять умственные

потребности? Хорошая книга, театр и т. д. все это нам не по карману. А как жить семейному? Истощая свои силы дневной и ночной работой, губя свое здоровье в душной атмосфере, мы, товарищи, не имеем в течение года права даже на месячный отпуск, в который мы могли бы стряхнуть с себя канцелярскую плесень, восстановить свои силы, вглядеться в окружающую жизнь. Мы имеем только обязанности, а права? права все у наших начальников! И они, обладающие правами, ничего не делающие, сидящие у нас на шее, осмеливаются еще и унижать нас, ругая, как им вздумается и давая за малейший пустяк грубые несправедливые выговоры.

Товарищи! Так жить дальше нельзя! Мы должны стряхнуть с себя возложенное на нас тяжелое бремя, и потребовать себе прав соответственно нашим обязанностям. Соединимся же, товарищи, для общего дела, начнем борьбу за лучшую жизнь, докажем, что и мы имеем право на человеческое существование. При дружном действии мы добьемся своего. Выбирайте же, товарищи, своих представителей по одному с каждой станции и посылайте их в Управление для пред'явления начальству следующих требований:

1. Прекращение сверхурочных дежурств.
2. Увеличение штата служащих.
3. Уничтожение командировок и других работ в часы, предназначенные для отдыха.
4. Увеличение заработной платы на 50%.
5. Ежегодный отпуск не менее чем на месяц, независимо от состояния здоровья.
6. Выдача бесплатных билетов в количестве определенном правилами без всякого контроля со стороны начальства.
7. Вежливое обращение.
8. Никакие карательные меры не должны применяться к выбранным представителям, пред'являющим требования начальству.

Об одновременном прибытии депутатов в Калугу уговоримся, товарищи, по аппарату.

Если к назначенному нашими представителями сроку мы не получим удовлетворения, начинаем, товарищи, забастовку.

Товарищи.

Февраль 1905 года.

Ко всем рабочим Троицко-Кондровских фабрик компании Говарда.

„Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих“.

ТОВАРИЩИ!

Ответ Правления на требования об улучшении нашей жизни лишний раз подтвердил воочию ту избитую истину, что ожиревшее сердце наших вампиров-эксплоататоров, построивших свои роскошные палаты на пролетарских костях не дрогнет при виде каторжной жизни тех, кто поит их и кормит, кто сам изнывая в труде, несет в жертву ненасытному богу-капиталу и жизнь своих жен и детей, своими мозолистыми руками созидает все блага жизни, а сам и наг, и бос живет, горе и нищенское существование—его удел, товарищи! Этот ответ в свою очередь должен положить конец нашему терпению, конец ожиданию „милостей“ в виде пятаков от наших угнетателей и сделать нашим девизом, нашим „святая святых“ изречение нашего великого учителя Карла Маркса — *„Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих“*. Только сами рабочие, связанные крепкими узами братского товарищества, неуклонно ведя борьбу со своими угнетателями, могут добиться человеческой жизни. Эту истину давно усвоили рабочие других мест России, давно проснулись они от вековечного сна и пред'явили право на истинно человеческую жизнь. По всему лицу широкой Руси, кончая холодною Сибирью, с каждым днем все более и более растет и ширится великое освободительное движение пролетариата. Оно сметает со своего пути все препоны и мощно влечет родину на путь освобождения от гнета и ничто не может освободить или заглушить страстное жгучее стремление к свободе: ни тюрьмы, ни нагайки, ни поповские хитросплетения, ни подкупленная печать, по дешевым ценам сеющая разврат в головы бедного, еще не проснувшегося от долгой спячки, люда (Дружеские речи, День, Свет и т. п.). Кровью спаянные, братья-рабочие, об'единенные в единую Российскую Социал-Демократическую Рабочую партию,

во всех уголках России неустанно ведут кропотливую, упорную работу, развивая сознание рабочего класса, зовя его на борьбу за лучшую долю.

Товарищи, полно и нам ждать милостей, пора сознать свою силу и самим добиваться улучшения своей жизни.

Живее же за дело! Бросайте работу, об'являйте забастовку и не становитесь на работу до тех пор, пока не добьетесь удовлетворения своих требований.

Мы требуем:

1) немедленного увольнения механика *Эльцберга* и писчебумажного мастера *Сироткина;*

2) 8-ми часового рабочего дня для денных несменных рабочих;

3) увеличение состава рабочих в каждой смене;

4) повысить заработную плату женщинам до 30 коп. в день;

5) плата сменных рабочих должна быть не менее 50 коп. в день;

6) выдавать рабочим сапоги в отбельной;

7) выдавать плату в воскресные дни обоим сменам за 24 часа;

8) выдача платы за сверхурочные работы вдвойне;

9) не сбавлять без причин платы рабочим при переводе на другое место;

10) при временном переводе рабочего в другое отделение, где плата выше получаемой им, временно увеличить и ему плату;

11) повысить плату извозчикам до 65 коп. в день, а в праздники выдавать им двойную плату:

12) плата мастеровым должна быть не менее 70 коп. в день, а ученикам не менее 30 коп. с ежегодной прибавкой по 5 коп. в день.

1905 года, февраля 26 дня.

К обществу.

Участь Балтийского флота решена... Тысячи молодых жизней безвременно погребены в далеких водах Тихого океана, тысячи обреченных на верную смерть людей предпочли жизнь смерти и вместе со своим адмиралом (Небогатовым) отдались в плен Японии, несколько сотен изувеченных, висевших на волосок от смерти, возвращены к жизни симоносекскими рыбаками. В одно мгновенье морская пучина поглотила миллиард рублей, стянутых по копейкам с недоедающего русского народа, набранных из „добровольных" подаяний на усиление флота, в одно мгновение она прибавила к сотням тысяч новые тысячи безмолвных жертв царского произвола, безропотно отдавших жизнь „за други своя"— царя и отечество. К старому горю снова прибавилось море незримых слез сирот, вдов, отцов и матерей...

То правит бедною Русью Николай II. Самовластно распоряжаясь жизнью 140-миллионного народа, не одержав ровно ни одной победы, прославив имя свое лишь целым рядом позорных отступлений, Николай II решил вести войну до конца. Вместе с придворными ворами-князьями, вместе с бездарными полководцами-лакеями и прочей челядью вплоть до воровско-интендантской царь решил лучше затопить кровью своих рабов поля далекой Мандчижурии, чем вернуть обратно раз захваченное. С этой целью вот уж второй год тянутся из России поезда за десяток тысяч верст, везущие оторванных от семей кормильцев, обреченных на бойню. Та же участь ждала и Балтийский флот.

Никто не верил в успех этих „ящиков", наскоро сооруженных, с экипажем, наскоро обученным, но каждый знал, что такова воля самодержавца. Даже сам Рождественский, как сообщает „Гражданин", прислал в Петербург 2 м-ца тому назад письмо в котором говорит: „Мы идем на верную смерть"... И этот лакей самодержавия блестяще исполнил возложенные на него поручения,—Цусимский бой— свидетель тому.

Но... чаша терпения русского народа переполнилась. „Довольно, так нельзя жить"... хором заговорила придавлен-

ная русская печать до холопского „Русского Листка“ включительно и... почтительно предложила избрать народных представителей и заключить мир. И самодержавная машина, проигравшая в Цусимском бою последнюю ставку, расчитанную на поднятие военной славы, снова заработала. Во все концы мира, всем представителям России от министерства иностранных дел летят уверения в немедленном созыве народных представителей, высшие чины задумываются о своей судьбе до 4 часов утра (17 мая), на другой день Витте экстренно выезжает к царю на дачу. И в то же время другою рукою самодержавие хватается за последнюю опору шатающегося трона: оно возвращает из лагерей вновь на зимние квартиры в Петербург гвардию и артиллерию. Пуля, нагайка и... обещание быть помягче снова пускаются в ход.

Но русские граждане с негодованием отвернутся от лживых уверений самодержавия. Довольно русскому народу изнывать под гнетом самодержавного произвола, довольно жить слепой верой, что самодержавие само откажется от себя, пора покончить с отжившим строем, пора сдать в архив негодную ветошь. Сознательный пролетариат, организованный в РСДРП, давно уже убедился в бесплодности просьб и молитв, давно уже понял, что только путем восстания с оружием в руках он расчистит путь освобожденной родине от обломков самодержавного строя.

Могучий революционный поток восставшего пролетариата, начертав на своем знамени „Смерть или Свобода“, неудержимо увлекает на своем пути всех тех, в ком еще не угас огонь свободы, в ком самодержавная лапа еще не задавила чувство человека. Всех противников самодержавного строя зовет пролетариат с оружием в руках вступить в его ряды, свергнуть строй, приведший к гибели нашу родину и избрать в учредительное собрание уполномоченных всей страны на основе *всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.*

Только Всенародное Учредительное Собрание установит на Руси такой порядок, когда не кучка придворных лакеев грабителей будет править судьбами 140-миллионного народа, но сам русский нарое возьмется за устроение своей жизни.

Примкните же и вы, калужские граждане, к начавшемуся уже революционному движению пролетариата. Пусть каждый из вас с оружием в руках поспешит в ряды восставших, пусть каждый из вас несет на дело революции все что может, пусть ваши голоса сольются в общем гуле революционного восстания.

Долой самодержавие.

Долой войну.

Да здравствует Учредительное Собрание.

Да здравствует демократическая республика.

Да здравствует социализм.

Калуж. Соц.-Дем. группа.

Май 1905 г.

Тип. Калуж. Группы. Печат. в кол. 2500 экз.

Ко всем портным г. Калуги.

Стачки, широкой волной разлившиеся по всей России, разбудили и нашу Калугу и заставили трудящийся люд выступить на борьбу за улучшение своего экономического положения. Забастовали служащие С. В. ж. д., типографщики, рабочие завода Кисилева, Горилкина, портные мастерской Комарова, поддержали стачку и учащиеся. Товарищи, если мы не поддержим стачки, то мы на долгое время упустим случай, предоставляющий нам возможность вырвать у наших хозяев лучшие условия работы. Требуем товарищи:

1) Отмены долгов.

2) Увеличения расценок (на крупные вещи по 50 к. и на мелкие по 25 к.).

3) Рабочий день для месячных рабочих от 8 ч. утра до 8 ч. веч. с 2-х часовым перерывом на обед.

4) Прекращения работ под праздники в 5 ч. веч. и полный праздничный отдых для месячных рабочих.

5) Отмены переделки заказов для поштучных и возложение ее на месячных.

6) Увеличения жалованья месячным рабочим не менее 5 р.

7) Запрещения привлекать учеников к исполнению посторонних работ—как-то: мыть полы, убирать мастерские и т. п.

8) Вежливого обращения хозяев с рабочими.

9) Выдачи жалованья за время забастовки и неприкосновенности забастовщиков.

Если хозяева откажутся удовлетворить наши справедливые требования, то мы об'являем всеобщую забастовку портных г. Калуги.

Группа портных.

12 октября 1905 г.

Прокламация имеет размер в 1/4 часть листа писчей бумаги, гектографированная.

Экземпляр ее, который мы воспроизводим, был передан 14 октября 1906 года купцом И. Р. Комаровым—Полицаймейстеру, а последним в тот же день препровожден начальнику губ. жандармского управления.

Российская Социал-Демократическая рабочая партия.

Товарищи, братья - рабочие!

Широкой волной разлилось по России освободительное движение, все линии железных дорог забастовали, типографские, фабричные рабочие, пекаря бросают работу. Вся Россия проснулась и поднялась на борьбу и мощным усилием рвется на свободу из удушающих и цепких об'ятий полицейского правительства. Товарищи! без политической свободы невозможны никакие улучшения материальной вашей жизни. Сегодня вам сделают кое-какие уступки, кое-чем скрасят вашу жизнь, а завтра со спокойной совестью вновь лишат вас всего, чего добивались вы с таким трудом, часто ценою собственной жизни. Права и свобода не даются, а берутся властной волей народа. Помните это, товарищи, и в первую голову выставляйте политические требования, требуйте немедленного созыва всенародного учредительного собрания для полной перестройки нашей жизни на началах права, свободы и справедливости. Не возвращайтесь снова в те невыносимые условия вашей жизни, от которых вы только

что ушли и помните, что там, где нет свободы, там нет ничего кроме мрака, зла и насилия.

К свободе, братья, во чтобы то ни стало. Идите заодно с восставшим народом, организуйтесь в плотные массы, чтобы правительство считалось не с отдельными вспышками народного негодования, а со всенародным вооруженным восстанием.

Да здравствует Российская революция — верный путь к свободе и счастью!

Да здравствует каждый, не отделяющий своего личного счастья от счастья народного!

12 октября 1925 года. **Калужский комитет РСДР партии.**

Требования рабочих Калужских мастерских С.-В. жел. дор.

1. В виду того, что при существующем полицейско-чиновничьем режиме или строе все нижеуказанные требования, как показал недавний опыт, не могут быть удовлетворены,—необходим созыв народных представителей с законодательной властью, выбранных всем населением страны всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием без различия национальности, пола и вероисповедания — для выработки новых основных законов страны в интересах трудящихся классов.

2. Созыв Всероссийского с'езда делегатов от служащих и рабочих всех железных дорог для выработки нового положения о железно-дорожных служащих и рабочих.

3. Свобода собраний, сходок, союзов, слова, печати и стачек, неприкосновенности личности и жилищ.

4. Уничтожение существующей пенсионной кассы с возвратом всех взносов с % % ее участникам и учреждение взамен ее государственного страхования за счет железных дорог.

5. Открытие за счет дорог для служащих и их рабочих и их семей необходимого количества учебных заведений, курсов, библиотек и читален.

6. Установление рабочего времени для всех без исключения служащих, рабочих, сторожей и смазчиков не свыше 8 час. в сутки, или 47 ч. в неделю.

7. Увеличение заработной платы для служащих и рабочих до такой нормы, которая необходима для удовлетворения материальных и духовных нужд работника и его семьи. Мастеровые должны получать не менее 1 руб. 50 к. в день при сдельной работе и не менее 45 р. в месяц при поденной работе. Чернорабочим же, сторожам и смазчикам должна быть поденная плата 1 р. в день и не менее 25 р. в месяц.

8. Пересмотр расценок с представителями от рабочих с правом решающего голоса в количестве 6 человек по каждой специальности. А также расценивать работу до начала их (работ).

9. Плата ученикам на 1 год учения не менее 40 к. в день, на 2 г. 55 к. на 3 г. 75 к. и на 4 г. 1 р. по окончании учеиия наравне со всеми мастеровыми в зависимости от его искусства. Ученики на какую-либо специальность должны обучаться за счет дороги в течение 1 года.

10. Отмена всех неурочных работ, как праздничных, так и будничных, допускать к ним только в виду технических условий и с согласием выборных. Плата за неурочные работы должна быть двойная, т. е. за 1 час — 2 часа.

11. Доставка всех материалов для производства работ всем мастеровым должна производиться немедленно и должно иметься ответтственное лицо за своевременную доставку,

12. Работы не должны производиться под открытым небом зимою, осенью и во время неблагоприятной погоды. Мастерские должны быть теплые и сухие, и с паровым отоплением, температура должна быть 13 градусов.

Все ремонты мастерских должны производиться в летние периоды: (т. е. покрыть заново крыши в Литейном цехе, там же переделать вновь верхний фонарь. Переделать ручной кран на электрический. В кузнечном цехе устроить краны от горнов к паровым молотам и поделать зонты над открытыми горнами. Обособить, расширить и улучшить медно-котельную мастерскую. Поставить вентиляторы там, где они нужны).

13. Машинистам электрической станции увеличить жалование до 75 руб. помощникам до 50 руб., кочегарам до 30 руб.

14. Брак, независящий от мастеровых, должен оплачиваться полностью.

15. Отменить очки при всяком производстве, как непригодные.

16. Увеличить количество инструмента по всем отраслям производства.

17. Поденная плата бригадирам должна производиться из конторы, а проценты должны итти из бригады.

18. Во время болезни должны получать все, не исключая учеников, полностью за каждый день болезни поденную плату, хотя больной находился бы в больнице и до полного выздоровления и больничные деньги должны в тот же месяц.

19. Пособия на похороны и рождение членов семейства выдавать в течение того дня, в который об этом заявлено (40 руб. для самого, 25 руб. для жены и 15 руб. для остальных членов семьи, живущих у рабочего на иждевении и на крестины 15 руб.).

20. Выдача бесплатных билетов без пред'явления причин, как себе так и членам семьи, а также выдача их и ученикам, выдачу производить без замедления: не более как через неделю по чужой и не более 3-х дней по своей дороге (по заявлению число билетов). Заменить сезонные билеты годовыми, проезд как на товарных, так и на пассажирских поездах.

21. Выдача сторожам, смазчикам и рабочим казенной одежды, также выдача мастеровым, едущим с пробными вагонами и паровозами.

22. Рабочие, прослуживши 10 лет, должны быть зачислены в штат немедленно и получить наградные наравне с прочими штатными служащими.

23. Лица, назначенные к увольнению не должны быть уволены без комиссии из рабочих в количестве 6 человек с правом решающего голоса.

24. Ученики должны приниматься исключительно от семей служащих и рабочих.

25. Увеличить медицинский персонал, и ввести женщину врача, и обязательная выдача лекарств по рецептам и других частных врачей.

26. Все рабочие и служащие должны пользоваться ежегодно месячным отпуском с сохранением поденной платы.

27. Лица, отбывшие воинскую повинность, должны быть принимаемы обратно в мастерские с окладом жалованья смотря по его пробе, но не менее раньше получаемого оклада, а также лица, призванные на повторительную службу и ополчение, должны пользоваться поденной платой за счет дороги и за все дни.

28. Увеличить училище и учительский персонал и ввести учение по ремеслу.

29. Никто из участвующих в забастовке не должен пострадать.

30. За все время забастовки должна быть уплачена поденная плата всем служащим и рабочим.

31. Мастеровые, будучи куда либо командированные, должны пользоваться суточными не менее поденного жалованья.

Требования, выработанные и принятые собранием служащих на Сызрано-Вязем. ж. д. 12 октября 1905 года.

1. Увеличение заработной платы для служащих и рабочих до такой нормы, которая необходима для удовлетворения материальных и духовных нужд работника и его семьи.

2. Установление рабочего времени для всех без исключения служащих и рабочих не свыше 8 час. в сутки или не более 48 час. в неделю.

3. Образование Бюро или комиссии из выборных от служащих и рабочих для совместного разрешения с администрацией дороги вопросов об увольнениях, перемещениях и по приему служащих и рабочих, а также для разрешения всех недоразумений, возникших между служащими и администрацией дороги.

4. Уничтожение существующей пенсионной кассы с возвратом всех взносов с % ее участникам и учреждение взамен ее государственного страхования за счет жел. дор.

5. Коренное преобразование дела медицинской помощи.

6. Открытие за счет дороги необходимого количества учебных заведений, курсов, библиотек, и читален для служащих, и рабочих и их семей.

7. Немедленная отмена военного положения и положения об усиленной охране в стране.

8. Свобода собраний, сходок, союзов, слова, печати и стачек, неприкосновенность личности и жилищ.

9. Созыв всероссийского с‘езда делегатов от служащих и рабочих всех ж. дорог для выработки нового положения о железнодорожных служащих и рабочих.

10. В виду того, что при существующем полицейско-чиновничьем строе, все вышеуказанные требования, как показал недавний опыт, не могут быть удовлетворены, — необходим созыв народных представителей с законодательной властью выбранных всем населением страны—всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, без различия национальности, пола и вероисповедания, для выработки основных законов страны в интересах трудящихся классов.

11. Неприкосновенность всех участников забастовки и возвращение всех пострадавших за участие в забастовках и союзах.

12. Полная амнистия пострадавших за так называемые политические и религиозные преступления.

Не смотря на обещание, данное Управлением дороги на петицию служащих в феврале с. г. — удовлетворить их нужды, таковое исполнено не было. В виду этого и в развитие наших вышеизложенных основных пунктов требований, мы требуем немедленного удовлетворения:

1. Уравнение прав служащих женщин с мужчинами и временных служащих со штатными.

2. Установить минимальный оклад всем без исключения служащ. конторским, печатникам, литографии, чистильщикам, столярам, слесарям сл. Движения и Телеграфа, печатникам — 35 руб. в мес., подручным литографии — 25 руб.; дворникам, истопникам, сторожам и разсыльным — 20 руб.

3. Установление периодических прибавок в размере 10% получаемого служащим оклада через каждые два года. Минимум же периодических прибавок должен быть не менее 5 руб. в месяц. Увеличение теперь же оклада служащим, получающим до 600 руб. включительно на 20%.

4. Получаемое в настоящее время обмундирование натурою заменить деньгами из расчета срока службы обмундиро-

вания: теплого—2 лет, остального—1 год, расширив право на обмундирование его по постановлению выборного бюро.

5. Выдача всем без исключения служащим, получающим не более 1200 руб., прослужившим не менее года, наградных денег в размере месячного оклада на каждый раз к праздникам Рождества и Пасхи.

6. Платное заместительство вакантных должностей и лиц, командированных на срок более 2 недель. Кандидаты, исполняющие обязанность телеграфиста получают оклад, присвоенный занимаемой должности.

7. Продолжительность занятий конторских служащих не должна превышать в зимнее время 6 часов, а летом с 1-го мая по 1-е сентября—6 часов в сутки. В летнее время с 1-го мая по 1-е сентября занятия по субботам не производятся. Установление для телеграфистов и помощников начальников маленьких станций и раз'ездов (где не имеется особых телеграфистов) 4-х сменного дежурства.

8. Отмена обязательных вечерних и праздничных занятий в конторах дороги. Необходимость производства периодических вечерних занятий устанавливается начальниками служб и отделов. Вечерние занятия не должны продолжаться более 3-х часов за уплату в размере поденного заработка, т. е. час за два. Оплата вечерних и сдельных работ должна производиться не позже конца следующего месяца. Отдача работ на сторону, а также всем не причастным к данной службе не должна производиться.

Пересмотр нормы работы выборным бюро.

9. Предоставление всем служащим права месячного отпуска каждый год для отдыха с сохранением содержания. Пользование этими отпусками, кроме отпусков по болезни, устанавливается по соглашению со служащими.

10. Выдача билетов для поездки в установленном количестве раз, как по своей, так и по чужим дорогам, без об'яснения причин поездки. Кроме матери, жены и детей предоставить право пользования билетами отцу, братьям и сестрам. Обязательное предоставление детям, женщинам, трудно больным и командируемым служащим проезд во 2 классе. При поездках по чужим дорогам класс билета не понижается. Проезжающие по безплатным билетам пользуются правами

платных. В целях ускорения пользования безплатным проездом считается необходимым введение агентских книжек, расчитанных на определенное количество верст, пред‘являемых в кассу отправления.

11. Бесплатное обучение детей служащих и рабочих в существующих и имеющих быть открытыми дорогою учебных заведениях. Учреждение за счет дороги стипендий в средних и высших учебных заведениях для детей служащих. Распределение стипендий производится выборными бюро.

12. Приглашение на службу при управлении женщины-врача и фельдшерицы акушерки. Кроме того, необходимо в местах скопления большого числа служащих устройство больниц с приглашением и женщин - врачей. Бесплатная раздача лекарств всем без исключения служащим и рабочим и по рецептам частных врачей.

13. Улучшение санитарного состояния служебных, рабочих и жилых помещений в казенных и арендуемых дорогою домах. Предоставление особых помещений для отдыха лицам, дежурящим в ночное время. Устройство при мастерских столовых. Предоставить всем линейным и запасным телеграфисткам квартиры в помещении дороги или выдачу квартирных денег по положению.

14. Пользование свободным от дежурства временем по усмотрению самого служащего, без всяких ограничений.

15. Поденным, занимающимся в брезентных мастерских, установить плату не менее 60 коп. в день.

16. Уничтожить 10% вычета в инвалидный капитал.

17. Принятие обратно служащих после отбытия воинской повинности на тот же оклад.

18. Полное переустройство потребительской лавки и заведывание ею, чтобы сделать ее доступною и полезною всем рабочим. Поручить разработку этого выборному бюро.

19. Дни, проведенные в забастовке, должны быть оплачены.

Общее собрание служащих и рабочих дороги заявляет, что в случая постепенности или замедления в исполнении этих требований, служащие и рабочие совместно будут прилагать все усилия к полному и скорейшему удовлетворению этих требований.

Подписи Председателя и секретаря общего Собрания.

Сообщение о совещаниях железнодорожных служащих, общественных собраниях и настроении общества в Калуге по случаю забастовок с 10 по 19 октября.

Вечером 9-го октября телеграф управления был точно осведомлен о согласии линейных служащих примкнуть к всеобщей железно-дорожной забастовке для заявления своих политических и экономических требований. Эти же требования были приняты на предварительной сходке ж.-д. телеграфа Калуги. Служащие телеграфного управления, явившись снимать вечерних дежурных, встретились в служебном помещении с начальником дороги, уже осведомленном о брожении среди линейных служащих. Начальник дороги уступил требованию телеграфистов собрать в понедельник 10-го сходку для обсуждения требований и нужд служащих. Поэтому в 10 часов вечера из управления по линии была об'явлена забастовка.

Понедельник 10-го. С утра по управлению и отделам были распространены анонимные приглашения на сходку к 12 часам. Телеграфисты, уже об'единенные и имевшие программу, стали снимать сослуживцев с работы. На общей сходке было решено снять службы вне здания Управления. Были сняты: служба сборов, статистика, литография; присоединился коммерческий отдел, пенсионная касса и даже поденные работницы брезентной мастерской. Вследствие разности по возрасту, а в особенности по материальному обеспечению, организаторам приходилось встречать и возражения против забастовки. Но согласие подавляющего большинства, быстрота и единодушие, с которыми бастовали служащие всех видов,—показали, что недовольство современными условиями жизни, уже подготовлено и назрело повсюду. Забастовка являлась добровольным решением каждого, а вовсе не следствием чьего-либо давления, как об'ясняли консервативные элементы. Совещание служащих в этот день, при всей своей неожиданности, дало возможность узнать, что взгляды служащих в существе сходятся, что для всех ясна мысль о неотложной необходимости коренных изменений в государственной жизни. В этот первый

забастовочный день, когда раздался первый призыв к единодушной поддержке друг друга,—без затруднения был выбран комитет для руководства дальнейшими совещаниями и подготовки к ним программ.

В городе. В наиболее отзывчивой части населения слухи о забастовке возбудили сочувствие. На улицах многолюдно, оживленные беседы...

Комитет вечером этого дня приготовил: 1) общую с другими дорогами программу общественно-политических требований; 2) разработал подробно свои экономические требования.

Вторник 11-го. Совещание служащих и связанная с ними забастовка совершались беспрепятственно, с ведома администрации, в здании управления. Но это второе собрание началось печальным расколом. Именно: более обеспеченные и пожилые служащие стеснялись включать в требования необходимость политических реформ в стране. Этот печальный инцидент, внесший ненужные осложнения в важное общественное дело,—неожиданно привел к серьезным и отрадным выводам. Именно: перед аудиторией в 400—500 человек впервые, может быть, предстал выбор: что важнее и обязательнее для гражданина,—материальное ли улучшение в своем профессиональном быту или введение нового политического и правового строя, который бы обеспечивал правильное существование каждого гражданина. И вот из состава совещавшихся служащих, выделилось крупное, дружное и убежденное большинство, которое решительно отказалось бастовать из за одних только материальных невзгод. Эта группа, ставя политические требования главным, и уклонившись от ненужных пререканий, открыло свои совещания в особом зале, с отдельными председателем и секретарем. На этом заседании были обсуждены и приняты требования (см. в конце прилож.): решено предложить Калужским депо и машинистам и мастерским об‘единение; признано необходимым добыть сведения о требованиях линейных служащих и рабочих; единогласно решено не отступать от политических требований.

В городе в это время началось необычное движение; сновали отряды солдат и казаков под предводительством поли-

цейских чиновников, тщетно разыскивая хоть какие нибудь беспорядки. Ученики технического училища мирно пытались соединиться с семинаристами в здании семинарии. По опрометчивому распоряжению пристава Лаврова (который за кулачную расправу и другия служебные безчинства был по суду изгнан со службы в Туле, но охотно принят Калужским губернатором) солдаты и полиция врассыпную кинулись на учащихся, беспричинно теснили их и арестовали двух. Забастовали реальное и мужская гимназия, женския — казенная и Саловская были окружены солдатами, замахивавшимися на публику ружьями, при чем был ранен реалист. Волнения учебных заведений не были неожиданностью: 1) вследствие газетных известий о прекращении учения в других городах, 2) печальные местные события как-то: самоубийство реалиста, дерзкое обращение учителей гимназии, 3) отсутствие яркой интеллигентной и культурной жизни в Калуге, что особенно тяжело для богатой силами и запросами молодежи.

Также земские типографщики только из чувства солидарности (они бастовали и удовлетворены раньше), снимая прочие типографии, пытались организовать сочувственную забастовку. Среди земских служащих возникла мысль о подаче служащим управления адреса за хороший почин, что встревожило либерально-буржуазную земскую управу, черезчур внимательную к капризам губернатора. Учащиеся и множество лиц, сочувствовавших забастовке, собравшись около управления, отправили в совещание служащих представителя (гимназиста), чтобы заявить свое убеждение во всеобщности принятой совещанием ж. д. политической программы, как общенародного требования. В 4 часа дня, когда законченное совещание расходилось из управления вместе с ожидавшими, впервые по улицам Калуги демонстративно была устроена процессия с революционными песнями. К огорчению полиции, участники процессии держали себя миролюбиво и корректно. И только один пресловутый пристав Лавров добился таки удара булыжником по шее за ненужную суетливость и придирчивость.

Вечером происходило частное совещание забастовочного комитета.

Среда 12-го. Прежде всего обсуждался вопрос, как познакомить линейных служащих с политическо-экономической програмой большинства и 2) как узнать их подробные и искренния желания при прекращении телеграфного сообщения. Принято предложение отправить из Калуги особый поезд с делегатами собрания без телеграфного сношения. Начальник дороги, которому немедленно было сообщено об этом, указал однако другой способ соглашения с линией: отправить с конечных пунктов Вязьма, Батраки и Елец по направлению к Калуге поезда, чтобы привести выборных линейных служащих. Собрание отклонило такой способ, выразив опасение, что без присутствия Калужских делегатов местное начальство на станциях окажет давление на низших служащих при совещаниях и выборах.

Далее была выслушана депутация от Калужского депо. Представитель машинистов сказал речь, в которой отметил, что железнодорожные забастовки, по своей важности для государственной жизни, могут быть удовлетворены и успокоены, а тем более предупреждены в будущем, не мелкими материальными поправками, а только исключительно коренными реформами для всей страны. Об'явление машинистами своей политической программы было встречено восторженно. Полное соглашение с машинистами было затруднено тем, что Калужское депо уполномочило своих депутатов представить начальнику дороги свои требования не позже следующего дня.

Присоединение такой сильной группы, как машинисты, не поколебало, однако, решения собрания—действовать заодно и единовременно с линейными служащими. И собрание долго и упорно убеждало представителей депо дождаться сведений с линии. Затем собранию было доложено, что один из инженеров Ермаков, в целях смутить группу с политическими требованиями,—распространял слухи, будто бы здание Управления будет закрыто для общих собраний, и наблюдение за зданием будет поручено полиции. На запрос председателя собрания начальнику дороги, последний ответил, что он возмущен ложью таких собраний. Собрание постановило выразить чувство нравственного удовлетворения по поводу корректного отношения администрации к собраниям служащих.

Комитет снова уговаривал приглашенную депутацию подождать с представлением требований. Машинисты сообщили комитету удивление по поводу отделения умеренно-экономической группы. Поэтому, хотя днем они были согласны пустить поезд с делегатами из Калуги,—вечером уже не решались сделать этого без полной гарантии администрации. Настойчивый формализм председателя машинистов привел Комитет к решению пригласить свое сообщение неуклонно итти по намеченному пути, без зависимости от отдельных служебных групп. Комитет решил внести в требования полное преобразование потребительской лавки.

Четверг, 13 октября. Хотя накануне представители машинистов высказались за полную солидарность в политической программе, теперь среди них явилось колебание относительно присоединения к преобладающей политической группе. Это понятно: совещания их происходили порознь, да и вообще между Управлением и различными службами дороги товарищеское общение было слишком незначительно. Внутренняя жизнь и взгляды служащих различных групп были мало известны. Поэтому, мало было понятно постоянно находящимся в раз'езде машинистам то разделение, которое поставило в одном и том же здании Управления во враждебные отношения умеренных сытых чиновников и скромных тружеников, решивших прислушаться к нуждам страны. Итак в это заседание смущенные разногласием среди Управления машинисты уже отказывались пустить поезд из Калуги. Собранию приходилось принять предложение нач. дороги послать поезда из конечных пунктов. В конце собрания было сообщено, что в мастерские ж. д. с разрешения ротмистра и нач. Савина была допущена участница забастовочного совещания Д., которая беседовала с выборными и получала от них заявление, что рабочие, принимая с следующего дня забастовку, присоединяются вполне к группе с политическими требованиями. Во время переговоров девушки с коллегией выборных около мастерских находился отряд солдат, которые были удалены по требованию рабочих.

В городе забастовали рабочие литейного завода Киселева, а также казенного винного склада. Они устроили совещание на Крестовском поле, где говорились речи о не-

обходимости перемен и забастовочной организации. Не обошлось дело без столкновения с „черносотенцами“. Некоторые из них говорили, что не дело народу заниматься политикой, один же ударил барышню. В здании Управления состоялся политический митинг (не смотря на дождь), закончившийся демонстрацией—на главной улице. Революционные песни вызвали натиск солдат, причинивши ушибы публике.

В вечернем заседании Комитета рассмотрены: 1) заявления сторожей при мастерских, что сочувствуя забастовке, они не могут бросить охрану; что стрелочники приносили свои требования, но по незнанию не могли попасть на совещание; что кондуторские бригады подали свое требование отдельно; обсуждался вопрос о способах возврата двух арестованных техников в училище; обсуждалось известие, что отколовшаяся группа „экономистов“ ищет слияния под условием отмены требования народного представительства; решено требовать извинения от главн. врача Землинова за дерзкий отзыв о забастовке; комитет решил представить администрации требования общего собрания за подписями только председателя и секретаря.

Пятница 14-го. Многолюдное собрание занималось, главным образом, выработкой способов и пунктов, при помощи которых можно было бы как можно теснее сблизиться с рабочими мастерских, и ослабить недоразумение с машинистами. В собрании доложены известия, что хотя мастерские выставляют широкие политические требования, однако, вследствие, ложных, тревожных слухов, менее сознательные рабочие по старинному видят в слове «политика» что то ужасное, опасное и беззаконное. Таким образом, собранию становится ясно, что в мастерских предстоит борьба из за мнений и что отсутствие постоянного товарищеского сношения между работниками Управления и рабочими мастерских может вызвать взаимное непонимание и затруднение при соглашении. Уже теперь иногда на собраниях неслужащие в самом Управлении агенты, (кондукторы, линейные служащие) избегали появляться на трибуне и чаще говорили из толпы. Таким образом, вот уже обнаружилось первое значение забастовки: она сближала между собою незнакомые дотоле элементы дороги. Собранию доложено, что три товарища отправились

заранее к мастерским, чтобы узнать настроение рабочих и предупредить их, что забастовщики условились вести себя во всех случаях коррекно и миролюбиво, чтобы доказать свою гражданскую зрелость. Такое предупреждение было необходимо потому, что находящимся за городом мастерским могли быть неизвестны сплетни жителей и выходки полиции при минувших уличных собраниях. Далее собрание приступает к обсуждению поступков лиц, пытавшихся набросить тень на нравственно-порядочные и вполне легальные совещания забастовщиков. Относительно инженера Ермакова постановлено сообщить в Бюро инженеров о распространении им ложного слуха. Кроме того, председатель доложил собранию печальное известие, что накануне главный врач Земблинов, в присутствии участников собрания назвал «христопродавцами» и «сволочью»—всех настаивающих на продолжении забастовки.

На требования депутации собрания явиться для извенения, Земблинов согласился после того, как ему была гарантирована неприкосновенность. Появившись на трибуне, Земблинов пояснил, что он бранился, жалел как врач задержанных пассажиров, может быть, больных и голодных. Фальшивый сантиментализм врача, известного своим равнодушием к больным, вызвал взрыв негодования и протестующие возгласы, что нельзя лицемерною жалостью к единицам, останавливать освободительное движение, необходимое миллионам. Собрание единогласно требует увольнения врача. По предложению председателя принимается резолюция— довести до сведения Бюро Пироговского с‘езда врачей о недостойном поведении их коллеги.

Далее выслушано было заявление депутации машинистов с новым председателем во главе (прежний заболел психическим растройством) о том, что машинисты, в существе, вполне согласны и доверяют политической именно группе забастовщиков. При обособленности службы машинистов, их тяготение к общему единству показывало, что идейный смысл забастовки, как признания силы за трудом и прав за тружеником, — этот смысл был подтвержден теперешней забастовкой. Та же уверенность в важном значении забастовок сказалась в таких, повидимому, странных прось-

бах к собраниям забастовщиков. Напр., бывший кондуктор просил исхлопотать ему место; мастеровой ж. д. жаловался на дороговизну мест на городском кладбище; мастеровые частного завода (Киселева) ожидали от ж. д. забастовщиков помощи и себе. Просьбы приняты к сведению; о бывшем кондукторе поручено председателю доложить начальству. В общие требования включены заявления о нуждах дровокладов и поденных рабочих сл. ремонта. К концу совещащания являются делегаты от мастерских. В то время, как председатель их читает, как политической группе, вполне тожественные требования часть его сотоварищей,—делегатов, вследствие тесноты и незнакомства с помещениями Управления, попадают к экономической группе, где им неизвестные лица внушают недоверие к группе политической. Председателю совещания мастерских приходится в присутствии общего собрания успокаивать товарищей раз'яснениями. Этот факт снова ставит на вид собранию как велико незнакомство между работниками одной дороги и как для общего согласия и поддержки выгодны все формы встреч: союзы, собрания, сходки, забастовки. Из среды делегатов мастерских выделяются несколько убежденных и предусмотрительных ораторов, основательно мотивирующих и разрешающих назревшие политические вопросы. От них же собрание узнает, что указанные выше три товарища подвергались задержанию вблизи мастерских. Требования рабочих об их освобождении были так настойчивы, что начальство мастерских обещало рабочим настоять на освобождении.

Собрание поручило председателю настаивать на том же через начальника дороги. В 4 ч. дня представители Управления, машинистов и мастерских вручили свои требования нач. дороги.

Представители политической группы приложили к своим требованиям все заявления малолюдных групп, мелких рабочих, хотя некоторые заявления были по робости, даже не подписаны. Собрание поручило председателю все таки поддержать их правдивость.

Суббота 15-го. Собранию было об'явлено, что ответ на требования будет дан Начальн. дороги в понедельни к 1 ч. дня. Решено было присоединить ко всем заявлениям претензию

грузчиков о повышении платы до 1 руб. за день. Все эти мелкие требования чернорабочих показывают, что среди самых мало образованных городских элементов существовал серьезный взгляд на забастовку и доверие, что от об‘единения трудящихся даже простая масса ждала плодотворной спокойной работы, так что происшедшие позднее враждебные по отношению к забастовщикам и интеллигенции выходки простонародья могут быть об‘яснены только подстрекательством недобросовестных людей и полиции. В этот день снова поднимался вопрос о посылке поезда к линейным служащим,—к сожалению, безнадежный.

Затем были представлены собранию освобожденные из-под ареста по настоянию забастовщиков три товарища. Появление их вызвало восторженный привет (напомнив собранию о свободе). Председателем был прочитан порядок устройства публичных собраний, возвещенный недавним—от 12 окт.—указом. Собранием обращено внимание на стеснительные условия указа и выяснена необходимость добиваться своих требований неотступно.

Комментируя указ, ораторы в резких выражениях подчеркнули непригодность полумер, которыми правительство морочит недогадливые элементы населения. Наконец то перед собранием появилась давно обещанная депутация от земских служащих. С чувством недоумения и отчасти сожаления—выслушало собрание откровенное признание в земской среде вследствие распространения гласн. Кашкаровым запугивающих слухов о возможности увольнения бастующих женщин и наборщиков,—эти колебания помешали единодушной земской забастовке. Все же нашлось 75 человек среди земских служащих, которые решили заявить свою полную солидарность железнодорожникам. Их радушно благодарили, особенно после речи земского наборщика, просившего принять типографских тружеников в дальнейшей обширной общественной борьбе в одну боевую дружину. Сообщение о дрязгах в земской среде невольно по контрасту вызывало уверенность, что железнодорожники, с‘умевшие так стойко провести первую забастовку, и в будущем окажутся готовыми для политической и общественной борьбы. Итак программа совещаний была уже исчерпана, впереди

ожидались ответы на требования и возвращение к обычным занятиям. Но интерес к широкому и свободному обмену мнений окреп в участниках сходок. Телеграфист, пом. машиниста, мастеровой, писец впервые, может быть, были свидетелями, что крупные общественные вопросы могут быть обсуждаемы и решаемы без различия положения; что каждое мнение может пригодиться в общем деле; что самые незначительные, почти бесправные люди превращаются в крупную силу, когда сознательно об'единяются для критики жизни и общественной работы.—Покинув Управление, участники собрания присоедиииились к политическому митингу на бульваре. Не смотря на вполне приличное и спокойное поведение публики, полицейским чинам была введена рота солдат, которые врассыпную кинулись к публике и произвели панику. Правда, публика скоро пришла в себя, собралась в тесный кружок, из которого были обращены к солдатам укоризненные речи и об'яснение современного политического положения. Пением „Марсельезы“ на главной улице Калуги закончилось оживление публики. Полный порядок движения и прекращение собрания зависели исключительно от добровольного соглашения участников.

В понедельник 17-го были об'явлены ответы Начальника дороги. На общем собрании предложено обсудить ответы по группам, по группам же решить о дне возвращения к занятиям. **Во вторник** в 4 ч. дня делегаты всех групп забастовщиков приняли постановление начинать занятие не позже 20-го, при чем было согласно установлено, что минувшая забастовка есть не принудительное средство, а лишь крупная и предостерегающая демонстрация, которая раскрывает перед обществом и властью сплоченность, силу и настойчивость единомышленников. Люди труда в забастовке заявляют себя классом.

Так как предложением Нч-ка дороги, здание Управления было закрыто для дальнейших собраний, то в **среду** резолюция забастовщиков об открытии занятия и движения (переданная точно и по линии от лица забастовочного комитета)—была об'явлена под открытым небом на бульваре.

Примечание: Нельзя скрыть, что довольно многочисленные служащие приступали в отделах Управле-

ния к занятиям, но не дожидаясь общего товарищеского решения. Причины были разнообразны: трусость и боязнь увольнения. Так, Начальник мастерских, предложив желающим работать записываться на листе, этим самым как бы хотел припугнуть упорных и ввести разлад. Точно также и другие начальники (Лебедев, Зелинский и пр.) старались оказать давление на служащих тем или иным путем.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К РАБОЧИМ.

Товарищи рабочие!

От могучего удара, совершенного в Октябрьские дни российским пролетариатом, организованным в РСДР партию, царское самодержавие дрогнуло и, давно уже надтреснутое, начало окончательно рассыпаться.

События последнего времени в Кронштадте, Владивостоке, Гродно, Севастополе и целом ряде других городов, где происходили и происходят солдатские волнения, ясно показывают нам, что последний оплот царского самодержавия — войско — совершенно не надежно. Штыки и пушки, на которые так надеялись насильники народа, теперь готовы обернуться против них. У царского правительства остались только нагайки казаков, да дубины черносотенных негодяев-громил. Совершенно обезсиленное и ослабленное победой пролетариата, царское самодержавие не кладет добровольно оружие и, пользуясь временным затишьем, продолжает свое прежнее гнусное дело, несмотря на все свои лживые обещания даровать свободу. В Польше после 17-го октября оно ввело военное положение и отдало на разграбление и истязание несколько губерний, распространив в свои оправдания гнусную клевету на поляков, будто-бы они хотят отделиться от России.

Везде и всюду оно по прежнему производит обыски и аресты, отбирает от рабочих оружие и отдает его черно-

сотенцам, по прежнему стреляет в безоружных рабочих, их жен и детей и целые полки с пушками и пулеметами отправляет в восставшие против него деревни.

Восставших солдат и матросов оно по прежнему пытается подавить жесточайшими мерами: военных судов и смертных казней. В согласии с капиталистами и фабрикантами, закрывающими фабрики и заводы, оно гонит пролетариат (особенно в столичных и больших промышленных городах) на улицы, чтобы расстрелять его там и таким образом потопить в крови, добытую рабочим классом частицу свободы и победоносное, залитое пролетарской кровью, красное знамя Российской соц.-дем. рабочей партии.

Но нет! Ему не удастся это!..

Наступившее затишье — есть отдых российского пролетариата, после октябрьской битвы своим могуществом и победой поразившей весь мир. В наступившее затишье российский пролетариат организует свои силы, укрепляет свои позиции, запасается оружием, чтобы скоро-скоро снова выступить в бой с врагом и уже окончательно разделаться с ним. Товарищи рабочие! организуйтесь же крепче, сплачивайтесь теснее, чтобы действовать, как один человек, чтобы один был за всех, а все за одного. Тогда безусловно за нами будет победа. Организуйтесь в единую Российскую соц.-дем. рабочую партию, организуйтесь в профессиональные союзы.

Скорее организуйтесь в профессиональные союзы. Скорее устраивайте и привлекайте в них как можно большее число своих товарищей. Вооружайтесь и организуйтесь в боевые дружины, чтобы во всякое время дать отпор черным сотням — этим подонкам общества, готовым за водку убить, как Каин брата своего.

Вооружайтесь и организуйтесь в боевые дружины, чтобы в ближайшем будущем, восстать как один человек, свергнуть ненавистное царское правительство убийц и воров и на место его поставить избранное, всеобщим, прямым и равным голосованием с закрытой подачей голосов в учредительное собрание, которое дает нам истинное народное правительство, истинное народное государство, демократическую республику.

Вооружайтесь и организуйтесь в боевые дружины и требуйте народного вооружения, чтобы добыв свободу, мы могли и удержать ее.

Но ни на минуту не забывайте, товарищи-рабочие, той конечной цели, к которой мы все должны сознательно стремиться и которая начертана на нашем знамени РСДР партии, где кроме демократической республики, золотыми буквами написано — социализм.

Долой царское правительство убийц и воров!

Да здравствует вооруженное восстание!

Да здравствует учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует Российская соц.-дем. рабочая партия!

Да здравствует социализм!

Калужский комитет Рос. соц.-дем. партии.

19 ноября, 1905 г.

УСТАВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА СЛУЖАЩИХ И РАБОЧИХ СЫЗРАНО-ВЯЗЕМСКОЙ ЖЕЛ. ДОРОГИ.

I. Цели союза.

Союз ставит своей целью об'единение служащих и рабочих для совместной борьбы за коренное расширение своих прав с точки зрения классовых интересов и отзывается на все проявления жизни страны. Ближайшими же профессиональными своими задачами союз считает:

1) установление минимальной заработной платы и максимального рабочего времени. Первая должна достигать такой нормы, которая удовлетворяла бы материальные и духовные нужды железнодорожного работника и его семьи. Рабочее же время не должно превышать 8-ми часов в сутки для всех железнодорожных работников;

2) сверхурочная работа может быть потребована только при несчастных случаях и оплачивается вдвойне;

3) отдых в количестве не менее 42-х часов без перерыва раз в неделю во всех службах. Предоставление всем ж.-д. работникам право месячного отпуска каждый год

с сохранением содержания. Пользование этими отпусками, кроме отпусков по болезни, устанавливается самими же ж.-д. работниками по соглашению;

4) уравнение прав служащих женщин с мужчинами и временных служащих со штатными. Обязательное зачисление в штат всех без исключения, прослуживших не менее года;

5) образование бюро из выборных от служащих и рабочих для решения с администрацией дороги вопросов об увольнениях, перемещениях и по приему служащих и рабочих, а также для решения всех недоразумений между служащими и администрацией дороги. Решения могут быть обжалованы перед общим собранием;

6) учреждение товарищеского суда чести. Решению его подлежат и такие, например, вопросы, как бойкот тех из железнодорожников, которые будут препятствовать проведению постановлений союза неблаговидными средствами;

7) ликвидацию существующей пенсионной кассы и учреждение взамен ее государственного страхования всех без исключения служащих и рабочих дороги;

8) устройство школ, курсов, библиотек и читален. Организацию кружков для совместной образовательной работы. Снабжение этих кружков произведениями печати (т.-е. книгами, газетами и журналами) и пособиями;

9) учреждение кассы взаимопомощи. Устройство клубов, потребительных лавок и пр.;

> Примечание. В целях демократизации существующих уже на дорогах учреждений, подобных перечисленным в §§ 8—9, союз будет добиваться полной их реорганизации.

10) коренное преобразование дела медицинской помощи ж.-д. работникам и их семьям;

11) защита членов союза от произвола администрации и вообще. В случае же отказа администрации исполнить требование союза, союз берет на себя защиту интересов своих членов путем частичной забастовки или общей, путем бойкота или иной формы коллективного протеста;

12) совместная деятельность союза по соглашению с железнодорожной и другими организациями.

II. Состав союза:

1) членами союза могут быть все служащие и рабочие Сызрано-Вяземской железной дороги, без различия занимаемого ими служебного положения, кроме администрации, при обязательном условии принятия устава союза;

2) членами союза могут быть также и все лица, полезные союзу своею деятельностью, но без права решающего голоса, а с совещательным;

3) установление порядка приема членов в союз предоставляется местным организациям (группам).

Примечание. Прием лиц, не железнодорожных работников производится с‘ездом союза.

III. Организация союза:

1) члены союза не менее 25 образуют самоуправляющую группу. Причем пункты дороги с меньшим числом служащих об‘единяются для составления группы;

2) представители от групп, выбранные пропорционально числу всех членов группы, образуют с‘езд союза;

3) с‘езд, созываемый не менее двух раз в год, выбирает из числа всех членов комитета и др. организацию союза;

4) с‘езд созывается порядком, вырабатываемым комитетом; по требованию не менее $^1/_2$ всех членов союза комитет обязан созвать экстренный с‘езд;

5) групповые организации имеют, сообразно местным условиям, порайонные общие собрания.

Примечание. Все выборы производятся путем равной и тайной подачи голосов. Решения принимаются простым большинством голосов.

IV. Деятельность с‘езда комитета и групповых организаций союза:

1) вопросы об общей забастовке решаются только с‘ездом очередным или экстренным;

2) вопросы о частичных забастовках решаются совместно комитетом с групповой (или групповыми) организацией, где намечается забастовка;

3) комитет ведает всеми текущими делами союза в пределах, намеченных с‘ездом: об‘единяет и согласовывает новые группы, собирает материалы о положении служащих и рабочих дороги, оглашает путем печати и др. способами неправильные действия администрации и пр.;

4) групповые организации ведают своими местными делами и имеют непосредственное сношение с комитетом;

5) общие постановления комитета обязаны для всех групповых организаций.

V. Денежные средства союза:

1) средства союза составляют: а) ежемесячные взносы членов союза в размере 1% их месячного заработка и б) случайные поступления (добровольные пожертвования, сборы с лекций, спектаклей и пр.);

2) каждая групповая организация из всех поступающих в нее в течение месяца сумм выделяет 50% в комитет союза;

3) комитет из числа всех поступлений отчисляет 75% в забастовочный фонд, которые расходуются только на организацию забастовки и на помощь пострадавшим от нее. Остальные суммы идут на текущие расходы союза;

4) как групповые организации, так и комитет ведут строгую денежную отчетность, которая обязательно через комитет союза периодически публикуется;

5) для проверки кассы комитет с‘езда выделяет из себя временную ревизионную комиссию.

Примечание к пункту 3-му. Если забастовка уже началась, то те члены, которые без работы не могут существовать, из этих средств получают помощь.

Примечание к пункту 4-му. Членские взносы не возвращаются.

VI. Общие:

1) вопросы об изменении устава могут быть возбуждены групповыми организациями и отдельными членами союза, но рассматриваются и утверждаются с‘ездом союза при обязательном участии представителей от групп.

Товарищи-рабочие.

В славные октябрьские дни под красным знаменем Российской Социалдемократической Рабочей Партии на улицах почти всех городов, в схватке с ненавистным самодержавным правительством и его опричиной, российский пролетариат одержал крупные победы.

Своей кровью он добыл всему народу возможность открыто и смело в печати и устно говорить о своих нуждах. Всему народу он завоевал свободу собираться, чтобы столковаться о своих делах. Всему народу своей он кровью добыл свободу союзов, свободу организовываться и сплачиваться для борьбы с гнилым самодержавным правительством и жадными капиталистами — этими кровопийцами народа и рабочих. После битвы наступило затишье. Слепое в своей злобе и мести, кровавое самодержавное правительство подумало, что российский пролетариат после великой октябрьской схватки ослабел, утомился и силы его оставили. Оно подумало так, и решило отнять все те свободы, которые были завоеваны мускулистыми руками рабочих. Оно решило взять назад свои лживые обещания, вынужденно данные ими в манифесте 17-го октября.

Товарищи-рабочие! Самодержавное правительство снова хочет надеть на нас прежние цепи. Несмотря на об'явленную 17-го октября неприкосновенность личности, насилия со стороны правительства не только не прекращаются, но усиливаются. В Петербурге и в Москве арестовываются члены крестьянского с'езда, арестовываются советы рабочих депутатов и члены рабочего исполнительного комитета и многие другие лица принимающие участие в революционной борьбе с ненавистным правительством за интересы рабочего класса. Свободные собрания разгоняются оружием. Профессиональные и политические союзы жестоко преследуются. Газеты, отстаивающие нужды рабочих, закрываются десятками. За стачки полагается тюрьма. Сотни тысяч рабочих с семьями выбрасываются на мороз и голод. И опять льется всюду самодержавными палачами кровь, неповинная кровь стра-

дальца народа. Черносотенцы и полицейские хулиганы всюду продолжают нападать на рабочих, студентов и интеллигенцию, беспощадно избиваются и расстреливаются восставшие голодные крестьяне и еще большими карами грозит издыхающее черносотенное правительство, напр. против представителей РСДРП оно обещает предпринять „исключительные меры“. Слепое правительство, надеясь на слабость пролетариата, ошибается в своих расчетах. Оно не знает того, что после октябрьских дней революционный пролетариат успел отдохнуть, успел еще больше организоваться, сплотиться и вооружиться. Революционный Российский пролетариат не может дольше терпеть издевательства и преступлений самодержавного правительства, и принимая дерзкий вызов, об‘являет 6-го декабря в 12 часов дня II-ю всеобщую политическую забастовку и постановил продолжать ее до тех пор, пока не будут укреплены в жизни все завоевания свободы (слова, печати, личности, союзов, собраний и стачек), пока не будут прощены и освобождены все, так называемые политические преступники, борцы за свободу и рабочий народ, пока не будет созвано на праве всеобщего прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание, которое вместо теперешнего преступного самодержавного правительства убийц и воров, даст нам истинно народное правительство, т. е. выборное самим народом и отстаивающее только его интересы.

Это Учредительное собрание даст нам и истинную форму правления—Демократическую Республику, которая одна может обещать широкую свободу и действительную неприкосновенность личности.

В этой новой схватке с самодержавием, которая будет последним и решительным боем, победа окончится безусловно на стороне могучего российского пролетариата, приобретших за последнее время двух сильных союзников—„крестьянство и армию“.

Товарищи Калужские рабочие! Идите же смелее в ногу со всеми российскими рабочими. Пусть и Ваш полк Великого Российского пролетариата снова вступит в бой за свободу, за лучшее будущее. Скорее присоединяйтесь к забастовавшим товарищам, сплачивайтесь, организуйтесь, по

возможности вооружайтесь и громко кричите—Долой преступное самодержавное правительство убийц и воров.

Да здравствует Всеобщее Учредительное Собрание.

Да здравствует Демократическая Республика.

Да здравствует Российская соц.-дем. раб. партия.

Калужский комитет Рос. соц.-дем. раб. партии.

Декабрь 1905 года.

Воззвание к крестьянам.

Братья-крестьяне. По всему пространству нашей великой родины идут теперь волнения рабочего народа, он проснулся и встал на защиту своих прав против всех угнетателей. Крестьянство долго стонало под игом помещиков, земских начальников, становых, урядников и целой своры других чиновников, теперь оно поняло, что надеяться ему не на кого, что надо самим добывать себе землю и волю, что правительство и помещики добровольно ничего ему не отдадут. Крестьяне сами вступили на борьбу с ними, стали отказываться от уплаты податей, от работы в помещичьих имениях, выставляя свои требования. Они требуют: 1) созыва всенародного учредительно собрания, т. е. выборных от всего народа, которое установит справедливые порядки, 2) передачи земли в руки трудящегося народа, 3) гражданской свободы и т. д. За это правительство и помещики называют нас бунтовщиками, крамольниками, а требования наши преступными. Вот и Юхновский предводитель дворянства—Лелюхин выпустил свое „Обращение к населению", где говорит нам: „будьте тверды, стойки, не поддавайтесь соблазнителям, они увлекли нашу ученую молодежь и рабочих, идущих будто бы „против веры, царя и единства отечества". Братья - крестьяне, не верьте помещикам, они заботятся только о своей шкуре. Вспомните крепостное право и вечную кабалу, в которой они вас держат. Теперь они боятся крестьянского движения и не зная, что им делать, хотят очернить в наших глазах рабочих и ученых людей. Но мы знаем, что это ложь, не удастся им обмануть нас и удержать в своих

руках власть и землю. Земля должна принадлежать тому, кто обрабатывает ее своими руками. Нас, крестьян, в России 100 миллонов и, если мы будем действовать дружно, то ни правительство, ни помещики не будут нам страшны. Для этого крестьяне соединяются теперь во Всероссийский Крестьянский Союз. Присоединяйтесь к этому союзу, организуйте у себя комитеты. Когда мы об'единимся в этом союзе, то созовем всенародное учредительное собрание, представителей от крестьян и рабочих там будет большинство, поэтому вопрос о земле и др. вопросы будут решены в нашу пользу. Об'единяйтесь же, братья-крестьяне. Помните, что в единении сила, все за одного и один за всех.

Бюро Юхновск. Отдела Всерос. Крестьянск. Союза.

Изд. Вязем. соц. дем. группы.

2-е декабря 1905 г.

Совещание фабрикантов и горнопромышленников в Калужской губернии, созванное по распоряжению Г. Министра Финансов, состоялось 22 марта под председательством г. Губернатора и при участии Окружного горного инженера Калужско-Смоленского горного Округа и Старшего фабричного инспектора Калужской губернии.

Из числа приглашенных 20 промышленников на совещание прибыло 12 человек. Заслушана записка Старшего фабричного инспектора Калужской губернии о положении рабочих в промышленных заведениях Калужской губернии, состоящих в ведении фабричной инспекции, составленная на основании как личных наблюдений чинов фабричной инспекции, так и на основании поступавших от рабочих жалоб и заявлений. В записке приведены данные об условиях найма, размере заработной платы, расценках сдельных работ, продолжительности рабочего дня, о сверхурочных

работах, о наложении на рабочих взысканий, об обысках рабочих, об уровне образования рабочих и о возможных учреждениях как для заявления рабочими о своих нуждах и для разбора возникающих недоразумений, так и для помощи рабочим на случай болезни, инвалидности, старости и смерти.

Совещание за недостатком времени обсуждало только некоторые из намеченных в записке вопросов, имеющих ближайшее отношение к цели совещания, указанной Г. Министром Финансов.

1. По вопросу о мерах, которые промышленники могли-бы и согласны были бы принять сообща безотлагательно для успокоения благоразумной части рабочих,—Совещание высказалось, что мер, зависящих от фабрикантов и заводчиков и могущих устранить вполне возможные волнения среди фабрично-заводских рабочих Калужской губернии, не имеется, так-как волнения среди рабочих происходят не только на почве улучшения их быта, но простираются и на потребности более общего характера.

2. По вопросу о повышении заработной платы—совещание высказалось отрицательно, в виду того, что вопрос этот не допускает общего решения, и что размер заработной платы определяется производительностью и работоспособностью самих рабочих и многими другими факторами.

3. По вопросу о забастовках совещание полагает, что платить за время забастовок нежелательно и находит такой платеж, развращающим рабочих. В случае забастовки и неявки рабочего на работу более трех дней сряду договор о найме расторгается на основании общего закона.

4. По вопросу о сокращении рабочего дня—совещание полагает, что вопрос этот может быть решен только в законодательном порядке применительно к особенностям разных производств и в зависимости от количества праздничных дней.

5. По вопросу о жилых помещениях для работ—выражено пожелание, чтобы мастерские не служили для ночлега рабочих и в качестве кухонь и столовых.

6. По вопросу о медицинской части на фабриках и заводах выражено пожелание, чтобы на всех фабриках и заводах была обеспечена рабочим надлежащая врачебная помощь,

но бесплатной она должна быть только для самих рабочих, но не для членов их семейств.

Документ этот, находящийся в наряде канцелярии Калужского Губернатора—циркуляров МВД по наблюдению за фабриками и заводами и о подчинении фабричной инспекции ведению губернаторов—представляет собой краткое извлечение из журнала совещания промышленников 22 марта 1905 года, посланное фабричным инспектором Болдыревым—правителю дел канц. губерн. Генерозову по просьбе последнего.

ОТДЕЛ IV.

ХРОНИКА

событий в Калужской губернии в 1905 году*).

Январь.

1 В 222 пехотном Шацком полку, в нескольких ротах обнаружена прокламация „Правда о войне“ в количестве 307 экземпляров.

Командиром полка прокламации переданы Начальнику Губ. Жандармского Управления. Задержан неизвестный.

2 На Перемышльском шоссе, около шлагбаума, неизвестный подкидывал в сани проезжавшим крестьянам прокламации „Правда о войне»—изд. ЦКРСДРП.

3—4 Происходило общее годичное собрание членов — «Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в нисших учебных заведениях Калужской губернии».

Собрание, привлекшее свыше 300 чел., приняло резолюцию с требованием созыва Учредительного собрания. Расходилось оно с пением марсельезы.

На собрании разбросаны прокламации «к солдатам»—изд. ЦК РСДРП и «к учителям»—изд. Калужской группы РСДРП.

8 Вечером в городском театре А. Н. Радилов (эс—эр) разбрасывал прокламации «ко всем трудящимся» и „Порт-Артур сдался“; прокламации имели печать „Калужская группа ПСР“.

---

*) Составитель хроники ни в коем случае не считает свою работу вполне исчерпывающей. Лишенный вследствие об'ективных причин, возможности обработать хронику так, как это требовалось бы, он все же решил поместить ее в сборнике, дабы не нарушать окончательно первоначального плана его.

Автор.

Январь.

11 Губернатор предложил телеграфом прибыть 12 января исправникам Медынскому—на Говардовские фабрики, Тарусскому на Мышегский завод, Жиздринскому на Мальцевский, Лихвинскому на Ханинский, Черепецкий, Богдановский и ждать там распоряжений.

12 Губернатор предложил указанным выше исправникам ознакомиться с настроением рабочих на заводах и фабриках и принять меры к предупреждению беспорядков.

13 Губернатор созвал особое совещание с военными властями для выработки плана совместных действий на случай призыва войск при возникновении беспорядков в г. Калуге.

14 Губернатор предложил Боровскому Исправнику ознакомиться с настроением рабочих на фабриках уезда и принять меры к предупреждению беспорядков.

14 Губернатор сношением просил Начальника Штаба Московского военного округа, вследствие недостаточности войск—указать части войск, которые могут быть командированы в случае беспорядков в Боровском и Жиздринском уездах.

17 В губернском совещании рассмотрено так называемое „Дело 24“ Соц. дем. кружка и отдельных лиц, примыкающих к с. д. и с. р., но об‘единенных жандармами в одно «преступное сообщество».

Дело это, начавшееся „установлением наблюдения“ еще в 1901 году окончилось полным освобождением всех об‘виняемых кроме одного (Печковского).

18 Начальник Губ. Жандармского Управления сообщил Губернатору и Прокурору, что им получены негласным путем сведения о подготовке забастовки в мастерских и депо Сызр.-Вяз. ж. д., что этой забастовкой мастеровые депо хотят оста-

Январь.

новить движение поездов и что в целях проведения забастовки ожидается прибытие какой то „организации“, работающей будто бы на Говардовских фабриках или в Полотняном заводе.

На эти фабрики отправлен для разведки жандармский унтер-офицер.

19—20 Калужская группа РСДРП выпустила прокламацию „К рабочим мастерских Сызр.-Вяз. ж. д.“ с призывом примкнуть к рабочим других городов и выставить свои требования.

22 В мастерских Сызр.-Вяз. ж. д. распространялась прокламация «Петербургские события»— изд. Калужской группы РСДРП.

24 В „Губернских Ведомостях“ появилось сообщение, что в Петербурге 9-го января, убиты уроженцы Калужской губ. Белова М. К. и И. Смирнов (Григорьев).

Февраль.

1 Н-ки ст. ст. Калуга—товарная, Тихонова пустынь, Воротынск, Бабынино, Кудринская, Сухиничи -Узловая, Зикеево, Жиздра, Судимир и Ботагово стали получать в портфелях с жел. дор. корреспонденцией воззвания служащих Управления М.-К.-В. ж. д. с просьбой ко всем линейным служащим присоединяться к забастовке и пред‘являть свои требования.

7 Около 4-х часов дня все рабочие Калужских мастерских С.-В. ж. д. в числе около 1350 чел. самовольно бросили работу и ушли из мастерских.

Штатные служащие к ним не присоединились.

8 Рабочие мастерских явились к началу работ в числе около 500 чел., проработав около 3 часов, работу бросили.

К этому времени явились остальные рабочие. Состоялась сходка, выработавшая требования. В 4 часа дня рабочих принял Начальник дороги.

Февраль.

8 Рабочие Сукремльского чугунно-литейного завода Мальцевского Акционерного Общества в числе 295 чел., не приступая к работе, пред'явили администрации ряд требований.

10 После молебна Калужские мастерские С. В. ж. д. приступили к работе.

11 С утра возобновились работы на Сукремльском чугунно-литейном заводе.

12 Губернатор циркуляром предписал Исправникам обратить „особенное внимание" на исправное вооружение городовых, находящихся при отправлении наружной службы и на уменье их обращаться с оружием.

15 Рабочие Боровского цементного завода Мальцевского Акционерного Общества в числе 550 чел., не приступая к работе, пред'явили требования Управлению заводом.

16 Рабочие, обрабатывающие пеньку у купца Самарина в г. Козельске потребовали увеличения заработной платы. Пять человек взяли расчет. Остальные 85 из'явили желание работать на прежних условиях, но Самарин надбавил им по 5 коп. в день.

17 Возобновились работы на Боровском цементном заводе.

17—18 В г. Калуге распространялась прокламация „В бой за свободу", переизданная на гектографе Калужской группы РСДРП.

28 Губернатор сообщил Начальнику Губ. Жандармского Управления, что из рапорта Калужского Полицеймейстера он усмотрел влияние на забастовку в мастерских С.-В. ж. д.—Завколесным отд. Ан. Ал-др. Попова, токаря М. Ф. Леонова и П. Н. Баташова, за которыми со дня забастовки учредили негласное наблюдение.

Губернатор предлагал первых двух удалить из района мастерских, а последнего и вовсе из губернии.

Март.

3 Губернатор обозревает Мальцевские заводы.

7 Крестьяне с. Росва, Железцовской волости, Перемышльского у., прогнали пристава, приехавшего продавать имущество их по исполнительному листу Перемышльского Уездного с‘езда в пользу кн. С. В. Урусовой.

8 Начальник Губ. Жандармского Управления сообщил Департаменту полиции, что из разговора с пом. классного наставника Николаевской мужской гимназии Кривченко—он заключил, что по настроению учеников гимназии следует ожидать общей забастовки в гимназии и что она должна быть и в Реальном училище.

9 Губернатор разослал исправникам циркуляр о мерах предупреждения крестьянских беспорядков.

12 В „Губернских Ведомостях“ помещено об‘явление Губернатора с призывом не верить слухам о предполагающихся будто бы насилиях над учащимися.

17 Через „Губерн. Ведомости“ часть учащих, несогласных с постановлениями и поведением собрания „Общества взаимо-вспомоществования учащим“ 3—4 января, выступила с предложением организовать новое общество.

17 (ночью) По г. Калуге раскидана прокламация „Ко всему русскому народу“.

18 В д. Варушицах, Лихвинского уезда, при производстве у крестьян поголовной описи движимого имущества по исполнительному листу 91 дом, из 120, оказался запертым. Находившиеся внутри домов женщины ругали приставов грабителями и дверей не отпирали; мужчины, собравшись в толпу, „приняли угрожающее настроение“.

21 Губернатор принял уполномоченных от мастеровых и рабочих Кондровской фабрики, явившихся с верноподданическим адресом Николаю II.

Открылось Чрезвычайное Губ. Земск. собрание

Март.

21 (ночью) По Калуге раскидана прокламация — „Пора кончать“, переизд. Калужской группой РСДРП.

22 Состоялось совещание фабрикантов и заводчиков губернии с представителями фабричной и горной инспекции.

Обсуждались вопросы, связанные с забастовками рабочих.

22 (ночью) По Калуге раскидана прокламация — „Пора кончать“, переизд. Калужской группой РСДРП.

Апрель.

В ночь (12 ч.) на 1-е. Через форточку казарм команды № 6 молодых солдат войск Наместничества брошено 32 экз. прокламаций, тотчас же подобранных старшим.

Ночью. Раскиданы по улицам Калуги прокламации: „Солдатская памятка“ и „Ко всем учащимся гор. Калуги“, изд. Кал. гр. РСДРП.

1 Прокламации—„К русским солдатам“ и „Солдатская памятка“ обнаружены в 27 и 28 Восточн. Сибир. зап. баталионах, 9-го пех. зап. бат. и 222 пех. Шацком полку.

У парадных дверей и у дверей 4-го класса Калужской Духовной семинарии обнаружена прокламация „Ко всем учащимся г. Калуги“.

5 Пачка прокламаций брошена неизвестным во двор 3 роты 9 пех. зап. баталиона.

6 Губернатор „обозревал“ Мышегский завод.

9 В д. Долгой Слободке, Сабуровщинск. вол., Мещовского уезда, по тракту на Сабурщино и в с. Сабуровщине, Сергиевском и Утещеве — разбросано больше 100 экз. различных прокламаций изд. ЦК и Калужской группы РСДРП.

В раскидке подозревался учитель И. Ф. Макаров (поднадзорный).

16 В церковно-приходской школе с. Прудкова, Топоринской вол., Медынского уезда, около 11 час. вечера, когда народ ожидал начала заутрени —

Апрель.

неизвестный бросил 30 экз. прокламаций, собраны полицией.

В с. Прудках, Кузовской вол., Медынского уезда, перед заутреней в церковной сторожке крестьяне В. и Е. Михайловы раздавали прокламации: „Письма крестьянина", „Наши задачи" и „Какое страхование нам нужно" и др.

Распространялись прокламации в церкви и около нее в селе Ново-Матренине, Макеевской в., Медынского уезда. Подозревались: учитель С. В Константинов и крестьяне А. Гусев и К. Семенов.

17 В с. Оболенском, Тарусского уезда, на улице крестьянин нашел 3 прокламации и брошюру — доставил их местной полиции.

Тоже в д. Услимовой, Исканской вол., Тарусского уезда.

19 В Калугу прибыла, присланная из Иваново-Вознесенска, по просьбе Губернатора, сотня 32 Донского казачьего полка.

22 На ст. Пятовской человек 20 крестьян с. Фролова, вступив в пререкания со станционным жандармом, сначала заявили, что „теперь полная свобода, революция" и „долой жандарма", отправились его бить, но так как он спрятался, ограничились битьем стекол в его квартире.

23 На ярмарке в с. Захаровском, Медынского уезда, один крестьянин нашел три прокламации.

24 В городском бору задержаны солдатами 222 пех. Шацкого полка—Д. Богомильский, Т. Родионов, Н. Гаврилин, М. Образцов и А. Кизик, давшие солдатам прокламации „Солдатская памятка", изданные Калужской группой РСДРП.

Выбыла из Калуги полусотня 32 Донского казачьего полка.

25 В Жиздринском уезде, Грибовской волости, в с.с. Зимницах, Нижних Барсуках, Свиридовке, Судовищах, Хотоже и Березовке неизвестный

Апрель.

разбросал прокламации: „Ко всем запасным рядовым“, изд. Киевским комитетом РСДРП, „Солдатская памятка“, изд. Калужской Группой РСДРП, „Первый шаг“, изданные ЦК РСДРП и „Братья-товарищи“.

26 (ночью) На Мышегском заводе разбросаны прокламации: „Царь прощает, царь жертвует“—Киевского комитета РСДРП, „Русские рабочие и Вы, все русские граждане“—ЦК РСДРП, „Первый шаг“—ЦК, „В бой за свободу“—Калуж. группы РСДРП и ее же—„К рабочим мастерских С.-В. ж. д. Полиция собрала 15 экз.

29 (ночью) По улицам Калуги раскиданы прокламации: „Первое мая“ с печатью Калуж. группы РСДРП и „Первый шаг“.

Май.

1 В селе Людинове, Жиздринского уезда, раскиданы прокламации (53 экз.) „Товарищи крестьяне“ и „Царская милость“, изд. Областн. комитета Сев.-Зап. обл. органа ПСР и „К рабочим Брянских и Мальцевских заводов“—Брянского рабочего союза ПСР.

9 Там же раскиданы прокламации „К рабочим Брянских и Мальцевских заводов“ и „Первое мая“.

14 Между ст.ст. Думиничи и Судимир из окна почтового поезда № 3 выброшено 14 экз. прокламаций Московского комитета ПСР „Сказка о царском указе“. Подобранные рабочими, они сейчас же переданы жандармам.

25 Наборщики фабрики Исаева в Боровском уезде пред‘явили хозяину требования об улучшении их быта. Работу жс не прекратили.

Июнь.

1 По Калуге с 11½ часов вечера распространялись прокламации: „К обществу“, изд. Калуж-

Июнь.

ской группой РСДРП и „Открытое письмо к социалистическим партиям России Георгия Гапона“ (собрано полицией более 1000 экз.).

По подозрению в раскидке задержаны Д. Д. Ермаков, И. М. Соколов, ученики Технического ж. д. училища Г. С. Зайцев и В. М. Меньшов.

4 По г. Калуге раскидана прокламация „Товарищи-мастерицы“ (собрано полицией 18 экз.).

15 Ремонтные рабочие Ряз.-Ур. ж. д. около Козельска нашли сверток с 26 прокламациями — „Воззвание к Петербургским рабочим и всему русскому пролетариату“ Георгия Гапона от 26 февраля и „Солдатам от имени офицеров“ (переданы жандармам).

Прибыла в Калугу посусотня казаков из Тулы.

18 Прибыл в Калугу 2-й эскадрон Лейб-Драгунского Московского полка.

Выбыла полусотня казаков.

19 (вечер.) В Козельске, в городском саду, полицией подобраны прокламации: „К солдатам“, „Первый шаг“, „Солдатская памятка“.

23 На экстренном заседании Городской Думы — Городской голова С. Н. Блистанов обратился к гласным с вопросом, — не желают ли они избрать уполномоченного на предстоящий 6-го июля в Москве с‘езд Общественных деятелей.

28 Губернатор циркуляром предложил исправникам усилить наблюдение за появлением среди крестьян прокламаций, усиленно распространяемых в последнее время.

Июль.

3 Толпа (около 200 чел.) крестьян с Дальней Борщевки разгромила имение Ершова.

4 В с. Дальнюю Борщевку выслана рота солдат.

На Дугненском заводе состоялась сходка рабочих (около 100 чел.).

Июль.

5 По г. Калуге раскиданы прокламации „Товарищи-мастерицы“.

На состоявшемся частном совещании членов Гор. Думы обсуждался протокол с‘езда городских деятелей в Москве и вопрос о командировании представителя на с‘езд общественных деятелей в Москве 6-го июня (избран Разумовский).

В „Губерн. Ведомостях“ появилось сообщение об учреждении сети отделений —„Союза русских людей“— и о выделении Александра Владимировича Толстого в качестве уполномоченного по организации отделений в Калужской губернии.

6 (ночью) В с. Дальнюю Борщевку выбыли для производства следствия Судебный следователь и тов. Прокурора.

7 На Дугненском заводе состоялась вторая сходка рабочих (около 70 чел.). Выработаны требования и пред‘явлены к арендаторам завода.

8 Во время ярмарки в с. Мокром, Грибовской вол., Жиздринского уезда, толпа крестьян побила камнями окна и двери дома и лавки торговца Т. Кузьмина. Один из урядников избит.

На ярмарке в с. Павловском, Алферовской вол., Медынского уезда, распространялись прокламации Смоленского комитета РСДРП.

Начальник Губернского Жандармского Управления сообщил Губернатору о том, что в последнее время стало известным о распространении деятельности „Крестьянского союза ПСР“ в Калужской губернии.

9 По этому поводу Губернатор издал особый циркуляр Земским Начальникам губернии.

9 (ночью) В д. Каравай, Тихоновской вол., Калужской губ., разбросана прокламация „Крестьяне, к Вам наше слово“, переизд. Калужск. группой РСДРП.

11 По дороге от деревни Башкиной к раз‘езду № 14 МКВ жел. дор. подобрано 20 прокламаций

Июль.

„Крестьянского союза ПСР“ и Московского комитета ПСР.

16 (ночью) В селениях Грибовской волости, Жиздринского уезда, раскиданы прокламации; „К солдатам“ и „Ко всем запасным рядовым“ с печатью Киевского комитета РСДРП.

Около 20 На покосе д. Дворцы, Тихоновской волости, в большом количестве раскиданы прокламации: „Крестьяне, к Вам наше слово“, переизд. Калужской группой РСДРП. На этом покосе собралось более 2000 крестьян Карамышевской волости, Медынского уезда.

22 Прибыла в Калугу на постоянное квартирование 6-я сотня 34 Донского казачьего полка.

23 В лагерях 222 пех. Шацкого полка раскидана прокламация „К солдатам“. (Собрано более 150 экз.).

24 В городском бору два конных казака попросили закурить у проходившего (служащего одного из Калужских учреждений). Когда он вытащил портсигар, казаки отобрали его и на протест пострадавшего хотели схватить его, однако помешала проходившая публика.

25 2-й эскадрон Лейб-Драгунского московского полка выбыл на Москву.

20 Прокламация „Крестьяне, к Вам наше слово“— распространялась в Сухиничах.

Август.

5 Близь села Зикеева, Жиздринского уезда, на мельнице, среди крестьян распространялась прокламация Крестьянского Союза ПСР.

5 (ночью) Прокламация „Крестьяне, к Вам наше слово“— разбрасывалась в с. с. Елизарьеве, Алексеевском и Балаешне, Барсуковской волости, Медынского у.

6 На Перемышльском шоссе раскиданы прокламации Крестьянского Союза ПСР с печатью калужской группы и Московского комитета ПСР.

Август.

В с. Ворсобине, Гороховской волости, Медынского уезда, обнаружена прокламация „Крестьяне, к Вам наше слово“.

9 — В „Губернских Ведомостях“ опубликован Высочайший манифест 6-го августа 1905 года и положение о Государственной Думе.

11 (ночью) — В д. Аненках Калужского уезда раскиданы прокламации „Солдатская памятка“, „Крестьяне, к Вам наше слово“ и „Первый шаг“.

12 — Городская Дума по заслушании Манифеста 6-го августа — постановила: 1) „Повергнуть к стопам“ Николая „верноподанические чувства“, 2) отслужить молебен, 3) ходатайствовать о выборе особого депутата от г. Калуги в Государственную Думу.

12 (ночью) — В с. с. Гурьево, Марьино, Барановичи и Кривошеино, Бабаевской волости, Калужского уезда, раскидана прокламация „Крестьяне, к Вам наше слово“ и „Пауки и мухи

13—18 — В „Губернских ведомостях“ опубликовано положение о выборах в Государственную Думу. Калужская губ. посылала 5 депутатов от 76 выборщиков (от с‘езда уполномоченных от волостей 30, от с‘езда землевладельцев — 25 и от с‘езда городских избирателей — 21).

14 — Обнародование манифеста 6 августа в Соборе.

15 — В г. Калуге на Васильевской улице между домом Астаховой и Щепкиной найден сверток с красным флагом и эс-эровскими документами.

16 — Городская Дума приступила к составлению списка городских избирателей в Государственную Думу.

Задержан рядовой 1 резервн. Саперного баталиона со свертком разных прокламаций и брошюр.

22 (ночью) — В лагерях 222 пех. Шацкого полка раскидана прокламация „К солдатам“ (собрано 138 экз.).

Сентябрь.

6 (ночью) В селе Мосуре, Мосальского уезда, найдены прокламации: „К обществу“, „Первый шаг“, „Пауки и мухи“ и „Крестьяне, к Вам наше слово“.

9 В Жиздринской тюрьме взбунтовались арестанты в числе 25 человек.

10 В Николаевской мужской гимназии возник конфликт между учениками и учителем Миролюбовым. В просьбе учеников запретить Миролюбову посещать уроки и разрешить им собраться для обсуждения конфликта директор отказал.

12 Экстренное заседание педагогического совета Николаевской мужской гимназии решило просить Попечителя Округа командировать ревизора для расследования дела Миролюбова.

13 Попечителю Московского Учебного Округа отправлена о Миролюбове телеграмма, об‘явленная ученикам старшего класса.

Им предложено продолжать занятия, однако ученики в VIII кл. отвечать Миролюбову отказались, а VII класс на время его урока ушел из гимназии.

В 5 часов вечера состоялась сходка гимназистов на Можайке (за Окой).

Избрали депутатов для того, чтобы просить Миролюбова не посещать гимназию.

13 (ночью) Разбросаны прокламации в д. Воскресенской, Грибовской вол. и в с. с. Лазинках и Дулеве, Дулевской волости, Жиздринского уезда. В Калуге состоялись похороны реалиста Шкинева, покончившего жизнь самоубийством, которое ставили в связь с общими условиями школьной жизни.

15 В VII и VIII классах Николаевской мужской гимназии на уроках было по 8 учеников. В VIII классе отвечал преподавателям только 1. Директор Гимназии выехал в Округ.

16 На Мышегском заводе распространена прокламация, обращенная к рабочим завода.

Сентябрь.

17 Около Николаевской мужской гимназии найдена гектографированная прокламация Калужской группы ПСР по поводу последних событий в Гимназии и Реальном учелище.

17 (ночью) Разбросаны прокламации в д. д. Нижних и Верхних Барсуках, Высокой, Дубровке, Березовке и Шиловке, Жиздринского уезда, „Пауки и мухи“, „Крестьяне, к Вам наше слово“, „Пора кончать“, „К обществу“ и „Первый шаг“.

19 Вышла прокламация „К учащимся“ от имени Калужского комитета РСДРП.

20—23 В Реальном училище реалисты на переменах буянили.

21 Арестован учитель с. Кипети, Лихвинского уезда, Н. Д. Сахаров, подозревавшийся в распространении прокламаций, которые при обыске найдены у него в большом количестве.

Состоялась сходка семинаристов за рекой.

22 Вышла прокламация „Ко всем учащимся г. Калуги“ от имени социал-демократической группы учащихся гор. Калуги, распространявшаяся по учебным заведениям.

23 (ночью) В с. Утешеве, Мещовского уезда, полицией обнаружено до 50 различных прокламаций.

24 В Калужской Духовной семинарии найдена прокламация с подписью „Группа борьбы“, содержавшая протест против несправедливого распределения казенного содержания между учениками.

26 Ожидались беспорядки в с. Гурьево Исканской волости, Тарусского уезда, где крестьяне были озлоблены против помещика Воробьева за загон им крестьянского скота.

Октябрь.

8 Губернатором разослан всем исправникам циркуляр об оказании содействия комиссиям по делам о выборах в Государственную Думу.

Октябрь.

9 В 8 часов вечера забастовала сл. телеграфа Управления С.-В. ж. д. Из Москвы по Брянской линии прошол последний поезд. Два поезда, шедшие на Москву, дошли только до Малоярославца.

10 Забастовали служащие всех служб Управления С.-В. жел. дор-

С утра забастовало депо ст. Калуга.

10 (ночью) Задержан гимназист Болдырев, раскидывавший прокламации около Управления С.-В. ж. д.

11 Около 10 ч. утра человек 20 воспитанников Технического жел. дор. училища пытались снять реалистов.

В 11 час. утра техники (человек 100) отправились на бульвар; по дороге пытались снять семинаристов.

Задержан М. Образцов и еще один техник, который скрылся.

В 12 час. дня старший класс Николаевской мужской гимназии оставил занятия и, подойдя к реальному училищу, настоял на роспуске реалистов.

Младшие классы Николаевской гимназии распущены начальством.

В 12 часов дня член Губ. Земской Управы Кашкаров предложил служащим Управы прекратить занятия; 12 октября в виду крестного хода на занятия не приходить, а 13 обсудить вопрос о забастовке.

В начале 1 часа дня рабочие разных типографий, пользуясь обеденным временем, подошли к зданию Губернской типографии, но были разогнаны полицией и солдатами.

К 2 часам дня толпа учеников Николаевской мужской гимназии, реального училища, семинарии и технического жел. дор. училища — собралась против Управления С.-В. жел. дор и потребовала допустить их в Управление, где происходило

Октябрь.

собрание служащих, для высказывания своих нужд. Уполномоченный правленцев заявил, что учащиеся не могут быть допущены.

11 Около 4 часов дня толпа, собравшаяся около Управления С.-В. ж. д, двинулась по направлению к Никитской улице и дальше вверх.

На углу Садовой и Московской толпа разошлась.

Полицеймейстер запросил у Начальника Гарнизона полусотню казаков в помощь полиции.

В 5-м часу рабочие типографий Яковлева и Архангельской оставили работы.

Полицией задержаны за день — Михаил Семенов, Вяч. Селиванов и Андрей Шалаев.

На плац-парадной площади за агитацию задержаны рабочие типографии Яковлева: Дьяконов, А. Астафьев, Т. Трошин, Н. Любимсв и К. Печенкин.

При доставлении их в часть рабочие той же типографии, И. Савельев, С. Андреев, В. Раков и М. Никитин, пытались их отбить у полиции, но были задержаны.

Выпущена прокламация „Ко всем учащимся гор. Калуги“.

11—12 В Николаевской мужской гимназии распространялись прокламации.

11 Арестован в имении Ергольского (Козельск. уезда) повар С. Астафьев, распространявший прокламации, полученные от А. Провкина и А. Лихачева, которых он и выдал при допросе.

12 В Николаевской мужской гимназии на уроке из учеников 6, 7 и 8-го классов явились только 60 чел., которые направились прямо в гимнастический зал, где устроили совещание.

Через некоторое время, по предложению Начальства, разошлись. В гимназию неоднократно пытались проникнуть учащиеся других учебных заведений, но это не удалось.

Октябрь.

Около 10 часов утра собирались небольшие группы гимназистов около реального училища, а реалистов около гимназии.

Рассеяны полицией.

Около 1 часа дня толпа рабочих в 50 чел., собравшись у типографии Архангельской, потребовала прекращения работ. Хозяйка распустила рабочих, а типографию закрыла.

Толпа разогнана полицией.

12 Около 2-х часов дня собралась толпа рабочих и учащихся около винного склада и потребовала прекращения работ.

Рабочих винного склада отпустили. К винному складу направлен патруль и раз'езд казаков.

Толпа от винного склада направилась небольшими группами к старому торгу. У дворянского пансион-приюта потребовала прекращения работы, производивших там ремонт рабочих, которые, бросив работу, разошлись.

Дойдя до Управления С.-В. ж. д., толпа остановилась в ожидании результатов происходившего собрания управленцев и разошлась затем к $5^1/_4$ ч. вечера.

В толпе около Управления С.-В. ж. д. полицией замечены, как наиболее видные агитаторы, гимназисты Сидоров и Утянский, сестра Утянского и дочь врача Данилова.

Губернатор признал желательным арестовать их.

Выпущен листок от имени группы портных „Ко всем портным г. Калуги“ с призывом поддержать забастовку.

Выпущена прокламация „Товарищи, братья-рабочие“ от имени Калужского комитета РСДРП.

13 В 10 час. утра в типографии Яковлева работы прекращены управляющим из-за боязни беспорядков. Рабочие разошлись.

Октябрь.

Распущены ученики Калужского реального училища, которые толпой подошли к Николаевской мужской гимназии, но были оттеснены патрулем.

Направились затем к Женской гимназии, но и здесь были оттеснены. Когда к ним стала присоединяться посторонняя публика, они были оцеплены казаками, которые пустили в ход нагайки. Толпа рассеялась.

Рабочие, работавшие в Дворянском пансион-приюте, пошли посмотреть на проходивших реалистов, за что были оштрафованы на $^1/_4$ дня. Не подчинившиеся штрафу 60 чел. из них уволены.

К 11 часам на Крестовском поле собралась толпа в 200 чел. Так как власти опасались, что толпа остановит работу ж.-д. водокачки (на Ячонке), толпа рассеяна полицией и казаками.

В Николаевской гимназии при малом количестве учащихся занятия прошли спокойно, под внешней воинской охраной.

С 3-х часов дня прекратились работы в мастерских С.-В. ж. д.

По телеграмме Синода в Калужской духовной семинарии занятия прекращены до 24 октября.

Губернатор получил от тов-ща Министра Внутренних Дел телеграмму с предписанием, во чтобы то ни стало, восстановить в Калуге порядок, не допуская никаких сходок, собраний и т. под. и не останавливаясь перед применением „открытой силы".

Губернатор предписал полицеймейстеру действовать в этом же духе.

В 11 часов утра около жел. дор. больницы ж. д. жандармским ротмистром Туркестановым задержаны: М. В. Данилова, И. М. Акимов и А. Д. Никифоров. Отпущены под честное слово явиться в Губ. жандармское управление.

Октябрь.

В 12 час. те же лица арестованы жандармами около Московских ворот и отправлены в Губ. тюрьму.

В 11 час. утра на Крестовском поле собралось около 100 чел. рабочих Калужского винного склада. Разделившись на группы, они отправились к Управляющему Губ. Акцизным Управлением с петицией.

18 чел. уполномоченных вошли в Акцизное Управление, остальные рассеяны полицией.

В 4 часа дня в столовой Калужского винного склада назначена сходка рабочих, где им должен был быть вручен ответ управляющего на их требования.

14 Губернатор вместе с начальником гарнизона осматривал места расположения военных караулов, вокзал, винный склад, Губ. тюрьму, гауптвахту, городскую водокачку, завод Киселева и некоторые учебные заведения (последние без начальника гарнизона).

15 Началась было забастовка прислуги Духовной семинарии. По обещании прибавки жалования все принялись за работу.

В Калуге арестован за агитацию среди солдат крестьянин В. Г. Страусов.

Около 6 часов вечера в городском саду собралось до 400 челов. публики, которая шумела и кричала „ура“. В проезде, между садом и Владимирским сквером, выставили казачий раз‘езд и пеший патруль. В саду найдены прокламации.

16 20 экземпл. прокламаций брошены в казармы 2 роты 9 пех. запасн. баталиона. Собраны фельдфебелем.

В 7 часов вечера в здании Городской Управы назначено собрание купеческого об-ва, где должен был быть заслушан доклад комиссии об обеспечении нормального отдыха служащих.

Октябрь.

17 Об‘явлен ответ администрации на требования рабочих и служащих Управления С.-В. ж. д.

Собравшаяся к 5 часам вечера в городском саду публика демонстрировала по городу. Часть демонстрантов разошлась по просьбе полицийместера, другая часть разогнана казаками и патрулем в Архангельском пер.

Задержаны: И. М. Шатуман, М. Семенов, В. Ф. Власова, И. В. Смирнов, И. Н. Грачев, Н. А. Беликов, Р. Х. Башук, О. М. Извекова, М. М. Бегичева, А. Н. Розанова, А. Н. Сидельникова и А. Г. Юмашов.

18 Начальник Губ. Жандармского Управления сообщил Департаменту полиции и Командиру Корпуса Жандармов о том, что служащие Управления С.-В. ж. д. постановили прекратить забастовку.

19 В Кафедральном соборе об‘явлен „Манифест 17 октября“.

Вечером состоялась демонстрация (500 чел.) с красными флагами и пением марсельезы.

Восстановилось движение поездов по линии Брянск—Москва.

21 В городском саду вечером состоялся митинг, а после него демонстрация (500—600 чел.), столкнувшаяся с патриотической манифестацией и рассеявшая ее.

На плац-парадной площади состоялся патриотический митинг.

22 Начальник Губ. Жандармского Управления сообщил Департаменту Полиции и Командиру Отд. Корпуса Жандармов, что в Калуге „наблюдается формирование приверженцев порядка и преданности государю“.

22—23 В г. Калуге произошли погромы. Разрушено 4 дома и 3 магазина.

22 В Перемышле распространялись эс-эровские и с.-д. прокламации.

Октябрь.

22—23 Из Губернск. тюрьмы по указу об амнистии освобождено 3 политических арестанта.

23 В с. Егорьеве-Илемне, Кременской вол., Медынского уезда, около церкви крестьянин подобрал около 10 прокламаций и в их числе „Приговор. Всерос. Крестьянск. Союза“.

Губернатор передал Н-ку гарнизона обязанность водворить в городе порядок силой оружия.

24 Губернатором выпущено об‘явление с указанием, что 23 октября пострадало от уличных беспорядков 20 чел., из которых один умер, и что по этому поводу производится дознание.

Губернатор телеграммой просил Командующего войсками Моск. Воен. Округа выслать в Калугу баталион пехоты и сотню казаков.

Забастовали опочный и литейный цехи Мышегского завода.

25 Возобновились работы на Мышегском заводе.

26 Губернатор просил Командующего войсками МВО возвратить из Тулы, высланные туда 2 роты 9 пех. зап. баталиона.

27 Прибыла в Калугу полусотня 21 Донского казачьего полка.

Губернатор приказал полицийместеру немедленно разгонять при помощи войсковых частей даже незначительные „толпы“.

28 Прокурор Окружного Суда обратился через „Губерн. Ведомости“ ко всему населению с просьбой, сообщить ему сведения о погромах 22—23 октября.

Аналогичное обращение выпустил и Губернатор с добавлением обещания ходатайствовать о назначении сенаторского расследования по поводу „якобы“ бездействия властей.

Вышло об‘явление Губернатора о том, что всякие попытки к разгрому и грабежу, как в городах, так и в усадьбах землевладельцев—будут немедленно прекращаться вооруженной силой.

Октябрь.

29 По постановлению Городской Думы совершено молебствие „О водворении мира и спокойствия в нашем городе“.

Предварительно Дума просила торговцев, на время „молебствия“, закрыть лавки.

Ноябрь.

1 Начальник гарнизона сложил с себя обязанности по водворению порядка в городе.

Ожидались беспорядки в Козельске.

4 На фабрике Исаева (в Боровском уезде) рабочие бросили работу и устроили собрание, на котором выступал неизвестный молодой человек, приехавший на фабрику вместе с бывшим рабочим А. В. Владимировым.

Вечером, после 6 часового прогула, работы возобновились.

4—5 Служащими Управления С.-В. ж. д. разослана (подписанная инж. Шаталовым) по линии, для собирания подписей, телеграмма — протест Министру Путей Сообщения и в газеты, по поводу ноябрьской ж.-д. забастовки.

5 В 8 час. утра рабочие фабрики Исаева, Боровского уезда, пред‘явили петицию хозяину.

7 Возобновились занятия в Женской гимназии Саловой.

8 2817 служащих и рабочих Управления и линии С.-В. ж. д. выпустили обращение к забастовщикам железнодорожникам с призывом прекратить забастовку.

Ожидались беспорядки в Спас-Деменске. Выслана рота солдат.

Крестьяне дер. Варушиц, Лихвинского уезда, разгромили дом, притеснявшего их сторожа помещика Прохорова, крестьянина Т. М. Шумилина.

9 В д. Новолоки, Сергиевской вол., Калужского уезда, в имении Дурново явились крестьяне

Ноябрь.

и пред'явили требование Управляющему о возврате их земли, якобы захваченной Дурново.

7 чел. крестьян д. Белой, Мосурской вол., Мосальского уезда, срубили на даче помещика Ипатова 89 деревьев, предварительно побив стекла в доме отказавшегося участвовать в порубке крестьянина.

В Боровский уезд отправлена рота солдат.

10—11 Работы на фабрике Исаева производились не всеми рабочими.

10 По сведениям полиции в этот день рабочие фабрики Исаева (Боровского уезда) намеревались снять с работы рабочих фабрики Александрова, Ежикова и Полежаева.

с 12 по 17 Крестьяне д. Юриной, Мосурской вол., Мосальского уезда, всем обществом произвели порубку леса землевладельца Владимирова при Юринском хуторе.

13 На сельском сходе в д. Дубровке, Грибовской вол., Жиздринского уезда, составлена петиция на имя „Бюро Всероссийск. Крестьянского союза в Москве“. В ней, среди других требований, имелось требование отмены смертной казни, в частности для Кронштадтцев.

Мошонский волостной старшина заявил Земскому Начальнику, что многие крестьянские общества волости подали приговоры о возвращении продовольственных капиталов.

Выяснилось, что приговор составлял священник с. Мошонок—Смирнов.

13—14 На эти дни, по сведениям Тарусского исправника, ожидался разгром имения Салтыково—М. Е. Голубицкой и усадьбы Гурьева—И. И. Нефедьева в Тарусском уезде.

14 Два уполномоченных от общества крестьян д. Яловки, Покровской вол., Калужского уезда, заявили приставу, что утром сход их постановил

Ноябрь.

срубить у т-ва Коншина, в местности „Бердяевка“, лес (около 7 дес.), так как раньше он принадлежал крестьянам.

15 Крестьяне Мошонской волости, Мещовского уезда, явились к Земскому Начальнику с требованием выдачи продовольственного капитала.

15—16 По сведениям полиции, крестьянин с. Перестряж, той же волости, Козельского уезда, А. Бородулин поехал делегатом на крестьянский с‘езд в Москву или Петербург и повез приговоры: Перестряжского, Бродского и Марьинского обществ.

16 В 7 час. вечера крестьяне с. Попеляево, Костешевской вол., Козельского уезда, явились на барский двор имения наследн. кн. А. А. Вяземского, потребовали от управляющего денег на ведро водки, угрожая разгромить усадьбу.

Деньги получили, но все же рубили и разбрасывали огородку именья и дома священника.

Полицийместер сообщил Н-ку Губ. Жандармского Управления о наблюдающемся в частях гарнизона брожении в связи с увольнением некоторых категорий в запас.

Рабочие фабрики Исаева толпою около 300 чел. явились на фабрику И. А. Александрова для остановки работ.

17 В д. Копановой, Козельского уезда, крестьяне разобрали хлебозапасный магазин.

Забастовала фабрика Александрова в Боровском уезде.

18 Губернатор на 2 часа дня назначил совещание для выработки плана действий для предупреждения и пресечения беспорядков.

Забастовали фабрики Ежова и Полежаева в Боровском уезде.

19 Калужским К-том РСДРП выпущена прокламация „К рабочим“.

Ноябрь.

В городском театре перед началом 5-го действия учащиеся в течение 5 минут требовали от оркестра играть марсельезу. Оркестр отказался. Учащиеся, идя из театра, пели марсельезу.

Сгорел барский дом в экономии помещицы С. П. Тетеревенковой при с. Куракине, Тырновской волости.

Депутаты рабочих фабрики Александрова подали хозяину петицию, заявив, что работать не будут до удовлетворения всех требований.

20 В д. Копановой, Козельского уезда сгорела хлебня. Крестьяне в тушении пожара не участвовали. Предполагается поджог с их стороны.

Крестьяне разобрали хлебо-запасный магазин в д. Нижних Прысках, Козельского уезда.

В 4 часа дня Калужские семинаристы из окна семинарии (в 3 этаже) выкинули красный флаг и пели революционные песни.

21 Новобранцы с. Ржавцы и д. Ястребовой дебоширили в именьи Тимашова-Берино (Жиздринского уезда).

В Боровский уезд направлено полроты солдат и 25 казаков.

с 21 по 26 Крестьяне д. Слободки, Перестряжской вол., Козельского уезда, произвели порубку леса у Булгаковой.

22 Новобранцы разгромили лавку Кривова в с. Ржавцах, Жиздринского уезда.

На этот день ожидался разбор хлебозапасного магазина в д. Нижних Прысках, Козельск. уезда.

Крестьяне с. Любыши, Улемльской волости, Жиздринского уезда, разгромили дом торговца Буденина, который вызвал из Дятькова 20 казаков.

Крестьяне с. Нижних Прысков прогнали из леса землевладельца Кашкина рабочих, на дороге заставили выпрячь лошадей возчиков картофеля от Кашкина на завод Цыплакова.

Ноябрь.

На сходе эти крестьяне заявили Земскому Начальнику и приставу, что больше никаких податей и повинностей платить не будут и что 23 ноября идут рубить лес Кашкина.

Получены сведения от Лихвинского Исправника о порубке крестьянами с.с. Покровского, Шлерцева и Акинышева, Лихвинского уезда, леса кн. Барятинской.

23 По распоряжению архиерея распущены по домам семинаристы.

Крестьяне д. Ивановской, Башмаковской вол., Малоярославецкого уезда, предупредили сторожа лесопромышленницы Черниковой, что они заберут себе весь ее срубленный лес (более 500 саж.).

23 (ночью) В Козельском уезде около 30 чел. крестьян ворвались во двор дома помещицы Ломакиной и перебили стекла. Требовали денег. Отогнаны арендатором имения Пестриковым, стрелявшим из револьвера.

24 Городская Дума выдала 1000 руб. в качестве вознаграждения „нижним чинам“, участвовавшим в охране города.

Крестьяне 1-го Попеляевского об-ва, Костешевской вол., Козельского уезда, начали рубить лес наследников кн. Вяземского.

Крестьяне д. Дудоровки всем обществом срубили 75 деревьев в лесу землевладельца Ерохина.

То же предполагали сделать крестьяне с-ца Синькова, Рыченской вол., Перемышльск. уезда.

В 6 час. вечера в имение Салтыково (Исканской вол., Тарусского уезда), Земского Начальника Голубицкого, явились крестьяне с угрозами разгромить усадьбу. Голубицкая с детьми бежала черным ходом. Крестьяне разогнаны.

24 Получены от Козельского Исправника сведения о порубке леса у помещицы Кавелиной и лык у Булгаковой, крестьянами д. Слободки, Козельского уезда.

Ноябрь.

Фабрикант Александров (Боровского уезда) дал ответ рабочим на петицию. Не удовлетворившись им, рабочие решили продолжать забастовку.

25 Губернатором разослан Исправникам секретный циркуляр об организации в ведении полиции летучих отрядов из вольнонаемных нижних воинских чинов за счет местных землевладельцев и торговцев.

25—26 Крестьяне дер. Вастов, Дудинской вол., Козельского уезда, толпой в 100 чел. в лесу помещ. Р. И. Шлиппе растащили 2.250 пуков лык, принадлежавших крестьянам с. Чернышина, Жиздринского уезда, А. Трошину и Я. Куприянову.

27 К помещику Степанову в с. Красном, Козельского уезда, явились крестьяне и потребовали денег на водку, не получив их, изломали изгородь и ворвались в дом.

28 Крестьяне с. Красного, Козельского уезда, потребовали у землевладельца Нестеровича приписки им 75 дес. земли. Толпа их разошлась по требованию урядника.

Состоялось собрание рабочих фабрики Исаева совместно с Александровскими рабочими.

29 В имении Нестеровича (Козельск. у.) крестьяне в доме разбили стекла и вынудили у него обязательство об уступке им 45 дес. земли.

Декабрь.

1 Открылось очередное Губернское земское собрание.

1—3 Крестьяне дер. Пузиково, Батищевской вол., Козельского уезда, произвели порубку леса на лесной даче „Климонтовская“ Булычева.

с 2 по 7 Крестьянами с. Сорокина, Козельского уезда' произведена порубка леса (около 40 дес.), принадлежавшего Жиздринским купцам Меньшиковым.

Декабрь.

2 (ночью) Крестьяне дер. Жильковой, Дудинской вол., Козельского уезда, произвели порубку леса и кражу заготовленних дров из лесной дачи помещ. Булгаковой.

3 Вышло обязательное постановление Губернатора о порядке хранения и продажи оружия.

На фабриках Боровского уезда достигнуто соглашение между рабочими и хозяевами.

4 В Лихвине крестьяне, приехавшие на ярмарку, в числе 400 чел. намеревались разгромить лавки, но благодаря противодействию полиции и войсковой команды, ограничились битьем стекол в винной и еще одной лавке.

Крестьяне с. Милятина, 1-й части, погорелой стороны начали разбирать забор в усадьбе кн. Юсуповой. Явившуюся полицию избили.

5 Губернатор выпустил об'явление о безусловном запрещении шествий, манифестаций, которые, в случае возникновения, будут подавляться силой оружия.

6 В редакцию с.-д. газеты „Вперед" от Калужских типографщиков Яковлевской и Земской типографий внесено 11 руб. для передачи „Петербуржским борцам за 8-ми час. рабочий день".

6 (ночью) В с. Алексеевском, Нелюбовской вол., Лихвинского уезда, толпа неизвестных побила стекла и рамы в доме землеваделицы Черемисовой.

8 Фабрики Боровского уезда пущены в ход.

С 8-го Крестьяне д. Курбатовой, Чемодановск. вол., Мещовского уезда, начали рубку леса в имении В. И. Бачи.

9 В Калуге состоялись собрания учредителей Калужских отделений „Союза 17-го октября" и партии „За царя и порядок".

11 В 1-м часу дня крестьяне д. Лотаревой, Сугоновской вол., Калужского уезда, В. М. Варфоломеев и д. Палухиной Д. С. Гаврилов, на площади

Декабрь.

с. Сугоново собрали крестьян разных деревень и произносили перед ними речи политического характера.

Общество крестьян д. Лютимки, Васильевской вол., Лихвинского уезда, произвели порубку леса кн. Барятинской („Александровский хутор“).

Около 11 — Крестьяне с. Гулево, Грязновской вол., Лихвинского уезда, начали порубку леса на даче „Виньково“, принадлежавшей бр. Киселевым.

12 — В 9 час. утра группа членов Калужск. С.-Д. организации сделала неудачную попытку снять с работы мастерские С.-В. ж. д.

Арестованы Кизик и Любимов.

В 11 час. утра другая группа членов С.-Д. организации пыталась вызвать забастовку в Управлении С.-В. ж. д., где состоялась сходка под председательством Фосса, призывавшего к забастовке.

После 12 час. служащие Управления распущены начальником дороги.

В 12 час. дня 30 реалистов после сходки старших классов явились в Николаевскую гимназию и потребовали у директора ее отпустить гимназистов, что и было исполнено.

Одновременно 5 реалистов добились роспуска учениц казенной Женской гимназии.

Ученицы Саловской женской гимназии распущены самим начальством.

По Калуге расбрасывались разного рода прокламации.

12 — Калужская губерния об‘явлена на положении чрезвычайной охраны. Начальник гарнизона вступил в начальствование над гражданской и военной частями.

12 (ночью) — Жандармами произведена ликвидация „преступного кружка“ в числе 13 чел. Обыски произведены у Фосса, Никифорова, Костина, Полонского, Владимирова, Иванова, Тоболина, Митина,

Декабрь.

Соловьева, Остроумова и Пшенай-Сиверина. Из них арестованы все, кроме неразысканных Фосса, Костина и Митина.

13—14 Прекращены занятия в Николаевской мужской гимназии, казенной Женской и Саловской гимназиях и реальном училище.

В ночь на 14-е. Жандармами произведены обыски у Акимова, Володина, Серганова, В. Баташова, Белоусова, Бровцева и Сурнина. Арестованы Акимов, Володин и Белоусов.

15 Вечером в Губ. Земской типографии Е. А. Колесников склонял рабочих к забастовке.

20 Крестьяне д. Глотово, Боровенской волости, Мосальского уезда, потребовали у Земского Н-ка выдачи продов. капитала.

Губ. Присутствие об'явило порядок выдачи общественных продов. капиталов и зерна из хлебозапасных магазинов.

Губернатор разослал исправникам циркуляр о доставлении именных списков на лиц, служащих по вольному найму в городских, общественных и земских учреждениях и замешанных в политической деятельности „особенно статистиков, учителей и фельдшеров“.

25 Содержавшиеся в Губ. тюрьме С.-Д. Акимов и Никифоров об'явили голодовку. Переведены в Боровскую тюрьму.

27 Губернатор циркуляром предложил исправникам установить самое тщательное наблюдение за возникновением революционных организаций.

Отстранен от должности на время чрезвычайной охраны учитель Грязновского училища И. И. Климов с воспрещением проживания в губернии на то же время.

28 Отстранен от должности на время чрезвычайной охраны врач Дудинской земской больницы Сидорский.

Декабрь.

Состоялось собрание Калужского Отделения „Союза 17-го октября“.

2-я половина декабря. Крестьяне с.с. Горки и Слободки, Песковатской вол., Лихвинского уезда, произвели порубку леса у землевладельца Т. П. Елагина при хуторе „Добрый колодезь“.

С. Херсонский.

Источники: 1) Архивный фонд Калужского Губернского Жандармского Управления. Дела 1905 г., особенно №№ 145 и 151.

2) Архивный фонд прокурора Калужского Окружного Суда. Секретные производства за 1905 г.

3) Архивный фонд канцелярии Калужск. Губернатора. Секретные дела II стола за 1905 год.

4) „Калужские Губ. Ведомости“ за 1905 г.

5) Статьи Д. И. Малинина в газете „Коммуна“ за 1924/25 г.г.

Указатель географический *).

*) Примечание: В указатели географический и личных имен не вошли названия, упоминаемые в хронике событий, по чисто техническим соображениям. — Ред.

Указатель личных имен.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Отдел I. — Статьи.

Отдел II. — Воспоминания.

Отдел III. — Материалы и документы. . . . . 363—410

Отдел IV. — Хроника.

ОПЕЧАТКИ.

Во время печатания сборника были замечены некоторые опечатки, допущенные частью по вине редакции, частью по вине типографии. Из них главнейшие:

Напечатано:	Следует читать:
На заглавном листе в некоторых экземплярах неправильно поставлены инициалы редактора сборника—	
Б. И. Тихомиров.	Б. Н. Тихомиров.
На стр. 3 вверху—	
Выпуск I.	Отдел I.
На стр. 6, в примечании 1, предпоследняя строчка снизу—	
Туган-Барановский — Русской фабрики.	История русской фабрики
На стр. 15, строчка 16 сверху—1882 г.	1886 г.
На стр. 19, строчка 16,—	
за неплатеж процентов—1101.	101
На стр. 50, примеч. 2, последняя строчка снизу—	
за 1888—94 г.	за 1888—97.

